

Ирина Шевченко

ОСТРОВ НЕВИНОВНЫХ

ГЛАВА 1

За спиной с натужным скрежетом сомкнулись створки ворот.

«Смазали бы их, что ли, — подумала Марти. — Три года назад не скрипели так».

Три года, четыре месяца и пять дней — занятно сложилось. Как нарочно подгадывали.

Она посмотрела на пустую пыльную дорогу, на знак автобусной остановки на противоположной стороне и подняла глаза к пасмурному небу. Будто отчиталась перед кем-то: вот, вышла. Что теперь?

В книгах герои, покидающие тюремные застенки, во всю глотку вопили «свобода!» или падали ниц, чтобы поцеловать землю. Но...

Вопить не хотелось. В воздухе разливалась душная, пророчившая дождь тишина, в которой тонули шорохи и редкие птичьи голоса, и казалось кощунством нарушить ее хотя бы коротким вскриком. По ту сторону ворот о тишине можно было только мечтать... А целовать землю? Нет уж, спасибо.

Постояв еще немного, словно существовало какое-то другое решение, Марти направилась к остановке. Туфли, ненювые, но удобные, с утра начищенные до блеска, покрылись серым налетом. Она рассматривала их, закусив губу и оттягивая момент, когда придется поднять голову и взглянуть на место, не так давно покинутое, а взглянув, выдохнула с облегчением и немного — с разочарованием. Просто стена. Рыжий кирпич. Рыжие же от ржавчины ворота. Спираль колючей проволоки поверху — тоже рыжая, в тон редкой выгоревшей травы у обочин. И всё.

Барб говорила, что Карго-Верде никого не отпускает полностью, тянет к себе, как огромный магнит, и притяжение ощущается даже спустя годы, даже за тысячи миль отсюда. Но, быть может, она говорила не о тюрьме, а обо всем острове. Или это касается лишь тех, кто не утратил способности чувствовать магию.

Марти если что-то и чувствовала — то приближающуюся грозу. Ветер усиливался. Знакомо запахло озоновым антисептиком. Плечо тянуло. Да и сгустившиеся тучи отнюдь не прозрачно намекали.

А автобуса не видно.

Ее предупреждали, что возможны задержки, если на конечной, у проходной консервного завода, не набирается достаточно пассажиров. А достаточно тех набиралось только с утра и вечером, во время пересменок.

Представив, что придется пройти три мили пешком, еще и под проливным дождем, перспектива снова оказаться по ту сторону ворот уже не казалась такой пугающей. Конечно, если вернуться лишь ненадолго. Пересидеть ненастье. Выпить чашечку чая с сестрой Лизой, та предлагала. Дождаться вечернего автобуса...

Должно быть, так и появляются байки о притяжении... Но нет.

Нет. Лучше и правда пойти пешком, подальше от рыжей стены, а автобус, если что, подберет ее на дороге.

Подберет ведь? Пусть шофер и догадается, откуда она идет, но не испугается же? С чего бы ему бояться миниатюрную блондинку в дешевом костюме и с небольшим, под стать ей, клетчатым чемоданчиком? Не бомба же у нее там? Только книга, смена белья, вторая юбка, зубной порошок и зубная щетка, которую она собиралась сегодня же выбросить, если успеет купить новую до закрытия магазинов. А если не успеет, то завтра...

Развлекая себя подобными мыслями, Марти отошла уже достаточно далеко от тюрьмы, а дождь так и не начался. Но и автобус не появился. Послышавшийся за спиной гул мотора обнадежил, однако стоило обернуться, как надежда сменилась разочарованием. Пришлось отступить к обочине, чтобы пропустить кативший в клубах пыли черный автомобиль. Вряд ли водитель выкажет желание подвезти бывшую заключенную...

Машина поравнялась с ней и притормозила.

Марти отступила еще дальше.

Когда открылась дверца, инстинктивно прижала к груди чемоданчик. Хотя, если бы вышедший из авто мужчина действительно хотел отобрать ее пожитки, сделал бы это одной левой. А правой саму Марти прихлопнул, будь у него такое желание. Не человек — медведь: высоченный, широченный, такой же лохматый. Бурый. Она как-то видела циркового медведя, тот катался на велосипеде, а этот, выходит, на автомобиле...

— Миз Аллен? — Голос у него был на удивление приятный, но плохо вязался и с массивной фигурой, и с грубыми крупными чертами лица. А вот неровный загар и густая щетина этому лицу вполне подходили. — Мартина Аллен?

Она неуверенно кивнула.

Подумала, опустила чемодан и кивнула увереннее.

— Мы знакомы? — уточнила исключительно из вежливости. Память у нее была отменная, и, если бы они прежде встречались, Марти его вспомнила бы.

— Нет. Но завтра должны были бы познакомиться. Вы ведь собирались в полицию?

Собиралась. По условиям досрочного освобождения ей надлежало зарегистрироваться в полицейском управлении Карго-Верде и далее еженедельно отмечаться у инспектора вплоть до окончания испытательного срока. Но человек-медведь инспектором быть никак не мог. Вернее, мог, но не в отделе контроля.

Он по-своему истолковал ее недоверие и отодвинул лацкан пиджака, продемонстрировав блестящую на груди звезду закона.

— Красиво, — признала Марти. — Но я предпочла бы увидеть удостоверение.

— Разглядите с такого расстояния? — хмыкнул «медведь». — Или все-таки подойдете?

Подошла. Не слишком близко, но достаточно, чтобы рассмотреть вклеенную в типовой бланк фотографию и прочесть имя и звание: Кеннет Фаулер, лейтенант, специалист по...

— Незаконное использование магии? — переспросила Марти. Хотела возмутиться, но вопрос прозвучал устало.

Лейтенант Фаулер виновато пожал плечами. Учитывая размах этих самых плеч, смотрелось комично и пугающе одновременно.

— В управлении Карго-Верде не так много сотрудников, миз, да и дел вроде вашего негусто. Поэтому контролирующего офицера назначают из числа тех, кто на данный момент свободен.

Видимо, случаи незаконного использования магии на острове тоже нечасты.

— Садитесь в машину, — предложил полицейский. — Поговорим по дороге. А то гроза начнется и вообще...

Над головой угрожающе гроыхнуло, и что там «вообще», Марти так и не узнала. Но отказываться от приглашения не стала. Туфель на смену у нее нет, ног — тем более, а разговор этот все равно состоялся бы.

Чемодан Фаулер устроил на заднем сиденье, а Марти предложил место рядом с водителем.

Она не спорила. Села впереди. Поправила юбку.

Слушала урчание мотора, смотрела, как катятся по стеклу первые редкие капли. Ждала расспросов и прокручивала в голове все сказанное на прошлой неделе перед комиссией. Если понадобится, сейчас повторит без запинки, что раскаялась, осознала, усвоила все нужные уроки и никогда впредь...

— Вы были в Алатру в шестнадцатом? — наконец-то заговорил Фаулер. Фраза прозвучала скорее утвердительно, нежели вопросительно, и плечо заныло сильнее, уже не факт, что из-за дождя. — Я читал ваше дело, да. Полк Челвика... Наш стоял западнее, на Ликардийской косе...

— Мне жаль.

Чтобы сказать это, ей не нужны были подробности. Каждый, кому не повезло оказаться в Ликардии летом триста шестнадцатого года, заслуживал соболезнований. Каждый потерял там что-то или кого-то. Друзей, сослуживцев, руку, ногу, слух, зрение, спокойный сон, разум, магию... Случалось, что все и сразу. Но чтобы совсем ничего — Марти не слышала о таких счастливицах.

— Мне тоже. — Фаулер неотрывно следил за дорогой, но уголок его губ дернулся, словно лейтенант пытался изобразить улыбку. — Говорят, отличный был курорт до войны.

Теперь там мертвая зона. За прошедшие шесть лет фон практически не восстановился — Марти читала об этом в газетах, которые хоть и с опозданием, но попадали за рыжую стену. Эксперты предрекали, что в ближайшие двадцать лет в Ликардии ничего не изменится. Другие, тоже якобы эксперты, только в иной области, утверждали, что случившееся станет уроком будущим поколениям, которые никогда не забудут и ни за что не допустят повторения трагедии. Но тот, кто хоть раз в жизни открывал учебник истории, слабо верил в подобное.

Уроков было достаточно. Только в последнюю Эпоху Огня, за каких-то триста двадцать два года, — три магических войны. Первая длилась одиннадцать лет. Вторая — семь. Третья, оставившая после себя Ликардийскую пустошь, сотни тысяч сирот и осколок смертельного заклятия в правом плече Мартины Аллен, — три года.

С каждым разом людям требовалось все меньше времени, чтобы понять, что они дошли до черты, за которой не будет победителей. Когда-нибудь они дойдут до нее слишком быстро и перешагнут, не успев ничего осознать. Мир погибнет в один день...

— Вы ведь не случайно проезжали мимо? — спросила Марти, глядя прямо перед собой и непроизвольно покачиваясь из стороны в сторону в такт движения стеклоочистителей. Те не справлялись с потоками воды, дождь лил уже как из ведра, и Фаулер сбавил ход...

— Не случайно.

Он не отпирался, но и не объяснил ничего.

Ничего сверх того, что уже сказал, заговорив о Ликардии. Ведь если бы продолжил, то наверняка вспомнил бы, что именно полк Челвика организовал прикрытие, чтобы вывести из-под купола смерти уцелевших. Что раненых отправляли в полевой госпиталь, который развернула приписанная к полку медицинская бригада. Что целители, от старшего хирурга до последней санитарки, до прибытия помощи двое суток провели без сна, спасая тех, кого еще можно было спасти...

Какой смысл говорить об этом?

Зачем Марти знать, что за долг отдает сейчас человек-медведь? Не ей — себе отдает, пусть и думает иначе.

Она не будет разубеждать.

Вот, в город доvez. Устроиться поможет. Подскажет, где купить новую зубную щетку...

А там и испытательный срок закончится. Год — это совсем немного.

Город Марти видела впервые.

Три года, четыре месяца и пять дней назад ее везли от парома окружной дорогой. Да и желания не было смотреть в маленькое зарешеченное окошко.

После в тюремной библиотеке нашлась карта острова. Город на ней расплывался вдоль южного побережья неровным пятном. В отличие от десятка мелких поселков, разбросанных вокруг, названия он не имел, но Марти к тому времени уже знала, что все, чему здесь не придумали иного имени, зовется Карго-Верде.

Остров Карго-Верде.

Город Карго-Верде.

Тюрьма Карго-Верде.

Лечебница Карго-Верде.

Квадратик тюрьмы на карте почти касался границ города. А лечебница — психиатрическая, и это казалось чем-то само собой разумеющимся, — располагалась на северной стороне острова. Довольно далеко, учитывая масштаб, и из этого можно было заключить, что заключенных тут опасались меньше, чем пациентов лечебницы. Правильно, наверное. В тюрьме Карго-Верде отбывали наказание женщины, осужденные за правонарушения средней степени тяжести или же за более тяжелые, но совершенные впервые или по неосторожности, и приговор учитывал некие смягчающие обстоятельства. Обычные в большинстве своем женщины, оступившиеся однажды и успевшие сотню раз раскаяться... Или нет. Но от них хотя бы приблизительно знаешь, чего ждать. Чем чревата встреча с душевнобольным — предсказать сложно...

А город?

Город как город. Ничего особенного.

В меру большой. В меру ухоженный.

Мокрый сейчас, но летние грозы тут скоротечны. Дождь вот-вот закончится, и улицы успеют высохнуть до наступления темноты.

— Мне дали адрес, где остановиться, — вспомнила Марти.

Лейтенант кивнул.

— Сказали, что нужно устроиться на работу, — продолжила она. — Это обязательно?

У нее были деньги. Собственный счет, открытый еще матерью. Его не конфисковали, и средств хватило бы на скромное жилье и пропитание на этот год.

— Обязательно, — не дал размечтаться Фаулер. — Программа адаптации и общественного контроля... Так, кажется...

Кажется. Директор Кроули говорила что-то похожее, зачитывая решение о досрочном освобождении. Нужно доказать, что она, Марти, способна жить в обществе законопослушных граждан и будет ему полезна...

Почему бы этому обществу не оставить ее в покое?

— Обычно город предлагает работу на консервном заводе, — сказал лейтенант. — Иногда приходят заявки от фермеров, которым нужны в хозяйстве лишние руки. Но я подумал, что с вашим опытом... В больницу требуются квалифицированные сестры. Это не совсем то, конечно...

Совсем не то.

Но и консервный завод не манил. Когда ветер дул с его стороны, тюремный двор наполнялся запахом рыбьих кишочек и тины, и заключенные отказывались от прогулок...

— Что представляет собой работа на ферме?

Фаулер остановил автомобиль и повернулся к Марти. Густые брови его сложились удивленным домиком, придав лицу выражение прямо-таки детской растерянности.

— Почему? В смысле...

— Не хочу в больницу. Хватило тюремного лазарета и... тех трех лет... Устала. От чужой боли. Да и от людей вообще. На ферме их будет не так много, наверное... Да?

— Не знаю, — после паузы признался лейтенант. — Но в любом случае не думаю, что вам это подойдет. Физический труд, он... А вы...

Взгляд, скользнувший по хрупкой фигурке Марти и задержавшийся на тонких, сцепленных в замок пальцах, был красноречивее слов.

— Есть еще одно место, — неуверенно проговорил Фаулер. — В городском архиве. Работа с документами, но специального образования не требуется, и людей там почти нет...

— Мне подходит, — поспешно согласилась она.

— Замечательно. Тогда я уточню условия и завтра свожу вас в архив. А сейчас покажу вам... э-э... квартиру...

Когда они вышли из машины, дождь еще продолжался, так что снаружи свое новое жилище — трехэтажную кирпичную коробку — Марти не рассмотрела. А внутри оно было весьма неплохим... В сравнении с тюрьмой.

— Автомат. — Фаулер указал на висевший у лестницы телефонный аппарат. — Звонки только по острову, зато бесплатно. К слову... — Он достал из кармана визитку. — На всякий случай. Тут номер управления и мой домашний...

— Спасибо.

— Если что-нибудь понадобится...

— Спасибо, лейтенант.

Для адаптации в обществе город выделил Мартине Аллен квартирку на втором этаже. На десяти квадратных ярдах, не обремененных лишними перегородками, разместились кровать, шкаф, стол, стул, умывальник и газовая плита на две конфорки. Из единственного окна открывался волшебный вид на стену соседнего дома. А «удобства», как, смущаясь, пояснил человек-медведь, располагались в противоположном конце общего коридора.

Видимо, кто-то здраво рассудил, что адаптация должна быть постепенной и не следует резко улучшать жилищные условия недавних заключенных.

— Спасибо, лейтенант, — в очередной раз поблагодарила Марти, когда Фаулер, присутствие которого делало комнату в два раза теснее, разъяснил, где тут лежит постельное белье и посуда. — Думаю, я разберусь.

— Но...

— Я хотела бы отдохнуть, простите. Если у вас больше нет вопросов...

Он остановился в дверях. Обернулся.

— Всего один, миз Аллен. Почему вы согласились признать себя виновной?

Этого вопроса Марти не ждала, но и врасплох он ее не застал.

— Потому что я виновна, — ответила она с кроткой улыбкой. — Но я раскаялась и обещаю никогда не повторять прежних ошибок.

Разочарование, промелькнувшее во взгляде Фаулера при прощании, было ей непонятно. Ведь говорила она совершенно искренне.

Виновна, да.

В глупости.

В недалёковидности.

В детской мечтательности, от которой к двадцати пяти годам другие уже избавляются, а Марти — не смогла. Слишком долго до этого приучала себя во что бы то ни стало верить в лучшее.

И Томми казался таким же мечтателем.

Он был на три года старше ее и почти на две головы выше. Темноволосый, зеленоглазый. Красивый, как статуи древних богов из альбомов, что он таскал с собой в папках с чертежами в память о мирной жизни...

В той жизни Томми был архитектором. Вместе с друзьями по университету работал над проектом нового выставочного центра. В первый день войны с теми же друзьями написал прошение о зачислении в инженерные войска. Добровольно, ведь повестку Томасу Энтони Стайну, лорду истинной крови, не прислали бы. Скорее его отговаривали бы, предлагали бы остаться в столице или отправиться на Священный Архипелаг... Но в роду Стайнов хватало наследников, чтобы всерьез переживать о судьбе младшего и последнего в очереди.

Все это Марти узнала далеко не сразу. Где-то через месяц после знакомства. А в первую встречу они и не разговаривали толком. Томми лежал на столе, а Марти стояла над ним со скальпелем...

На фронт она тоже попала добровольцем. Ушла с последнего курса медицинского и диплом получить не успела, но на второй год войны это никого уже не интересовало, и Мартина Аллен официально числилась хирургом полкового госпиталя.

После Томми сказал, что испугался, когда ее увидел. Худенькая и невысокая, с узким личиком и спрятанными под косынку волосами, она показалась ему совсем юной девчонкой, которая понятия не имеет, что делать. А Марти так и не призналась ему, что на самом деле тогда растерялась. Дважды.

В первый раз, когда увидела его ноги.

Жидкий огонь был одной из последних вражеских разработок. Дарнийцы заряжали им снаряды или разливали по земле, и та превращалась в смертельную ловушку... Томми повезло, что он не потерял сознание от боли и успел выбраться из очага до того, как огонь поднялся выше и распространился по всему телу, но ступни и голени выглядели воистину жутко. Три ожога в одном: термический, химический и магический...

Во второй — когда поняла, что наркоз не действует.

Лорды истинной крови невосприимчивы к анестетикам. Но разве Марти думала, что перед ней лорд? Лорд инженер-капитан? Она такого и в самых безумных фантазиях не представила бы. И дозу для инъекций взяла максимальную. Выждала положенное время и, уверенная, что все идет как надо, начала срезать остатки расплавленных сапог, обгоревшую ткань и лоскуты сварившейся кожи...

Тогда и увидела, что глаза у инженера зеленые. И открыты. По щекам слезы текут, а по подбородку — кровь тонкой струйкой из прокушенной губы.

У лордов болевой порог выше, чем у магов вне родов, не говоря уж о неодаренных, но все же не настолько, чтобы резать их на живую... А Марти резала. Выхода другого не было. Сон сплести у нее не вышло бы, а глушилки, как назло, оказались разряжены.

— Потерплю, — сказал Томми, когда она выпалила это скороговоркой. — Если... согласишься сходить со мной на свидание...

Марти не знала, сможет ли он вообще ходить, но в тот момент решила, что сделает для этого все возможное. И сделала.

Или только думала так, а на деле Томми был обязан выздоровлением свойствам собственной крови.

Тогда это казалось не важным.

Главное, ходить он мог. И свидание у них было. Затем второе. И третье. И...

Много всего было.

Та же Ликардийская коса. И после...

Тоненькое серебряное колечко, которое Томми достал из нагрудного кармана. А Марти приняла не задумываясь.

Но, если бы и задумалась, все равно приняла бы.

В то время все виделось иначе и жить хотелось как никогда. А доктора не давали гарантий, и война еще продолжалась...

...ровно месяц после того, как их обвенчали в полуразрушенном храме под далекие взрывы и умиленное всхлипывание госпитальных сестричек.

Еще через месяц Томми увез ее к морю. Купил домик в маленьком городке на юге, где их никто не знал. Сказал, что ему все равно, где жить, а Марти целители рекомендовали тепло и солнечные ванны.

На самом деле рекомендаций было намного больше, и она честно выполняла их все. Полгода. Пока не пришло первое письмо из столицы.

Матушка Томми с прискорбием сообщала, что его дядя по отцу и оба кузена скоропостижно скончались вследствие вероломной атаки дарнийских магов на Архипелаг... Не только дядя и кузены Томми — погибло двадцать магов, одиннадцать из которых были лордами. Едва прекратившаяся война могла возобновиться... Но обошлось каким-то чудом и усилиями дипломатов.

А скорбь матушки Томми очень уж походила на радость, ведь смерть родственников на несколько ступеней приблизила ее сына к месту главы рода.

Томми не рвался его занять. Говорил так.

Никто и не рассматривал его в этой роли. Иначе не позволили бы выбрать архитектуру, а отправили бы изучать финансы или право. И проследили бы, чтобы не попал на фронт. И жену ему подыскали бы подходящую.

Женитьбой сына леди Амалия Стайн была особенно недовольна и не постеснялась высказать это недовольство, нагрянув к ним без предупреждения.

Холеная красавица без возраста. Ледяная королева... Марти не знала, как к ней обращаться. А леди Стайн к Марти не обращалась никак. Она разговаривала только с сыном, которого называла безответственным мальчишкой, не оправдавшим надежд ни ее личных, ни покойного своего отца, ни деда, еще вполне живого... пока...

Томми извинялся после ее ухода. Говорил, что матери придется смириться с его выбором, ведь разводы у лордов не приняты.

Но леди Амалия никак не смирялась.

И Томми становился мрачнее день ото дня. Молчаливее. Дальше.

Когда он успел стать совсем далеким?

Сколько ни старалась, Марти не смогла найти ответа на этот вопрос. Хоть времени подумать у нее было достаточно. Три года, четыре месяца и пять дней...

Лорды не разводятся. Это так. Но закон и внутренние обычаи в ряде случаев позволяют им аннулировать брак. Например, если тот заключен обманом.

Полуслепому старику можно подsunуть на подпись брачный договор, а нотариуса представить торговым агентом. С молодым здоровым мужчиной такой фокус не пройдет, но если использовать приворот...

А приворот — это уже уголовное преступление. Воздействие на разум и волю.

Случайностью не объяснишь, штрафом не отделаешься...

Думал ли Томми о том, что ее ждет, или ему просто нужно было избавиться от неудобной супруги и не важно, какой ценой?

Ответа на этот вопрос Марти тоже не знала.

Все случилось быстро...

Арест. Камера. Допросы.

Знакомая подпись на заявлении о возбуждении дела.

Протокол клинико-магической экспертизы, подтвердившей, что Томас Энтони Стайн в течение неопределенного времени подвергался воздействию...

Марти не верилось, что все это — на самом деле. Она просила дать ей поговорить с мужем. Хотела, чтобы он объяснил все...

— Нам не о чем говорить, — бросил он, столкнувшись с ней в день слушания.

На вопросы обвинителя и адвоката в зале суда он отвечал так же коротко и сухо. В сторону Марти не смотрел.

Зато леди Стайн заливалась слезами.

Конечно, она с самого начала догадывалась, что что-то не так...

...но подобного и предположить не могла.

Но, если подумать, приговор — единственное объяснение. Разве иначе ее сын женился бы на такой?

Марти ведь немолода уже. Некрасива. Не может похвастать ни происхождением, ни хотя бы достойным воспитанием. И репутация у нее... Ведь все знают, чем занимались такие, как она, в военных лагерях...

Последнее было особенно мерзко.

Даже обвинитель поморщился.

И судья предупреждающе кашлянул в кулак...

Но и только. По остальным пунктам разногласий не возникло.

Бесплатный защитник, которого Марти выделили, и не пытался убедить суд в несправедливости выдвинутых против нее обвинений. Предлагал сразу признать вину. Быстрее будет. Проще. Приговор можно выхлопотать мягкий, с учетом ее, Марти, прошлых заслуг, и если напирать на то, что сделала она все не ради наживы, а исключительно под влиянием обуявшей ее страсти...

Марти обещала подумать.

И думала.

О том, что могла бы нанять другого адвоката. Связаться с фронтовыми друзьями и командирами, с наставниками из университета. Они не отказались бы ее поддержать. Вызвала бы свидетелей — тех, на чьих глазах разворачивался их с Томми роман, и тех, кто присутствовал на венчании. Священника, чтобы он подтвердил, что брак их был добровольным союзом и храмовые реликвии не почувствовали ни на женихе, ни на невесте сторонней магии...

Но нужно ли?

Если от нее решили избавиться, могут сделать это и другим, не настолько гуманным способом. А если какие-то древние правила не позволяют лордам крови убивать неугодных жен, выйдет и того хуже. Потому что разводы у них запрещены, и Марти

придется всю жизнь провести с человеком, чувства к которому умерли в один день.

Еще и с матушкой его...

Бесплатный защитник не обманул насчет приговора. Злонамеренное воздействие на разум и волю каралось тюремным заключением до двенадцати лет в зависимости от величины нанесенного ущерба, физического, материального и морального. Мартину, уже не Стайн, а снова Аллен, изучив перечень ее наград и состояние банковских счетов, приговорили к пяти. С правом досрочного освобождения по истечении двух лет.

Год назад она пыталась этим правом воспользоваться, но комиссия не сочла ее в достаточной мере раскаявшейся и готовой к возвращению в законопослушное общество.

Почему?

Скорее всего, потому что директор Кроули попросила. И в чем-то Марти ее понимала. Заключенных в тюрьме под две сотни. Охранники. Повара... А доктор — один. И сестра Лиза, толку от которой немного. Вот Марти и отправили отбывать наказание в лазарете. Неофициально, естественно.

Перед этим директор долго изучала ее дело, а после вызвала на личную беседу. Расспрашивала зачем-то о родителях, об учебе, тяжело ли было в полковом госпитале...

Потом вдруг начала рассказывать сама.

Война обошла остров Карго-Верде стороной, но все же коснулась его обитателей. Здешних мужчин, как и живших на материке, призывали на фронт. Женщины так же ждали. Консервный завод работал в три смены, выполняя повышенный план по заготовкам, а заключенные в тюрьме шили брезентовые палатки и мешки для трупов.

Сын Эдны Кроули вернулся в таком домой...

Никогда больше эта сухопарая женщина с седыми, коротко стриженными волосами, тонкогубым ртом и цепким взглядом холодных голубых глаз не позволяла себе подобных приступов сентиментальности. Но Марти запомнила тот разговор. И вопрос, прозвучавший в самом его конце, — тот же, что задал ей сегодня Фаулер.

— Откуда вам знать, что я этого не делала? — спросила тогда Марти.

— Я не знаю, — ответила директор Кроули. — Карго-Верде знает.

ГЛАВА 2

Как и предполагалось, дождь не затянулся.

Когда стихло журчание в водосточных трубах, а в окно, странным образом игнорируя преграду в виде близко стоящего соседнего дома, заглянуло солнце, Марти вспомнила о зубной щетке.

Действительно, нужно купить новую.

И вообще прогуляться.

Не то чтобы хотелось — она успела отвыкнуть от прогулок, от пространства, ничем не ограниченного, и отсутствия наблюдателей, — но надо.

Осмотреться. Ей ведь тут жить.

И щетку купить. И продуктов каких-нибудь. Или узнать, нет ли поблизости недорогого кафе.

Найти парикмахерскую. Одним из плюсов лазарета были ножницы, там их от нее не прятали. Марти наловчилась стричь себя сама и только вчера подровняла волосы по линии плеч. Вышло аккуратно, но в будущем лучше поручить это мастеру...

В банк можно не торопиться, наличных на первые дни хватит, но разведать, где он находится, не помешает.

И приглядеться к здешним магазинам: позже нужно будет приобрести что-то из одежды. Платье, быть может...

Ей многое предстояло сделать, и если думать сейчас обо всем и сразу, то можно и правда почувствовать пресловутое притяжение тюремных стен, за которыми нет подобных хлопот, а жизнь подчинена четкому распорядку.

Поэтому Марти долго думать не стала... Только о том, что при случае нужно прикупить еще и сумочку. А пока достала из чемодана завернутые в платок деньги и сунула в карман жакета. Во второй, закрыв дверь, положила ключ.

Прошла по длинному коридору. Спустилась по лестнице.

Было... страшно?

Нет. Другое.

Неловко.

Странно.

Дом казался пустым. Видимо, большинство жильцов были на работе в это время, а остальные тихо сидели по своим квартиркам.

Марти порадовалась, что не столкнулась ни с кем из них.

На улице ей встретился пожилой мужчина, и она невольно отступила, освобождая дорогу. В последний момент одернула себя, чтобы не отвернуться... к стене, которой тут не было, и руки свести за спиной...

Привычки?

Она и не подозревала, что обзавелась подобными.

А старик прошел мимо, старательно перешагивая лужи, и на Марти даже не взглянул.

После были другие прохожие. Мужчины и женщины. Дети, пробежавшие веселой ватагой... Марти уже не отшатывалась в сторону, лишь опускала глаза. Иногда она чувствовала на себе любопытные взгляды, но это любопытство не было подозрительным

или недобрым — просто мимолетный интерес, возникающий, когда видишь в знакомом месте незнакомое лицо...

Заблудиться Марти не боялась. Не с ее памятью.

Она прошла три квартала по прямой. Свернула налево. Уткнулась в окруженный кованой оградой парк, то ли муниципальный, то ли прилегающий к какому-нибудь частному особняку, и повернула направо...

Зубную щетку нашла в магазине с обещающей вывеской «То, что надо!». Там же купила крем для рук и маленькое махровое полотенце.

На кассе покупки сложили в бумажный пакет, и еще два квартала Марти прошагала, уткнувшись в него носом. Крем пах аптечной ромашкой, полотенце — свежестью новой ткани, а щетка — щеткой. И это было потрясающе!

Но не настолько потрясающе, как тот аромат, что на перекрестке едва не сбил ее с ног.

«Пироги тетушки Энн»...

Пироги!

С мясом. С капустой. С грибами. С яблоками. С рыбой. С клубникой. С сыром. С печенью. С яйцами...

Марти стояла перед вывеской и думала, что в мире, наверное, нет ничего, что нельзя было бы запихнуть в пирог.

С тыквой. С ревенем. С заварным кремом...

«Я должна попробовать их все», — сказала она себе. Задача выполнимая, учитывая, что в этом городе ей предстоит провести целый год. И начать можно немедленно.

Маленький и по-домашнему уютный зал кафе пустовал.

Марти неуверенно остановилась у входа, пересчитала накрытые клетчатými скатерками столики, но не выбрала ни один из шести и прошла к стойке. Присела на высокий табурет, устроив на коленях пакет с покупками. Откашлялась негромко, привлекая внимание того, кто чем-то шуршал в скрытом от глаз посетителей темном закутке.

— Минутку! — отозвался приятный женский голос.

Марти представила себе его обладательницу — тетушку Энн — в годах уже, но еще молоджавую крашеную блондинку, улыбчивую и пухлую, словно сдобная булочка. И обязательно — в кружевном передничке.

Когда плод ее воображения материализовался за стойкой, ни капли не удивилась.

— Новенькая? — с ходу полюбопытствовала «тетушка».

Марти поежилась под ее оценивающим взглядом.

— В каком смысле? — уточнила немного нервно.

— Недавно в городе?

— Первый день.

— Парома не было.

Прозвучало это... Кто бы знал, как оно прозвучало. И зачем.

Хотя можно догадаться.

— Не было, — согласилась Марти, сползая с табурета.

Ну и ладно. Переживет.

И не такое переживала.

— Да сиди ты, — вздохнула «тетушка» и, развернувшись, убрела обратно во тьму. — Уже и спросить нельзя.

Пока Марти гадала, что бы все это значило, толстушка вернулась и поставила перед ней чашку чая и тарелку с большим куском пирога...

— За счет заведения.

Это было до того странно, что стоило, наверное, встать и уйти. На всякий случай.

Но пирог...

Горячий еще. Румяный. С яблоками. И с корицей. Ароматный до умопомрачения. Тающий во рту...

Марти не заметила, как съела весь кусок, а потом собирала пальцем оставшиеся на тарелке крошки.

— Бернис, — с улыбкой представилась «тетушка», когда и крошки закончились.

— А кто же Энн?

— Прабабка моя. Умерла, когда я еще пешком под стол ходила. Но пироги по ее рецептам, даже не сомневайся.

— Не буду, — пообещала Марти. — Очень вкусно. Спасибо вам, Бернис.

— Всегда пожалуйста...

— Мартина.

— Пожалуйста, Мартина. И приятно познакомиться.

— Взаимно. Я... — Марти нащупала в кармане деньги. — Я не лопну, если закажу еще кусочек?

Мир сложен и многогранен. Как и создания, населяющие его.

Лорды истинной крови, издревле владеющие не подвластной никому, кроме них, силой, источник которой скрыт на островах Священного Архипелага.

Маги, плетущие свои заклинания из энергии стихийных потоков.

Ведуны-природники.

Оборотни.

Заклинатели духов.

Ученые, чьи изобретения, не несущие в себе и толики магии, способны соперничать с мощнейшими артефактами...

А есть обычные, казалось бы, люди, не наделенные ни магической силой, ни научным умом, но обладающие тем не менее воистину чудесными талантами.

Печь пироги, например.

Или рассказывать истории, от которых теплеет на сердце.

Или слушать.

И не задавать лишних вопросов.

Марти не планировала заводить друзей, а Бернис к ней в друзья и не набивалась. Только спросила, с сомнением поглядев на ее руки:

— На консервный?

Марти помотала головой, дожевала пирог и сказала, что инспектор обещал ей место в архиве.

— Дело, — закивала Бернис. — Джо не помешают помощники.

После шести, словно так тут было заведено, в кафе начали собираться посетители. Они рассаживались за столиками. Некоторые подходили к стойке. Говорили о чем-то своем с неизменно улыбчивой «тетушкой»...

Но Марти не чувствовала себя забытой.

Никто не чувствовал.

Бернис умудрялась уделить внимание каждому.

А когда кто-нибудь начинал с любопытством коситься на Марти, с радостью это любопытство удовлетворяла, не касаясь ненужных тем.

— Это — Мартина, — сообщала Бернис законопослушному обществу, в котором Марти благодаря пирогам почти уже адаптировалась. — Она будет работать у Джо.

После этой волшебной фразы Марти из незнакомки тут же превращалась в свою. При чем, как выяснилось, совсем не важно, кто произносил «заклинание».

— Это — Мартина, — сказала пожилая дама пришедшей позже подруге, тоже в годах и, видимо, глуховатой, потому что адресованные ей слова звучали на весь зал. — Будет работать у Джо.

И да, это сработало. Старушка заулыбалась, дружелюбно кивнула Марти и тут же о ней забыла, чтобы отдать должное выпечке.

Занятно.

Если бы подобное происходило в баре и все участники действия употребляли алкоголь, это легко объяснялось бы. Но в «Пирогам» не подавали ничего крепче кофе.

Откуда же тогда чувство легкого опьянения?

От людей, наверное. От общения.

В тюрьме Марти его не искала. Не испытывала такой потребности. Не вела душевных бесед с сокамерницами, не вступала в споры. Нескольких слов, сказанных коротко и по существу, обычно хватало. За ней закрепилась репутация молчуньи. Кто-то считал высокомерной стервой. Однажды бросили в спину презрительно «леди!»... и Мартина Аллен в первый и последний раз провела сутки в карцере как зачинщица драки. Синяки неделю еще сходили с лица, и ребра болели, но с разговорами уже не лезли...

Может, Бернис все-таки маг? Или природница, сдабривающая лакомства особыми травками?

Проверить это Марти не могла.

А вот убедиться еще раз в действенности волшебных слов возможность представилась.

— Новенькая? — спросила присевшая на соседний табурет женщина лет тридцати пяти.

Тон ее показался Марти вызывающим.

И внешность тоже.

Рубашка в клеточку. Брючки узкие. Вьющиеся каштановые волосы собраны на макушке в растрепанный пучок. И лицо слишком яркое даже без косметики. Глаза синие. Губы кроваво-красные. Ресницы и брови густые и темные...

— Я — Мартина, — попыталась Марти скопировать тон Бернис. — Буду работать у Джо.

И...

...что-то пошло не так.

— Мило, — проговорила незнакомка, выдержав долгую паузу. И по-мужски протянула раскрытую ладонь: — Джо.

— Простите, — пробормотала Марти, поняв, что ни о каких новых работницах ее собеседница до этой минуты понятия не имела. — Я...

— Ты-то тут при чем? — отмахнулась Джо. — Где этот пес?

Она посмотрела на застывшую за стойкой Бернис, а та указала взглядом куда-то за окно.

Джо выскочила на улицу, и Марти опять не удивилась: у кафе стоял черный автомобиль лейтенанта Фаулера.

Значит, сейчас во всем разберутся.

Только хорошее настроение улетучилось так же внезапно, как пришло, сменившись напряженным ожиданием.

В гневе Джоан Гарнет была страшна.

Так страшна, что любой, кто видел это однажды, в следующий раз предпочел бы оказаться на вершине извергающегося вулкана или в лодке посреди штормящего моря, только не рядом с разгневанной миз Гарнет.

На счастье Кеннета Фаулера, сейчас она была лишь немного... совсем немного раздражена. Иначе он успел бы завести мотор и уехать, прежде чем Джо запрыгнула на пассажирское сиденье его машины и захлопнула дверцу.

Стекло задребезжало. Но не треснуло.

— Прости, — сказал Фаулер.

Джо задумчиво посмотрела на свои ногти. Длинные. Острые. Покрытые алым лаком, но давно, так что тот уже облупился на кончиках...

— Ты же говорила, что не справляешься одна, — предпринял вторую попытку Фаулер.

— Зря.

— Что — зря? — осторожно переспросил лейтенант.

— Зря говорила, — хмуро отозвалась Джоан. Глянула на него исподлобья и выпалила сердито: — Вот скажи, о чем ты вообще думаешь? Сначала — мальчишка из психушки, теперь — девчонка из тюрьмы.

— Адам не из психушки.

— Да? То-то он бывает там чаще, чем в архиве. Помощничек!

Фаулер предусмотрительно промолчал.

— Я ведь действительно не справляюсь, Кеннет! Я уже готова спалить эти бумажки, потому что понимаю, что мне жизни не хватит, чтобы их разобрать. Мне нужны нормальные работники, а ты подсовываешь каких-то... убогих... Вот какой толк будет от этой бледной девицы?

— Она не девица...

— Мм? — Джо насмешливо вздернула бровь.

— Ей тридцать один, — объяснил Фаулер. — Просто выглядит... так... И она — военный хирург. В прошлом.

— В прошлом. — Джоан вздохнула. — Прошлое нужно отпускать, Кен. Тогда оно, быть может, отпустит тебя. А эта Мартина... Ее ведь не за проявленный героизм сюда отправили? Еще и запечатали.

— Запечатали ее не по приговору. Раньше.

— Срыв?

Лейтенант покачал головой:

— Отсрочка.

Осколочное ранение почти в самом конце войны. На первый взгляд не слишком серьезное. Но снаряд оказался с сюрпризом от дарнийских магов. Осколок извлекли, а нейтрализовать закрепившееся в месте поражения заклинание не смогли. То подпитывалось за счет собственной магической энергии жертвы и продолжало ее убивать. В случае Мартины Аллен, которая магом была не самым сильным, — медленно. Целителям хватило времени, чтобы разобраться, что к чему, и сделать то единственное, что еще можно было сделать, — запечатать каналы.

— Значит, если снять печати, она умрет? — спросила Джо, выслушав объяснения. — Печально. Хотя... все мы умрем однажды... И это — не та причина, по которой я впускаю ее в свою башню.

— Остров ее принял.

— Ой, я тебя умоляю! — Джо кисло скривилась. — Бернис всего лишь угостила ее пирогом.

— Но она ведь как-то попала к Бернис? — вкрадчиво проговорил Фаулер.

Нужного впечатления на госпожу архивариуса его слова не произвели.

— Все ходят к Бернис, — фыркнула она. — А ты должен был прийти ко мне. Если не до того, как пообещал этой невиннице место в архиве, то сразу же после.

— Я собирался.

— И что тебя задержало?

Он шумно выдохнул, но... Она ведь все равно узнает. И будет только хуже, если не от него.

— Труп.

Джоан нахмурилась. Впилась в Фаулера тревожным взглядом.

— Да, — подтвердил он. — Уже второй. Раннер просил придержать информацию до уточнения, но, как по мне, случаи полностью идентичны.

Убийства на острове происходили и раньше. Население города по данным последней переписи — семь тысяч с мелочью. Еще три тысячи человек проживали в поселках и на фермах. Не может столько людей обитать на ограниченном участке суши исключительно в мире и согласии, так что всякое бывало. И драки с поножовщиной, и семейные ссоры. Даже ограбления с летальным исходом для жертвы, а иногда — и для грабителей.

Но магией там, как правило, и не пахло.

А теперь вот второй случай за месяц. И снова бродяга из тех, что непонятно как попадают на Карго-Верде и неясно, на какие средства тут существуют. Мэр и шеф Раннер пытались выслать их обратно на материк, но оттуда строго погрозили пальцем: мол, после войны бездомных везде хватает, и вы потерпите.

— Мужчина. На вид от пятидесяти до пятидесяти пяти, — выдал скудную информацию лейтенант. — Документов при нем не было. Вещи еще проверят на наличие меток, но я бы не сильно рассчитывал.

— Способ тот же? — Джо задумчиво поскребла переносицу алым ноготком. — Обездвижили и выпустили кровь?

— Да.

— И след?..

— Такой же. Ощутимый, но... — Фаулер поморщился, кому нравится признаваться в бессилии и некомпетентности? — Не знаю, что его оставило. Может, оружие. Может, заклинание, которым вырубил жертву. Может, сам убийца...

— Ага. Погоди-ка. — Джо распахнула дверцу и высунулась из машины. — Эй, новенькая!

Мартина Аллен, не успевшая далеко отойти от кафе, замерла и с опаской обернулась на окрик.

— Купи будильник, — приказала ей Джо. — Заеду за тобой в девять. — Вернувшись на место, скомандовала уже Фаулеру: — Поехали!

— Куда?

— В морг. И не говори, что сам не собирался мне это предложить.

— Не скажу.

Спустя час они сидели на капоте его машины, смотрели на солнце, медленно тонущее в красно-лиловом море, и пили дешевое бутылочное пиво. Джоан чем-то нравился этот сорт, а Фаулер привычно не спорил.

— Странно, — проговорила она в который раз. — Очень странно.

Определить происхождение магического следа на трупе ей тоже не удалось. Как и в первый раз. Но тогда неудачу можно было списать на то, что тело обнаружили не сразу и с момента убийства прошло больше двух суток. Сейчас же в их распоряжении был вполне себе свеженький покойник. По заверениям патологоанатома, еще с утра бедолага был бодр и вполне здоров. Что, к слову, тоже странно: обычно бродяги страдают целым перечнем всевозможных болячек.

— Странно, — повторила Джо. — Но есть и хорошая новость.

— Какая?

— Тебе не отшибло нюх. Было такое подозрение. Или же... мы оба вдруг лишились способностей. Но тогда это уже плохая новость. — Она подняла бутылку к лицу, посмотрела на ту вприщур. В бутылке забулькало, а из горлышка повалил пар. — Не лишились, — констатировала Джо. — Значит, все-таки хорошая. Если не считать того, что у нас тут творится неведомая хрень...

Фаулер отобрал у нее бутылку с испорченным пивом, зашвырнул в кусты, а ведьме отдал свое.

Хотя называть Джоан Гарнет ведьмой было не совсем правильно. Дар природницы у нее сочетался со способностями мага-структурника. В пятнадцать лет ее даже отправили на материк, в какой-то университет, где подобных уникамов то ли изучали, то ли обучали, но через полгода, к радости одноклассников и неудовольствию учителей, Джо вернулась в школу Карго-Верде. Сказала, что в университете было скучно. Злопыхатели шептались, что ее оттуда выгнали, но другие, в том числе и Кен Фаулер, считали, что это остров ее не отпустил.

— Может, съездим на место? — спросила Джоан. — Ты сказал, его нашли у дороги к старому порту. Это всего в часе езды отсюда.

— Пока доберемся, совсем стемнеет. Да и был я там. Ничего. Дождь, конечно, размыл следы, но искажений фона нет. Отпечаток только на теле, как и в прошлый раз. Кровь не собирали. Если это — попытка провести какой-то ритуал, то она провалилась.

— Вторая хорошая новость, — подытожила Джо. — Что говорит Раннер?

— Он говорит: «Фаулер...» Брань опустить? Тогда он говорит: «Фаулер!» — а после долго и выразительно молчит. Мне не нравится, когда на меня так... молчат.

На бродяг Раннеру плевать. Пусть хоть все перемерут.

Только не так.

Нож в спину, камнем по голове... Возможно, и дела заводить не стали бы. А завели бы — повесили бы на такого же бездомного, первого, кто попался бы на краже или проникновении на территорию частной собственности.

Фаулер таких решений не одобрял, но не факт, что он о них вообще узнал бы. Его привлекали только тогда, когда была задействована магия. Не сказать, что это случалось слишком часто, но оклад свой лейтенант честно отрабатывал. То соседи сцепятся за спорный клочок земли и давай практиковаться в рецептах из прабабкиных фолиантов — кто на кого позаковыристее порчу найдет. То сомнительные артефакты с материка привезут. То заклятые подружки мужика не поделят. У кого-то любовь, у кого-то ненависть. Кому-то вороны мешают.

Смертельные случаи тоже были. Но не такие. Там все понятно было, а тут...

— Давай попробуем разобраться, — предложила Джо. — Что мы имеем?

Так в школьные годы она раскрывала перед Кенни Фаулером учебник по химии или физике и тем же терпеливым тоном пыталась донести до него смысл заковыристых формул. Правда, терпения ей хватало ненадолго, и тогда Джо принималась пинаться, обзывала его тупой псиной и лупила учебником по голове. Но это тоже помогало.

— Убиты двое, — начал Фаулер. — Мужчины. Не местные. Первого обнаружили при плановом обходе неделю назад в заброшенном коптильном цеху в районе старого рыбацкого порта. Второго — сегодня, у дороги к тому же порту. Гэри Бланк проезжал мимо на своем грузовичке. По его словам, хотел подобрать пару железяк, сарай подпереть. Сам бы он труп не заметил, но собака выпрыгнула из кузова и... Гэри вызвал наших, парни по инструкции проверили труп амулетами и тогда уже дернули меня. Я как раз привез миз Аллен, заскочил в участок и собирался к тебе... Вот. Следов, в смысле немагических, я не нашел. В первый раз было поздно. Во второй — дождь. Магический ты сама видела... Смерть в обоих случаях наступила в течение короткого времени от кровопотери. Жертвам затыкали рот, связывали... Способ фиксации и узлы не повторяются, положение тел разное. В первом случае использовали металлические конструкции цеха. Руки жертвы вытянули над головой, связали вместе, веревку обмотали вокруг трубы. Ноги развели в стороны и зафиксировали отдельно. Во втором случае жертву растянули... э-э... звездой. Использовали колышки, как для палаток... самодельные...

— Что говорит о том, что оба убийства наверняка спланировали заранее, — продолжила Джоан. — Вряд ли кто-то без дела шатается по острову с веревкой и колышками и раздумывает, к чему бы их приспособить.

— Бывает, подростки выбирают за город с палатками...

— Только не в район старого порта. Там нет пляжа. Но версию с подростками я не отметала бы. Мучают же некоторые из них котов и бродячих собак? А тут — бродячие люди... Стоит заскочить в школу, поинтересоваться, не замечали ли за кем-то из детишек подобных наклонностей в сочетании с неплохим знанием анатомии. Хотя расположение артерий можно и в справочнике посмотреть. А после проверить, как быстро человек истечет кровью, если перерезать плечевые и бедренные. Главное, нож поострее найти, чтобы одним росчерком — через одежду и до кости...

— Дарнийцы казнили так пленных, — хрипло проговорил Фаулер. — Видел однажды. Подвесили за руки, и...

...земля под телами размякла от крови. Он подошел, чтобы снять парня из своей части (тот был мальчишка совсем), поскользнулся и упал лицом в кровавую грязь...

— Кто-то еще мог видеть. — Джо словно невзначай коснулась его руки, возвращая в настоящее. — Или читать о подобном. Нам бы понять, каким образом их связывали. По

голове, чтобы вырубить и скрутить, судя по протоколу вскрытия, не били. Снотворное? В первом случае — точно нет, по второму подождем результатов экспертизы, но... сомневаюсь... Ведьмовские зелья? Их обнаружить труднее. Или магическая заморозка... Правда, след совсем не похож. Если убийц несколько, один мог угрожать жертве оружием, а другой или другие — связать. В одиночку и с пистолетом и с веревкой не справишься... И зачем? Зачем кому-то убивать бродяг? Если мы говорим все же не о детишках с извращенными наклонностями или каких-нибудь других...

— Психах, — закончил Фаулер. — Я думал об этом. У них там есть ветераны. Некоторые как раз после войны и того... Или во время. Все мы немного...

— Все, — мягко согласилась Джо. — Нужно проверить. А я поищу информацию о ритуалах с кровопусканием. Мало ли.

— Спасибо.

— Не за что. — Она усмехнулась. — Я же должна тебе за то, что подбрасываешь мне помощников. Кстати, дело этой Аллен у тебя? Дашь почитать? Интересно, за что ее отправили под крылышко к Эдне Кроули.

— Да там... мутная история...

— Тем более. Люблю мутные истории.

ГЛАВА 3

Тратиться на покупку будильника Марти не стала. Она всегда вставала рано, а за последние годы и вовсе не проспала ни разу. Режим, чтоб его.

Проснулась. Вскипятила воду, развела в надтреснутой чашке купленный накануне кофейный порошок. Намазала джемом зачерствевшую за ночь булку.

Без пяти девять уже спустилась на улицу, как и вчера не встретив никого из соседей. Вечером она слышала шаги в коридоре, хлопанье дверей и далекую музыку, но теперь дом опять казался нежилым.

Все ушли на работу?

И где эти все работают?

На консервном заводе?

О наличии на острове других более-менее крупных предприятий Марти не слышала. Чем же тут живут? Как?

Не то чтобы это всерьез ее занимало, но совсем ни о чем не думать трудно, а думать о том, о чем думалось, не хотелось. Вот и приходилось как-то себя развлекать в ожидании Джо.

Дурацкое имя. До знакомства с его обладательницей Марти была уверена, что Джо — это мужчина.

Хотя, когда кто-то говорит «Марти», тоже ведь не сразу разберешься.

«Тебя назвали в честь соседского мальчишки?» — пошутил Томми, услышав, как к ней обращаются в госпитале. Сам он никогда так...

Она тряхнула головой, отгоняя неуместное воспоминание. Да хоть бы и в честь мальчишки!

А Джо задерживалась.

Марти уже заподозрила, что о ней забыли и придется звонить лейтенанту Фаулеру, когда из-за угла показался старенький блекло-голубой «жучок». Однако управляла машиной не давешняя дамочка, а незнакомый молодой человек лет двадцати пяти.

— Миз Аллен? — спросил он, выскочив из авто. — Мартина Аллен?

Один в один вчерашняя встреча с Фаулером. Только на медведя, в отличие от лейтенанта, худощавый и светловолосый паренек ничем не походил.

— Я — Адам, — представился он. — Миз Гарнет просила за вами заехать.

— Кто?

— Миз Джоан Гарнет... Джо. — Он покраснел, будто сказал что-то неприличное. — Она занята в архиве. Просила извиниться, что не смогла приехать сама.

Маловероятно, что женщина, которую Марти видела в кафе, имела привычку извиняться, но вряд ли в городе была вторая Джо.

— Она дала мне свою машину, — с гордой радостью сообщил парень.

Однозначно не медведь. Разве что плюшевый медвежонок. Но скорее — щенок. Только хвоста не хватает, чтобы вилять им, пока говорит о любимой хозяйке.

А говорил о ней Адам много.

Повторил, что миз Гарнет занята и по этой причине попросила его забрать Марти, но не везти сразу в архив, а покатать по городу. Потому что Марти тут новенькая, а миз Гарнет

просто нереально добра... И, видимо, действительно занята чем-то важным, раз выставила разговорчивого помощника из архива и пожертвовала машиной.

Что ж, против экскурсии Марти не возражала.

Ей показали мэрию, банк, почту, больницу, кинотеатр, школу и стадион. Свезили на пристань. Быстро прокатили мимо полицейского участка и медленно — вдоль ограды городского парка.

— Тут мало интересного, — признался Адам таким тоном, словно лично строил этот город и теперь стыдится результата. — Если хотите, проедемся к маяку. Оттуда хороший вид. Иногда можно разглядеть берег материка. А в паре миль к центру острова есть развалины древнего храма. Двенадцатый век Эпохи Воды... Или девятнадцатый. Миз Гарнет рассказывала, она хорошо знает историю. А я, честно сказать, не очень...

— Вы тоже неместный? — предположила Марти.

— Да. То есть нет. Неместный. Мы здесь всего полгода. Сестре порекомендовали... Порекомендовали приехать сюда... — Парень стиснул губы, вцепился в руль побелевшими от напряжения пальцами и умолк. Надолго. Сделал еще круг по городскому центру: мэрия, кинотеатр, почта... — Вам все равно расскажут, — произнес он, на что-то решившись. — И расскажут не так. Вивиен не сумасшедшая. У нее есть определенные проблемы с общением и случаются такие... навязчивые состояния... Но и только. А здешняя лечебница похожа скорее на санаторий. Не то что другие... Мне есть с чем сравнивать, поверьте. В тех, других, такая гнетущая атмосфера, все мрачно, уныло... Вив там становилось лишь хуже. А здесь ей хорошо. На Карго-Верде вообще хорошая энергетика. Я — не маг, но... Это чувствуется, правда. Вы же слышали о теории распределения силы? Энергия распространяется по воде, а концентрируется на суше. На островах или на материках... Но на островах концентрация плотнее. Площадь материков больше, поэтому энергия рассеивается. А на мелких островах, как вот острова Священного Архипелага... Или на Карго-Верде, хоть он и не такой маленький. Но фон тут благоприятный. Поэтому на острове и построили тюрьму, а потом — лечебницу.

Связи между тюрьмой и энергетикой острова Марти не уловила. Ладно лечебница, тут без вопросов. Но тюрьма? Неужели правительство так печется о здоровье заключенных? Или фон острова способствует их скорейшему раскаянию и становлению на путь исправления?

— Мне миз Гарнет рассказывала, — сослался Адам на непререкаемый авторитет начальницы. — О теории распределения и об острове. Она много об этом знает. И вообще много знает. Обо всем...

Он вернулся к излюбленной теме восхваления бесподобной, умнейшей и добрейшей миз Гарнет и, казалось, напрочь забыл о больной сестре. Но теперь Марти чувствовала притворство в каждой фразе.

Нет, Джоан он восхищался вполне искренне. А вот с щенячьим восторгом переигрывал. Люди часто пытаются прятать боль под улыбкой. Год-другой тренировок, и маска прирастает к лицу, надежно скрывая истинные чувства от посторонних глаз. Адаму пока еще не хватало практики.

Они проехали все же к маяку. День, не в пример вчерашнему, был ясным и солнечным, море — спокойным, но разглядеть материковый берег не удалось. Адам объяснял это какими-то оптическими эффектами, о которых знал конечно же от миз Гарнет, но, поскольку сам он в этом, так же как в магии и истории, ничего не смыслил, дальше повторения услышанных когда-то фраз не ушел, и Марти мало что поняла.

Затем наконец-то поехали в архив. Тот располагался на центральной площади, недалеко от мэрии, и Марти удивилась, как не заметила его, проезжая тут в первый раз. Серая каменная башня — неширокая и невысокая, всего в два этажа, — действительно не сразу бросалась в глаза. Зато стоило обратить на нее внимание, как она вдруг выползала на первый план, затмевая все остальные здания. Марти убедилась в этом, пока Адам парковал машину на стоянке и когда они подошли к газетному киоску: башня была видна под любым углом, с любой стороны площади. Вернее, видна была преимущественно башня. Марти попробовала сфокусироваться на мэрии, но башня

продолжала маячить на периферии зрения. Повернулась к ней спиной — хитрая башня отразилась в высоких окнах банка.

— Входите. — Адам придержал тяжелую деревянную дверь. Странностей он то ли не замечал, то ли уже привык к ним. — Только не шумите. Если миз Гарнет еще работает...

Работала.

Сразу от двери начинался большой круглый зал. Много больше, чем можно предположить, глядя на башню снаружи. И не заставленный, а обставленный стеллажами и низкими каталожными шкафами, аккуратно и экономно, так что те ничего не загораживали, не мешали проходу и не заслоняли узких высоких оконеч, сквозь которые в помещение щедро лился солнечный свет, оставляя без дела подвешенные к потолку лампы. А в центре зала сидела за большим столом миз Гарнет, задумчиво морщилась, перебирала закладки в книгах, выписывала что-то и никак не реагировала на остановившихся прямо перед ней людей. Со вчерашнего дня она, казалось, не переодевалась и не причесывалась, и единственным изменением в ее облике был торчащий из пучка на макушке карандаш.

Марти кашлянула. Не удостоившись даже взгляда, постучала по столешнице.

— Станцуй еще! — рявкнула, не отвлекаясь от чтения, Джо.

Адам запоздало зашикал.

На него архивариус посмотрела. Страдальчески вздохнула и отложила книгу.

— Который час?

— Почти полдень, миз Гарнет, — отчитался парень. — Я показал миз Аллен город, как вы просили, и маяк, и...

— Могли бы погулять еще немного. — Женщина потянулась в кресле, откинулась на спинку и забросила на стол ноги в стоптанных спортивных туфлях. — Но не гнать же вас теперь, да?

Марти равнодушно передернула плечами. Хочет — пусть гонит. И сегодня, и завтра, и вообще до конца испытательного года.

— Размечталась, — фыркнула Джо. И встала.

Как-то... неправильно встала. Сразу. Вся. Притом что только-только практически лежала в кресле... и на столе частично...

Приблизилась к Марти, оказавшись почти на голову выше, и заглянула в лицо.

— Мыслей я не читаю, — сказала строго. — Но случается, угадываю. Двигаюсь нормально. То, что тебя озадачило, — эффект временного и пространственного искажения. Ты привыкнешь к башне, башня привыкнет к тебе, и это пройдет... Адам, — она обернулась к помощнику, — надеюсь, ты купил кофе?

— Нет. — Парень растерянно замотал головой. — Вы не говорили.

— Видимо, забыла. Но тебе же нетрудно смотаться к Шеймусу? И Мартине возьми стаканчик. Шоколадно-орехового, ей понравится. И к кофе что-нибудь.

Она не просила — отдавала приказы. А Адам и рад был их исполнять: в секунду выскочил за дверь, и Марти поспорить могла, что временные и пространственные искажения в данном случае ни при чем.

— Не верь мальчишке, — сказала Джоан Гарнет, проводив помощника взглядом.

— В чем?

— Ни в чем. На всякий случай. Адам не врет, честный малый, чего уж там... Но он рассказывает свою правду, а она сильно отличается от реальности. Он уже успел сообщить тебе, какая я замечательная?

— Я не поверила.

— Молодец, — с усмешкой похвалила Джо. — А о сестре говорил?

Марти кивнула.

— Я ее не видела, — сказала архивариус. — Понятия не имею, что у нее за проблемы. Но они с Адамом — близнецы. Дальше, думаю, объяснять не надо.

— Это ничего не значит, — осмелилась возразить Марти. — Энергетические связи близнецов, как и любые кровные связи, бывают разными по структуре и направленности потоков.

Она немало могла бы рассказать о близнецах: приятель-сокурсник болел этой темой. У него был брат-близнец, и приятель мечтал максимально усилить свою связь с ним, так что все аспекты магических, эмпатических и прочих связей изучил досконально и мог часами пересказывать различные теории. А Марти, на тот момент оставшаяся круглой сиротой, завидовала уже тому, что у него просто был брат...

— Избавь меня от этой заумной хрени, если не хочешь выслушать в ответ еще более заумную, — отмахнулась Джо. — Я тебя предупредила. Дальше — сама решай, считать Адама нормальным или нет. Просто постарайся не обижать его, хорошо? В любом случае он неплохой парень. А что до остального... Все мы немного двинутые, как говорит один мой друг. Адам, по крайней мере, не имеет привычки лапать документы жирными руками, как девица, что работала до него. И вчера он весь день был тут, со мной, а не бродил у старого порта...

К чему было последнее уточнение и с какой стороны оно характеризовало Адама, Марти не поняла, но решила, что это ей и не нужно. В конце концов, архив — временная работа, а Джоан Гарнет и Адам — временные люди в ее жизни.

— Пошли. — Джо поманила пальцем. — Покажу, чем будешь заниматься. Только не пугайся, бардак там жуткий.

Оглядевшись, Марти заметила уводящую на второй этаж лестницу, составленную из причудливо переплетенных металлических прутьев, изогнутой лозой стелившихся по стене.

— Э нет. — Архивариус покачала головой и ткнула пальцем в потолок. — Там — мои личные апартаменты. Частная собственность. Попробуешь сунуться — считай, что нарушила условия досрочного освобождения, и я сама отвезу тебя к Эдне. Ясно?

— Ясно, — нахмурилась Марти. Она, между прочим, и шагу не сделала. Не обязательно было напоминать о ее зыбком положении. — Тогда... в подвал?

— Тут нет подвала. Только второй этаж, первый, еще раз первый, снова первый, опять первый... Понятия не имею, сколько их всего. Подозреваю, что при желании можно докопаться до архивов Эпохи Сотворения. Но у меня такого желания нет. Поэтому поддерживаем в порядке этот первый, тут документы за последние сто лет, и пытаемся разобраться на ближайшем нервом, где мои предшественники устроили свалку с начала новой эпохи. Потому что неким му...жам ученым с континента пришла в головы гениальная мысль осенью нагрязнуть с ревизией. Идем уже.

«Все мы немного двинутые», — мысленно согласилась с недавно услышанным выражением Марти. Но спрашивать о чем-либо снова не стала. Пристроилась следом за Джо, которая неторопливо обходила по кругу зал...

...и уже на втором шаге провалилась в прохладный и пыльный полумрак. Споткнулась обо что-то, хотела вскрикнуть, но вместо этого замерла и с чувством выговорила:

— Твою ж мать!

— Я предупреждала, что тут бардак. — Джо явно наслаждалась эффектом. — погоди, сейчас свет включу.

— Но это... это...

— Башня, — торжественно представила миз Гарнет.

Марти почувствовала, что ее провели, как ребенка. В хорошем смысле. Как тогда, когда обещают карамельку, а приносят коробку шоколада.

В лечебницу Фаулер приехал к полудню. Можно было добраться быстрее, срезав путь через центр острова, но он выбрал дорогу вдоль побережья. Близость моря успокаивала, врывающийся в окошко ветерок освежал, думалось хорошо...

Но не о хорошем.

С молчаливого согласия шефа Раннера, другие полицейские дружно отмахнулись от этого дела. Убийства, да. Но магические же? Значит, не их забота, а отдела Фаулера. И плевать, что Фаулер и есть отдел. Со сбором информации и опросом свидетелей, если таковые отыщутся, обещали помочь, но доверия к этим обещаниям не было. Да и правда — какие свидетели? Маловероятно, что горожане хотя бы опознают погибших.

Бездомных в городе не жаловали и если зимой еще кое-как терпели, а некоторые даже подкармливали из сострадания, то летом бродяги уходили от греха подальше. Кормились тем, что море пошлет, обворовывали понемногу огороды или таскали кур...

«Поселки и фермы придется объехать», — мысленно составил пометку лейтенант. Но и это мероприятие было заведомо провальным. Даже если узнают. Даже если вспомнят, что убитые в прошлом месяце зарезали и съели любимую козу какого-нибудь фермера Джона. Потому что фермер Джон, захоти он отомстить за козу, попросту пристрелил бы обоих на своей земле и вызвал полицию. Или, если не верит в милость правосудия, скормил бы трупы свиньям, закопал бы, сжег, скинул в море... В общем, нашел бы, как от них избавиться, а не тащил бы еще живых бродяг к старому порту.

Не такие это были убийства. Не нормальные.

В убийствах в принципе ничего нормального нет. Но эти — совсем ненормальные. Как и тот, кто их совершил.

А где искать ненормальных на Карго-Верде — всем известно.

Притормозив у пропускника, лейтенант посигналил, высунулся из окошка и помахал дежурившему в будке охраннику. Тот махнул в ответ, и автоматические ворота медленно отворились.

Фаулера тут знали. В прошлом году он расследовал попытку кражи стабилизаторов фона — частично магических устройств, установленных по периметру территории лечебницы. В этом — несколько раз приезжал с Адамом. Был он знаком и с Лоуренсом Эверетом, человеком неместным, но почти считавшимся таковым: доктор приехал на остров лет двадцать назад и около десяти уже руководил лечебницей. Но начать стоило с того, что охранниками тут работали бывшие коллеги Фаулера. Платили здесь хорошо, и многие в Карго-Верде не отказались бы от такой работы, но Эверет ответственно подходил к подбору персонала и нанимал лишь тех, кто имел соответствующие навыки и опыт: полицейских, бывших военных — не просто воевавших, в таких сейчас недостатка не было, а настоящих обученных военных, — а еще больничных сестер и сиделок. С одной стороны, горожане получали хорошооплачиваемую работу. С другой — город лишился нужных людей...

Но эти проблемы не Фаулеру решать. Ему бы с убийствами разобраться.

— Здорово, Чип, — кивнул он, остановившись у будки. — Я к доктору Эверету.

— Давно пора, — хохотнул охранник.

Машину пришлось оставить и дальше идти пешком по присыпанным песком дорожкам, мимо ажурных беседок, аккуратных «курортных» домиков, пестрых клумб и журчащих фонтанчиков, стараясь не слишком пристально разглядывать попадавшихся на пути пациентов. Пожилая дама, гулявшая в сопровождении сиделки, подозрений не внушала. Два господина в летах, но еще далеко не дряхлые, — уже ближе. Как там сказала Джо —

один держит на прицеле, второй связывает? Или парень — ровесник Адама... А, нет, это — санитар. Хотя, когда работаешь с сумасшедшими, недолго и самому...

Самому вообще недолго. Как-то же попадают сюда? И не только те, чей разум расплющило войной. У каждого свои причины... Но мысль о том, что психа необязательно искать в психушке, Фаулер отогнал. Пока.

Доктор Эверет, предупрежденный охраной, ждал его на крыльце главного корпуса. По документам заведующему лечебницей было немногим за шестьдесят, но выглядел он значительно моложе и с момента первого появления на острове, кажется, практически не изменился. Фаулер подозревал, что без магии тут не обошлось. Или без краски для волос, ведь Эверет, как и многие целители, выдающимися магическими способностями похвастать не мог. Краска и притирания какие-нибудь. Потому что, даже если доктор от природы жгучий брюнет, к его годам седина уже должна появиться. И залысины. Но чего не было, того не было. Была густая шевелюра без проплешин, импозантные усики, высокий лоб почти без морщин, тонкий нос с горбинкой и внимательные черные глаза. Этакая профессиональная внимательность, словно перед ним потенциальный пациент, и, если бы невысокому и худощавому доктору не приходилось смотреть на полицейского снизу вверх, впечатление было бы полным.

— Добрый день, лейтенант. Что вас к нам привело?

Фаулер внутренне поежился от прозвучавшего в этом вопросе участия — такого же профессионального — и ответил мрачно и значительно:

— Дело.

На большее его не хватило. Тон беседе задавал Эверет. Не вышло обескуражить, заставить врасплох, спровоцировать на невольную откровенность.

Доктор мягко подтолкнул под локоток, приглашая пройти по узкой аллейке. Слушал внимательно. Отвечал спокойно и вежливо:

— Я понимаю ваши подозрения, лейтенант. Даже разделяю в чем-то. Человек, совершивший такое, бесспорно, имеет проблемы с психикой. Но среди моих пациентов его нет. И не будет. Я не работаю с подобными, не моя специализация. Люди, которые проходят лечение на Карго-Верде, в большинстве своем вообще не склонны к проявлениям агрессии. Они не опасны для общества. Скорее общество опасно для них, потому их близкие, а в некоторых случаях они сами выбирают нашу лечебницу. К сожалению, в умах обывателей закрепились в корне неверные ассоциации...

Он говорил, а Фаулеру оставалось только кивать.

— Если желаете, организую вам экскурсию, и вы сами убедитесь, что пациенты физически не могут покинуть охраняемую территорию. Только в сопровождении ответственного лица — родственника или кого-либо из персонала. Разрешение на выход подписываю я лично, лечащий врач или палатная сестра отмечают в распорядке больного дату и время, а охранник фиксирует уход и возвращение в журнале. Вчера, к примеру, таких прогулок не было, как и посетителей.

— Возможно, убитые были знакомы с кем-то из ваших пациентов? — Фаулер достал из внутреннего кармана сделанные полицейским фотографом снимки. — Или работников?

«Или с вами», — добавил про себя.

Эверет мазнул по фотографиям едва заинтересованным взглядом. Не узнал. Или же искусно притворился.

— Оставьте, — разрешил великодушно. — Я побеседую с персоналом. Что до пациентов... Вряд ли разумно показывать им портреты мертвецов. Если бы у вас имелись прижизненные снимки... Но это — нет, простите.

Фотографии Фаулер оставил. Задал еще несколько вопросов. Убедился, что запись посетителей тут также ведется, и заручился обещанием доктора предоставить ее при необходимости. И при наличии ордера, разумеется. Пребывание в лечебнице некоторых... да практически всех пациентов их семьями не афишировалось, и имена

родственников, а значит, и самих больных защищала врачебная тайна, нарушать которую Эверет без веских причин и соответствующих постановлений не собирался.

— Сожалею, что не смог быть вам полезен, лейтенант.

— Я тоже. Сожалею.

— Если желаете узнать что-нибудь еще...

— Я свяжусь с вами, если возникнут новые вопросы. А пока... Я бы повидался с миз Кейдн, с вашего позволения.

Чтобы посещение лечебницы не прошло совсем уж впустую.

Адам порадуетя вестям от сестры, да и самой Вивиен, возможно, будет приятно... Хотя в последнем Фаулер не был так уж уверен.

— Я предвидел ваше желание, — с улыбкой доброго волшебника заявил Эверет. — Прошу.

Через пару десятков ярдов тропинка, по которой они шли, заканчивалась, упираясь в маленький, огороженный диким камнем прудик. Вокруг рукотворного водоема медленно прогуливалась девушка в длинном белом платье. Сейчас Фаулер видел ее со спины, но эту тоненькую фигурку и невесомую поступь невозможно было не узнать.

— Не стану вам мешать. Всего доброго, лейтенант.

Дождавшись, пока Эверет отойдет достаточно далеко, Фаулер направился к девушке. По пути сорвал с куста алую розу. Женщинам ведь нравятся цветы? Большинству из них.

В пруду, лениво шевеля плавниками, плавали золотые карпы. Фаулер где-то слышал, что созерцание этих рыбин настраивает на умиротворяющий лад, но ему они навевали мысли о еде...

— Миз Вивиен, — позвал он негромко, чтобы не напугать.

Девушка обернулась. Тревога, мелькнувшая в больших голубых глазах, сменилась узнаванием, и по-детски пухлые губы приоткрылись в улыбке.

Лейтенант улыбнулся в ответ. Еще опасаясь приблизиться, вытянул вперед руку с розой, и Вивиен сама сделала шаг навстречу.

— Здравствуйте.

Голосок у нее был тонкий и нежный. Трепетный? Да, пожалуй. Если лейтенант правильно понимал значение этого слова.

Она вся была такая. Трепетная. Хрупкая. Ранимая... Настолько, что желание защищать это воздушное создание просыпалось внутри где-то на уровне инстинктов...

— Здра...

Он осекся, увидев, как девушка вдруг отступила назад.

В ту же секунду за спиной раздался грозный окрик:

— Вы!

Фаулер развернулся рывком: по тропинке к нему спешил, запыхавшись от быстрой ходьбы, грузный мужчина средних лет в форме полковника авиации, но с усами прямо-таки генеральскими.

— Вы из полиции! — выпалил он обличительно. — Я слышал!

Фаулер успел перехватить растерянно-извиняющийся взгляд Вивиен, прежде чем девушка скрылась за плотной стеной растущих на другой стороне прудка кипарисов. Вздохнул и вставил не отданную ей розу в петлицу.

Как раз и полковник подоспел.

— Вы обязаны вмешаться! — потребовал он, подступив вплотную. Пышные, присыпанные сединой усы грозно шевелились. — Это возмутительно! Неправильно! Совершенно неправильно, понимаете?

Следовало поискать кого-то из медперсонала, но лейтенант рассудил, что человек, которому позволено гулять без надзора, вряд ли опасен для себя или окружающих. А слова о чем-то неправильном и требующем вмешательства насторожили.

— Идемте, — приказал полковник и, уверенный, что его не посмеют ослушаться, зашагал впереди, показывая дорогу.

Далеко идти не пришлось.

За кустами сирени обнаружилась беседка, а в ней — еще один пациент. Мужчина в полосатом пижамном костюме стоял у мольберта с карандашом в руке, никак не решаясь начать рисунок, и, что именно в нем неправильно, Фаулер понял не сразу. Лишь обойдя беседку и взглянув на художника с другой стороны, увидел, что глаза у того завязаны платком.

— Вот! — возмутился полковник. — Вы должны арестовать его! Это же совершенно неправильно! Так нельзя!

— Можно, — спокойно откликнулся человек из беседки.

И начал... Нет, не рисовать — беспорядочно водить карандашом по бумаге.

Чего еще ждать от психа?

— Невероятная наглость! — продолжал негодовать полковник. — Вы умерли? Так отправляйтесь на кладбище! Или хотя бы ведите себя как приличный покойник!

Почему Фаулер не ушел?

Не смог.

Было во всем этом что-то действительно неправильное. И в возмущении усатого полковника. И в человеке в пижаме. И в рисунке.

Да, это все-таки был рисунок. Непрерывная кривая, изогнутая и изломанная сотни, тысячи, а то и сотни тысяч раз, превращалась в портрет. Женский. Достаточно четкий, чтобы по нему опознать ту, что изображена на нем. Фаулер точно опознал бы...

Но художник, сорвав повязку, придирчиво всмотрелся в рисунок, и смятый лист полетел на пол.

— Так-то лучше, — успокоился полковник. — Но все же вы — неправильный мертвец.

— Да, — глухо отозвались из беседки. — Я знаю.

— Почему вы — мертвец? — вмешался в странный диалог Фаулер.

— Потому что я умер, — ответил художник. Он был далеко еще не стар. Худ. Небрит, отчего казалось, что лицо его измазано угольной пылью. В темных волосах, остриженных коротко и неровно, поблескивала седина, а тонкие пальцы с обгрызенными ногтями нервно подрагивали. — Погиб весной шестнадцатого года.

— Вам повезло, — неожиданно для себя вывел Фаулер. — Могли дожить до лета.

— О, лето шестнадцатого! — подхватил полковник. — Ликардийская коса, да...

Художник молчал. Не дожившим в тот год до лета нечего вспомнить о Ликардии.

— Лейтенант. — Доктор Эверет, словно из воздуха появившийся рядом с беседкой, укоризненно покачал головой. — Я не вижу тут миз Кейдн.

— Простите, я...

— Я вас провожу, — доброжелательно улыбнулся доктор.

Почти дойдя с ним до ворот, Фаулер отважился на вопрос:

— Тот человек назвал себя мертвецом. Почему?

Эверет мог прикрыться врачебной тайной. Но не стал.

— Так бывает, — проговорил медленно. — Наш разум — это механизм, и иногда он дает сбой. Тот человек действительно мог погибнуть на войне. Получил тяжелое ранение... Но его вылечили, причем довольно быстро, и за несколько месяцев он, как говорят, вернулся в строй. Прошел всю войну, был представлен к наградам. После — демобилизован. Начал обустриваться в мирной жизни, встретил прекрасную девушку... А потом что-то случилось, и разум вернул его в момент ранения и создал некую новую реальность, в которой никто не пришел на помощь. И человек умер. В своем воображении, естественно. Но тем не менее... Некоторое время он и вел себя как умерший. Не ел, не пил, не реагировал на происходящее вокруг. Имел все шансы превратить болезненную фантазию в реальность. Но его удалось поднять на ноги... так сказать... Однако сознание продолжает противиться тому факту, что он жив. Он не помнит, что было с ним после ранения. Не ест, не пьет и не спит, если этому не поспособствовать. Но, видите, начал выходить из палаты и даже проявляет интерес к творчеству... Это успех, я полагаю.

Фаулер полагал, что вся история была рассказана, чтобы дать Эверету произнести последнюю фразу. Доктор отчаянно, просто невыносимо гордился собой, и гордость эта требовала признания.

— А что с полковником? — поинтересовался, используя момент, лейтенант. — Тоже военная травма?

— Нет. Но случай интересный. Вы ведь не сделаете его достоянием общественности? — Доктор вспомнил о целительской этике и засомневался. Но не сдержался. Опять. — Господин полковник в войне не участвовал. Сломал ногу незадолго до ее начала и известие о вероломном нападении Дарнии получил, находясь на больничной койке. Однако в стороне он остаться не мог. Следил за ходом боевых действий, читал газеты, слушал радиосводки... И да, также создал для себя иную реальность, в которой его эскадрилья вела ожесточенные бои с противником. К счастью, это вскрылось до того, как он оправился от травмы и должен был вернуться в свою часть. Так что полковника вовремя изолировали.

— Зря, — искренне сказал Фаулер. — Он мог неплохо послужить империи. Как и другие отважные безумцы.

— Возможно, — не спорил доктор Эверет. — К слову, о войне и ее последствиях. Надеюсь, вы простите мне небольшую бестактность, но в городе я случайно, совершенно случайно, узнал вашу историю. Видимо, вы обмолвились не в той компании, и слухи...

Он был пьян в тот вечер. Свински пьян. Отвратительно свински пьян.

Но лучше бы выпил еще больше и не мог даже языком ворочать.

А язык, как назло, и не заплетался даже.

Теперь весь город знает.

Кто-то сочувствует. Кто-то злорадствует. Кто-то вот с психиатрами делится.

— Мы могли бы обсудить это, — предложил Эверет. — Если хотите.

— Не хочу, — буркнул Фаулер. — И не захочу. Всего доброго, доктор.

ГЛАВА 4

Неудивительно, что Марти не сразу поняла, куда попала.

Во-первых, она давно уже не чувствовала магию.

Во-вторых, никогда не бывала в подобных местах, только слышала о них или читала.

В-третьих, в тех рассказах и книгах не обязательно говорилось о башнях. Это могло быть любое строение, от уютного семейного особняка до укрепленного по всем правилам замка. И называли их просто — дома.

Сначала лорды истинной крови строили дома на Архипелаге. На маленьких островках, наполненных энергией, для масштабных сооружений не хватало внешнего пространства, и приходилось выкручиваться, преобразовывая внутреннее.

После дома появились и на материке. И на других островах, как выяснилось. Главное, чтобы месту хватало силы и нашелся лорд, который сумеет эту силу должным образом использовать, ведь даже самый сильный маг не способен на пространственные преобразования.

— На Карго-Верде был лорд?

Джо с улыбкой, обещавшей еще немало сюрпризов, покивала головой:

— У Карго-Верде был лорд. Свой. Собственный. Лорд Карго-Верде.

Марти недоверчиво хмыкнула.

Звучит красиво, не поспоришь, но остров слишком велик, чтобы быть вместительным родовой силы. По теории распределения энергии, о которой вспоминал сегодня Адам, плотность накопленной энергии тем больше, чем меньше площадь острова. А истиннокровные связаны с родовыми островами, и уровень силы лорда зависит от того, сколько энергии за короткое время он способен вобрать по связующим каналам. На островках размером с акр концентрация энергии такова, что магия от них сама движется по каналам, как вода под высоким давлением по водопроводным трубам. А чтобы выкачать силу, распределенную по такому большому острову, как Карго-Верде, придется подождать... Пару дней, наверное.

Марти представила лорда... Такого гипотетического лорда, который взялся, к примеру, сплести заклинание огня, занес руку над свечой... И ждет.

Ждет, ждет, ждет...

Долго придется ждать.

Маги вне родов тянут энергию отовсюду и копят ее в себе, а лорды могут брать лишь у островов. Но они не жалуются: ни один маг не соберет в себе столько магии, сколько способен накопить остров.

— Все учебники вспомнила? — ухмыльнулась Джо.

— Лишь некоторые, — созналась Марти.

— Думаешь, в них есть ответы? Лорды — настолько недалекие ребята, чтобы разложить свои секреты по полочкам, подписать и выставить на всеобщее обозрение?

— Вряд ли.

— Вот и я о том. Мы ничего о них не знаем. Почему они — лорды? Что такое «истинная кровь»? Наша тогда что, поддельная? И магия островов. Если остров — это колодец, который может вместить лишь определенный объем воды, то да, чем меньше его площадь, тем уровень воды выше, и черпать из такого колодца, естественно, легче. Ведром. Но это — если считать, что способности у всех лордов равные. А что, если их сила все же разнится и у кого-нибудь вместо ведра был насос?

— Вы о лорде Карго-Верде? — догадалась Марти. — Тогда он был самым могущественным лордом, раз уж мог тянуть энергию такого большого острова. Насосом.

— Именно! Лорды с Архипелага ему в подметки не годились. Сама сравни: какие-то люпики с ведрами и мужик со здоровенной мощной штуковиной!

Грубоватой шутке Марти улыбнулась не из вежливости: порадовало определение лордов с Архипелага. Позлорадовало. А когда она заметила за спиной Джо замершего с вытянутым лицом Адама, очевидно недавно вернувшегося и слышавшего только последние несколько слов, все-таки рассмеялась.

— Ты быстро. — Джо с невозмутимой миной обернулась к помощнику. — А мы тут обсуждаем различные теории магии.

— Я так и понял. — Не глядя ей в глаза, Адам протянул картонный стаканчик с крышкой. — Ваш кофе. Со сливками и без сахара. — Второй стаканчик отдал Марти. — Шоколадно-ореховый. И я купил печенье...

— Отлично! — Джо хлопнула в ладоши. — Пять минут — перерыв на кофе. А потом за работу, и пока не разберем тот угол, — она кивнула на груды пыльных коробок, — я вас отсюда не выпущу.

Звучало как угроза, но в жизни Марти случались вещи и пострашнее бумажных завалов. К тому же тут было интересно. Жаль только, узнавать башню и о башне придется через других.

Очень жаль.

Казалось, она свыклась с потерей способностей, стала забывать, каково это — даже не использовать магию, а просто чувствовать ее. И вдруг, через столько лет, накрыло ощущение беспомощности и ущербности. Печати давили так, что хотелось сорвать их, и, в отличие от тех, кому каналы перекрывали в наказание, она могла это сделать. Всего лишь очень сильно пожелать и надрезать кожу в нескольких местах, чтобы выступила кровь. Или расцарапать...

Давно у нее не было подобных мыслей. Когда-то они посещали часто. Практически жили в ее голове. Были с ней в камере предварительного заключения, мешали отвечать на вопросы в зале суда, забивали шум волн, когда паром вез ее на Карго-Верде.

Но тогда она думала не о магии — о смерти.

Останавливало понимание, что смерть эта будет мучительной. Марти была слабым магом, и, чтобы осколок проклятия разросся и наконец-то убил ее, ждать пришлось бы несколько месяцев.

Но сейчас она в башне, построенной лордом, и силы этого места наверняка хватит, чтобы в считанные секунды напитать спящую на плече смерть. Только умирать уже не хотелось. Лишь почувствовать опять...

— Как тебе кофе? — Джо словно специально задала вопрос, чтобы отвлечь от опасных размышлений.

Кофе был восхитителен. Крепкий, с густой пенкой и насыщенным ароматом. Кофейную горечь разбавлял мягкий привкус молочного шоколада и тертого лесного ореха...

— Откуда вы знали, что мне понравится именно этот? — спросила Марти.

— Я не знала. — Архивариус пожала плечами. — Карго-Верде знает... За работу?

Работа отличалась от того, что Марти успела себе представить. Навести порядок в помещении и привести в порядок документы — разные вещи, как оказалось. И хорошо, что Джо решила не проводить каталогизацию архивов заново, а только проверить их соответствие тем каталогам, что уже были составлены прежними архивариусами. Хоть они ей и не нравились. Каталоги. Якобы были слишком поверхностными и не соответствовали современным системам классификации... Или классам систематизации? Марти понимала лишь то, что сама никогда не разобралась бы. В лучшем случае

протерла бы полки и вымыла полы. Но Джо объяснила, что это бесполезно: у башни свое понимание чистоты, и пыль не исчезнет, пока документы не займут законные места на полках.

— Если бы мои предшественники не складировали тут бумаги, а сразу расставляли как нужно, этот первый ничем не отличался бы от самого первого. Но какой-то умник решил, что документы, которым больше ста лет, никому не понадобятся... Вот и имеем, что имеем, — два этажа разрухи. Более ранние архивы, кстати, в намного лучшем состоянии. Я доходила до пятнадцатого века прошлой эпохи. В смысле ногами доходила. Руки до них вряд ли когда-нибудь дойдут...

— Там, наверное, и информация о лорде Карго-Верде есть, — протянула Марти. Она так и не поняла, действительно ли Джоан Гарнет в этого лорда верит или ее рассказы сродни байкам для туристов.

— Наверняка есть, — согласилась архивариус, но всерьез или в шутку — снова неясно. — Я бы поискала, будь у меня в запасе сотня-другая лет. Или если бы древние архивы были нормальным образом каталогизированы...

Все проблемы из-за каталогов. Или — из-за их отсутствия. Или — из-за неправильного их составления. А еще из-за того, что назначаемые городом архивариусы назначались таковыми в основном потому, что были достаточно сильными магами, чтобы взаимодействовать с башней, относились к этой работе как к неким дополнительным, не слишком важным обязанностям, и почти никто не стремился постичь тонкости архивного дела. А в результате — неразбериха в бумагах и опять же неправильно составленные каталоги.

— Вы — маг? — запоздало поняла Марти. Осознание собственной неполноценности снова царапнуло, снова налились тяжестью печати. — Структурница?

Джо удивленно вздернула бровь, и чувство небольшого, но все-таки удовлетворения немного разбавило горечь сожалений.

Только объяснять свои выводы Марти не стала. Не придумала с ходу, как сказать и не обидеть... Просто вспомнила идеальный порядок самого первого этажа и поняла, что поддерживать подобный под силу лишь занудам-структурникам с их склонностью разбирать на составляющие формулы веществ и заклинаний, перетасовывать компоненты и снова выстраивать идеальные матрицы. Стихийники не такие. Они более... стихийны... И, глядя на миз Гарнет, особенно на ее прическу, легче верилось в то, что она именно стихийница...

Но каталоги!

Каталоги — это прямо-таки тест на магическую принадлежность.

Кто бы сказал, что это настолько сложно.

К примеру, свидетельство о регистрации брака, заключенного в пятьдесят втором году между Джозефом Винхемом и Адель Брез, было внесено в реестр свидетельств о браке — раз, в реестр документов за пятьдесят второй год — два, в общий каталог под буквой «В» от фамилии «Винхем» — три, в общий каталог под буквой «Б» от фамилии «Блез» — четыре. А также в общий каталог под буквой «П», в раздел «Приехавшие с материка», так как господин Винхем, оказывается, был неместным, а поскольку приехал он в сорок седьмом году из Линато...

Голова кругом! А главное, кому это нужно?

Однако Марти была не в том положении, чтобы спорить с установленными правилами, а в архиве все равно лучше, чем было бы на консервном заводе, на ферме или в больнице.

От работы отвлек приход посетителя.

— Хватит на сегодня, — решила Джо, почувствовав в башне постороннего. — Адам, задвинешь обратно неразобранные коробки?

— Конечно, миз Гарнет.

Марти хотела предложить свою помощь, но архивариус уже взяла ее за руку и вывела на свет самого первого этажа.

— Он справится, — заверила с улыбкой. — К тому же мужчины очень не любят, когда женщины берутся им помогать. Помню, в школе сняла одного мальчишку с дерева, куда его подвесили старшеклассники, так он две недели со мной не разговаривал. Возможно, и до сих пор не простил.

Марти хихикнула, но в следующую секунду заметила сидящего за столом лейтенанта Фаулера и настороженно притихла.

Полицейский пришел не из-за нее. Или не только из-за нее.

Поздоровался. Поинтересовался, как ей работа... А сам нетерпеливо постукивал пальцами по столу.

Марти заверила, что все прекрасно, и попрощалась. С Джоан — до завтра, а с лейтенантом — как получится.

— Зачем было рассказывать ей о дереве? — угрюмо спросил Фаулер, когда миз Аллен ушла, оставив их с Джо наедине.

— Почему бы и нет? Во-первых, я не называла имен. Во-вторых, проверила свою догадку. Ты до сих пор не простил.

— Простил, — буркнул он. — Как отомстил, так и простил.

— Отомстил? Когда это?

— Джефри Снайз, выпускной класс, раздевалка после футбольного матча... Не помнишь?

Костяшки кольнуло — как сейчас почувствовал столкновение кулака с самодовольной физиономией Снайза...

— Ха! — сказала Джо. Подумала и еще раз сказала: — Ха! Считаешь, я сама не разобралась бы с этим полудурком?

— Сама, угу... — Он раздраженно ощерился. — Знаешь, в чем твоя проблема? Ты слишком... Слишком сама!

— Считаешь, это моя проблема?

Из горла вырвался рык. Вот как, как с ней разговаривать?!

— Эй, — она дернула за рукав, — с чего завелся?

Будто мало причин...

— Видела сегодняшний «Маяк»?

— Видела. — Джо кивнула на свернутую газету, затесавшуюся среди разложенных на столе книг. — Адам купил. Но еще не читала. Рекомендуешь?

— Первая полоса, не пропустишь.

Он купил газету просто по привычке сразу же, как вернулся в город. Собирался заскочить в участок, но, ознакомившись со свежей прессой, решил, что встречу с шефом лучше отложить до завтра. А если получится, то до следующей недели.

— Да уж. — Джо сморщила нос. — Вэнди разошлась не на шутку. «Шеф Раннер не справляется», «Куда смотрит Раннер?», «Возможно, полиции Карго-Верде нужен новый начальник»... Крепко она на него взъелась. Но есть и хорошая сторона.

Джоан Гарнет во всем умела находить хорошую сторону. Относительно хорошую.

— Если бы это писала не бывшая подружка Раннера, а твоя, было бы хуже, — выдала она. — «Лейтенант Фаулер не справляется, давайте принесем его в жертву морским богам и попросим у них защиты, раз уж полиция не может нам ее обеспечить»... А?

Фаулер страдальчески вздохнул:

— Поверь, Раннер и сам догадается, кого принести в жертву. Вот какого он связался с этой Вэнди?

— Предлагаешь законодательно запретить полицейским и чиновникам спать с газетчиками?

— Было бы неплохо. Теперь эта обиженная дура не уймется.

— Почему сразу «дура»? — усмехнулась Джо. — Статейка занятная. Сенсационная по островным меркам. Не очередной пьянчуга в сортире утоп — целый маньяк у нас тут.

— Маньяк, ага, — зло подтвердил лейтенант. — Цирюльник. Где она откопала этого цирюльника? Видимо, там, где пьяницы топятся!

— А мне нравится. Цирюльники раньше практиковали кровопускание, так что и с фантазией и с логикой у Вэнди полный порядок. И звучит ничуть не хуже, чем Антенский мясник или Вилопский потрошитель. Даже как-то интеллигентнее. Цирюльник с Карго-Верде... Неплохо ведь? Мне интереснее, где Вэнди взяла фотографии?

— Понятия не имею. — Фаулер непроизвольно похлопал себя по карману, в котором лежали такие же снимки, что красовались на первой полосе «Маяка». — Но Раннер найдет виноватого, не сомневайся.

У них с шефом и без того отношения не слишком гладкие. Фаулер сам виноват. В первый год после войны, когда вернулся на остров, не сумел сразу приспособиться к законам мирного времени. Где-то что-то превысил... Однажды — очень сильно, и, если бы на Карго-Верде были другие спецы по правонарушениям с использованием магии, Раннер еще тогда написал бы рапорт...

— Все будет хорошо, — обнадеживающе улыбнулась Джо. — Разберешься с этим делом, и Вэнди сочинит о тебе хвалебную статью на три разворота. Раннер слюной захлебнется. Лучше расскажи, что узнал в лечебнице.

Рассказ много времени не занял. Периметр охраняется, пациенты под присмотром, выход-вход — строго по записи.

— Значит, ничего? — огорчилась Джо.

— Не совсем. Помнишь, я рассказывал о защите в лечебнице? Среди пациентов есть маги, поэтому там установлены глушилки, а самым больным вводят химические блокаторы... Мне кажется, я сегодня видел таких... заблокированных... Даже не понял, кто из них, но это было похоже... Не совсем, но чем-то похоже на наш след. Тот, что на трупях, обрывочный такой...

Как и его объяснения. Но Джо всегда понимала с полуслова.

— Хочешь сказать, мы не смогли распознать след, потому что его оставил маг с заблокированными, а вернее — приглушенными способностями? — сформулировала она. — Стоит проверить. И если психи под контролем, мы возвращаемся к детишкам... Так?

— Да, — признал он нехотя. На войне приходилось видеть всякое, но думать, что совсем молодые ребята, росшие на мирном острове, способны на такие зверства, было неприятно. Как будто лично он, Кеннет Фаулер, сделал что-то не то. Или не сделал. — В городе всего трое с ограничителями, если не ошибаюсь.

Как правило, потенциальных магов и ведьм выявляли в десять — двенадцать лет. Случалось, раньше. Случалось, позже. Некоторые исследователи связывали проявление способностей с началом полового созревания. Другие, из приверженцев теории

разумности магии, отталкивались от понятия этой самой разумности: мол, сила не дается тем, кто еще не дорос до того, чтобы ею управлять. А у государственной системы контроля имелся собственный взгляд. Не важно, когда проявились способности, но по закону пользоваться ими в полной мере можно было только по достижении девятнадцати лет и после сдачи в специальной комиссии тестов на устойчивость и самоконтроль. До этого возраста юные одаренные носили ограничители и постигали основы основ. Если выдерживали итоговое испытание — продолжали учебу или, в тех случаях, когда сила дара была невелика, возвращались к обычной жизни. Если заваливали экзамен, ограничители сменялись печатями...

— Трое, — подтвердила Джо. — Бесси Миллер всего одиннадцать, и на лето ее отправляют к родне на материк. Остаются Роджер Кирк и Люси Адамс. Ему семнадцать, ей — почти восемнадцать. Оба должны быть сейчас на острове.

— Несовершеннолетние. Придется договариваться с Райнером и вызывать их повесткой вместе с родителями.

— Тебе нужна эта головная боль?

— А какие есть варианты?

— Мол.

Он озадаченно сморщил лоб и тут же получил по голове увесистой книжкой.

— Мол, Фаулер! — Джо постучала кулаком по лбу. В этот раз — по своему. — Не говори, что тебе память отшибло. Лето. Каникулы. Старшеклассники собираются вечерами у мола. Музыка, танцы, выпивка... Уверена, наша парочка тоже там будет. И если мы, проезжая мимо, остановимся, чтобы узнать, все ли в порядке... Полицейский ты или как? Посмотрим на деток, сравним впечатления...

— Мол, — повторил он. — Сегодня?

— А смысл тянуть?

— Значит, ты поедешь со мной на мол?

— И что тут такого?

Фаулер мстительно усмехнулся, но ответить не успел.

— Здравствуйте, лейтенант, — послышалось из-за стеллажей. — Простите, я не хотел мешать...

— Здравствуй, Адам. Как ты?

— Хорошо, я... — Парень робко покосился на Джо.

— Сегодня можешь быть свободен, — разрешила она.

— Спасибо, я... Я не собирался подслушивать, но... Вы были в лечебнице? — Глаза у него были большие и тревожные, такие же, как у сестры. — Вы, случайно, не видели...

— Видел, — кивнул Фаулер. — Поговорить не получилось, но, мне кажется, у миз Вивиен все в порядке.

Адам ответил неуверенной улыбкой.

— Если бы я знал, что вы туда собираетесь, то я... если бы миз Гарнет разрешила...

Джо закатила глаза.

— Завтра, — выдохнула тяжело. В последовавшую за этим паузу вместились мысленное и весьма пространное рассуждение о том, насколько дорог ей и сам Адам, и его сестра, и посмевающий упомянуть лечебницу Фаулер за компанию. — Можешь взять машину. Заправишь. Потом помоешь и снова заправишь.

— Спасибо, миз Гарнет! — просиял парень.

— Полный бак, — мрачно добавила Джо.

— Конечно! Спасибо вам большое!

— Пусть бы и сам там проверился, — пробормотала она, глядя на закрывшуюся за помощником дверь. Обернулась к Фаулеру: — Так что ты хотел сказать?

— Ты едешь со мной на мол.

— И?

— Ты говорила, что в жизни не пойдешь со мной на мол. — Он довольно хмыкнул: не так часто ему удается подловить Джо Гарнет. Если честно, то никогда. — Я тебя звал, а ты... Помнишь? А сегодня сама предложила.

— Кажется, ты что-то путаешь, — заявила она самоуверенно. — Я никогда не отказываюсь от своих слов. И, в отличие от тебя, хорошо помню, как именно звучали эти слова.

— Я тоже.

— И что же я сказала?

— Ты сказала...

Он умолк и озадаченно почесал макушку.

— Я сказала: «Не в этом веке, Фаулер!», — с победной улыбкой напомнила Джо. — Нам было по пятнадцать. Сейчас — триста двадцать второй. Значит, тогда был... А?

— Двести девяносто восьмой, — признал поражение лейтенант. — Прошлый век, угу.

— То-то же! Я безумно хочу есть. Поэтому сейчас — к Милли, а когда стемнеет — на мол. Фаулер не спорил. Как спорить с женщиной, которая всегда права?

Путь от городского центра к дому, где ее поселили, был неблизкий, но Марти не роптала. Дорогу она запомнила и после нескольких часов возни с пыльными бумажками не прочь была прогуляться и подкрепиться.

Ноги сами привели к «Пирогам тетушки Энн».

Часы показывали без четверти семь, и посетителей в кафе было немало. Люди приходили и уходили, одни располагались за столиками, другие — заказывали выпечку с собой, но все это происходило спокойно и размеренно, без единого намека на толчею и суету. Для Марти, как и вчера, нашлось место у стойки.

— Рада тебя видеть, дорогая, — приветливо улыбнулась Бернис. — Как прошел первый рабочий день?

— Неплохо.

— Устала? Ничего, чай с лимоном и мясной пирог тебя взбодрят.

Вообще-то Марти собиралась заказать яблочный, так понравившийся ей накануне, но возражать не стала. Ведь и вчера она не выбирала, взяла то, что предложили, и осталась довольна.

И сегодня...

— Бернис, можно задать вам один вопрос?

— Всего один? — лукаво прищурилась толстуха. — Ты уверена? Погоди-ка...

Она скрылась в закутке, где, видимо, было окошко в кухню, и спустя несколько секунд вернулась с обещанным чаем и пирогом. Значит, у нее есть помощник. Но как она передает ему заказы? И как он успевает выполнять их так быстро?

Да уж, одним вопросом тут не обойтись.

Но расспрашивать о пирогах Марти не будет. Пусть появляются из ниоткуда, ароматные и желанные, именно с той начинкой, о которой ты, сам того не ведая, мечтал. В мире должны оставаться чудеса и тайны.

— Бернис, я второй день тут и совсем ничего не знаю... О городе. Об острове... Хотя на самом острове я давно, но...

Ей было безразлично. Тюрьма могла находиться где угодно, в любой части империи или мира, — какая разница, если для Марти все равно существовали бы только камера, огороженный решеткой двор, столовая, лазарет и библиотека, в которой она дежурила раз в месяц? Она не стремилась разузнать что-либо о Карго-Верде. Спихватилась уже в последние дни, когда ей объяснили условия досрочного освобождения. Но местные в тюрьме находились по другую сторону решетки и не слишком стремились к общению. Марти узнала, как ходит автобус, получила ключ от квартиры и бумажку с адресом. И все. Да еще Барб, подававшая без пяти минут бывшей заключенной прощальный завтрак, присела на уши с рассказами о непреодолимом притяжении. Возможно, стоило поверить женщине, которая десять лет назад сидела в Карго-Верде за мелкую кражу, после освобождения уехала на материк, а потом вернулась, чтобы правдами и неправдами выбить себе местечко на тюремной кухне...

— Хороший остров, — заверила Бернис. — Тебе здесь понравится.

— Многим нравится? Таким... — Марти бегло огляделась, но если кто-то и прислушивался к их разговору, то делал это незаметно. — Таким, как я? Оттуда?

— Нет. Дамы «оттуда» редко задерживаются. Если по условному, испытательный срок отбывают и уезжают. Но оно и хорошо. Представь, если бы каждая оставалась? Остров-то не бескрайний.

— А я? Вы сказали, что мне понравится. Откуда вы знаете?

— Я не знаю...

Марти подобралась.

— ...Но ведь уже понравилось, да?

— Пока не поняла, — солгала Марти.

— Поймешь, — пообещала Бернис. — И об острове все, что нужно, со временем узнаешь. Но с такими вопросами лучше к Джо обращайся. Она не кусается, только рычит иногда. Зато про Карго-Верде больше всех знает. Архивариус же. И сама по себе любопытная. Ее и спрашивать не нужно — сама расскажет.

— Уже рассказывала.

— Про лорда? — понимающе улыбнулась Бернис. — Любит она об этом поговорить. Только слушать некому. Народ у нас не шибко образованный. Про храм еще знают и про монастырь, что при храме был. Но такое стыдно не знать, как-никак название острова от этого пошло.

— От храма?

— От монастыря. Женский был монастырь и школа при нем — для девиц из благородного сословия. Невинных, само собой. Их сюда с материка свозили, прятали от соблазнов большого мира. Так потом на картах и отметили — Остров невинных. «Верде» на древнем алайском, на нем в те времена все карты писались.

— Интересная история.

— Легенда это. Как и лорд с его башней. Но людям нравится.

— Башня — не легенда.

— Вполне возможно, и остальное тоже, — согласилась Бернис.

Она отвлеклась на других посетителей, а Марти уткнулась в тарелку и не поднимала глаз до тех пор, пока не разделалась с огромным куском пирога.

Когда толстуха освободилась, Марги решила на еще один вопрос:

— Что означает, когда кто-то говорит «Карго-Верде знает»?

— Просто поговорка.

Марти, не ожидавшая, что ответ будет настолько простым, растерянно захлопала ресницами.

— Чужак скажет «мне кажется» или «я так думаю», а наши — «Карго-Верде знает», «Карго-Верде говорит», — пояснила Бернис. — Вроде как остров с ними разговаривает, понимаешь? Хотя с кем-то, может, и разговаривает. Появляется сама по себе какая-то чуйка: что сделать, как сделать... Но с чего оно так — кто знает?

«Карго-Верде», — мысленно ответила Марти.

Бернис, успев нырнуть в закуток и вернуться, поставила перед подошедшим к стойке пожилым мужчиной тарелку с пирогом.

Марти не слышала, чтобы посетитель делал заказ.

ГЛАВА 5

Рыбный ресторанчик с оригинальным для такого типа заведений названием «Золотая рыбка» открылся в год, когда Фаулера демобилизовали. Новое место тут же стало одним из любимых у Джо наряду с «Пирогами», кофейным домиком Шеймуса и сосисочной на пристани. Джоан Гарнер вообще любила поесть, хотя, глядя на нее, вряд ли кто-нибудь мог это заподозрить. Одно слово — ведьма.

В «Рыбку» она вытаскивала Фаулера частенько, и за четыре года у них появился тут «свой» столик в углу, откуда хорошо просматривался весь зал, кроме входа: его загораживал огромный аквариум с карпами. Видимо, именно этих карпов лейтенант и вспомнил сегодня в лечебнице, глядя на их плавающих в пруду собратьев, отсюда и ассоциации с едой.

Второй после карпов достопримечательностью заведения была Милли — яркая фигуристая брюнетка, владелица и метрдотель ресторанчика. Его лицо, так сказать. И ноги. И все остальное, на что приходили поглазеть даже те, кто терпеть не мог морепродукты.

Третьей — приготовленные по особому рецепту жареные креветки.

Четвертой (для Кеннета Фаулера) — поедающая креветок Джо. Она могла съесть пять порций за один присест, и не потому, что порции тут были маленькие, сделать перерыв на отвлеченную беседу, а после заказать еще. Если к концу ужина у Фаулера в тарелке что-нибудь оставалось, она беззастенчиво отбирала и это.

Однако сегодняшний визит в «Рыбку» отличался от всех предыдущих. Креветок Джо заказала всего две порции, да и с отвлеченными разговорами не задалось.

Впрочем, о деле тоже не говорили. Съездят на мол, присмотрятся к Роджеру и Люси и будут знать наверняка. А до этого — что толку строить версии?

Фаулер и сам не знал, на какой исход надеется. С одной стороны, ему хотелось поскорее закрыть дело. С другой — не верилось, что к убийствам причастны подростки. На войне он видел семнадцатилетних мальчишек. Они убивали. И их убивали тоже.

Но то была война. Другая жизнь и мальчишки другие.

С теми лейтенант нашел бы общий язык. Как подступиться к тем, что соберутся к ночи у моря, — понятия не имел. Попытался представить их себе, а видел гогочущих парней, шутки ради подвесивших его, семилетнего, вверх ногами на дерево в школьном дворе. Или себя самого и своих одноклассников накануне выпускного: дури в головах хватало, а у некоторых там ничего другого в те годы и не было.

О чем с такими говорить? Но придется.

В ресторанчике они с Джо просидели дотемна.

Когда над морем взошла луна, а звезды засияли в полную силу, отправились на мол. Точнее, к молу. Молодежь собиралась на залитой бетоном площадке, от которой начиналась уходящая в море широкая каменная насыпь, возведенная еще в позапрошлом веке. Машины выставляли кругом, включали фары, настраивали радиоприемники на одну волну...

По самому молу прогуливались только отчаянные романтики. Чем не испытание чувств — рука об руку, дрожа от ветра и шурясь от брызг, дойти до установленного в голове каменной змеи сигнального огня? А в шторм на мол выбирались безголовые смельчаки. Некоторых вылавливали потом в бухте. Некоторых уносило в открытое море.

Фаулер остановил машину у обочины и, опустив стекло, прислушался к доносившейся со стороны моря музыке, смеху и неразборчивым голосам. Ничего подозрительного. Ничего нового. В их время было так же. Разве что машин поменьше и музыка другая...

— Я подойду один, — сказал он Джо. — Поздоровуюсь, спрошу, как дела. Предупрежу, чтобы были осторожнее, наверняка ведь слышали об этом цирюльнике... Присмотрюсь.

Если понадобится твоя помощь, подам знак.

— Заодно узнай, что это у них играет. На редкость мерзкая мелодия, не хочу, чтобы мне подсунули это с новыми пластинками.

На самом деле мелодия была еще ничего, легкая и ритмичная. Шагало под нее хорошо. А вот слова — бред бредом, будто пятилетний ребенок сочинял: я люблю тебя, ты люби меня... Но что подросткам нужно, кроме любви?

Лишь алкоголь и сигареты... Много алкоголя. Больше, чем двадцать лет назад. И сигареты не только с табаком.

Фаулер принялся чесать нос, но все равно чихнул. Протиснулся между двумя автомобилями, с владельцем одного из которых был хорошо знаком, а потому сомневался, что мальчишка, веселившийся где-то в толпе, взял машину с разрешения родителя. Или надеялся вернуть в гараж до утра, или плевать хотел на отцовские запреты.

Появление лейтенанта осталось незамеченным. Собравшиеся на берегу молодые половозрелые, но преимущественно несовершеннолетние особи были слишком увлечены собой: танцевали, выпивали, с хохотом что-то обсуждали, целовались, шумно выясняли отношения. Резкий запах вспотевших разгоряченных тел, автомобильных выхлопов, спиртного и курева мешал обнаружить в этом сборище тех двоих, ради кого он сюда пришел, а в лицо он их не знал.

Избрав простейший путь, Фаулер вложил два пальца в рот и громко свистнул.

Человек десять обернулись. Прервали свои, несомненно, важные занятия. Толкнули стоящих рядом. Кто-то оказался так любезен, что выключил радио... Только в одной машине, но стало немного тише.

— Доброй ночи, молодые люди.

Подростки зашущукались. Некоторые отбросили бутылки и затоптали сигареты. Но большинство отреагировало недовольно и нецензурно.

Высокий, почти с Фаулера ростом, юнец отделился от компании, выступив вперед. Вот и парламентар.

— Какие-то проблемы, лейтенант?

— Никаких... э-э... — Имя мальчишки вертелось на языке. Сынок племянницы мэра. Ленни? Мэнни? — Я проезжал мимо...

— Так и проезжали бы! — выкрикнул кто-то из толпы.

Видно, смельчак еще тот, раз кричал из-за спин сбившихся в кучку девиц, старшей из которых не было и шестнадцати. Фаулер определил их возраст по макияжу: девушки постарше обычно уже умеют использовать косметику на пользу внешности, а не во вред.

— Мы что-то нарушили? — Ленни-Мэнни сделал еще шаг навстречу. — Шумим? Так от жилых кварталов далеко.

— Я же сказал, никаких проблем. — Фаулер примиряюще выставил вперед открытые ладони. — Но думаю, вы в курсе последних новостей...

— Момент! — «Парламентар» достал из кармана пачку сигарет и прикурил, показушно щелкнув дорогой зажигалкой. Судя по тому, как его качало, он был здорово пьян. — Нет, — выдохнул с облачком дыма. — Не в курсе. Мы газет не читаем. Правда?

— Правда! Так и есть! — радостно отозвалась толпа.

Толпа всегда радуется, когда у нее обнаруживается лидер и отпадает необходимость пользоваться собственными мозгами.

— Только новый анекдот слышали, — продолжал игру на публику мальчишка. — Сейчас расскажу. Угнала, значит, парочка бродяг машину. Едут на полной скорости через

город, и за ними, само собой, тут же срывается полицейский автомобиль. Один бродяга говорит другому: «Посмотри, что там за нами, хвост?» А второй отвечает: «Никакого хвоста! Это же Фаулер!»

Молодняк дружно заржал.

Лейтенант скрипнул зубами.

Драку с несовершеннолетним Раннер точно не простит. Еще и родители за дитяtko по судам затаскают. И дядя-мэр наверняка подключится. Пацан это знает, потому и борзеет. Те, у которых папы-мамы-дяди, как правило, так себя и ведут.

— Смешно, — кивнул Фаулер, дождавшись, пока веселье вокруг поутихнет. — Бродяги, значит, машину угнали? Так давайте о них и поговорим.

— А давайте вы поедете, куда вы там ехали? — в тон ему предложил Ленни-Мэнни. — Мы здесь отдыхаем. А хотите поговорить, так делайте это, как положено. По закону. Вы ведь закону служите, да?

— Фаулер! Служить! — вякнул из темноты еще один остряк, и безмозглое стадо опять разобрал хохот.

Выкрики «служить!» повторялись раз десять, и каждый — как экзамен на выдержку. «Это же дети, — говорил себе Фаулер, в то время как лицо его наливалось кровью. — Вот подрастут немного... урою недоносков!»

А сейчас что? Развернуться и уйти под их насмешки? И завтра в городе будет новый анекдот?

Обойдутся.

Хотят по закону — будет им закон. От каждого второго разит виски и ганджей. У девятерых из десяти наверняка нет с собой документов. А он не обязан помнить каждого в городе в лицо, знать, как зовут и сколько там ему лет, и тем более верить на слово в таком важном деле, как установление личности.

Он прикинул, что легко скрутит четверых-пятерых, включая их предводителя. Если повезет, то в суматохе Роджер Кирк и Люси Адамс как-то себя проявят. Тогда и с этим вопросом разберется. А если нет...

Музыка стихла неожиданно. Вместо бодрой песенки из динамиков послышался зловеший шум, свет автомобильных фар на миг погас, чтобы в следующий сделаться в несколько раз ярче, и детишки оторопело примолкли. Вырвавшееся у Фаулера ругательство прозвучало практически в полной тишине.

— Надеюсь, ты это не о моей маме, — походя бросила появившаяся на освещенном пространстве ведьма. И, не дожидаясь ответа, который ей не понравился бы, переключилась на молодняк: — Развлекаетесь? Можно с вами?

Радиоприемники выдали звук, напоминающий предсмертный хрип. Следом со звоном разорвалось несколько бутылок.

Фаулер ругнулся повторно. Мысленно.

Просил же ее! По-хорошему! Но нет, снова примчалась спасать его от злых старшекласников!

— Доброй ночи, миз Гарнет! — Предводитель тупоголовых пришел в себя и нацепил на физиономию наглую ухмылку. — Тоже проезжали мимо?

— Именно. Но я еще не решила, будет ли эта ночь доброй.

Глаз у Ленни-Мэнни заметно дернулся, но губы по-прежнему кривились в глумливой улыбочке.

— Ой-ой, тетенька, не бейте нас! — запищал он, и дружки поддержали неуверенным смехом.

— Не буду, — пообещала она голосом, идеально сочетавшимся с хрипением приемников. — Я не обижаю малышей. Могу только помочь. Полечить, например.

Щелкнула пальцами (показуха для показушника) — мальчишку согнуло пополам и вывернуло наизнанку... образно выражаясь...

— Пьет много, — объяснила такое решение Джо. — Вредно в его возрасте. Можно еще кишечник почистить... Всем. Процедура бесплатная, но бегать в процессе неудобно, так что не советую даже пытаться.

Стоило признать, с детьми Джоан Гарнет ладила неплохо, но у Фаулера это вызывало только глухое раздражение. Словно опять увидел мир вверх тормашками с того дерева...

— Только посмейте! — взвизгнула какая-то девица. — Мои родители...

— Будут рады узнать, что ты тратишь карманные деньги на ганджийскую дурь, — закончила Джо.

— Ничего я...

— Тогда сама им расскажешь, за какие заслуги парни угощают тебя сигаретками?

— Мы просто отдыхаем, — всхлипнула уже другая девчонка. — Мы не делаем ничего плохого.

— Не оправдывайся! — оторвался на нее приятель. — Завтра она оправдываться будет! Что? — Он выступил вперед, задвинув подружку за спину. — Думаете, вам это с рук сойдет? Мои родители, если что, в курсе, где я и с кем. Ганджу не курю, пью только пиво... Показаний к промыванию нет. Но вы рискните, миз Джо, рискните. Штаны я отстираю, а вы-то потом отмоетесь?

— Ой, она и не от такого отмывалась, — подхватила очередная визгливая девица. — Только пованивает до сих пор. Моя мать столько порассказать может...

Знал Фаулер матушку этой особы, причем не с лучшей стороны. Говоря откровенно, лет двадцать назад ее многие парни в городе знали. Со всех сторон. И что же она теперь может рассказать о Джоан Гарнет?

Он стиснул кулаки от злости. Выпущенные когти впились в ладонь, но он их не убрал. Хватит, уже попробовал сегодня быть милым и дружелюбным...

Нет, на Джо он тоже злился, не нужно было ей вмешиваться. Но девчонка своим заявлением разозлила сильнее. Все они его злили. Малолетки, считающие, что гробить еще не начавшуюся толком жизнь выпивкой и травкой, — это круто. Их родители, бывшие когда-то такими же идиотами, а после, спарившись и наплодив себе подобных, отчего-то возомнили себя лучше других. Добропорядочные, мать их, граждане!

— Заткнулись все, — сказал Фаулер, языком пересчитав клыки.

Негромко сказал. Но его услышали.

И заткнулись. Все.

Потому что у молодняка кроме стадного инстинкта есть еще инстинкт самосохранения. И про закон никто не вспомнил. Толку им его вспоминать, если Фаулер забудет?

Забывать иногда полезно. Или убедить других, что способен на такую забывчивость.

Он расправил плечи, осторожно, чтобы не порвать ставший тесным пиджак, и медленно пошел вперед. Волнующееся людское море расступилось перед ним, а море ощущений и запахов накрыло с головой.

Табачный дым... нестройно стучащие сердца... пульсирующая в венах кровь... сладковатая ганджа... духи, дорогие, должно быть, мамины... едкий пот... виски... ментоловая жвачка... страх...

Какофония звуков...

Разноцветные сполохи...

Он прошел сквозь них, даже не притормозив у двух жавшихся друг к другу огоньков, пахнувших свежим древесным спилом и раскаленным металлом. Не вошедшие в полную силу одаренные всегда тянутся к себе подобным, и не так важно, что их подпитывают разные стихии... В данном случае вообще не важно. Потому что ни от парня, ни от девушки не ощущалось знакомой по двум убийствам магии.

Лишь один раз он сбился с шага, наткнувшись на знакомый запах и образ, но к делу это отношения не имело.

— Я. Проезжал. Мимо. — Слова вырывались по одному, с трудом протискиваясь через сжимаемое спазмом горло. — Увидел...

Нет, пора заканчивать представление.

Глубокий вдох, и легкие наполнились воздухом, надулись, до боли распирая ребра. Выдох — и мир вокруг возвращается в норму. Не мельтешат перед глазами разноцветные искорки, звуки глохнут, и запахи не ощущаются так остро.

И говорить легче. Намного.

— Увидел вас... и подошел, чтобы напомнить... что в городе и окрестностях орудует маньяк... Пока его жертвами становились только бездомные, но... все может измениться. Не советую после темноты покидать дома. Пить и курить дурь — тоже. Заторможенная реакция и заплетающиеся ноги — не то, что спасет вас при встрече с убийцей... Ясно?

Звучит вроде бы убедительно. Завтра скажет то же самое Раннеру, если кто-то из детишек осмелится все-таки пожаловаться родителям, а те — шефу.

— Ясно? — повторил громче.

— Ясно, — вразной промычала толпа.

Что мешало им сразу его выслушать? Повыпендриваться захотелось?

Выпендрились. Может, в следующий раз обойдется без дурацких нападков и оскорблений. Хотя Фаулер предпочел бы, чтобы следующего раза не было.

— Ведите себя хорошо! — наказала напоследок Джо.

Его она ни о чем не спрашивала. Без слов поняла ответ. И проверять не стала.

Дернула за рукав: уходим?

Он кивнул. Только еще с одним дельцем разберется.

— Джессика! — гаркнул грозно, и молодняк отшатнулся в едином порыве. — Джессика Кроули, быстро сюда!

Девчонка не вышла — ее буквально выпихнули из общей кучи.

Остановилась в двух шагах, посмотрела, набычившись, снизу вверх, и Фаулер с трудом сдержался, чтобы не выругаться, глядя на ее клоунский макияж и обтягивающую едва обозначившуюся грудь маечку.

— В мою машину, — приказал коротко.

— И не подумаю! — заартачилась мелкая. — Ты мне никто!

— Я тебе лейтенант полиции. Считаю, что мать объявила тебя в розыск, а я нашел.

— Так потеряй опять! Я тут с друзьями!

— Джессика, — он наклонился к ее лицу и прошептал почти ласково, — тебе всего тринадцать. Я могу просто вытащить тебя отсюда за шкирку. И твои так называемые друзья будут долго и весело вспоминать, как ты визжала и болтала ногами в воздухе... В

машину, бегом.

Не побежала, конечно, — пошла, задрал нос и виляя тощими бедрами, но, по крайней мере, больше не пререкалась. Джо шагала за ней след в след и, кажется, прикидывала, что сделает, если мелкая решится на побег.

Фаулер покидал площадку у мола последним. Снова прошел мимо автомобиля городского прокурора — папаши того самого смельчака, что напал на Джо, того, что не пьет и не курит и приезжает сюда исключительно с родительского благословения. Не удержался и провел когтем по дверце, оставляя длинную царапину. Может, прокурор Палмер и не возражает, чтобы сынок дышал по ночам морским воздухом, но свою машину точно ему не давал. С утра им будет о чем поговорить.

Джессику тоже ждал интересный разговор.

«Стоим на страже семейных ценностей!» — мрачно усмехнулся про себя Фаулер, вспомнив недавний лозунг городского совета. Открыл заднюю дверцу и без церемоний впихнул девчонку в салон.

Облокотился на крышу автомобиля, запрокинул голову и посмотрел на звезды. В первый миг они виделись размытыми тусклыми пятнышками, но постепенно уменьшились до ярких и четких точек. Когти снова стали ногтями, перепонка между пальцами почти не чувствовалась...

Отпускало.

— Псина тупая! — Джо со злостью ударила кулаком в плечо.

Фаулер и не думал возражать. Псиной он действительно был не самой умной. И добродушной по своей сути — не белой, но вполне пушистой.

Об оборотне в граничном состоянии такого не скажешь.

Не человек и не зверь — существо, сочетающее в себе качества обеих ипостасей. И качества, по мнению многих, не лучшие...

Фаулер плевать хотел на такое мнение. На пороге оборота он был сильнее и быстрее, чем человек и пес, вместе взятые. Не мешало сопротивление энергетических потоков, чувствительность обострялась до предела. Несколько раз это спасало жизнь и ему, и тем, кто был рядом. А все эти сказки о берсерках — для писак и киношников. Он не терял над собою контроля. Не накрывала его туманящая разум ярость... Не по этой причине...

— Какого ты это устроил? — продолжала ругаться Джо. — Малолетки чуть от страха не обделались!

— Ты им то же самое обещала, — отмахнулся он вяло. — Или навалить в штаны от ведьмовской порчи приятнее?

— Во-первых, я просто пугала. Во-вторых, порчами не занимаюсь.

— Угу, прости. От структурного плетения.

— Идиот. Ты представляешь, какой скандал разразится, если завтра их мамы и папы побегут к Раннеру? Свирепая псина чуть не загрызла бедных деточек!

— Явление злобной ведьмы опускаем?

— Злобная ведьма — частное лицо. И... не от такого отмывалась... — Она махнула рукой. — Хоть не зря? Я правильно поняла, Кирк и Адамс на трупах не отметились? Или, — кивнула на мол, — их там не было?

— Были. Не отметились.

— Ясно. Тогда... будем искать.

— И все? — удивился он.

— А что ты хотел услышать?

— Что есть и хорошая сторона.

— Есть. — Джо криво усмехнулась. — Я убедилась, что не зря не ходила в свое время на мол. Ни с тобой, ни с кем-нибудь другим. Ну и девчонку забрали. Ей там тоже делать нечего.

Джессике следовало отвезти домой, что Фаулер и собирался сделать, не обращая внимания на проклятия, доносившиеся с заднего сиденья. Ни магом, ни ведьмой девчонка не была, чтобы ее слова могли навредить, да и запасом брани обладала весьма скудным, но слушать ее всю дорогу до города и уже в городе было неприятно. Нет, самого лейтенанта Джессика не оскорбляла. Почти. Джо не упомянула ни разу, словно той и не было в машине. Ругала она дом, в котором ей тошно, и мать — дуру, овцу и суку... и еще много слов, ни одного из которых Кристин не заслуживала.

— Слушай, Кен, — не выдержала Джо. — Ну не хочет ребенок к маме. Давай ее к бабушке отвезем? На работу, а?

Если Джессика продолжит убегать из дома и шляться в компании юных алкоголиков и курителей ганджи, через несколько лет вполне может оказаться у бабушки Эдны «на работе» — в женской тюрьме.

Фаулер не подозревал, что у Кристин проблемы с дочерью. Не интересовался, честно говоря. Джессике ведь он действительно никто: нет такого определения родства, как бывший муж матери. К тому же бывшим он стал уже давно и мужем был недолго.

Спроси его кто-нибудь, чего ради он женился всего в двадцать один на едва знакомой девушке, ответил бы одним словом: «Психанул». Через год с небольшим психанул еще раз и развелся. Вины Кристин в случившемся не было. Это сам он долго еще чувствовал себя виноватым. Пресекал слухи, затыкал рты любителям поговорить на тему «Все бывшие — стервы»... Какая из Крис стерва? Хорошая она. Просто хорошая, ничего другого о ней он сказать не мог или не помнил уже. Наверное, она и замуж за него вышла из-за этой своей хорошести — не решилась отказать, чтобы не обидеть.

Неправильно так? Неправильно.

Зато развод прошел тихо и мирно.

Он жил себе как-то. Неплохо даже. Кристин — еще лучше. Через два года сошлась с Джимом Кроули, они поженились, купили дом, Джессика родилась... Не то чтобы Фаулер особо интересовался, но город не настолько велик: вести долетали. То с Эдной пересекался по делам, то с Джимом в баре — почему нет? Могли выпить пива, перекинуться парой слов. С Крис при встрече не шарахались друг от друга, тоже болтали, бывало. Если кто-то не понимал — его проблемы.

А после — война. Три года, спустя которые Кен Фаулер возвратился на остров. Джим — раньше. Только не к жене и дочери, а на городское кладбище. Но брат Кристин вообще не вернулся, остался на материке: общая могила и стела с тремя десятками имен.

Крис пришлось нелегко, особенно в первый год, когда приходилось ухаживать еще и за больной матерью, и однажды Фаулер просто зашел узнать, не нужно ли ей что-нибудь. Не чужие ведь люди, да?

Он помогал с организацией похорон, когда мать Кристин все же умерла после долгой болезни, иногда выручал с мелким ремонтом и передвигал мебель, пару раз забирал Кристин из магазина с крупными покупками... Ничего особенного. И какой-то близкой дружбы у них за эти годы не сложилось, так что неудивительно, что Крис не жаловалась на дочь. Она и жаловаться не умела в принципе...

В двух кварталах от дома бывшей жены Фаулер увидел телефонную будку и остановил машину. Чутье подсказывало, что следует предупредить о предстоящем визите, и не обмануло: судя по растянутому с зевком «алло», до звонка Крис спала и не подозревала, что у нее есть причины для волнений.

— Привет. Это я.

— Кен? — Она удивилась, но еще не насторожилась. — Ты знаешь, который час?
— Знаю. — Он посмотрел на часы. — Джессика спит, наверное?
— Она ночует у подруги... А что? Почему ты...
— Я только что забрал ее с мола.
— Морские боги! Как она там... Как она?..
— Все в порядке, Крис, — перебил он. — Правда. Просто подумал, что ей еще рано гулять в таких местах.

— Она...

— Не пила и даже не курила. Надеюсь, моему нюху ты доверяешь? Лишь немного переборщила с косметикой, это легко исправить водой и мылом... Но мне не нравится ее настрой. Вы поспорились?

— Нет... — Слишком неуверенно, чтобы он принял это за правду. — Просто привези ее, Кенни. Пожалуйста.

— Да уж поверь, — проворчал он, — себе не оставлю. Буду через две минуты.

Война с Дарнией не входила в планы Джима Кроули. Он рассчитывал на долгую и счастливую жизнь в кругу семьи и, видимо, думал не ограничиваться одной только дочерью, а завести со временем еще парочку ребятишек, поскольку дом купил слишком большой для троих: двухэтажный, в хорошем районе, с зеленым газоном перед крыльцом и просторным задним двором, где рядом с детской площадкой успел до войны вырыть яму под бассейн. Так она и осталась там, огороженная и накрытая брезентом...

— Выходи. — Фаулер открыл Джессике дверцу. — И не вздумай перебудить соседей своими воплями.

Кристин ждала под фонарем на ведущей к дому дорожке. Бросилась к дочери и отпрянула, когда девчонка подняла размалеванное лицо.

— Джесси... — простонала, прижав ладонь ко рту.

— Что, мамочка? Выгляжу как шлюха? Прямо как ты, да? Все говорят, что я на тебя похожа.

Фаулер еле сдержался, чтобы не отвесить девчонке подзатыльник.

Да, Крис и Джессика действительно были похожи: одинаково светлые волосы, голубые глаза. Кристин и сейчас была такой же стройной, как в старших классах, а Джессика со временем обещала стать такой же высокой, как мать. Но Крис никогда не красилась так жутко и никогда не вела себя так нагло.

— Иди в дом, — попросила она дочь.

Именно попросила. Странно, что не добавила «пожалуйста».

— Что у вас произошло? — спросил Фаулер, когда Джессика пошла к крыльцу.

— Ничего. — Кристин выглядела потерянной. — Ничего такого...

— Кр-рис! — рыкнул он раздраженно. — Или выкладывай как есть, или скажи, что это не мое гребаное дело.

— Нет, я...

— Ты так не скажешь, — усмехнулся он невесело. — Слишком боишься обидеть других. Зато позволяешь обижать себя.

— Ты не понимаешь. Джесси... Она расстроена из-за нас с Эриком...

— С Эриком? — удивленно переспросил Фаулер. — Кто это?

То, как стремительно она покраснела, было видно даже в едва разбавленной тусклым светом тьме.

— Эрик Грайн, — выдавила, смущаясь, словно до сорокалетия ей оставалось не два года, а двадцать два. — Ты не знаешь, он неместный. Приехал весной, их фирма устанавливает новое оборудование на электростанции... И мы встречаемся. Уже три месяца... Прости, что не говорила.

— Ты и не должна была.

— Наверное, и Джессике говорить не нужно было. Она очень любила Джима и теперь думает, что я предаю его... Возможно, она права. Я действительно подаю ей не лучший пример...

Тут он уже не выдержал:

— Знаешь, Крис, я всегда считал тебя слишком мягкой, но, кажется, ты просто дура. Джим был отличным парнем и, уверен, прекрасным мужем и отцом, но его нет уже шесть лет. Сомневаюсь, что Джессика так уж хорошо его помнит. А любит она только себя. Ее устраивает мать-прислуга, которая выполняет каждую ее прихоть и терпит капризы. Конечно, ей не хочется, чтобы ты тратила время и силы на кого-то еще. И плевать, что у тебя могут быть свои желания и потребности.

— Она...

— Она хочет, чтобы ты чувствовала себя виноватой. Будет больше поблажек, больше карманных денег, меньше упреков... Играет в обиженную дочурку, а ты идешь у нее на поводу. Она просто паразитирует на тебе. Понимаешь? Эта маленькая зараза просто...

Пощечины он не ожидал. Не от тихони Крис.

— Не смей оскорблять мою дочь! — шипела она ему в лицо, пока Фаулер недоуменно тер щеку. — Тоже мне специалист по семейным отношениям! Кто сам ни хрена не может — тот учит других, да?

Он молча развернулся и пошел к машине.

— Слышала? — спросил у дождавшейся в салоне Джо. — И что это было?

— В такие моменты я рада, что не могу иметь детей, — отозвалась она задумчиво. — Кажется, от этого тупеют.

— Что?

— Материнский инстинкт заглушает голос разума.

— Нет, ты сказала...

— Поехали, Фаулер, — вздохнула она. — Уже поздно, спать нора.

Он завел мотор, но о своем вопросе не забыл.

— То, что ты сказала о детях, — это правда? — спросил, когда машина тронулась с места. — Ты никогда не говорила...

— Зачем? Ты — доктор?

— Нет, но...

— Поверь, мои проблемы со здоровьем — не самая увлекательная тема. У меня еще десны иногда кровоточат и запоры случаются... Просто отвези меня в башню, ладно? Я нашла книги о ритуалах, но они без иллюстраций, так что с ходу отыскать похожий на наши убийства не получилось. Надо читать, а текста много. Завтра с утра продолжу. Но для этого нужно выспаться...

Если Джоан Гарнет хотела избежать разговора, ей это обычно удавалось.

ГЛАВА 6

Наутро Марти наконец-то увидела соседей. Пожилая пара — он в изношенном летнем костюме, она в выцветшем платье и выдавшей виды шляпке — выходила из квартиры через две двери от той, где поселили Марти. Старичок подмигнул ей и лихо подкрутил несуществующий ус, за что получил от своей дамы сумочкой по спине. Марти она тоже с радостью огрела бы, но удовольствовалась тем, что прошипела в спину: «Еще одна потаскушка!»

Знакомство с соседями не задалось.

«По крайней мере, они существуют», — утешила себя Марти.

Ей всерьез уже начинало казаться, что это — дом-призрак и живут в нем тоже призраки, лишь по ночам дающие знать о себе неясными звуками. Но нет. Призраки обитали только в ее голове. И в снах.

Больше трех лет рыжая тюремная стена оберегала ее от таких снов. Они прорывались через нее, но нечасто, и не были настолько яркими и болезненными. Реальными.

Темнота. Жар. И тут же — обжигающий холод.

В голове с интервалом в секунду разрываются бомбы.

Тело скрючило, во рту привкус крови...

Онемение, ползущее от плеча к пальцам и сковывающее их до кончиков. Пока — только в эту сторону, но скоро проклятие разрастется...

«Посмотри на меня, Тина! — Голос уверенный, твердый. А глаза обеспокоенные, почти испуганные. Зеленые. — Не смей сдаваться! Никогда. Слышишь? Все будет хорошо, только не сдавайся!»

Она поверила тогда.

Не сдалась. А он...

Марти зажмурилась до разноцветных кругов.

Сны — зло. Но да, она не сдалась и не сдастся никогда, ни смерти, ни жизни. А он давно в прошлом. Пусть там и остается...

Сегодня в архив предстояло идти пешком, потому она вышла из дома пораньше, намереваясь еще заглянуть к Бернис, чтобы побаловать себя на завтрак кусочком пирога вместо черствой булки, и сама не поняла, отчего вдруг пошла совсем в другую сторону. Внутренний компас — замечательная штука, данная не каждому, но у Марти определенно имевшаяся, — говорил, что и этим путем она доберется до башни, а другое чувство, смутное и не имеющее названия, подсказывало, что о пирогах жалеть не придется.

Кто знает, отчего так?

Марти улыбнулась, додумав ответ, и направилась к двери под вывеской «Кофейный домик». Рядом с названием красовалась такая же завитушка, как на стаканчиках с кофе, что покупал вчера Адам.

Она взяла шоколадно-ореховый для себя, со сливками и без сахара — для Джоан, а с выбором кофе для Адама помог хозяин — пузатенький коротышка, назвавшийся Шеймусом. По его словам, помощник миз Гарнет с любимым вкусом так и не определился и брал то крепкий черный с перцем и кардамоном, то нежный молочный, в котором молока было больше, чем собственно кофе. Марти подбросила монетку и взяла молочный.

— Спасительница! — возрадовалась Джоан, узрев знакомые стаканчики и коробку бисквитов с шоколадной крошкой.

Открыв ящик стола, тут же отсчитала деньги.

— Питание сотрудников оплачивает архив, — заявила надумавшей отказываться Марти. — А в качестве премии за своевременно проявленную инициативу можешь взять кофе Адама. У него выходной. Так что сегодня будешь заниматься раскопками старья самостоятельно. Мне нужно закончить... с этим...

На столе со вчерашнего дня лежали книги. По ритуальной магии, как Марти успела заметить. А ритуальная магия куда интереснее древних документов и — от одного слова дрожь! — каталогов.

— Может быть, я смогу вам помочь, миз Гарнет? — спросила Марти с надеждой.

— А давай! — неожиданно легко согласилась архивариус. — Только никаких «миз Гарнет». Это обращение я держу для избранных. Вроде Адама. Для простых смертных я — Джо. Договорились, Мартина?

— Тогда уж Марти, — поправила она. — Что нужно делать?

— Искать. Один определенный ритуал. Или несколько — возможно, попадутся похожие. Или убедиться, что таких ритуалов не существует. Хотя, если это что-то из тайных знаний закрытых культов, в книгах мы ничего не найдем... Но нужно попытаться.

— О каком ритуале речь?

— Ты не читаешь газет?

— Читаю. В принципе. Но...

— Эту не видела, — поняла Джо и протянула ей местный «Маяк». — Взгляни. Мы не уверены, что это именно ритуал. Но проверить следует.

С желтоватой газетной страницы на Марти смотрели мертвецы. Мужчины. Разные, но неуловимо похожие. После смерти все лица становятся чем-то похожи, Марти немало их повидала...

Она сморгнула, отвела взгляд от фотографий и углубилась в чтение.

Статья была большой. Настолько же велика была неприязнь автора к начальнику полицейского управления Карго-Верде. Это чувствовалось в каждой строчке, и Марти пропускала лишнюю экспрессию, стараясь выбрать главное.

Два случая. Бродяги. Личности не установлены, потому что шеф полиции Раннер не уделяет... Хм... Способ убийства...

Вспомнился сегодняшний сон. В нем не было ничего подобного, ни мертвецов, ни скандальных статей, но...

— Один мой друг говорит, что так дарнийцы казнили пленных, — сказала Джо. — Так что это, быть может, никакой не ритуал, а съехавший с катушек ветеран развлекается.

Марти еще раз пробежала глазами статью.

— Тут не сказано... — Она облизала пересохшие губы. — Не сказано, обнаружены ли на трупах следы применения магии.

Джо с интересом прищурилась:

— А если обнаружены? Что-то напоминает?

— Да. То, что говорил твой друг о казненных пленных... Это было незадолго до того, как дарнийцы накрыли Ликардийскую косу?

— Не знаю. Но не исключено.

— Мертвых солдат тогда он не осматривал, да? Иначе заметил бы сходство, если оно есть... Кроме способа убийства.

— К чему ты клонишь?

Марти задумалась.

Меньше всего она хотела влезть в нечто подобное. Лучше разбирать документы и сверять их с проклятыми каталогами.

Но кому лучше? Уж точно не тому, кто станет следующим.

Она посмотрела на фотографии мертвецов и решилась.

Только предупредила сразу:

— Я не буду давать официальных показаний, подписывать что-либо или свидетельствовать в суде. Информация получена мною в частном порядке, и поделиться ею я могу на тех же условиях.

— Идет, — кивнула Джо. — Я ведь тоже не офицер полиции.

— В отличие от твоего друга. Лейтенант Фаулер, да? Он ведет это дело? Он был в Ликардии.

— Не только он. И не только ты. Просто дай ему зацепку, и, если понадобится, Кен найдет другого свидетеля. Информация, которой делятся в частном порядке, вряд ли особо секретная.

— Как посмотреть...

Марти поежилась: память прошлась холодком по спине.

«Мне это не нравится, Тина. Что-то затевается. Нехорошее...»

— Дарнийцы не просто казнили пленных, — сказала она, собственным голосом пытаясь заглушить тот, что звучал у нее в голове. — Они собирали энергию. Накапливали ее, чтобы напитать купол. Все маги Дарнии не смогли бы одновременно влить столько силы в заклинание, поэтому... Собирали, да, но вряд ли этот ритуал есть в книгах, если только у тебя не хранятся фолианты с Архипелага. Потому что изначально это было разработкой лордов. До того, как сформировались привязки, у них шла борьба за острова... И потом. Силы, как и денег, много не бывает. Особенно во время войн... В общем, это они первыми придумали, как забирать энергию жертвы. Я не знаю подробностей, но, чтобы все прошло как нужно, смерть должна была быть достаточно быстрой, но не мгновенной. За этим следили целители — регулировали кровопотерю. Если все удавалось, лорд на время значительно увеличивал свои силы...

— Не за счет других лордов, как я понимаю? — мрачно уточнила Джо.

— Правильно понимаешь. Поэтому Архипелаг и держит это в секрете. Пусть все в прошлом... Вроде бы в прошлом... Но не каждый признается, что его предки целенаправленно изводили подданных.

— А дарнийцы?

— Они каким-то образом добыли описание и изменили ритуал. Он ведь был рассчитан на лордов, а в Дарнии их нет. У них и магов немного, в основном ведуны и заклинатели духов. Но они смогли... Ликардийская коса тому подтверждение.

— М-да... — Архивариус почесала переносицу. — Интересная информация. И ты права, подписываться под нею не стоит. Мне только любопытно, откуда ты все это знаешь?

— Не веришь?

— В том-то и дело, что верю. Так откуда?

— От знакомого.

— От знакомого лорда?

Марти кивнула, не успев проглотить ставший в горле ком.

— Наверное, он просил ни с кем не делиться? — предположила Джо. — Не обязательно было рассказывать мне все. Могла сказать только о дарнийцах, о том, что они так собирали силу.

— На Карго-Верде нет дарнийцев. Но есть кто-то, кто знаком с ритуалом. И нам неизвестно откуда.

Почему она сказала «нам»? Она ведь не имеет никакого отношения ни к убийствам, ни к расследованию. Она просто работает в архиве, и то — временно...

— Вот гадство! — пробормотала Джо. — Знаешь, я тоже поостерегусь что-либо подписывать, пока убийцу не найдут. Но Кену нужно сообщить.

Она метнулась к телефону, набрала номер и, дождавшись ответа, попросила к аппарату Фаулера. Почти сразу разочарованно положила трубку: лейтенант отправился опрашивать жителей ферм и должен был вернуться только к вечеру.

С утра Фаулер не планировал никуда ехать. Только в управление — за порцией ругани от Раннера.

Однако шеф удивил.

— Зайди, — кивнул он на дверь своего кабинета.

Дверь была стеклянной, но Раннер, войдя, опустил жалюзи.

— Присаживайся, — указал на стул, а сам плюхнулся в кресло, потянулся куда-то вниз и выставил на стол бутылку виски.

Пока Фаулер изучал висевший на стене календарь — приступы задумчивости случались у Раннера в годовщину значимых военных событий, — рядом с бутылкой появились стаканы. К моменту, когда лейтенант окончательно убедился, что на сегодняшнюю дату ничего значимого не приходилось, стаканы были наполнены.

— Повод? — уточнил он.

— Да хреново как-то... Надо разбавить.

— С утра?

Шеф неодобрительно покачал головой.

— Жалуются на тебя, Кен, — сказал ласково. — С пяти часов мне телефоны обрывают.

Фаулер обреченно поднял стакан.

— Кто?

— Честные налогоплательщики, чьих деточек ты ночью напугал до усра... хм... очень напугал, говорят. Детки сидели себе тихонько, слушали музыку, пили лимонад, мило держались за ручки, а на них налетел бешеный пес. Облаял, покусал, пометил колеса... Что скажешь?

— Объявляй взыскание, — пожал плечами лейтенант.

— Значит, все так и было?

— Ну, если честные налогоплательщики утверждают.

— Скотина ты, Фаулер, — укоризненно вздохнул Раннер. — Вот скажи, как так получается: пес из нас двоих ты, а отгавкиваться приходится мне?

— Отгавкался?

— Естественно.

За это можно и выпить.

— Я ж ведь знаю, что на самом деле произошло на моле, — загадочно подмигнул начальник. — Мой оболтус там тоже был.

— Который из них?

— Брайан. Но он сказал, как тебя увидел, в сторонку отошел и не отвечивал. Смышленный парень, весь в меня.

Правду сказать, уточнение мало что объясняло. Сыновей, которых Фаулер постоянно путал, у Стива Раннера было четверо. И три дочери. Злые языки утверждали, что детей у любвеобильного, слегка потрепанного годами красавчика намного больше, но Фаулер знал: шеф — человек порядочный, на каждой своей пассии после слов о скором пополнении тут же женился и до развода ни с кем другим — ни-ни.

В пятьдесят пять он разводился уже пять раз и, похоже, не собирался останавливаться на достигнутом. Помимо работы в полиции у Раннера имелась ферма, дохода от которой хватало, чтобы обеспечивать всех семерых детей и не обделять новых подружек, которые рядом с ним не переводились. Что странно, учитывая, что остров не так велик и о репутации Стива тут наслышана каждая. Но, видно, что-то их в нем привлекало помимо подтянутой фигуры, белозубой улыбки и до прозрачности светлых голубых глаз, в которых сейчас Фаулер видел сочувствие.

— Что, зацепили малолетки твою песью сущность? По святому проехались?

— По святому? — неискренне удивился лейтенант. — Неужели флаг сожгли?

— Ну, не по святому... По важному...

— По хвосту, — сказал Фаулер резко. — Это называется хвост, а не «святое» или «важное». И нельзя зацепить за то, чего нет!

— Если не зацепили, чего орешь? — в свою очередь повысил голос Раннер.

— Потому что достали вы меня. Все.

Вздыхнул устало. Налил сам себе и выпил.

В Ликардии он не просто лишился хвоста. Он потерял весь свой взвод. Весь. Никого не смог закрыть. И выбирался потом по трупам. Полз на пузе голый после оборота, изгваздавшийся в чужой крови и дерьме...

Когда перебрал однажды и потянуло на муторные воспоминания, про хвост сказал лишь вскользь. Но запомнили только это. Жалеют бедного песика! И получается, жизни его ребят и всех, кто остался на косе, собачьего хвоста не стоят.

— Ладно. — Раннер махнул рукой. — Припугнул деток, и правильно. Палмер вообще просил тебе благодарность объявить и подумать об организации плановых рейдов в район мола. Пацан его, говорит, совсем от рук отбился. Ладно, говорит, выпивка. Ладно ганджа... Лет десять назад конопля по всему острову росла — и ничего. Даже полезно... если в меру... Или нет? Не суть. В общем, сынок его на святое, вот тут реально на святое, посягнул. На папину машину. Ты же знаешь, Палмер ее любит больше жены и детей, вместе взятых. А пацан ее еще и ободрал как-то... Представляешь, пытался отцу втереть, что это вы с Джо. Из мести. Но Палмер-то не дурак. Или?..

— Или, — кивнул Фаулер. — Сам знаешь, как он тупит временами. Но машину его я и пальцем не трогал.

Технически коготь — не палец.

— Ну и молодец, — похвалил шеф. — Но мне в этом деле другое интересно. Что ты вообще делал на моле? Только не говори, что вы с Гарнет наконец-то решили ополщить многолетнюю дружбу сексом на природе. К молу за таким только малолетки едут. А вас

к ним чего понесло?

Раннер был в хорошем настроении, и Фаулер решил не изворачиваться и сказать как есть. Тем более нужно показать, что делом он занимается и версии проверяет.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Раннер, выслушав.

— За что?

— Что этих двоих так проверил. Без бумажной волокиты и воплей их мамашек. Джо подсказала?

— Угу.

— Умная ба... ведьма. Кстати, не знаешь, у нее сейчас есть кто-нибудь?

— Понятия не имею, — буркнул Фаулер. Чего он не хотел знать — того не знал, а если узнавал случайно, старался быстрее забыть. — А что?

— Да так... Может, мне к ней, как это сейчас называется, подкатить? Вэнди с-су...щая фея же... Не уймется никак. Против такой феи только ведьма и поможет. Да и вообще Гарнет ничего так... Даже очень, я бы сказал...

— Стив, вот как так получается: пес из нас двоих я, а кобель — ты?

Тот рассмеялся:

— Талант!

Потом призадумался. Убрал стаканы, а за ними и бутылку.

— С убийствами что? — спросил серьезно.

— Буду искать дальше.

— Мысли есть? А то я тут прикидывал... Может, облаву организовать? Соберем добровольцев, прочешем остров...

— Кого ловить будем?

— Бродяг. Таких же, как те. Прижмем их как следует. Они же поодиночке редко шляются, наверняка своих опознают. А там, может, и вспомнят, кто их... того...

— Дельная мысль, — хмуро согласился лейтенант. — Бродяги поручи, он из них сразу и признание выбьет. Из каждого.

— Зачем же из каждого? — протянул Раннер и прикусил язык, наткнувшись на упрямый взгляд.

— Я тебе уже говорил, Стив. Хочешь закрыть дело без следствия — не поручай его мне. А это и не закроешь. Нужно было сразу патрульных предупредить, чтобы показания с амулетов не протоколировали. Как полагаешь, много среди бродяг отыщется магов или владельцев замагиченного оружия? Или сожжем те протоколы втихую?

— Принципиальный, да? Ну, раз такой принципиальный, занимайся! Носом землю рой, ты это умеешь, но самое позднее до конца месяца дело должно быть закрыто. Понял? Или я тебя... Отправлю тебя мол патрулировать, Палмеру на радость! А дело отдам Бродяги... Будет он мне тут...

Благостное настроение начальства бесследно испарилось, и Фаулер собирался поступить так же.

— Слушаюсь, шеф! — браво рявкнул он. — Иду рыть землю!

— На хрен иди! — прилетело в спину.

— Я проедусь по фермам, — предупредил Фаулер дежурного. — Если кто-то спросит,

буду поздно.

Идея поискать других бродяг ему понравилась. Но действовать излюбленными методами Раннера он не собирался.

От города поехал на запад — мимо тюрьмы, к консервному заводу.

Бездомные предпочитали эту сторону. У консервного разрослась свалка, где можно было пожить. Не отходами, хотя, случалось, и этим не брезговали, но в основном ловили крабов. Береговые падальщики отъелись тут до таких размеров, что при удачной охоте можно было долго не переживать о пропитании. Бродяги сходились сюда, словно в общественную столовую. Тем страннее, что уже два трупа нашли совсем в другой стороне, у старого порта, почти век назад заброшенного из-за обмеления бухты, где разве что горсть мидий наберешь.

В дневные часы свалку оккупировали чайки. Крабы, а за ними и охотники выползали из укрытий с наступлением сумерек, но Фаулер не планировал ждать. Люди, как и животные, не уходят далеко от кормушек. Хотя в данном случае из-за распространяемых этой самой кормушкой ароматов искать следовало немного дальше. Например, в роще за бывшим песчаным карьером, ныне затопленным.

Лет тридцать назад городские мальчишки облюбовали это место для пикников. Котлован казался удобнее, спокойнее и безопаснее моря. Не смущала даже близость консервного завода и вонючей свалки.

А вот всплывший в один из дней труп двенадцатилетнего пацана смутил. Хоть и не вонял еще. Фаулер знал, потому что сам плавал за ним. Он хорошо плавал, в отличие от того мальчишки, бывшего всего на год его младше, и до поры, как и другие, не задумывался о том, что у котлована нет дна... Вернее, оно было, где-то внизу, но такого, по которому можно зайти в воду, а после выйти, не было. Берег обрывался внезапно. Как жизнь...

И все же на котлован безголовая мелюзга бегаёт до сих пор. Для них это такое же проявление крутизны, как для старшеклассников ночи на моле.

Но сейчас у воды никого не было.

Фаулер оставил машину и по берегу обошел искусственное озерцо. Солнце припекало, и прохладная вода — она здесь в самый лютый зной прохладная — казалась особенно привлекательной, но с того самого дня лейтенант не окунался в нее больше ни разу. Он удовлетворился тем, что расстегнул верхние пуговицы рубашки и закатал рукава. Принюхался. Ветра почти не было, но дул он в правильном направлении, снося зловоние свалки в сторону моря. Ничто не мешало различать в душном воздухе другие запахи. Земли, травы, копошащихся в ней муравьев... Муравьи пахнут, да. И лягушки. Змеи и ежи... Птицы. У каждого есть свой запах, который ни за что не перепутаешь с запахом немытого человеческого тела.

Ну и костер еще. Змеи и ежи не жгут костров и не жарят на них... Ничего не жарят. А тушки, нанизанные на прутики, при жизни были, скорее всего, субликатами.

— Приятного аппетита, — пожелал Фаулер сидящей у костра троице.

— Спасибо, — не растерялся старший из бродяг.

Смотрелся он, по крайней мере, старшим: с густой седой бородой, морщинистый, скрюченный то ли годами, то ли болезнью, одетый, невзирая на жару, в теплое пальто и обвязанный шарфом. Его спутники выглядели моложе и немного опрятнее. Заросшие, но не настолько. Потом от них разлило не так сильно, и одежду они пусть раз в месяц и без мыла, но стирали.

— Присаживайся, — предложил, скаля гнилые зубы, старший. — Гостем будешь. Мы как ждали, деликатесов с запасом наготовили. Угощайся.

Глубинные демоны знают, за кого его приняли, но явно не за полицейского и не за оборотня. О первом он решил пока умолчать, но от демонстрации клыков не удержался: уселся прямо на землю, снял с костра зарумянившуюся тушку и с аппетитом в нее вгрызся.

А что? Суслики вполне съедобны. А огонь — отличное средство дезинфекции, и уже не коробит от мысли, что бродяги обдирали зверьков грязными руками. После войны Фаулер вообще стал крайне неприхотлив в еде.

— Нормально, — сказал, пережевывая мясо прямо с мелкими, хрустящими на зубах косточками. — Жаль, кетчупа нет.

Бродяги задрожали так, что земля завибрировала. Кто из них пролепетал испуганное «бер!», лейтенант не понял. Но точно не старший.

Тот первым оправился от накатившего страха и покачал головой:

— Нет, не бер. Не бер... Медведи, они не такие. Видал однажды...

Фаулер тоже видал. Северяне, что беры, что вольфы, отличались от морских псов. Во-первых, тем, что к морю никакого отношения не имели. Материковых оборотней взрастили горы, чьи пики хоть и не так, как острова, но тоже копили в себе магическую энергию. Холодный горный край суров и опасен, и дети его были такими же. Дикими, даже если родились и жизнь прожили в столице, и дикость эта проявлялась у них во всем, от внешности до повадок.

— Пес это, — осторожно, еще боясь ошибиться, вывел старший. — Водяной пес. Морской. Таких еще водолазами зовут... Да?

Фаулер неопределенно пожал плечами.

— Точно, пес, — осмелел бродяга. — В позапрошлую эпоху, рассказывают, вышли морские псы на острова. Лохматые, здоровенные... Но смиренные...

— Мирные, — поправил лейтенант.

— Мирные, да... Жить стали рядом с людьми. Помогать им. Сети с рыбаками тянули. Тяжести по суше... За детьми глядели. Любят они детей...

«Жареных», — закончил про себя Фаулер, глядя на тушки над костром и одновременно с тем вспоминая молодняк с мола.

— Прижились рядом с людьми, — продолжал рассказчик. — Так прижились, что сами людьми стали... Хоть и не совсем. Луна приливы будит и псов домой зовет... В море... Говорят, если вернется пес в глубины, на берег не выйдет уже... Особенно если его перед тем по башке тюкнуть и камень потяжелее к ногам примотать...

— Интересный ты сказочник, — хмыкнул Фаулер. На «тюкнуть и камень к ногам» он не обиделся. Просто старик дал понять своим товарищам, что перед ними не мистический монстр, а такой же смертный, как они. Почти такой же. — Может, еще истории знаешь? Про острова? Про этот, например? Желательно из недавнего что-нибудь, древние сказки я и сам тебе расскажу.

— Из недавнего? — усмехнулся бродяга. — Есть такие. Только в горле пересохло, говорить тяжело.

— Ты водички попей, — посоветовал лейтенант. — А если хочешь, отвезу в одно местечко, там к воде еще хлеб прилагается, постная похлебка, бобы и картошка... Мясца только не дают. — Он помахал оставшейся половинкой суслика. — Зато выкупают, побреют, одежду чистую выдадут.

— Честно отвезешь? — прищурил закисшие глаза бездомный.

Фаулер вынул из кармана значок со звездой.

— Если очень надо, пару дней отдыха организую.

— Неделю!

— Три дня. И то если мне твои сказки понравятся.

Старик поглядел на приятелей и кивнул на деревья:

— Погуляйте пока. Воды и правда наберите, что ли.

С ним не спорили. Только сняли с костра сусликов. Всех. Видимо, опасались, что гость войдет во вкус.

— Так какую тебе сказку? — спросил старик, оставшись с ним один на один у костерка. — Их много есть. Про призрачную деву, например. Ту, что ночами вокруг психушки бродит. Голая, говорят. Специально караулят, чтобы посмотреть. Многие видели... Но не я. Я в той стороне давно не бывал...

— А у старого порта?

— И там тоже. Что там ловить? Или кого? — Он рассмеялся хрипло, как старая чайка.

— Не знаю, — сказал Фаулер. — Если бы знал, уже поймал бы. — Достал фотографии и показал бродяге. — Об этих вот персонажах история есть?

— Отчего не быть? — Старик пригляделся. — У каждого своя история... Этот вот, — ткнул черным скрюченным пальцем в фото найденного последним покойника, — Стен. Стен Мозли, так он назвался. Тебе ж их подписать как-то надо, да? Вот Стена подпиши... А этого не нужно. Не стоит он... Дезертир. С начала войны на острове прятался. Если я его имя и слышал, то забыл давно... Сам-то я тоже всю войну тут. Но куда пойдешь, если ног нету?

Только сейчас, присмотревшись, Фаулер понял, что бродяга не подогнул ноги под себя, как думалось сразу. Их у него действительно не было. А раз так, можно ли звать бродягой того, кто не бродит?

— У порта, говоришь, нашли их?

Лейтенант кивнул.

— Странно. — Старик поскреб бороду. — Странно, что полиция за это взялась. Мало ли таких, как мы, мрет? Или там... особые обстоятельства?

Газет бездомные не читали и, соответственно, о существовании цирюльника не знали. Неведение одного конкретного бездомного Фаулер тут же развеял.

— Да уж, — вздохнул тот. — Интересные сказки... Не слышал таких, прости. Наши и прежде пропадали, но не так...

— А как?

— Да никак, — развел руками старик. — Был человек — и нету. Давно уже это. Один мне рассказывал о красной машине, года три назад... Ездит, мол, по острову большая красная машина, а за рулем — красавица в красном платье. Такая, что ух!.. Пальцем поманит, и мужики за ней сами бегут. А кого она с собой возьмет, того уже больше и не видят. Цена у нее такая: жизнь за ночь любви... Но это — как та призрачная дева...

— В смысле ни слова правды?

— В смысле — я сам не видел. Если бы встретил эту красотку в красном, согласился бы запросто. Не так дорого моя жизнь стоит. Выходит, и цена плевая...

— Красная машина, говоришь... — Фаулер почесал макушку. — Это точно?

— Сказал же, сам не видел. Но ночью все кошки серые, а машины — черные. Те, которые не белые, конечно. Красный — красиво просто.

— И женщина за рулем?

— Так говорят.

— Три года назад появилась?

— Три года, как я про это услышал, — поправил старик. — А началось раньше. Сразу после войны, наверное, как народ с материка повалил. Только... Не находили ведь

прежде никого. Может, разные это сказки?

— Может быть. Друзья твои, кстати, ничего нового не подскажут?

— Спроси, если хочешь. Но они давно при мне, вряд ли больше знают.

— А отослал их зачем?

— Как зачем? — удивился старик. — Вернутся сейчас, начнут выпытывать, о чем мы тут секретничали. Я расскажу. Привру еще маленько... Будет о чем поговорить до вечера. А то скучно ведь...

В обещанную благоустроенную камеру он не поехал. Заманчиво, но куда с его ногами? Точнее, без них?

От денег не отказался.

— Хороший ты пес, — сказал напоследок. — Хоть и человек. Заходи, если что. И кетчуп прихвати.

ГЛАВА 7

Общения с каталогами избежать не удалось.

Как сказала Джо, ее это успокаивает.

Что до Марти, то она честно пыталась почувствовать седативное действие архивной работы, но очень скоро поняла, что предпочла бы пустырьник.

И уехать отсюда.

Остров ей нравился. И город. И люди. И пироги. И кофе. И башня... А сколько еще чудес, больших и маленьких, можно тут обнаружить!..

Но голос из прошлого твердил, что грядут не только чудеса.

«Мне это не нравится, Тина. Что-то затевается. Нехорошее...»

Томми связался тогда с командованием. У него получилось. Пусть всего лишь капитан, но все-таки лорд, — отказаться от разговора с ним не посмели. Потом поступили похожие предупреждения от других выходцев с Архипелага. Немного, ведь и лордов в действующей армии было совсем мало. Основная часть их со своих островов занималась возведением щита, чтобы отрезать дарнийцев от побережья и линий силы, и это было важно... Возможно, намного важнее действий пехоты, авиации и флота. Но если бы лордов было чуть-чуть больше там, где шли бои, удалось бы избежать затяжного кровопролития и тех огромных потерь. А если бы больше лордов было в Алатру и Ликардии, они, наверное, смогли бы разгадать замысел противника...

Теперь тем же образом кто-то собирает силу на Карго-Верде.

Зачем?

Не затем, чтобы превратить остров в новую Ликардийскую косу, — это ясно. Для такого понадобилось бы десятка два магов, которым для создания купола смерти пришлось бы принести в жертву не двоих, а минимум две сотни человек. Да и смысла нет в таком преступлении. Дарнийцы стремились уничтожить ударные части имперской армии, а зачем уничтожать мирный остров? Можно представить, что кто-то так ненавидит Карго-Верде, что мечтает стереть его с карты. Сумасшедший, ведь здоровые люди подобных желаний не испытывают. Но тут нужна группа психов с одинаковым диагнозом, а таких наверняка и в лечебнице нет. Каждый сходит с ума по-своему...

Нет, Марти ставила на одиночку или небольшую группу, преследующую некие вполне осмысленные и, вероятнее всего, корыстные цели.

Или это маг, для которого сила ценна сама по себе. Собирает, чтобы иметь. Тратит и опять собирает. Это ведь прекрасно — чувствовать магию в себе и власть над нею. Марти еще помнила...

Джо сказала, что след на телах приглушен, словно тот маг частично заблокирован. Может быть, у него проблемы с проводимостью каналов? Может, он потому и...

И совпадений нельзя исключать. Почему нет? Способ убийства тот же, и магический след есть, но Марти не способна сейчас проверить, соответствует ли он тому, что оставался на жертвах дарнийцев. Быть может, убийца и не собирает силу, убивает просто по какой-то извращенной прихоти, а след оставляет нож. Трофей с последней войны, свойств которого маньяк и сам не знает...

Версий было много, и Марти делилась каждой.

Она не хотела в этом участвовать. Но ведь преступник не будет так любезен, чтобы подождать год, пока она уедет? Значит, нужно по мере сил помочь людям, с которыми ей предстоит общаться весь этот год.

Помогать — это часть ее дара, одна из основных установок. Дар заблокирован, а установки — нет.

— Значит, он был лордом? — не к месту спросила Джо, закончив разбирать очередную стопку бумаг.

— Он? Человек, который мне рассказал?..

— Тот подонок, который отправил тебя в тюрьму.

Удивительно, но она не вздрогнула. Не покраснела. Не побледнела. Не отвела глаз.

— С чего ты взяла? — спросила спокойно.

— В твоём деле нет имен. Кроме твоего. Обвинительное заключение и протоколы суда отсутствуют. Приговор — только строка о назначенной мере наказания, а в решении об аннулировании брака не указан номер свидетельства. Если бы он был булочником, такую секретность не развели бы.

— С чего ты взяла, что он — подонок и в тюрьму я попала не за дело? — расширила вопрос Марти.

— Печати. Их ведь тебе поставили до замужества? То есть приворожить его чарами ты не могла. Приготовить зелье — тоже. Даже по готовому рецепту. Расчет некоторых компонентов производится исходя из индивидуальных особенностей объекта воздействия. В противном случае не добьешься стойкого эффекта. Можно рискнуть, но ты не похожа на человека, который готов действовать наобум. А если бы ты заказала зелье какой-нибудь ведьме, судили бы вас обеих и по другой статье. Преступление по предварительному сговору... Спорим, в суд не вызвали ни одного специалиста по приворотам?

— Был протокол экспертизы.

— У меня в сейфе лежит дубликат печати городского совета. Хочешь, выдам тебе разрешение на полеты над островом на метле?

— Зачем?

Джо пожала плечами:

— Просто так. Себе я такое сделала.

— И... часто летаешь?

— Вообще никогда. Не умею. И метлы у меня нет. А разрешение есть.

Как все легко, оказывается. И никакого «Карго-Верде знает». Просто дело шито белыми нитками, и любой, кто смыслит хоть что-то в законах и приворотам, это видит. И если бы она не признала себя виновной...

Нет, и думать не стоит. Не вышло бы ничего хорошего.

Что, жила бы сейчас как ни в чем не бывало с Томми в огромном доме, куда он перебрался после суда?

Она знала, что перебрался.

В газетах, что доставляли с материка, писали несколько раз о жизни лорда Томаса Энтони Стайна — героя последней войны и одного из самых привлекательных холостяков империи. В первой заметке, которую Марти нашла о нем, как раз упоминался великолепный особняк в классическом стиле, гостеприимно распахнувший двери для цвета общества, — лорд Томас устраивал прием в честь своего возвращения в столицу.

Во второй заметке лорда Томаса отметили среди гостей императорского дворца. Его имя было двадцать седьмым в списке. Но оно там было. И матушка его, незабвенная леди Амалия, наверное, поместила ту газету в рамочку и повесила над камином...

В последний раз имя лорда Томаса попало Марти в статье, посвященной его помолвке. Там и фото имелось: лорд Томас Энтони Стайн, серьезный и надменный, такой, что язык

не повернулся бы назвать его «Томми», а рядом — его очаровательная невеста.

Это было год назад, и свадьба, возможно, уже состоялась, но Марти с тех пор не читала светские хроники.

Нет, с лордом Томасом она точно не жила бы долго и счастливо.

А Томми, которого она, невзирая на данные себе зареки, до сих пор вспоминала, и вспоминала с теплом и благодарностью — за то, что был рядом в самый тяжелый момент ее жизни, помог преодолеть боль и отчаяние, — того Томми больше нет. И говорить о нем не нужно. Ни плохого, ни хорошего.

— Откуда у тебя печать совета? — спросила она Джо.

— А, — легкомысленно отмахнулась та, — я — его почетный сопредседатель. Вроде как главная ведьма Карго-Верде.

— Ведьма? Значит, я ошиблась насчет структурницы?

— Нет. Я... всего понемногу. Или помногу.

Она как будто хвасталась. А на самом деле говорила: не только у тебя проблемы, Марти. Потому что смешанная магия — это именно проблемы, несмотря на все преимущества, что дает такое смешение. Владеть настолько разной силой — все равно что сунуть одну руку в костер, а вторую — в ледяную прорубь. Уравнять температуру таким образом не получится, и рано или поздно получишь либо ожог, либо обморожение.

Марти знала это как целитель, пусть и бывший. И Джо знала, что она знает. В отличие от других — тех, кто, наверное, завидует ее способностям, волшебной башне и должности почетного сопредседателя.

— Ну вот, — Джо улыбнулась без фальши, искренне и беззаботно, — теперь мы прямо как настоящие подружки. Поделались секретами, пожалели друг друга... Обниматься не будем. У нас еще горы неразобранных документов.

— Ведьма, — простонала Марти.

Ответом стал зловещий хохот.

До вечера Фаулер объездил половину острова и еще трижды встречался с бродягами. Сказок ему больше не рассказывали, сусликами не угощали, но показания безногого дополнили и в какой-то мере подтвердили.

Красная машина, как понял лейтенант, была сродни черной руке, негасимой свечке и возвращающейся с того света бабушке из детских страшилок. Но как те страшилки сложились по следам реальных событий, так и история о красной машине содержала крупинцы правды. Бездумные утверждали, что несколько раз они сами или их знакомые видели автомобиль, водитель которого зывал к себе кого-то из бродяг. Случалось, фермеры набирали таким образом помощников, готовых выполнять грязную работу за еду, при этом, как правило, машина была грузовичком и место бродягам предлагали в кузове. Они пропадали, да, но потом объявлялись снова. А случалось, подъезжал седан, по некоторым свидетельствам, действительно красный, и того, кто сел в салон, никогда уже не встречали.

В реальности двух таких случаев осведомители Фаулера могли, по их заверениям, поклясться, об остальных только слышали. Была ли за рулем того автомобиля женщина и обещала ли он ночь любви или сулила что-то другое, никто доподлинно не знал.

Охотнее рассказывали о призрачной деве, со стенаниями бродящей вокруг ограды психиатрической лечебницы. Дева сияла в ночи красотой и наготой... По словам тех, кто никогда ее не видел. Те же, кто видел, с неохотой признавались, что дева — и не дева совсем, а мутное пятно, в котором с трудом угадывались очертания человеческой фигуры. А стенания — шум ветра, и не больше. Но о таком рассказывать неинтересно...

Однако Фаулер выспрашивал. Ему-то как раз было очень интересно. И как это пятно движется, и на каком расстоянии от ограды, и всегда ли в одно и то же время.

Выяснить удалось немного, но кое-какие выводы лейтенант сделал.

В город он вернулся уже затемно. В башню не поехал: за день пропитался специфическими ароматами сегодняшних собеседников, для его нюха весьма ощутимо, и сначала нужно было выкупаться и сменить одежду. Однако о встрече с Джо он все же думал и, заметив ее машину у переговорного телефонного пункта, решил повидаться хотя бы мельком и коротко поделиться новостями. И узнать, что тут делает Джо.

Связь по острову работала без перебоев, но дозвониться на материк с домашнего номера через телефонистку бывало проблематично, и с безотлагательными разговорами приходили сюда.

Что же у нее такое безотлагательное?

Из восьми переговорных кабинок занята была только одна.

Фаулер кивнул сидевшей за стеклом телефонистке и подошел к неплотно прикрытой дверце кабинки.

— ...Мы хотим быть уверены, что это она. Да, именно. И перешлите вещи...

Голос принадлежал не Джо. Только услышав его, Фаулер вспомнил, что она отдала на сегодня машину Адаму. Но был ли человек в кабинке Адамом? Речь звучала четко и непривычно для вечно смущающегося мальчишки, и Фаулер, не сдержавшись, заглянул внутрь — словно случайно дернул не ту дверь.

Адам.

Увидел лейтенанта и растерянно заморгал. Потом кивнул.

Фаулер пробормотал что-то извиняющееся и закрыл дверь.

Собирался уйти, но почему-то остался. Дождался, пока парень закончит разговор, и подошел. Поздоровался, поинтересовался, как дела у Вивиен.

— Все хорошо, — обычным своим преувеличенно радостным тоном заверил Адам. — Она всем довольна, и лечебница ей нравится... Там ведь и правда красиво, да? Совсем непохоже на другие... другие подобные заведения. Вив вспоминала сегодня... Вспомнила сиделку, с которой сдружилась на предыдущем месте. Хочет написать ей, она дала Вив адрес, но тот затерялся... Вот, решил уточнить в той лечебнице. Заодно напомнил им, чтобы переслали оставшиеся у них вещи. Вивиен очень быстро привязывается к вещам. Не так, как к людям... Но вы ей нравитесь, лейтенант. Она просила передать привет и сказать, как ей жаль, что вам не удалось вчера поговорить...

Мило. Очень мило.

И объясняет подслушанный разговор.

Но профессиональная подозрительность заставляла и личные расследования доводить до конца.

На улице Фаулер попрощался с парнем, сел в машину, подождал, когда старенький «жучок» Джо скроется за углом, и вернулся на переговорный пункт.

Подошел к окошку телефонистки.

— Отлично выглядишь, Герти.

Она кокетливо вздернула веснушчатый носик.

— Я замужем, Фаулер, — протянула с театральной обидой. — Уже год. Раньше нужно было присматриваться.

Он присматривался. Раньше. Несколько раз — весьма близко. Но ни он, ни она на тот

момент не искали серьезных отношений. Вернее, она — на тот момент, а он — в принципе.

— Дурак был, теперь раскаиваюсь, — вздохнул, польстив женскому самолюбию.

— Дурак, — согласно хихикнула Герти. — Сильно раскаиваешься?

— Безумно. Так что, если соберешься разводиться, звони.

— Вот еще. — Она передернула плечиками. — Я кругами не езжу. Только вперед и вперед.

— Ну-у... Планета круглая. Если долго ехать прямо, никуда не сворачивая...

— Однажды свалишься в море!

...Через пять минут он знал, что Адам звонил в Идвер. Телефонистка понятия не имела, по какому номеру, так как абонента вызывала ее идверская коллега. И разговор Герти не слушала. Совсем-совсем. Потому что, во-первых: «За кого ты меня принимаешь, Фаулер?», а во-вторых: «О чем интересном может болтать этот мальчишка?»

Действительно, ничего интересного. Всего лишь легкая паранойя.

Скоро Фаулер был дома.

Ну как дома... Был бы и правда бером, называл бы это берлогой. А так... Конура?

Домом квартирка на втором этаже небольшого особнячка была при жизни матери. И еще немного — в тот год, когда тут обитала Кристин. Тогда в комнатах было чисто и светло, на окнах цвела герань, а из кухни пахло чем-то вкусным.

Сейчас тут царил умеренный бардак, а в воздухе витал запах духов. Цветочный, приторно-сладкий. Отчего-то женщины, для которых слово «пожилая» — это комплимент, предпочитают именно такие ароматы.

Фаулер ругнулся сквозь зубы, взял швабру, стоявшую в углу специально для этих целей, и с силой трижды стукнул по полу.

— Кенни? — услышался снизу писклявый старушечий голос. — Ты уже вернулся? Вот и ладненько... Только не включай радио! Сегодня на заправке говорили, что радиоволны плохо влияют на работу мужского органа!

— Миз Кук! Какого... органа вы ходили на заправку?! У вас нет машины! И что вы опять делали в моей квартире?

Он тысячу раз собирался сменить замок. Но так и не решился. У владелицы особнячка, девяностолетней старой девы, было не так много развлечений, чтобы лишать ее одного из них. Примерно раз в неделю старушка, преодолевая прострелы в пояснице, взбиралась по лестнице исключительно из любопытства и вредительством не занималась. Почти.

— Кенни, я прибралась у тебя в холодильнике! Протерла полки и вылила скисшее молоко.

— Миз Кук! — Фаулер отбил ногой нервную дробь и услышал, как на первом этаже зазвенела люстра. — Я люблю кислое молоко! Я специально ждал, пока оно скиснет!

— Нельзя его пить! Меня от него пучит!

— Я вам его и не предлагал.

— А?

— Спасибо за заботу, миз Кук!

— Пожалуйста, милый, пожалуйста... И не включай радио!

— Не буду! Доброй ночи!

Пока набиралась ванна, он прошелся по комнатам. Убедился, что все, кроме молока, на своих местах. Попутно навел порядок на письменном столе: вернул на полку книгу, на чтение которой так и не нашлось времени, и сдул пыль с абажура настольной лампы...

Искупавшись и надев чистую одежду, вышел из квартиры, спустился по лестнице и на пару секунд остановился у двери домовладелицы: старушка слушала какую-то радиопостановку. Ну а что? Ей можно!

Часы показывали без четверти десять, но Джо в это время обычно еще не спала. Однако в башне ее не оказалось. Двери были закрыты, а окна — темны. Вывод напрашивался один: если Джо не спит, она где-то ест. Осталось догадаться, где именно.

Фаулер предположил, что в «Рыбке». Пусть они и были там только вчера, но норма по поеданию креветок осталась не выполнена.

Подъехав к ресторану, лейтенант не стал входить внутрь, а решил сначала проверить свою догадку. Он обошел здание и заглянул в окно.

Джо была там. Но в «Рыбку» Фаулер все равно не пошел.

Потому что Джо была не одна. За столиком с ней сидела Мартина Аллен.

Женщины пили вино и разговаривали. Вернее, говорила Джо, увлеченно жестикулируя, а Мартина слушала с улыбкой и изредка кивала. Проследив, как стремительно и равномерно уменьшалось количество креветок в их тарелках, Фаулер подумал, что Джоан Гарнет, похоже, нашла достойную подругу.

Это было непривычно.

У Джо не было подруг.

Были приятельницы, знакомые, десяток родственниц. И ни с кем из них она не ходила в «Золотую рыбку»...

Фаулер даже обиделся. И тоже захотел креветок.

Но передумал.

По пути домой он купил сосисок, съел их еще в машине и решил, что ляжет сегодня пораньше, а завтра отомстит Джо и нагрянет к ней в шесть утра.

Но сон не шел. Крутилось в голове... всякое...

Так что зазвонивший телефон его не разбудил.

— Фаулер, слушаю.

— Доброй ночи, Кен. Прости, что так поздно. Я звонила раньше, но никто не брал трубку...

— Привет, Крис, — перебил он. В противном случае бывшая супруга еще долго могла оправдываться. — Что-то случилось?

— Нет... То есть... Я хотела извиниться. За вчерашнее... Мне так стыдно...

— Забудь. Я тоже наговорил лишнего.

— Нет. Ты был прав... в чем-то... Не во всем, но... Знаешь, когда ты уехал, я поговорила с Джессикой. Сказала ей... Почти то же, что ты мне говорил. Что Джима нет уже давно и я устала одна... Я правда устала, Кен. И я... Разве я не заслуживаю хоть немного счастья после всех неудач? С тобой не сложилось... С Джимом все было прекрасно, но... Я ведь совсем немного хотела от жизни. Дом. Семью. Надежного человека рядом. Детей... Разве это какие-то особенные желания?

Вовсе нет. Когда-то и у него были такие.

Дом. Семья.

Он довольно рано задумался об этом. Может, виной тому кровь морских псов. Может, то, что рос без отца, от которого, собственно, эту кровь унаследовал, и немного завидовал другим детям. Джо, например. У нее были и отец, и мать, и четверо братьев. И жили они дружно...

Кенни Фаулер тоже хотел так жить и уже в девять лет решил, что женится сразу после школы, и даже знал на ком. И с объяснением тянуть не стал. Только боялся немного и поэтому начал издали. Очень издали.

Они с Джо сидели на заднем дворе ее дома, ели черешню и стреляли косточками по нарисованному на заборе кругу. Джо никогда не промахивалась, и он боялся еще сильнее, но все же спросил, как она относится к свадьбам... Она сказала: «Смотря кто женится», и он выпалил: «Я!» А когда она спросила на ком, почему-то назвал имя Линдси Вирд. Джо молча съела одну за другой десяток черешен, разложила перед собой косточки и начала методично пулять их в мишень. «Тогда у тебя будет лысая жена, — сказала, расстреляв все. — Потому что я повыдергиваю ее рыжие патлы. И глаза выцарапаю. Слышишь, Фаулер? У тебя будет лысая и безглазая жена...»

Из всех возможных ответов этот был самый положительный.

Когда он женился на Крис, Джо пришла в мэрию с огромным букетом роз. Вручила его невесте. Расцеловала обоих молодоженов и от души пожелала счастья.

И жена у Фаулера была красивая, с глазами и волосами...

— Кенни, ты уснул?

— Я слушаю.

— Спасибо... что слушаешь. Хочется с кем-то поделиться. Рассказать, что у меня наконец-то все наладилось...

— Хм?..

— Да, прости... Я не сказала. Мы поговорили с Джессикой, и, кажется, она меня поняла. И согласилась познакомиться с Эриком. Я не стала откладывать и пригласила его сегодня на обед... И знаешь, они поладили. Я так боялась, но они очень быстро нашли общий язык. Эрик, оказывается, читал те же книги, что сейчас читает Джесси, и им нравится одинаковая музыка... И он сделал мне предложение. Только не говори, что мы слишком мало знакомы и торопим события... Через месяц заканчивается его контракт на Карго-Верде, и он хочет, чтобы мы с Джессикой уехали с ним на материк. Думаю, тянуть не стоит. Джесси до конца каникул нужно будет перевести в новую школу... Она совсем не против, представляешь? Эрик сказал, что у них отличная школа, он сам там учился и потом без труда поступил в колледж... Джессика ведь мечтает о колледже. И о собаке. Она говорила мне несколько раз, но я не решалась... А Эрик пообещал. В выходные Эдна должна забрать Джесси к себе, а когда она вернется, ее будет ждать сюрприз...

Она еще что-то рассказывала, но Фаулер понял только одно.

— Ты собираешься уехать с Карго-Верде? — спросил он. — Думаешь, отпустит?

Крис усмехнулась в трубку:

— Я не верю во все это, Кенни. Держит не остров, а люди на нем. У меня тут таких людей уже не осталось. Дочь уедет со мной. А с Эдной и с друзьями будем созваниваться... Ты ведь не против, чтобы я звонила тебе иногда?

— Конечно нет.

— И на свадьбу придешь?

— Если она будет на острове — обязательно.

— Я пришлю тебе приглашение.

Желание спать пропало окончательно.

Завершив разговор, Фаулер повалялся еще минут двадцать в постели, думая о самых разных и мало связанных между собою вещах, и в конце концов пришел к выводу, что сегодня отличная ночь для наблюдения за призрачными девами...

ГЛАВА 8

Впервые за последние годы Марти проспала. Всего на полчаса, но факт оставался фактом. Видимо, придется-таки купить будильник.

«Купальник!» — не согласился голос в ее голове.

И купальник тоже.

С бесплотными голосами еще можно поспорить, но не с Джоан Гарнет.

— Тебе срочно нужно на пляж! — заявила она вчера. — Это же нонсенс: столько лет прожить на Карго-Верде и ни разу не побывать на пляже. И не говори, что условия проживания не позволяли, я сама это знаю. Но если забыть об условиях и взять голые цифры...

Они взяли голые цифры, бутылку белого вина и по порции жареных креветок. Потом еще по порции. И еще...

До того, как попасть в «Золотую рыбку», Марти была уверена, что пироги Бернис — самое вкусное, что она пробовала в жизни. Но креветки! Она чувствовала себя предательницей, изменяя с ними пирогам, но ничего не могла с собой поделаться.

И с Джо не могла. Та твердо вознамерилась вымочить ее в море и прогреть на солнце.

— У меня нет купальника, — робко заикнулась Марти.

— Подозреваю, не только его. Ты второй день в этом костюме, а он жарковат для нашего лета... Нет? Завтра выпишу тебе аванс и...

— Не надо! — запротестовала Марти. — У меня есть деньги.

— Есть деньги и нет купальника?

Джо возмущалась так, словно это — наибольшая несправедливость в мире. А с несправедливостью нужно бороться. Поэтому сегодня вместо работы в архиве Марти ждал поход в банк, а после — по магазинам.

Ей нужна новая одежда, а Джоан — отвлекся. Вчера она была так взволнована, что даже любимые каталоги не спасали. Наверное, потому и предложила после работы «расслабиться», а за ужином болтала о чем угодно, только не об убийствах.

— Мы ведь все равно ничего не можем сейчас сделать, да? — спросила она у Марти.

— Да.

— А вот и нет! Мы можем выпить еще по бокалу вина и заказать еще креветок!

Это был неплохой план.

Джо рассказывала об острове. О его людях. О ресторане, в котором они сидели. О башне, где она, по ее выражению, властвует безраздельно уже двенадцать лет, не считая тех трех, когда ее не было на Карго-Верде... Но об этих годах Джо почти не говорила. Только обмолвилась, что попала по распределению на восточную линию. Там нужны были структурники для постройки заграждений и противомagicеских щитов для пехоты... А перед самым отъездом разругалась с родителями: они проводили на фронт четырех сыновей и надеялись, что дочь будет держаться подальше от охваченного войной материка. Хотя магов ее уровня и призывали в обязательном порядке, Джо как госслужащая могла воспользоваться бронью... Но не воспользовалась. Джоан Гарнет — не тот человек, который останется в стороне, зная, что может чем-то помочь. Если Марти поняла это, будучи с ней едва знакома, то и мать и отец Джо знали это наверняка, но все же просили остаться. Марти понимала и их чувства тоже.

Но все обошлось. Джо вернулась, как и ее братья. Все живы и здоровы до сих пор. Все живут на Карго-Верде. Джо похвасталась, что она уже девять раз тетя и дважды — двоюродная бабушка, но по ее тону чувствовалось, что это — все те же «голые цифры»...

— Мы не очень близки, — подтвердила она после второго бокала. — И никогда не были. Слишком большая разница в возрасте. Пит, младший из братьев, старше меня на одиннадцать лет. К тому же я — девчонка...

И маг. И ведьма.

Кажется, Джоан не говорила этого прямо, но Марти каким-то образом догадалась, что из всех детей в семье способности проявились только у младшей. Поздние дети — как правило, случайные, часто еще и нежеланные, родившиеся в то время, когда родители уже настроились ждать внуков, — нередко преподносят сюрпризы...

Потом они взяли еще креветок, и пришла очередь Марти рассказывать о себе. О детстве в шахтерском поселке. Об отце, погибшем при взрыве угольной пыли, когда ей было восемь. О пенсии, которую ей тогда назначили и из которой мама не потратила ни кроны, а относила все в банк и клала на счет. Надеялась, что денег хватит, чтобы, повзрослев, Марти смогла уехать в город и выучиться... Хотя бы на машинистку. Или на телефонистку... Когда у Марти обнаружился дар, мама плакала от счастья. Она была далека от реалий магического мира и не подозревала, что уровень способностей у каждого разный и с иным — самое место на телефонной станции...

Марти не хотелось ее разочаровывать. Пришлось подыскивать область магии, в которой ее скромный талант стихийницы-водницы мог хоть как-то себя реализовать. Выбрала целительство. По крайней мере, у нее получалось остановить кровотечения и провести оценку физического состояния человека по балансу жидкостей в организме, а всему остальному можно научиться и без магии.

После школы она окончила сестринские курсы, проработала год в больнице... А накануне девятнадцатилетия, когда с нее должны были снять ограничители, похоронила маму, не дождавшуюся, пока дочь станет настоящим доктором, чтобы вылечить ее больное сердце...

После этого она просто не могла не попытаться поступить в университет. И поступила. Отучилась четыре года. Затем еще три — практиковалась. Даже имперская академия не организовывала своим студентам такую всестороннюю практику, как давала война, и, если бы Марти могла вернуться к учебе, окончила бы ее с отличием.

Только она не могла. И не хотела уже.

Не представляла, как быть медиком и не быть при этом магом. Не чувствовать пациента, не видеть очагов боли, бояться навредить или не успеть вмешаться, если что-нибудь пойдет не так...

В тюрьме случались несчастные случаи и драки между заключенными. Пострадавших приводили в лазарет, и Марти плакала от бессилия... Мысленно и без слез. От того, что не может остановить кровь, просто приложив к ране руку, или вынуждена накладывать швы там, где прежде просто скрепила бы рассеченную кожу магией...

— И сумочку, — сказала она Джо, заедая невеселые мысли вкуснейшими в мире креветками. — Мне нужно купить сумочку.

На том и порешили.

Джо обещала заехать за ней к девяти, но задержалась почти на полчаса.

— Что стряслось? — забеспокоилась Марти, увидев ее, бледную и растрепанную больше, чем обычно.

— Фаулер так и не объявился. В управлении его нет, дома тоже.

— Думаешь, с ним что-то случилось?

— Нет. — Джо уверенно тряхнула головой. — Но случится. Я его прибью, когда увижу! А до этого мы успеем купить тебе все, что собирались.

Бродяги не носили часов и не знали точного времени появления «девы». «В самое темное время», — говорили одни, подразумевая предрассветные часы. Другие уверяли, что через час-другой после полуночи.

В три — отметил Фаулер. Ровно в три.

За часами он следил тщательно — привычка со времен полицейской академии, где распорядок расписан буквально по секундам. Тот, кто запустил следящее заклинание, был таким же педантом.

Лейтенант уже не сомневался. Спонтанные вспышки не случаются четко по времени. И не повторяются с интервалом в сутки. Со слов бродяг, призрачная дева являлась не каждую ночь, но тому были иные объяснения: ветер, дождь, лунный свет, слишком низкое или слишком высокое атмосферное давление — все, что могло сбить отражение. Фаулеру повезло заметить лишь смутное свечение. В другие ночи, при других обстоятельствах следилка зеркалила сильнее, что и породило слухи среди бездомных романтиков.

А зеркалила она, соприкасаясь с охранным контуром, выстроенным по периметру территории лечебницы, и в этом не было ничего необычного.

Настораживало другое. Во-первых, устройства, обеспечивающие подобное слежение, стоят недешево. Экономнее поручить обход охранникам. Во-вторых, вряд ли слежение производилось с устройства. В этом случае при соприкосновении с контуром появлялся бы светящийся круг или эллипс. А тут — очертание человеческой фигуры, так называемый образ, проявляющийся в ряде заклинаний. Образ непосредственно создающего их мага.

Магические устройства в охранной системе лечебницы были. Маги среди охранников — нет.

Кто-то из персонала? Но врачи и сестры разъезжаются по домам на ночь, тут остаются только дежурные и смены меняются, да и сложно представить целителя, владеющего заклинаниями из арсенала разведчика.

Представить разведчика в психиатрической лечебнице проще. В качестве пациента. Если доктора не знают, что у них на лечении маг, достаточно сильный, чтобы скрыть дар, блокаторов ему не вводят. А глушилки по периметру лишь немного ослабляют и мешают концентрироваться...

Фаулер задумался о том, насколько это возможно. После — насколько силен должен быть этот гипотетический маг, чтобы вывести следящее заклинание за пределы охранного контура. Такой и сам за ограду выйдет. И будет бездомных убивать. Тех, которых своей следилкой приманил. Дорогая приманка с точки зрения расхода энергии, но что с психа взять...

На этой глубокой мысли Фаулер уснул, уткнувшись лбом в руль.

Разбудило его деликатное похлопывание по плечу.

— Лейтенант, с вами все в порядке?

Он разлепил глаза, поднял голову и в первые секунды с недоумением смотрел вперед — на зелень кустов и освещенную солнцем кирпичную ограду за ними. Затем встряхнулся и перевел взгляд на подошедшего к машине человека.

— Доброе утро, — улыбнулся Эверет.

Вид доктор имел совершенно невозмутимый, словно каждый день обнаруживает рядом с лечебницей спящих полицейских и не видит в этом ничего странного.

— Доброе, — отозвался Фаулер, ощупывая вмятину на лбу. Нужно было что-то еще сказать, но голова спросонья работала плохо.

— Вас заметила охрана при утреннем обходе, — сообщил Эверет. — Еще в семь. Беспокоить не стали, но сообщили дежурному врачу. Решили, что вы дожидаетесь

начала приемных часов.

— А они уже?..

Часы показывали девять двадцать пять. Уже.

— Да, — подтвердил доктор. — Так что можете смело входить. Если, конечно, вы это планировали.

Он по-прежнему не выказывал ни любопытства, ни подозрительности, и такое самообладание почти восхищало. Должно быть, нелишний навык в работе с заведомо неуравновешенными людьми.

— Планировал, — проговорил Фаулер. — Я...

Все-таки внешний периметр обходили охранники. В семь часов. Его заметили, как и то, что на тот момент он уже спал, то есть подъехал не только что, а значительно раньше. И этому должно быть объяснение, не связанное с рассказами бродяг о призрачной деде.

— Не слишком разумно с моей стороны было приехать ночью. Обычно... со мной такого не случается, что бы вы ни подумали... Но наш последний разговор как-то совпал с одним неприятным происшествием...

— Еще одно убийство? — нахмурился Эверет.

— Нет. Это... личное...

— Тогда, быть может, позвольте угостить вас чашечкой кофе?

— С удовольствием.

Он и сочным ростбифом себя угостить позволил бы, но чего не было, того не было. Только кофе и микроскопические крекеры, удручающе быстро закончившиеся. Фаулер даже к рассказу приступить не успел, как расправился с ними.

Эверет терпеливо ждал. Тихими и безлюдными в утренние часы аллеями он провел гостя в главный корпус, в свой кабинет, светлый, просторный, обставленный просто и без излишеств, попросил дежурную сестру принести кофе и ждал. Подобное терпение вызывало уважение, но испытывать его не стоило.

— В мой предыдущий приезд сюда вы заговорили о войне... — начал Фаулер. — О потерях. Конкретно о моей потере, о том, что вы слышали в городе. Так вышло, что той же ночью мне напомнили об этом снова...

Лгать не пришлось. Всего лишь рассказать, как «пообщался» с собравшимися у мола малолетками, не упоминая, впрочем, истинной цели той встречи. Было неприятно, но Эверет не первый психиатр, с которым он обсуждал свои так называемые проблемы. Первый был еще в академии. Каждый месяц проводил тестирование. Пытался доказать руководству и самому Фаулеру, что у него «глубокий внутренний конфликт сущностей». Тот доктор, как говорили, имел опыт общения с материковыми оборотнями, но оказался не готов к непробиваемой невозмутимости морского пса. Конфликт у него? Зверь сорвется и накинется на подозреваемого при задержании? Угу, а как же. «Залижет до смерти», — посмеивался куратор, возвращая мозгоправу его заключения. Сейчас, возможно, результаты тестов были бы другими. Нервы поизносились, и накинуться — это запросто... если спровоцируют... Но психиатрам об этом сообщать не обязательно.

— Скажите, Кеннет... Вы же не против, если я буду так к вам обращаться? Вы ведь сейчас не на службе.

— Да, конечно.

От него не укрылось то, как Эверет будто невзначай опустил руку под стол, чтобы нажать кнопку вызова. Неужели переиграл? Явятся сейчас санитары со смиренной рубашкой...

Но в кабинет заглянула уже знакомая сестра.

— Мэри, будьте добры, еще кофе, — попросил ее доктор. — И сделайте сэндвичи, пожалуйста. Побольше, я что-то проголодался.

Заметил, выходит, скоропостижную кончину крекеров. Или услышал, как бурчит у посетителя в животе.

— Так вот, Кеннет, — продолжил, когда дверь закрылась, — прежде всего я хотел бы поинтересоваться вашим общим состоянием. Потеря хвоста — весьма ощутимая травма для оборотня. Страдают сочленения крестцового отдела позвоночника, возможны сильные боли в любом обличье. Часто имеет место нарушение опорно-двигательных функций...

— Я здоров, — перебил Фаулер. — Были сложности сразу после, но теперь уже абсолютно здоров.

— Повезло встретить хорошего целителя? — понимающе кивнул Эверет. — Что ж, это замечательно. Значит, физического беспокойства ваша травма не причиняет. Только внутренний дискомфорт. И вас, безусловно, задевает мнение окружающих. Для них ваша потеря несущественна, они не видят истинной сути проблемы. Лишились бы вы ноги или руки — другое дело... Хотя, поверьте, они и тогда нашли бы повод для насмешек. Особенно подростки. Дети жестоки в этом переходном периоде. Неосознанно жестоки. Они лишь учатся видеть границы между добром и злом... Но вы ведь и сами это понимаете, Кеннет? Тем не менее после столкновения с ними целый день изводили себя воспоминаниями о стычке, а ночью вдруг сорвались сюда. Захотели поговорить, хоть и уверяли меня в прошлый раз, что не испытываете такой потребности... Дело ведь не в хвосте, да?

Дверь открылась вовремя. Одновременно с тем, как Фаулер вздрогнул от вопроса, прозвучавшего уличением во лжи. Он быстро обернулся, выдавил улыбку, изображая радость от появления кофе и сэндвичей, и, как только сестра Мэри поставила поднос на стол, заткнул себе рот хлебом с ветчиной, оттягивая момент признания.

— Дело не в хвосте, — повторил Эверет, когда они снова остались наедине. — Не в его потере, а в том, что для вас эта потеря значит. Хвост, а вернее — его отсутствие, не позволяет вам забыть пережитое на войне. А люди, видящие в вашей травме повод для насмешек в вашем понимании, насмеются не над вами. Вам кажется, что они пренебрежительно отзываются о тех событиях, о трагедии, свидетелем которой вы были, о смертях, произошедших на ваших глазах, ставя в один ряд непонятную и несущественную для них утрату хвоста и что-то несоизмеримо большее. Но поверьте, Кеннет, это далеко не так...

Лейтенант потянулся за вторым сэндвичем.

Доктор между тем продолжал говорить. Правильные вещи, как ни странно. То, о чем сам Фаулер думал настолько часто, что ему уже не нужен был психиатр. Но он слушал не перебивая, ведь за этим, как полагал Эверет, он и приехал.

Сэндвичи неумолимо заканчивались...

— Знаете, Кеннет, — вдруг улыбнулся доктор, — а ведь я видел вас в обороте. За год или два до начала войны. В летнем лагере. Кажется, полиция взяла шефство над школьниками. Вы и ваши коллеги проводили какие-то спортивные игры, у Рыжего оврага соорудили полосу препятствий... Я проезжал мимо и заинтересовался происходящим. Тогда в первый и последний раз в жизни я и видел настоящего морского пса. Скажу честно, меня это зрелище привело в восторг. О детях и говорить нечего — столько искренней радости... Впрочем, вы и сами наверняка помните. Вряд ли тот случай был для вас единственным.

— Не был, — признал Фаулер.

— Летний лагерь работает в школе каждый год. И полицейское управление Карго-Верде, думаю, по-прежнему не остается в стороне от воспитания подрастающего поколения.

— К чему вы клоните, доктор? Предлагаете мне снова попрыгать по брусьям?

— По-моему, это — прекрасная терапия. Возьмите младшую группу...

— Нет.

Эверет вздохнул. «Я пытался», — читалось в темной глубине его глаз. Но доктор не мог не предпринять еще одну попытку:

— Если бы вы лишились не хвоста, а ноги, предположим, ответ был таким же?

— Естественно. Вы представляете себе безногого на полосе препятствий?

Психиатр вежливо улыбнулся.

Фаулер доел последний сэндвич.

— Простите, доктор, но я пока не готов к подобному. Возможно, позже... И мне не хотелось бы, чтобы кто-либо знал, зачем я приезжал к вам.

— Понимаю... лейтенант. В свете недавних новостей вас, наверное, интересует безопасность пациентов?

Приятно иметь дело с умным человеком.

— Так и есть, — согласился Фаулер. — В прошлый раз вы предлагали мне экскурсию. Думаю, это оправдывает мой визит.

— С удовольствием пройду с вами. Быть может, нам удастся продолжить беседу.

— Не стоит. Я действительно благодарен вам, но... Не стоит. Я не из тех, кто не верит в помощь медиков вашего профиля, правда. Многие мои сослуживцы обращались к психиатрам и, признаться, мне тоже рекомендовали... Лечебницу в Идвере, например. Говорят, там хорошие специалисты...

— В Идвере? — Эверет сморщил лоб, припоминая. — Не слышал, что там есть лечебница. Может, специализированное отделение при городской больнице?

— Может. Я не разузнавал. Не планировал туда обращаться. Как и к вам, но... Так вышло, и одного разговора уже достаточно. Вы указали мне путь, а пройти по нему я смогу сам.

Кажется, это из какой-то книги. Но пришлось к месту.

— Воля ваша, — смирился доктор. — Тогда пожалуйста на обещанную экскурсию.

Пока они были в кабинете, у пациентов, очевидно, закончились утренние процедуры и началось время прогулки. Людей во внутреннем дворе и примыкавшем к нему парке заметно прибавилось, и Фаулер, как всегда, когда бывал здесь, исподволь рассматривал... психов? Язык не поворачивался так их назвать. В большинстве своем обитатели лечебницы выглядели вполне нормальными. Некоторых выдавала излишняя нервозность. Другие были слишком задумчивы. Третьи — слишком улыбчивы. Но ведь обычный человек может задуматься на ровном месте или улыбаться, вспомнив что-то приятное...

Давешний пышноусый полковник, одетый, как и в прошлую встречу, в парадную форму, деловито, по-военному отчитывал молодую санитарку. Девушка внимала со вселенским терпением.

— А как ваш мертвец? — любопытствовал Фаулер, вспомнив еще одного пациента.

— Кто? — переспросил Эверет.

— Тот человек, который думает, что умер.

— Ах, он... жив. И понемногу начинает в это верить.

— Давно он у вас на лечении?

— Лейтенант, — доктор одарил его укоризненным взглядом, — мы это уже обсуждали. Все подробности о пациентах только при наличии ордера.

— Разве срок госпитализации — настолько конфиденциальная информация?

— Вся информация о пациентах конфиденциальна. В ваш прошлый визит я несколько отошел от правил, но впредь постараюсь их придерживаться.

Действительно жаль.

Со слов бродяг, призрачную деву впервые заметили в середине весны, когда на Карго-Верде уже порядком потеплело. Но появиться следилка могла намного раньше. Просто с наступлением холодов бездомные перебирались поближе к городу и не шлялись ночами у стен лечебницы. А в начале осени о деве еще и не слышали. Фаулер не отказался бы узнать, кто попал на лечение в этот промежуток времени.

Он осмотрел ограду и установленные на ней охранные устройства, заряженные магией и обеспечивающие создание контура. Узнал, что внешний периметр обходит охрана, в одиннадцать вечера и в семь утра, и непохоже было, что Эверет знал о каких-либо других наблюдателях. Подозрение, что к появлению «призрачной девы» причастен кто-то из пациентов, крепло.

Не вовремя доктор вспомнил о принципах. А объяснять ему причины своего интереса пока не хотелось. Но можно найти и другие источники информации.

Пока же Фаулер отметил среди прочего, что за пациентами, даже теми, что гуляют будто бы сами, наблюдают. В предыдущие приезды он не обращал на это внимания и не задумывался, как можно оставить душевнобольных без присмотра. А выяснилось, что их и не оставляют: за каждым решившим побыть наедине с собой следует в отдалении санитар или сиделка.

— Мы даем им почувствовать себя свободными, — разъяснил Эверет. — Но не больше, чем они в этом нуждаются.

Идеальные условия. Охранники, магическая защита, круглосуточное наблюдение. Но каждую ночь кто-то выглядывает за ограду. А то и днем. Последнего бродягу убили утром, между семью и десятью... Сильный маг или ведьма способны сделать так, чтобы о них забыли на несколько часов, отвести глаза и выйти хоть через пропускник. Даже уехать на машине самого Эверета...

— Чей это автомобиль? — полюбопытствовал Фаулер, когда они дошли до стоянки для работников и посетителей. — Вон тот, красный. Вчера в городе похожий подрезал меня на перекрестке.

— Похожий, но точно не этот, — с улыбкой заверил доктор. — Сестра Магда очень аккуратно водит.

И на роль роковой красавицы, за ночь с которой готовы платить жизнью, не годится. Фаулер знал эту даму: еще в прошлом году она работала в городской больнице. А в позапрошлом сломала стул в «Пирогох» — нечаянно, всего лишь сев на него. Не всякая мебель выдержит внезапно обрушившиеся на нее двести с лишним фунтов.

Решив, что сегодня вряд ли получится еще что-то узнать, тем более не особо понимая, что именно ищет, лейтенант собирался попрощаться, когда заметил за кустами гортензии знакомую тонкую фигурку.

— Миз Вивиен, — подтвердил Эверет. — Идет за нами уже какое-то время. Очевидно, надеется поговорить с вами.

Фаулер мысленно ругнулся. Глушилки!

На его силу установленные в лечебнице устройства, как казалось, практически не действовали, причиняя лишь незначительный дискомфорт... Но нет. В других обстоятельствах давно почувствовал бы направленный на него взгляд...

А Вивиен с Адамом появились на острове как раз зимой.

— Подойдите, — приободрил доктор. — Девушке полезно общение. Уже то, что она ищет его, — хороший знак. Но местные обитатели, очевидно, не привлекают ее как

собеседники.

— Брат приезжал к ней только вчера.

Эверет пожал плечами:

— Возможно. Миз Вивиен — не моя пациентка, ее наблюдает доктор Ллойд, так что я не осведомлен обо всех ее посетителях. И брат... Брат — это брат. Круг общения следует расширять.

Первые месяцы на Карго-Верде Вивиен ни с кем не общалась. Адам говорил, что она не выходила из палаты. Когда Фаулер увидел девушку впервые, она лишь коротко кивнула ему и тут же убежала. Так что да, прогресс налицо. И весьма стремительный, если вспомнить, что болезни Вивиен почти шесть лет, а заметные улучшения наступили только тут, на Карго-Верде...

Фаулер попрощался с доктором, поблагодарил за экскурсию и за сэндвичи, заверил, что после сам найдет выход, и пошел к притаившейся в зеленых зарослях девушке.

Он никогда не считал Вивиен сумасшедшей. Не ощущал в ней ничего безумного. Она была просто девочкой, которая однажды очень сильно испугалась и с тех пор не может перестать бояться.

— Здравствуйте, лейтенант!

В негромком голосе звучала такая по-детски искренняя радость, что другой на месте Фаулера устыдился бы недавних домыслов. Ну приехали близнецы Кейдн зимой... И что?

Но лейтенанту эта мысль теперь не давала покоя.

— Здравствуйте, миз Вивиен. Как ваши дела?

Она растерянно замерла. Словно забыла, как вести разговор, и сейчас отчаянно пыталась вспомнить. Почудилось, опять сбежит...

— Хорошо? — нерешительно выговорила наконец.

Фаулер тряхнул головой. Дурацкая подозрительность! Дурацкие глушилки, действующие не на магию, так на мозги! Вот эта трясущаяся девчонка — великий маг?

— Погода чудесная, да? — улыбнулся он.

— Да! — тут же отозвалась она, и счастье от того, что не пришлось раздумывать над ответом, озарило бледное личико.

Историю Вивиен Фаулер знал от ее брата. Тот рассказал в первый же день знакомства, поддавшись приступу откровенности, спровоцированному лишним стаканом солодового виски... Не он первый, не он последний. Но на трезвую голову Фаулер услышанного с ним не обсуждал и тем, что узнал тогда, ни с кем не делился, даже с Джо.

Когда началась война, Адаму и его сестре не было и семнадцати. Но мальчишка — снова не первый и не последний такой — решил погеройствовать и сорвался на фронт. На каком-то пункте соврал, что потерял документы, получил временные, с новой датой рождения... Кто его пропустил, когда Адам и сейчас смотрится сущим ребенком, — вопрос отдельный. Но пропустили, оформили в пехоту... Что с ним было дальше, парень не рассказывал, не о том ведь был разговор, а о Вивиен, которая оставалась с матерью дома, в небольшом городке, куда, по прогнозам военных экспертов, никогда не должна была добраться дарнийская армия. Но, по тем же прогнозам, войне следовало закончиться в первый же год, затронув только приграничные провинции.

Нет, с Вивиен не случилось всего того, что может случиться с хорошенькой девушкой в городе, захваченном врагами. До того, как дарнийцы пришли в их дом, мать успела ее спрятать. В погреб. Закрывает крышку, сверху пододвинула кухонный шкаф, чтобы никто не заметил вход в подпол... Но дарнийские солдаты вряд ли искали погреба, хоть с продуктами, хоть с девушками. Они прошли через город стремительной и смертоносной волной. Практически все, кто не успел спрятаться или уйти, были убиты, в том числе и

мать Вивиен. А сама девушка осталась в погребе, откуда не могла выбраться без посторонней помощи.

Она не кричала, не звала — не знала, кто наверху, свои или чужие. Наверное, правильно делала. Судя по тому, что дом разграбили подчистую, после дарнийцев в городе резвились мародеры. Сидела почти в полной темноте, свет проникал лишь через узкую вентиляционную решетку. Из еды — сырые овощи: лук, картофель, морковь. Вода была: удалось разболтать соединение водопроводной трубы, чтобы собирать капли в старую кошачью миску...

Адам не знал точно, сколько времени его сестра провела в таких условиях. Ее нашла похоронная бригада, обходившая дома, когда дарнийцев уже оттеснили подальше от города... Может, через неделю. Может, через месяц...

На первых порах девушку приютили соседи. Они же и рассказали потом вернувшемуся с фронта парню все подробности и то, что вынуждены были устроить его сестру в «особое место». И таких мест Вивиен сменила немало, прежде чем оказалась на Карго-Верде.

— Вы приехали, — сказала она, глядя на Фаулера с любопытством. — Опять.

— Да. У меня... дело к доктору Эверету. Не по его работе. Скорее по моей.

— А вчера Адам приезжал.

— Я знаю. Мы с ним виделись на телефонном пункте. Он звонил кому-то, сказал, что по вашей просьбе.

— Наверное, — улыбнулась Вивиен.

— Вы не уверены?

— Уверена. В Адаме. Он лучше знает, чего я хочу.

— Он? Не вы сами?

Она виновато пожала плечами.

— На завтрак была овсянка, — проговорила тихо. — А я хотела омлет. Адам приготовил бы омлет. Не овсянку.

Близнецы. Говорят, они действительно чувствуют желания и потребности друг друга. Если это так, Вивиен вполне обоснованно доверяет брату.

Но говорить с нею долго было... некомфортно... Да и не о чем.

Девушка то и дело теряла нить разговора. Отвечала невпопад. Или молчала и смотрела на Фаулера, словно ждала, что он скажет что-то важное. Но он не был ее братом, чтобы понимать невысказанные желания.

Попытки расспросить Вивиен о других пациентах ни к чему не привели. Имен она не помнила, в датах путалась. Лейтенант хотел ненавязчиво разузнать, не замечала ли она чего-либо странного по ночам, но и тут ждало разочарование.

— Я крепко сплю, — сказала девушка. — Всегда. Мне дают спецназ ьн ые капли.

Мимо. Опять мимо. Снова мимо.

Чтобы окончательно развеять глупые подозрения, прощаясь с Вивиен, Фаулер протянул ей руку, хоть и не был уверен, что этот жест не вызовет отторжения. Однако девушка не испугалась — засияла опять восторженной детской улыбкой и осторожно пожала его пальцы.

Если после этого она — маг, то чутье Фаулеру отбило напрочь.

ГЛАВА 9

Ко второй половине дня в управлении, как правило, не оставалось никого, кроме дежурного. Сегодня это была Майя — единственная женщина в полиции Карго-Верде. «И слава морским богам», — добавлял Фаулер обычно. Не то чтобы он считал, будто женщинам не место в исконно мужских профессиях, но в некомпетентности конкретно этой успел убедиться не раз. За пятнадцать лет, что Майя тут работала, она успела выйти замуж, родить троих сыновей, поправиться на пятьдесят фунтов, похудеть на двадцать, перекраситься из блондинки в брюнетку и обратно, но так и не научилась правильно оформлять заявления граждан — ничего серьезнее ей не поручали. Единственный плюс — на дежурства она соглашалась всегда и охотно: где еще отдохнешь от мужа и детей, попутно связав каждому по паре новых носков?

— Ключ от архива, — потребовал Фаулер.

Женщина отложила спицы и удивленно приподняла выщипанные в ниточку брови.

— И тебе доброго дня, — протянула нарочито медленно.

— Доброго, — поздоровался он с опозданием. — Ключ.

— Торопишься?

Лейтенант раздраженно цыкнул. По дороге от лечебницы появилось несколько мыслей, которые теперь не терпелось проверить, вместо того чтобы тратить время на бесполезную болтовню.

Майя закатила глаза, но ключ из ящика вытащила.

— Кстати, об архивах... Джо звонила несколько раз, — вспомнила она. — У нее новый парень?

— Парень?

— В последний раз она звонила полчаса назад. Сообщила, что собирается с каким-то Марти на пляж. Сказала, ты поймешь на какой, если захочешь их найти... Марти — это не тот ведущий с радиостанции?

Иногда казалось, что Майя пошла работать в полицию лишь для того, чтобы одной из первых узнавать городские сплетни. Хотя, скорее всего, не казалось.

— Марти — это женщина, — разочаровал ее лейтенант. — Мартина.

Любопытная коллега разочаровываться не желала:

— Женщина? Может, в этом дело? Я о том, что вы с Джо все время вместе, но... не вместе... Она предпочитает женщин?

— Точно, — согласился он уже у двери в документохранилище. — Все дело в этом. Джо предпочитает женщин, я — мужчин.

Отпер замок, вошел внутрь, но Майю, увы, слышать не перестал.

— Очень смешно, Фаулер! — проорала она со своего места. — Тогда у меня для тебя хорошая новость. Раннер положил глаз на твой зад. У него большие планы, если ты не закроешь дело.

— Дела нужно раскрывать, а не закрывать, — пробормотал лейтенант, выбирая из ящиков с документами нужные папки.

Безногий сказал, что бродяги пропадали и прежде. Но только ли они?

Стоило проверить, хотя явных подтверждений тому, что эти исчезновения связаны с недавними убийствами, не было. Как и тому, что следящее заклинание в лечебнице имеет к ним какое-либо отношение. События даже по времени не совпадали: исчезновения начались минимум три года назад, следилка появилась не раньше осени, а

первый труп нашли на прошлой неделе.

Тем не менее что-то общее во всем этом было. Бродяги? Они пропадали, их убивали, они видели «призрачную деву»...

— Я это забираю. — Фаулер положил перед Майей папки. Четверо пропавших, два неопознанных трупа — заведенные в послевоенные годы дела, которые однажды закроют за сроком давности. Вряд ли кто-то всерьез ими занимался.

— Забирай, — пожала она плечами. — В журнал только запишись. Но если хочешь совет...

— Не хочу.

Он срисовал номера с папок в учетный журнал, поставил напротив каждого подпись и, собрав документы, пошел к двери.

— Что ты носишься с этими бродягами? — пробурчала вслед оскорбленная в лучших чувствах дежурная. — Будто они кому-то нужны.

Фаулер промолчал.

Домой решил не ехать, бумаги просмотрел в машине. Но прежде купил лимонада и ведерко жареных крылышек. На сытый желудок голова работала лучше.

Если бы не Майя, рядом с которой не хотелось находиться ни одной лишней минуты, он изучил бы дела еще в управлении и те, что о трупах, даже не брал бы. Не важно, кем эти люди были при жизни, но смерть пришла к ним не с рассечением артерий. Первый скончался от удара по голове — вероятно, ограбление, так как одежда на мертвеце была приличная, и Фаулер предположил, что парень был одним из тех, кто после войны хотел попытаться счастья на новом месте. На Карго-Верде такие до сих пор появлялись — одиночки, которых на родине ничто не держит. Неудивительно, что труп не соотнесли с заявлениями о пропаже: человека попросту никто не искал. Второй — вероятно, такой же ловец удачи — умер собственной смертью. Документов при нем не было, но имелись часы и некоторая сумма денег, что позволило отнести бедолагу к категории граждан, чья смерть достойна регистрации и хотя бы номинального разбирательства.

Трупы бездомных — Фаулер точно знал — тоже находили, но в полицию эти дела в нарушение всех инструкций не попадали. Если бы не странные обстоятельства, шеф и последние два не пропустил бы...

С исчезновениями было интереснее. Точнее, с нераскрытыми исчезновениями. На Карго-Верде раскрываемость такая, что Раннеру впору памятник на Императорской аллее установить. В основном все по той же причине: заведомо бесперспективные дела просто не открывались. А с этими четырьмя номер не прошел. Два года назад Тед Джонсон, смотритель маяка, заявил о пропаже племянника. Парень был глухонемым, и не исключено, что тихо провалился в какой-нибудь открытый люк или утонул, но Тед упорно отказывался признать родственника умершим, чем немало попортил Раннеру нервы и статистику. Как и муж Норы Робертс. Весь остров знал, что Нора сбежала с каким-то парнем с материка. Они встречались в городской гостинице, после их видели на пароме, но брошенный супруг буквально впахнул заявление шефу в зубы. И хорошо, что о пропаже. Изначально он настаивал на похищении дражайшей половины. С тех пор Раннер вынужден был регулярно рассылать запросы, но миз Робертс так нигде и не всплыла. Ни в прямом, ни в переносном смысле. На развод не подавала, а имени ее нового сожителя, чтобы найти Нору через него, никто не знал.

Фаулер был осведомлен об этих делах. Но два оставшихся, о которых он прежде даже не слышал, заинтересовали сильнее. Женщины, обе — бывшие заключенные тюрьмы Карго-Верде. Первую спустя год после ее освобождения пытались найти дальние родственники. Вторую объявили в розыск по инициативе земельного фонда: ей принадлежал дом и участок, на который нашлись желающие, и потребовалось присутствие владелицы или же документальное подтверждение ее смерти. Оба запроса передали с материка, так как след женщин обрывался на острове непосредственно в день их выхода из тюрьмы. Появлялись ли они в городе, покупали ли билеты на паром — этого никто сказать не мог. Остров и его люди запоминают далеко не каждого чужака.

Тем более розыск в обоих случаях объявили не сразу, а спустя довольно продолжительный отрезок времени с того момента, как пропавшие вышли из-под опеки Эдны Кроули.

С ней-то Фаулер и решил встретиться.

Пляж — это, конечно, заманчиво, и Джо наверняка уже злится, что он не показывается второй день, но, если будет что рассказать ей при встрече, обида пройдет быстрее.

Отношения со свекровью бывшей жены у Фаулера были хорошие. Отчасти потому, что он никогда не воспринимал Эдну Кроули как свекровь Кристин. Пересекались они в основном по рабочим вопросам, но деловой разговор нередко перетекал на отвлеченные темы. Так случалось не только с Эдной. Многие знают: псы — отличные собеседники. И не обязательно псы-оборотни. Любые. В том смысле, что слушают и не перебивают. Естественно, если не вываливать на них откровенную чушь и не пытаться влезть в душу. Эдна Кроули таким не страдала. Иногда жаловалась на непроходимую тупость руководства, считавшего, что с материка виднее, как вести дела на острове. Иногда — на проблемных заключенных. Совсем редко — на отбившуюся от рук внучку и не справляющуюся с ней невестку. Если было время — угощала чаем, как в тот день, когда он приехал за Мартиной Аллен и в итоге из-за затянувшегося чаепития чуть с той не разминусь.

В общем, ладили они неплохо, и Фаулер не сомневался, что Эдна не откажет в помощи...

— С какого перепугу ты поднял это старье? — поморщилась она так, словно на стол ей швырнули дохлую крысу.

— Возможно, эти дела связаны с недавними убийствами.

Эдна нахмурилась:

— Откуда сведения?

Он неопределенно повел плечами.

— Делать тебе нечего, — хмуро вывела директор Кроули. — И что еще ты хочешь услышать? Вон у тебя все уже запротоколировано. Были, вышли, ушли. Что случилось с этими красавицами дальше — не знаю и знать не хочу.

— Вижу, в любимицах они у тебя не ходили.

— У меня нет любимиц среди заключенных, Кен. Я отношусь к людям так, как они того заслуживают. Большая часть моих подопечных не заслуживает ничего хорошего. Есть такие, для которых не все еще кончено. Но эти две... — Она махнула рукой, словно стряхивала налипшую на пальцы грязь. — Шушера...

— Верю твоему опыту. Но хотелось бы узнать побольше. С кем они общались в тюрьме, получали ли письма, навещал ли их кто-нибудь.

Никто не искал пропавших бродяг. Никто не знал, что они вообще пропадают.

Никто не стал бы искать и двух бывших заключенных, если бы не внезапно объявившиеся родственники и имущественные вопросы.

Бродягу достаточно посадить в машину. Освободившуюся из тюрьмы женщину — тоже: подвезти до города, расспросить, куда она собирается дальше и ждет ли ее кто-то дома. Если не ждет — до города можно не довозить. Но прежде нужно знать, когда именно она выйдет за тюремные ворота. И способов получить информацию не так много: от самой жертвы, от ее знакомых или людей, работающих в тюрьме.

Фаулер не смог бы объяснить, с чего вдруг решил, что исчезнувшие женщины и исчезнувшие бездомные связаны. Но если принять эту связь как нечто уже доказанное, выходило довольно складно... Хоть и странно по-прежнему.

И главное — никого, кроме него, эти странности не волнуют. Кому нужны бродяги и отсидившие свое преступницы?

Эдне вот не нужны.

— Ты издеваешься? — взвилась она. — Представляешь, сколько записей придется поднять? Скольких людей опросить?

— Такая у меня работа.

— Работа? Думаешь, только у тебя она есть? А мы тут бездельем маемся, да? — Эдна Кроули встала из-за стола и сложила руки на плоской груди. Она вся была какая-то плоская, угловатая, как девочка-подросток, и это порядком ее молодило, особенно в совокупности с короткой стрижкой, при которой седина смотрелась экстравагантной окраской. — Сейчас я все брошу и побегу искать журналы посещений за несколько лет!

Фаулер с раздражением ударил ладонью по столу, от души надеясь прихлопнуть ту муху, что покусала сегодня госпожу Кроули.

— Не нужно на меня орать, — прорычал, поднимаясь со стула. Посмотрел на собеседницу сверху вниз. — Кажется, я не прошу ничего невозможного. И не требую никуда бежать прямо сейчас. Что не так?

— А ты не знаешь? — Она вдруг сникла и проговорила гораздо тише: — Кристин выходит замуж.

Такого ответа он не ожидал и на несколько секунд опешил, пытаюсь понять, какое отношение замужество Крис имеет к превращению ее свекрови из умной и уравновешенной женщины в форменную истеричку.

— Собирается на материк, — продолжила Эдна. — И Джессику увезет.

Джессика, конечно. Единственный по-настоящему родной человек для Эдны Кроули после смерти сына и мужа.

— Ну... — Фаулер поскреб затылок. — На материке совсем неплохо.

— Разве я спорю? Нормальная школа, колледж... Но беспокойно мне, понимаешь? И Эрик этот не нравится. Такой он какой-то... не знаю. Не нравится, и все.

— Вы знакомы?

— Кристин познакомила недели две назад. Хотела знать, одобряю ли я, прежде чем рассказать Джесси. А кто я ей такая, если подумать? Но это же Крис... Твоего одобрения не просила?

— Нет, — усмехнулся Фаулер. — Я вообще узнал обо всем только вчера. Но Кристин сказала — Джессике этот Эрик понравился.

— Он к ней подмазался! — не согласилась Эдна. — Наобещал золотые горы и собаку сверху. Она мне сегодня уже трижды звонила. Сначала спрашивала породу наших сторожевых, потом — где таких можно купить. Еле убедила ее, что пирейская караульная не годится на роль комнатной собачки... Знаешь, какое-то время я надеялась, что это будешь ты...

— Комнатной собачкой?

— Ты и правда идиот или придуриваешься? — снова начала распалаться Эдна. — Я о тебе и Кристин. О том, что я была бы не против, если бы она снова сошлась с тобой, а не с каким-то... не знаю с кем!

— Вообще-то я был против, — заметил Фаулер. — И подозреваю, Крис тоже. Если тебе будет спокойнее, я разузнаю об этом Эрике... Грайне, да? А пока давай вернемся к моему вопросу.

«Скотина бесчувственная!» — читалось во взгляде директора Кроули. Но она уже не пререкалась. Показала какие-то журналы, позволила пообщаться с несколькими охранниками.

Этого было мало. Требовалась информация обо всей переписке пропавших, обо всех

посетителях и тех, с кем женщины общались в тюрьме. И лучше было бы самому покопаться в документах и поговорить с людьми, потому что официальный запрос через управление тюрем займет время, а в ответ придет формальная отписка.

— Придумаем что-нибудь, — без энтузиазма откликнулась на его просьбу Эдна. — Приезжай в начале следующей недели. Завтра я занята, а на выходных собиралась поехать с Джесси в наш рыбацкий домик.

Глупо было надеяться, что она пожертвует общением с внучкой. Пришлось согласиться подождать несколько дней.

Зато на пляж Фаулер еще успевал.

Денег на счете оказалось больше, чем рассчитывала Марти, но это не значило, что их нужно потратить за один день. Она купила только сумочку, удобные босоножки и легкое платье с короткими рукавами.

И купальник конечно же. Цельный, голубой и довольно скромный в сравнении с некоторыми моделями. Но плеч он не закрывал. Запястий и подавно, как, впрочем, и платье... Только чего ей еще стыдиться после тюрьмы?

— Можно браслеты подобрать, — предложила Джо. — Хотя на острове не так много людей, которые поймут, что это. А те, что поймут... Оно ведь все равно чувствуется. Может, и лучше, если увидят?

Ее печати не похожи на те, которые против воли накладывают преступникам. Там — грубое тавро, часто смазанное, с неаккуратными рубцами. У Марти — тонкие, едва выпуклые рисунки размером с монету на внутренней стороне запястий. И еще один на шее сзади, но его не видно под волосами. Словно охрой наведенный узор из запирающих символов. Даже красиво. До слез красиво. Как и расплзшаяся по плечу серебристо-серая паутина. Шрам от осколка свели начисто, а она осталась. Этакая художественная находка для склонных к эпатажу модниц. Тоже мало кто поймет.

— Солнце не повредит? — обеспокоилась Джо.

— Нет. Наоборот, советовали.

Солнечные ванны, морские ванны — в прямом смысле то, что доктор прописал. И никаких любопытных взглядов.

— Мой личный пляж, — представила Джо уютный кусочек песчаного берега, расположенный довольно далеко от города и скрытый со стороны дороги заросшими кустарником холмами. — Чужаки сюда не забредают, я выставила парочку защит на подъезде. Не люблю, когда на меня пялятся всякие.

«Всяких» можно было понять. Когда Джо стянула рубашку и брюки — другой одежды она, похоже, не признавала, — обнаружилось, что у нее отличная фигура. И волосы роскошные, Марти успела оценить в ту пару минут, на которую миз Гарнет распустила густые каштановые локоны, прежде чем скрутить их в еще более тугий пучок. Да и в целом Джо была хороша и, если бы искала внимания... Но она не искала. Наверное, были причины, но Марти сочла, что они недостаточно близко знакомы, чтобы спрашивать о таком.

Говорили о пустыках. Немного поплавали. Позагорали. Подкрепились бутербродами, которые Джо предусмотрительно захватила с собой. Снова искупались.

После Марти растянулась на полотенце, подставив солнечным лучам открытую в вырезе купальника спину, и незаметно для себя задремала. Разморенная теплом, утомленная плаваньем и новыми впечатлениями, могла бы проспать так до наступления темноты, но солнце только начало опускаться к морю, когда ее разбудил приближающийся гул мотора.

«Вот тебе и защищенный пляж», — подумала Марти, потягиваясь.

Из-за кустов выполз черный автомобиль и остановился рядом с «жучком». Защиты работали, просто на некоторых их действие не распространилось.

— Добрый день, миз Аллен, — поздоровался Кеннет Фаулер. — Джоан.

— Привет, — отозвалась та от воды.

Убивать лейтенанта она, видимо, раздумала. Но вид у него был и без того убитый. От ее «как дела?» Фаулер отмахнулся и принялся раздеваться.

Марти тактично отвернулась. Потом решила, что мужское белье не так уж сильно отличается от мужского же купального костюма, и... нет, не разглядывала. Посмотрела.

Первое впечатление подтвердилось: медведь. Не толстый, просто крупный. Мышцы бугрятся под кожей, но фигура слишком громоздкая, далекая от классических атлетических пропорций. Руки и мощная грудь густо покрыты волосами... и ноги тоже...

В море он не входил — влетел с разбегу, подняв фонтан брызг, и поплыл к горизонту, рассекая воду широкими гребками.

— М-да... — Джо подергала себя за выбившуюся из пучка прядку. — У кого-то день не задался. У нас еда осталась?

Когда Фаулер вышел на берег, отряхиваясь и отфыркиваясь, она с ходу сунула ему бутерброд, дождалась, пока лейтенант его сжует, и повторно поинтересовалась состоянием дел.

— Нормально. — Полицейский бросил беглый, но выразительный взгляд на Марти. — Потом расскажу.

— Ну а мы — сейчас, — заявила Джо. — И нечего рожу корчить. Марти знает. И больше, чем ты думаешь.

Рассказ о сходстве недавних убийств с ритуальным изъятием силы перед раскрытием купола смерти над Ликардией настроения лейтенанту не поднял. А когда и он поделился недавними открытиями, стало окончательно ясно, что ничего не ясно.

В первую очередь неясно было, связано ли все это между собой. Маг в лечебнице, запускающий по ночам следящее заклинание. Красная машина, увозящая навсегда бездомных. Пропавшие без вести женщины. Но если связано и кто-то действительно уже несколько лет убивает бродяг и недавно освободившихся заключенных, обнаруживалась еще одна странность...

— Если до этого трупов не находили, что изменилось теперь?

Вопрос задала Марти, но по реакции Фаулера и Джо было видно, что и они отметили этот момент. Ответов напрашивалось два. Либо преступник — псих и окончательно сорвался с катушек, забыв об осторожности. Либо ему зачем-то нужно, чтобы убийства заметили.

Был и третий, объединяющий оба варианта: убийца — псих, которому надоело прозябать в безвестности.

— А что со следилкой? — спросила Джо. — Раньше ведь ее тоже не было, если верить бродягам.

— Да, — кивнул Фаулер. — Но, возможно, и мага, что ее запускает, не было в лечебнице. Эверет сказал любопытную вещь в мой прошлый приезд. Оказывается, некоторые пациенты устраиваются туда сами. Вроде бы им сложно жить в обществе... Или понадобилось обосноваться на острове, не привлекая внимания. Попытаюсь выяснить, кто появился там с осени по весну и бывал ли он прежде на Карго-Верде. И Эдна обещала помочь с информацией о пропавших женщинах. Возможно, найдется связь между тюрьмой и лечебницей. Пока у меня одни только домыслы. Нужно...

— Что тебе нужно, так это поехать домой, нормально поесть и выспаться, — перебила его Джо. — А мне — отвезти Марти и проверить, что Адам натворил без нас в башне. Завтра

обговорим все на свежую голову.

Она начала собираться так быстро и решительно, что Марти и не думала возражать. Натянула платье прямо поверх купальника, к счастью уже подсохшего, сложила полотенца.

На обратном пути они с Джо почти не разговаривали. Та сосредоточилась на дороге и думала о чем-то своем, а Марти — о своем. О том, что она тоже недавно освободилась и ее, как и пропавших женщин, никто не ждет и не станет искать. Поступив в университет, она потеряла связи с приятелями из детства. Война оторвала от товарищей по учебе. Замужество и переезд свели общение с фронтовыми друзьями к переписке, которую сама Марти и оборвала, оказавшись в тюрьме. Если кто-то и пытался найти ее, за три с половиной года уже смирился с потерей.

Если Фаулер не ошибается, от участи новой жертвы ее спасло лишь то, что освобождение условное и нужно было стать на учет в полиции. Хотя, если бы Марти пропала, решили бы, что она сбежала...

Мысли эти крепко засели в голове. А в груди поселился страх.

У дома она попрощалась с Джо и пошла в свою квартиру, оглядываясь на лестнице и вздрагивая от каждого звука на этаже. Когда слева резко распахнулась дверь, сердце замерло от испуга.

— Слышишь, красавица, — окликнула ее неряшливо одетая женщина с зажатой в зубах папиросой. — У нас дом приличный, мы не любим, когда тут не пойми кто шляется.

— Я здесь живу.

— А я не о тебе. — Женщина стряхнула пепел прямо на пол. — Я о мужиках, что к тебе ходят.

— Никто ко мне не... — Она осеклась на полуслове и с беспокойством взглянула на видневшуюся в конце коридора дверь своей квартиры. — Сегодня кто-то приходил?

— Разминулись? — неприятно ухмыльнулась соседка.

— Кто? — Марти порывисто шагнула к ней и едва удержалась, чтобы не вцепиться в отвороты грязного халата. — Кого вы видели? Во сколько?

— С ума сошла? — проблеяла женщина и схватилась за дверную ручку.

Марти схватилась с другой стороны. Силы в ней было немного, но в минуты опасности, даже мнимой, она просыпалась вся и сразу.

— Кто приходил? Когда?

— Днем, часа в два, — пропыхтела соседка, не выплевывая папиросу и продолжая тянуть на себя дверь. — Мужчина какой-то... Не рассмотрела в глазок...

В глазок она видела бы только квартиру напротив и никак не могла знать, откуда или куда направляется прошедший мимо человек. Осознав это, Марти немного ослабила хватку.

— Может, и не к тебе, — подтвердила ее мысль соседка. — Мало ли тут девок живет... Да пусти ж ты!

Марти отпустила. Дверь захлопнулась.

Страх никуда не девался.

В квартиру она входила с опаской. Тут же включила свет, хотя за окнами едва сгущались сумерки. Осмотрела все. После — обшарила. Вещи лежали на своих местах, и ничто в комнате не намекало на постороннее присутствие.

Все нервы...

Но перед сном Марти проверила шпингалеты на окне и укрепила дверь, просунув через ручку швабру.

ГЛАВА 10

«Я — твой должник», — самая нелепая фраза, которую Фаулер слышал на войне. Какие счета между жизнью и смертью? Вчера ты спас кого-то, сегодня — кто-то тебя. Завтра — никто и никого. Тем не менее в должники к нему записались многие, и были среди них люди, за четыре года об этих надуманных долгах не забывшие. Больше того — они и ему забыть не позволяли. Звонили, писали. Рвались отплатить. Предлагали в основном поспособствовать в переводе на новую работу, прибыльнее, интереснее, перспективнее, — то в частную охранную фирму, а то и в имперскую разведку. Мало кто понимал, что удерживает его на острове. Мало к кому Фаулер действительно обратился бы.

Уоллес Руби был одним из тех, кому он мог позвонить, не опасаясь «расплаты».

— Кен, дружище, рад слышать! Ты в столице? Наконец-то! Помнишь, я говорил, что держу бутылочку черного бальзама? Она до сих пор ждет!

— В другой раз, — перебил Фаулер. — Я все еще дома.

Вернее, на переговорном пункте, куда направился сразу же после завтрака, но не в столице — однозначно.

— Уф... — Из трубки вырвался полный искреннего сожаления вздох. — Жаль. А я уж подумал...

— Мне нужна помощь.

На другом конце линии повисла удивленная пауза. Можно было гордиться собой: удивить Руби не так-то просто.

— Информация, — уточнил лейтенант.

— О! Это ты по адресу.

— Я знаю.

— Иначе я тебя и не услышал бы, верно? — Упрека в голосе фронтового товарища почти не слышалось. С тем, что Фаулер вопреки расхожему мнению о дружелюбии морских псов этим самым дружелюбием не пышет, Руби давно смирился. Но общение с ним поддерживал не только в благодарность за спасенную шкуру. — Что именно интересует?

— Помнишь Ликардию?

— Считаешь, это можно забыть?

— Нет. И подозреваю, ты знаешь о том, что там случилось, больше моего.

Еще на пляже, услышав рассказ Мартины Аллен о сборе силы и позаимствованном на Архипелаге ритуале, он подумал, что если кому-то из его знакомых об этом известно, то только Уоллесу.

Вэнди, кропавшая «сенсационные» статейки для «Маяка» и мнившая себя акулой пера, на деле была всего лишь анчоусом. А то и планктоном. Уоллес Руби, если и дальше сравнивать журналистов с морскими обитателями, — спрутом. До войны он был политическим обозревателем. Попав на фронт, умудрился побывать в самых горячих точках, чем после заслужил славу одного из лучших хроникеров. Теперь снова вернулся к политике... А спрут — не только потому, что в поисках горячих новостей мог далеко протянуть цепкие щупальца, но и потому, что знал, когда нужно отползти в сторону, выпустив вместо очередной сенсации отвлекающую чернильную кляксу.

— Это не телефонный разговор, Кен, — сказал он, выслушав короткий рассказ и связанные с ним вопросы.

— Тебя прослушивают?

Руби рассмеялся:

— Уместное уточнение. Если бы кто-то и правда слушал, твоя прямолинейность его позабавила бы. Но я расщедрился на парочку магических защитных устройств... Это между нами, да?

Фаулер просто пообещал оторвать уши телефонистке. Карго-Верде — не столица, здесь и такие способы защиты работали.

— Почему тогда разговор не телефонный? — спросил он.

— В первую очередь потому, что я хотел бы видеть твою песью морду. В глаза ты врать не умеешь, а по телефону хрен признаешься, во что ввязался.

— Как только пойму, сам расскажу. Тебе первому.

— Эксклюзив? — усмехнулся Уоллес. — Ну-ну... Любопытно, но вряд ли пойдет в тираж. Как и вся правда о случившемся в Ликардии. Не знаю, откуда у тебя сведения, но... были такие разговоры. Секретности вокруг них не нагнетали, однако официально никто и ничего не подтвердил. И ниточки действительно тянутся на Архипелаг. Ходили слухи, что дарнийцев поддерживал кое-кто из лордов. Якобы не все они были довольны властью императора и некоторые хотели использовать вторжение Дарнии, чтобы ослабить эту самую власть... Но это лишь слухи. Мы же помним, что Архипелаг — оплот империи, лорды преданы народу и лично императору, да? Только после войны от трех родов истиннокровных почти никого не осталось. Совпадение, наверное. Помнишь, в газетах писали о вероломном нападении на Архипелаг, в результате которого чуть не расторгли только-только заключенный мирный договор? Дарнийцы отрицали свою причастность, а власти империи не очень-то на ней и настаивали. Главное ведь сохранить мир, да? Жизнь одиннадцати лордов крови и десятка приближенных к ним магов — небольшая цена. А в течение года еще шесть лордов скоропостижно скончались. Из тех же родов. В одном даже глава сменился.

— Хочешь сказать, император убрал предателей?

— Это ты сказал.

— Всех?

— Полагаешь, кто-то из них засел на твоём острове и собирает силы для мести и переворота? — уточнил Руби.

— Не знаю. Размах не тот, как по мне.

— Мне тоже так кажется. Но если что-то нароешь, я подскажу, к кому обратиться. Ну и эксклюзив за мной, если пропустят.

— Буду иметь в виду. А пока... Ты помнишь, какие три рода истиннокровных пошли в расход? И, если не затруднит, у меня есть еще пара вопросов... Буду должен.

Он записал фамилии и попросил Руби раскопать информацию о здравствующих представителях опальных родов, а также узнать, есть ли в Идвере психиатрическая клиника или специализированное отделение и слышали ли там что-нибудь об Адаме и Вивиен Кейдн. Близнецы были ему симпатичны, но подслушанный разговор и замечание Эверета, что в Идвере нет лечебницы, не давали покоя, и Фаулер не знал другого средства избавиться от подозрений, кроме как разобраться во всем.

С переговорного пункта он направился в управление, но пробыл там недолго: позвонила Джо и попросила срочно приехать в башню.

Марти не хотела доставлять хлопот ни Джоан, ни лейтенанту Фаулеру, но на острове ей было больше не к кому обратиться. Не к Бернис же бежать с утра, утешаться пирогом и жаловаться, что всю ночь не спала, опасаясь непонятно чего?

Джо к ее рассказу отнеслась серьезно и тут же вызвонила друга-полицейского, а тот, хоть Марти и подчеркнула, что не уверена в том, что неизвестный мужчина приходил именно к ней, предложил осмотреть квартиру и расспросить соседей.

Неожиданным пострадавшим в этой истории оказался Адам. Его, как и накануне, бросили в башне наедине с неразобранными документами, потому что обожаемая начальница поехала вместе с Марти и Фаулером, не пожелав остаться в стороне.

— Точно ничего не пропало? — уточнил лейтенант прежде, чем зайти в квартиру.

Марти помотала головой.

Входить она не стала, ждала в коридоре с Джоан, наблюдая за Фаулером через открытую дверь.

Полицейский осмотрелся, прошелся до окна и обратно, приблизился к шкафу, потом к кровати. Он ни к чему не прикасался и не приглядывался, казалось, а... приняховался?

Марти с недоумением обернулась к Джо, а та — говорила ведь, что иногда угадывает мысли, — быстро скосила глаза на Фаулера и, когда он отвернулся, поджала руки к груди, высунула язык и тихо прерывисто задышала: «Хе-хе-хе». Лейтенант резко развернулся, но Джо успела принять серьезный вид, а затем, отступив так, чтобы ее не видно было из комнаты, снова вывалила язык и приложила руки к голове. Если в первый раз свесившиеся кисти символизировали лапы, то во второй, если Марти не ошиблась, — уши. А композиция в целом — собаку. Вернее, пса. Ведь именно псом Джо назвала Фаулера тогда у Бернис, и это было не ругательство, как подумалось сразу.

Что ж, это многое объясняло. Должность специалиста по незаконному использованию магии, например. У оборотней обостренное чутье на любые проявления чар. А у Марти теперь — никакого, иначе она с первой встречи распознала бы в лейтенанте морского пса. Раньше она могла видеть тень второго облика...

— Есть что-то? — спросила Джо выглянувшего в коридор полицейского.

Тот неуверенно кивнул.

— Что-то есть. Только не знаю что.

Не посторонний запах и не магический след, как он объяснил, но ощущение, что они должны тут быть. Скажи такое кто-нибудь другой, можно было пропустить мимо ушей, однако не доверять предчувствиям оборотня минимум неосмотрительно.

Он спросил Марти, кто из соседей сказал ей о посетителе, и решительно постучал в дверь.

Подумалось, что не откроют. Как обычно, днем дом был тих и, казалось, пуст. Но разве пес не почувствовал бы, что в квартире никого нет?

После повторного стука давешняя дамочка изволила-таки выглянуть и с ходу уткнулась длинным носом в полицейский значок. Незаданный вопрос прилип к оттопырившейся нижней губе вместе с папирсой.

— Что же вы в глазок не посмотрели? — поинтересовался Фаулер. — Обычно ведь смотрите. Даже на тех, кто просто проходит мимо.

Женщина промямлила что-то, заметила Марти и злобно сощурилась, поняв, кому обязана явлением полиции. Но на расспросы лейтенанта ничего внятного ответить не смогла, повторила то же, что сказала вчера: какой-то мужчина прошел по коридору. Ни лица, ни цвета волос, ни даже во что он был одет, она не разглядела. Только пояснила, как догадалась, из какой квартиры вышел незнакомец:

— Дверь там скрипит. Противно так: «и-и-и!»...

Джо тут же подошла к комнате Марти.

И-и-и! — сказала дверь.

— Ты тут не останешься, — сказала Джо. Не двери, конечно. — Собирай вещи. Кен, Марти ведь не обязательно жить именно тут?

— Нет. Главное, сообщить новый адрес своему инспектору. То есть мне.

— Тогда сообщаю: мы возедем ее к Анабелле. Сразу нужно было это сделать. Тут и без незваных гостей жутко.

Как чуть позже объяснили Марти, госпожа Анабелла держала небольшую гостиницу.

— Во-первых, условия там не в пример лучше и круглосуточная охрана, — по дороге перечисляла достоинства будущего жилища Джо. — Во-вторых, к башне ближе. В-третьих, Адам снимает там комнату, сможете вместе ходить на работу.

Марти показалось, что при упоминании Адама лейтенант мимолетно поморщился, но, наверное, действительно показалось. Джо рассказывала, что это Фаулер пристроил к ней помощника: вроде бы познакомился с парнем в баре, узнал, что он привез сестру в лечебницу и, пока та проходит терапию, ищет занятие на острове. Именно занятие — в заработке как таковом Адам не нуждался. Зато Джо нужны были люди в башне, островитяне не горели желанием там работать, опасались злобную ведьму, не иначе.

— О плате за гостиницу не беспокойся, — сказала злобная ведьма. — Город должен обеспечить тебя жильем — город обеспечит... Хотя бы частично. Разницу оформлю как нужды архива.

Марти не возражала. Успела понять: если Джо что-то решила, спорить бесполезно.

Гостиница называлась «Островок», и название это очень ей подходило. Расположенное практически в центре города небольшое двухэтажное здание, окруженное цветущим садом, и правда смотрелось островком уюта и умиротворения, а хозяйка заведения — Анабелла, или Белла, как она сама представилась, — неуловимо напоминала Бернис, хоть была значительно выше, лет на десять моложе и гораздо стройнее пирожницы, к тому же — совсем не блондинкой.

— Ох, Джоан, дорогая, конечно же я найду твоей девочке комнатку, — щебетала она и безуспешно пыталась убрать за уши то и дело спадавшие ей на покрытое веснушками лицо ярко-рыжие завитушки волос. Рядом с ее прической, напоминавшей разворошенную копну, пучок Джо выглядел эталоном элегантности. — На втором этаже как раз есть свободный номер с выходом на общий балкон. Пойдем, милая... — Белла хотела покровительственно взять Марти за руку, но коснулась пальцами ее обнаженного запястья и отступила. — Какая жалость, — проговорила растерянно. — Так...

— Так было нужно, — успокаивающе улыбнулась Марти, решив, что потом расспросит Джо о хозяйке гостиницы поподробнее. И, наверное, все же купит браслеты.

После выделенной щедрым государством квартиры номер, оформленный в спокойных тонах и со вкусом обставленный, казался роскошным. Светло-зеленые обои не хранили автографы предыдущих жильцов, дверцы шкафа не нужно подпирать стулом, чтобы они не распахивались, матрас на кровати не скрипел и не пугал холмами и провалами, а главное — тут имелась ванная комната. И выход на балкон, да. Но сейчас на балконе курил какой-то мужчина, и Марти плотнее прикрыла дверь, чтобы в номер не натянуло дыма.

Она оставила чемодан и спустилась к ожидавшим ее Джоан и Фаулеру. Раз уж вопрос со сменой жилья решен, можно возвращаться в архив. Документы сами себя не разберут и не каталогизируют...

Однако не задавшийся с утра рабочий день и не собирался меняться к лучшему. Первое, что они увидели, войдя в башню, — перевернутый стол. Второе — сидевшего на полу рядом с ним Адама. Вокруг молодого человека валялись упавшие со стола бумаги и книги, но если кто и переживал за их судьбу, то разве что Джо. Марти и лейтенант кинулись сразу к парню. Тот был бледен почти до синевы, кривился от боли и держался за затылок. Марти мягко потянула его за руку и увидела кровь на ладони. Затем осмотрела его голову:

— Рана небольшая, нужно только промыть. Но ушиб серьезный, судя по отеку. Возможно сотрясение.

— Я ничего не делал... — бормотал бедолага. — Был там, на том первом... Прошел, как вы показали. Потом вдруг — сюда... Я сейчас все уберу, миз Гарнет!

Джо хмуро отмахнулась.

— Башня опять чудит, — выговорила сквозь зубы. — Как же вовремя!

Она прошла по кругу, но на скрытый этаж не переместилась.

Повторила попытку — и снова безуспешно. Выругалась негромко, потом пожала плечами и заявила почти радостно:

— Поздравляю, выходные наступят на день раньше! Кен, отвезешь Адама и Марти?

— Я могу сам... — начал пострадавший.

— Я помогу убраться, — одновременно с ним предложила Марти.

— Бунт? — Джо сурово сложила руки на груди. — Ты, — взглянула на Адама, и парень испуганно сжался. — В постель, и если почувствуешь себя хуже, не геройствуй, а сразу проси вызвать доктора. Марти, проследи, чтобы он добрался до комнаты. Вы же теперь соседи... И тебе тоже не мешает отдохнуть. Ночью, насколько я помню, это не очень получилось. А к вечеру, если не против, заеду за тобой, поужинаем где-нибудь...

В этот раз Марти точно была уверена, что недовольная гримаса Фаулера ей не померещилась.

«Миз Ривс была бы довольна», — думал лейтенант в тот момент, вспомнив их с Джо учительницу, долго пытавшуюся внушить им, что мальчики должны дружить с мальчиками, а девочки — с девочками. Кену, в принципе, внушать ничего не нужно было, дружил он с мальчиками. Крепко дружил — тогда казалось, что на всю жизнь, и не верилось, что жизнь эта разведет в разные стороны, а для кого-то и вовсе закончится слишком рано. Из давних друзей на острове в живых остался только Майк, но у того жена, трое детей и сбывшаяся мечта — недавно открытая автомастерская. Встречи их стали редки до безобразия. А Джо...

«Я — не девочка, — завила она однажды, устав от нотаций классной дамы. — Я — ведьма. У ведьм не бывает подруг».

Это было не совсем верно, если говорить о ведьмах вообще, но в случае Джоан Гарнет именно так и получалось. И не потому, что характер у нее был сложный. Сложный, но не дрянной же, как у некоторых. Однако с девочками, а после с девушками и взрослыми женщинами Джо не особо ладила.

До недавнего.

Еще неделю назад ужинала бы с ним. И обязательно спросила бы, какие планы на выходные. Может, сходили бы в кино...

Ныне же ему досталась роль таксиста. Но обиды не было, лишь мимолетное огорчение, тут же сметенное другими мыслями, по традиции последних дней — нерадостными: ко всем проблемам добавились «чужачества» башни.

Джо сделала вид, что ничего серьезного не происходит, но, оставшись одна, наверняка растратит уйму сил, пытаясь оживить пространственные переходы. Обычно те не требуют дополнительного вливания энергии, архив сам по себе — огромный аккумулятор, и, если бы он вдруг оказался разряжен, проявилось бы это иначе: скрытые помещения стали бы явными и башня выросла бы до небес. Но этого не случилось, а значит, дело в другом. Хотелось бы думать, что виной всему надвигающийся магический шторм. Были такие прогнозы, хоть подтверждения пока не дали. За то время, что Джо управляла архивом, переходы там пять раз закрывались или открывались внезапно и в неожиданных местах, и четырежды это случалось в преддверии бешенства стихий... А один раз — за неделю до начала войны. Тогда тоже был мощный энергетический выброс, но спровоцированный искусственно, и башня никак не могла заранее почувствовать его, как чувствовала по изменениям в атмосфере надвигающийся шторм. Скорее предвидела беду и пыталась привлечь внимание единственным доступным ей способом. Джо верила в это, и Кен тоже, а потому убеждал себя, что сегодняшний случай связан именно со

штормом.

Он довез Мартину и Адама к Белле, убедился, что парня уже не шатает из стороны в сторону и нет нужды подниматься с ним на второй этаж, и отправился по своим делам.

Для начала вернулся в управление проверить, нет ли вызовов по его профилю или других поручений от шефа, но день был на диво спокойным, а что до Раннера, тот появился лишь с утра, а после отбыл в неизвестном и вряд ли связанном с полицейскими надобностями направлении, чем фактически благословлял на безделье подчиненных. Фаулер бездельничать не планировал. Он поговорил еще раз с патологоанатомом, как раз пришли результаты химических анализов, подтвердившие, что во втором случае, как и в первом, ни ядов, ни снотворных средств не применяли. Затем расспросил Стоуна — парня, который занимался пропавшими женщинами. Ничего нового не узнал, но не особо и рассчитывал. После долго изучал маршруты плановых объездов острова, прикидывая, где можно было бы несколько лет прятать трупы от поискового импульса полицейских амулетов. Увы, мест таких на Карго-Верде нашлось немало. Однако с главной задачей лейтенант справился — убил время до вечера, на который у него было запланировано настоящее дело.

Изначально он собирался встретиться с кем-нибудь из бывших коллег — тех, кто теперь работает в охране лечебницы, но, подумав, решил рискнуть и переговорить с тем, кто наверняка знал больше, нежели простые охранники. С доктором Ллойдом.

В отличие от Эверета, доктор Тобиас Ллойд был местным и, как поговаривали, недолюбливал залетного выскочку, занявшего место заведующего лечебницей. Прежде Фаулер не интересовался подобными сплетнями, но сейчас на этом можно было сыграть. Хотя, признаться, прямолинейный — порою даже слишком — пес не был мастером подобных игр. А Ллойд, в противовес своему начальнику, не был любителем праздных разговоров. Фаулер знал его, как и многих горожан, здоровался при встрече, но общались они лишь однажды — в прошлом году, когда расследовалась попытка кражи стабилизаторов, и в тот раз сдержанность доктора и манера отвечать сухо, коротко и по существу порадовали. Теперь же в этом выделались определенные проблемы.

Единственная точка соприкосновения — «Пирог тетушки Энн». Но если Кен предпочитал бывать там в первой половине дня, когда людей почти не было, то Ллойд заезжал после работы, почти к закрытию, ведь путь от лечебницы до города неблизкий. Посетителей в это время тоже было немного, столики пустовали, но Фаулер направился сразу к тому, за которым уже обосновался Ллойд.

— Вы позволите?

— У меня есть варианты? — холодно осведомился психиатр.

Ему было за шестьдесят, как и Эверету, но, в отличие от того, Ллойд выглядел на свой возраст и не пытался, во всяком случае в нерабочие часы, изображать профессиональное участие на лице. Носил он усы и очки, а также являлся обладателем солидного брюшка и обширной лысины. Лысина, днем прятая под шляпой, была гладкой и бледной, а лицо — рыхлым и загорелым. Граница проходила посередине лба...

— Хотел бы поговорить с вами, — не стал юлить Фаулер. — Неофициально.

— Не скажу вам ничего нового сверх того, что вы уже знаете от доктора Эверета. Он просветил персонал относительно цели ваших визитов, лейтенант, и показал фотографии погибших. Никто их не опознал, как и ожидалось.

— Кем ожидалось? Вами?

— А вами — нет? — тем же холодно-отстраненным тоном уточнил доктор. — Вы же не надеялись, что кто-то на острове помнит всех бездомных в лицо?

— Нет, — согласился Фаулер. — Но опознание — стандартная процедура... И поговорить я хотел о другом, если честно. Об одной вашей пациентке — миз Вивиен Кейдн. Понимаете, я знаком с ее братом, Адамом, и в последнее время он чем-то взволнован...

— Чем бы он ни был взволнован, — перебил Ллойд, — с состоянием миз Вивиен это не связано.

— То есть она...

— Поговорите лучше с вашим другом, — снова не дал закончить доктор. — Если он сочтет нужным, расскажет вам о болезни сестры в подробностях. Я этого делать не намерен. Будут еще вопросы или я могу спокойно доужинать?

— Будут. — Тон доктора действовал Фаулеру на нервы, и хотелось отплатить тем же. — Теперь можете считать наш разговор частью официального дознания. Миз Вивиен или другие ваши пациенты покидали в последние десять дней территорию лечебницы?

— Вы же спрашивали об этом Эверета. И он вам ответил. А я сразу предупредил, что не скажу ничего нового.

— Вы находились на острове во время войны?

Вопрос Ллойда удивил, однако с ответом он не замешкался:

— Нет, был на фронте, как и вы.

Теперь уже удивился Фаулер, но не сильно: воевали многие. А медик, пусть и с подобной специализацией, это все-таки медик.

— А доктор Эверет?

— Был ли он тогда на острове? — переспросил доктор. — Не могу знать наверняка. Но на фронте точно не был. И Карго-Верде он покидает время от времени.

— Зачем?

— Рабочие вопросы. Поиск дополнительных источников финансирования, покупка оборудования. Поиск потенциальных пациентов...

— Как это?

— Это так же, как и поиск новых источников денежных средств. Психические отклонения не являются привилегией обеспеченной части общества, но по нашим пациентам этого не скажешь... Подробности узнайте у Эверета, если они вас интересуют.

— Обязательно, — пообещал Фаулер, уловив в последней реплике доктора ту самую неприязнь к выскочке-чужаку, о которой судачили на острове.

— Могу я наконец доесть пирог? Или?..

— Какого цвета у вас машина, доктор?

— Взгляните сами.

Ллойд указал за окно, где у фонаря был припаркован темно-синий автомобиль, и, не дожидаясь больше от Фаулера разрешения, занялся содержимым своей тарелки.

Ничего не оставалось, как взять у Бернис кусок пирога с собой и вернуться к первоначальному плану. Благо времени для этого было достаточно, а в вечер пятницы удалось найти даже не одного, а сразу двоих охранников. Парни расслаблялись в баре и не отказались ни от компании бывшего сослуживца, ни от халявной выпивки.

Расставшись с некоторой вполне умеренной суммой и выслушав кучу лишнего трепы, Фаулер разжился-таки какой-никакой информацией. С прошлой осени помимо Вивиен Кейдн в лечебнице появилось еще трое пациентов: относительно знакомые лейтенанту «мертвец» и полковник и некая пожилая дама. Но узнать их имена совместное распитие не помогло. Охранники дорожили работой и не отступали от главных правил, а лейтенант не особо настаивал.

Домой он возвращался поздно. И не спеша. Алкоголь действует на оборотней не так, как на обычных людей, и почти не влияет на скорость рефлексов, но Фаулер все равно не сел за руль выпившим. Так что шел пешком, оставив машину у бара.

Зачем-то сделал крюк и прошел мимо башни. Полюбовался темными окнами. Потом, словно кто-то подтолкнул в том направлении, двинулся к «Островку» Беллы.

Напротив гостиницы у обочины стоял автомобиль доктора Ллойда.

«Ябеда!» — с какой-то детской обидой подумал Кен, издали разглядев через лобовое стекло водителя и пассажира. Хотя, возможно, доктор поступил правильно, решив предупредить Адама о том, что какой-то пес интересуется его сестрой...

Подумав, что не стоит сейчас попадаться им на глаза, Фаулер пошел обратно. К башне.

На полпути спохватился и повернул домой.

ГЛАВА 11

«Будильник все-таки нужен», — подумала Марти, поняв, что опять проспала. За окном светило солнце, часы показывали почти девять, а то, что с вечера они с Джо опять засиделись в «Рыбке» и, кажется, немного перебрали с вином, — не оправдание. Хорошо, что сегодня выходной, ведь могла бы и до полудня проспять, если бы не голоса с балкона.

Ночью ей стало душно, и она приоткрыла дверь. Теперь за ней слышалась какая-то возня и негромкие пока еще пререкания.

Дети.

Откуда тут дети?

С другой стороны, почему бы им тут не быть?

Но не под ее же дверью!

Она ворчала про себя, но встать с мягкой кровати и шугануть нарушителей спокойствия было выше ее сил, и она продолжала лежать, невольно прислушиваясь к происходившему на балконе.

Сначала две девочки — судя по голосам, обе были не старше двенадцати лет — спорили из-за какой-то книги. Одна уверяла, что «тетя обязательно заметит» и им влетит, «как тогда», а еще, что «это вообще нельзя читать». Вторая хорохорилась: мол, ничегошеньки им не будет и в книге нет «ничего такого».

— Я ее сто раз уже читала!

— Вот и врешь!

— Не вру! Хочешь, по памяти расскажу?

— Все-все? Замаешься говорить!

— Это ты слушать замаешься!

«Я уже замаялась», — мысленно вздохнула Марти и почти решилась встать, но начавшийся пересказ свел ее решимость на нет.

— Магия — это энергия, — вещал звонкий голосок. — Энергия преобразования... Она везде. В земле, в воздухе. В растениях и животных. Но лучшим проводником для магической энергии является вода. Именно по воде проходят самые мощные линии силы. Людей, способных использовать магическую энергию, называют магами...

— Или ведьмами, — подсказала вторая девочка.

— Нет, ведьмы — это другое. Они — природницы. То есть связаны с природой. И могут использовать только энергию жизни. Поэтому они накапливают ее в себе, делают как бы частью себя, а потом расходуют вместе с собственными силами. Это бывает опасно для здоровья. Поэтому ведьмы предпочитают действовать опосредованно, вот. Через заранее приготовленные зелья или отсроченные наговоры. А маги берут энергию из окружающего пространства и ее же преобразуют. Сильные маги — сразу. Те, что послабее, собирают ее в себе... Не как ведьмы, а будто в отдельный карман... Но если у них не хватает магической силы на заклинание, они тоже могут вложить в него свою собственную, но для них это еще опаснее, чем для ведьм. Поэтому маги создают накопители и разные устройства, куда собирают магическую энергию. Их называют артефактами... Ну что, убедилась?

— Не-а, — послышалось в ответ хитрое. — Дальше давай. Классификацию магов.

Похоже, книга была прочитана «сто раз» не одной, а обеими девочками. И Марти догадывалась, что это за книга.

— Классификацию? Ладно... Все маги делятся на стихийников и структурников.

Стихийников больше, каждый из них может взаимодействовать с одной из стихий: огнем, водой, землей или воздухом. Реже — сразу с несколькими. Это определяет их способности. Структурники круче. Им не нужно искать элементы конкретной стихии для преобразований, они сами что хочешь во что угодно преобразуют. Вот водник, к примеру, если захочет пить, может выбрать воду из воздуха, маленькие-маленькие капельки, которые там есть в виде пара. А структурник просто переделает формулу воздуха или даже камня, разберет на молекулы и атомы и сложит так, как ему надо. Но для такого нужно хорошо учиться, знать химию, физику, биологию, алгебру... много всего... Ведьмам и ведунам проще.

— Ага. Потому что они — интуиты. Не знаю, как это... Но знаешь, кто по-настоящему крут? Круче всех стихийников, структурников, ведьм и заклинателей духов? Лорды истинной крови. Те, что живут на Священном Архипелаге.

Жили на Архипелаге, поправила про себя Марти. «А потом перебрались на материк и создали империю. Объединили разрозненные королевства и мелкие феодалы под своей властью, и самый могущественный на тот момент лорд стал императором. Только сила лордов навсегда привязана к Архипелагу, и империя непобедима, пока существуют острова...»

Это тоже из книги. Из учебника истории. И лучше бы девочки с той же увлеченностью изучали его, а не «Введение в теорию магии», которое раздают для самоподготовки обнаружившим магические способности детям. Во-первых, тем, у кого способностей нет, эта книга ни к чему. Во-вторых, знания она дает далеко не полные. Потому что не существует никакой четкой классификации. Все куда сложнее. И с магами-стихийниками, которые рискуют стать рабами стихий или выгореть дотла. И со структурниками, порой сходящими с ума из-за того, что мозг их неспособен уже остановиться в стремлении преобразовать и упорядочить все вокруг. И с ведьмами, чей природный дар превращается в черное проклятие, когда вместо энергии собственной жизни они начинают использовать чужие. И с лордами... С лордами все очень и очень непросто.

И совсем ничего не сказано в этой книге о том, как жить, когда магия, за годы занявшая огромное место внутри тебя и снаружи, вдруг становится недоступна. Что делать с оставшейся вместо нее пустотой?

Марти встала, накинула на плечи покрывало и хотела прикрыть балконную дверь, когда услышала новый голос, вернее — сердитый шепот:

— Ах вы, мелкие разбойницы! Снова рылись в моих шкафах?

— Тетя Белла, мы ничего не брали! — запищали девочки. — Совсем ничего! Ни порошки, ни флакончики! Только книгу...

— Я вам сколько раз говорила!..

Порошки и флакончики — неплохая подсказка после недавнего напоминания о том, что ведьмы предпочитают действовать опосредованно. Но проверить догадку Марти все равно не могла — только у Джо спросить (жаль, вчера забыла). Или у самой Беллы.

— Доброе утро, — поздоровалась Марти с хозяйкой, выглянув на балкон.

Девочки — одна рыженькая, в тетю, вторая — темноволосая — взвизгнули, словно увидели призрак, и бегом кинулись к лестнице. Вряд ли на самом деле испугались, скорее сбежали таким образом от заслуженного нагоняя.

— Доброе-доброе, — улыбнулась Белла. — Они вас потревожили? Облюбовали тут место для игр, а я забыла им сказать, что в номере рядом теперь живут. Простите.

— Ничего страшного. — Марти шагнула вперед и коснулась переплета оставленной на столике у перил книги. — Ваша?

— Моя, — кивнула хозяйка. — Храню как память. В семье никому больше не пригодилась. Ни моим сыновьям, ни дочкам братьев. Но... может, и к лучшему.

— Может. — Марти развернула руку запястьем вверх. Бледная кисть и золотистый

рисунок печати поверх голубоватых дорожек вен неплохо смотрелись на фоне темного переплета. — Вы — природница?

— Ведьма. На Карго-Верде на это слово не обижаются. — Белла на ее руку не смотрела, но не сходящая с веснушчатого лица улыбка напиталась горечью. — Завтракать будете? У нас ресторана нет, но могу яичницу пожарить, или вот еще хлопья есть...

— Хлопья. — Марти зажмурилась. — Медовые? Сто лет не ела... Адам уже встал, вы не видели?

Она собиралась заглянуть к нему вечером, но вернулась в гостиницу слишком поздно для визитов.

— Уже, — ответила хозяйка. — Уже и уехал. К сестре, наверное. Машину у Реми взял... Тут у нас гараж недалеко, можно в прокат взять, если вам понадобится.

— Я не умею водить. Да и ездить мне некуда в отличие от Адама. Он нормально выглядел? Не жаловался на самочувствие?

— Не жаловался. А нормально ли... — Белла пожала плечами. — Странноватый он. Но я, честно сказать, таких раньше не видела. Может, для них это и нормально.

— Таких?

— Ну... — Женщина замялась, подбирая слова. — Таких, которые не по девочкам.

— С чего вы взяли? — Марти недоверчиво сморщила нос. Судя по взглядам, которые Адам порой бросал на Джо, он точно был не по девочкам, отдавая предпочтение женщинам постарше, но Белла определенно имела в виду не это.

— Думаешь, ошибаюсь? — Хозяйка легко перепрыгнула с отстраненного «вы» на приятельское «ты». — Возможно... Но был один случай... Нет-нет, ничего такого. Племяшки мои, они часто у нас гостят, стащили у моего старшего журнальчик. Тренировки всякие, бицепсы-трицепсы. Парни там красивые, мускулистые в разных позах... Ну и бросили они этот журнальчик тут, вот как книжку сегодня. А Адам нашел. Я поднялась, чтобы прибраться, а он его рассматривает. И знаешь, я спортивный интерес от похоти всяко отличу... Хлопья, значит?

— Хлопья, — подтвердила Марти, порадовавшись перемене темы, и выразительно поправила прикрывающее плечи покрывало. — Спущусь через пять минут.

После завтрака она прогулялась к башне, где Джо нервно расхаживала по внезапно ставшему единственным первым этажу. Помочь ей Марти ничем не могла, но осталась.

Впервые за несколько лет у нее появился шанс провести целый день в одиночестве, однако выяснилось, что ей уже не так сильно этого хотелось. Совсем не хотелось, если честно. И Джо нужна была компания. И... глупость, наверное, но казалось, башня просила не уходить...

С утра ничто не предвещало неприятностей. В смысле — новых.

Фаулер строил планы на выходные, и первым пунктом у него значился плотный и вкусный завтрак: омлет, колбаски, жареные помидоры и сырны тосты. Однако звонок шефа заставил существенно пересмотреть и меню, и собственно планы. Рядом с отдаленной фермой объявилась «мутная свистящая фиговина», из-за которой полночи выли собаки, а наутро взбесились флюгеры и радио стало принимать сигнал с переборами. Последнего хозяин стерпеть не мог, ибо вечером ожидалась трансляция финального матча, и вызвонил Раннера, а тот уже — Кена.

Телефонная связь — зло. Еще двадцать лет назад, когда телефоны были только в мэрии и на переговорном пункте, этому фермеру пришлось бы приехать в город, чтобы заявить о своей фиговине, и Фаулер успел бы нормально позавтракать.

Он и сейчас успел бы, тем более по описанию проблема была не такой уж проблемой и

больше всего напоминала выходки разрядившегося запорного устройства — вечно эти фермеры скупают замагиченную ерунду, а потом не знают, что с ней делать! — но Раннер умел испортить аппетит. Лейтенант соорудил себе гигантский бутерброд и, жуя на ходу, направился туда, где с вечера бросил машину.

Два часа провел в дороге. Затем почти час бродил вокруг злополучной фермы, пытаясь обнаружить источник аномалии.

Хозяин — скандальный дед, от которого давно сбежали все домочадцы, а животные не последовали их примеру лишь потому, что были заперты в хлеву или посажены на цепь, — клялся морскими богами, что не устанавливал на участке никаких магических приспособлений и вообще ни магов, ни ведьм терпеть не может. А по факту Фаулер нашел четыре незарегистрированные охранки, подключенные явно дилетантом и в один день, судя по тому, как они одновременно вышли из строя. Устройства были замаскированы так хорошо, что пришлось совершить частичный оборот, чтобы их найти. Дед удивленно пучил глаза, визжал, что в первый раз видит эту колдовскую пакость, и требовал убрать ее немедленно. Или хотя бы до начала трансляции.

Безумно хотелось сесть в машину и вернуться в город, но Фаулер этого не сделал. Не потому, что он вспомнил о клятве хранить закон и порядок, а потому, что понимал: если не отключить «свистящую фиговину», старик вынесет мозг Раннеру, а кому в ответ вынесет мозг Раннер, и гадать не нужно. Поэтому в машину он сел, но поехал не домой, а на соседнюю ферму за понятиями.

Хозяин, еще не понимая, что к чему, в присутствии двух недовольных мужиков повторил свои жалобы и подтвердил, что устройства были обнаружены лейтенантом Фаулером в его присутствии. А означенный лейтенант тщательно все запротоколировал, включая места обнаружения охранок и их описание, и заручился подписями всех присутствующих. О том, что деду предстоит выплатить солидный штраф, умолчал. Это ведь не ему решать, а судье.

Отвез мужиков на их ферму и занялся находкой.

На отключение охранок ушло почти три часа. Тот, кто их устанавливал, так переплел потоки, что Джо, увидев она это, наверняка послала бы в адрес умельца парочку проклятий, хоть и говорит, что не занимается подобным. Но Джо и с отключением справилась бы быстрее. Структуру плетения подправила бы, и все. А Кену пришлось повозиться. Охранные артефакты — штуки опасные, особенно нелегальные, попробуешь вывести из строя каким-нибудь не деликатным способом, камнем там или лопатой, как мешавшийся под рукой дед предлагал, — могут рвануть не хуже мины. А везти их в рабочем состоянии отважился бы только потенциальный самоубийца, которым Фаулер не был и становиться не собирался.

Вот убийцей — да. Даже с некоторым удовольствием. Он и жертву приметил, и с десятков способов придумал, позволивших представить все как несчастный случай. Дед же старый уже: шел, упал, ударился головой о лопату... Попытался подняться и снова упал...

К счастью, закончил с охранками Фаулер раньше, чем старческий бубнеж над ухом окончательно вывел его из себя.

Вернувшись в город, сдал проклятые фиговины в управление, оформил все документы и решил, что дома первым делом отключит телефон.

Об этом желании он забыл еще до того, как поднялся по лестнице в свою квартиру. Только вошел в холл, сделал не вдох даже, а полвдоха и тут же развернулся и без стука вломился к домовладелице. Благо двери старушка не запирала, а то выбил бы.

— Миз Кук! Что за... что за вонь?!

Почтенная дама как ни в чем не бывало сидела в гостиной и читала книгу, нацепив на нос сразу две пары очков. Вторжение жильца ничуть ее не напугало.

— О, Кенни, ты вернулся... Хочешь печенья?

— Что. За. Вонь? — отдельно повторил Фаулер, зажав нос.

— Вонь? — Глаза за стеклами выглядели неестественно огромными и столь же неестественно невинными. — А, ты о запахе... Еще немного осталось, да? Я вызвала дезинсектора.

— Зачем? — простонал он, проклиная этот день — день, когда все старики на острове сговорились, чтобы свести его если не в могилу, то с ума.

— У нас завелись термиты, — страшным шепотом сообщила миз Кук. — Видишь то кресло? С него сыплется труха. Это — термиты.

— Кресло сыплется, потому что ему лет столько же, сколько и вам!

— Неправда, мне было семь, когда отец привез его от бабушки Агнесс!

Значит, креслу столько же, сколько бабушке Агнесс... было бы, будь она жива.

Фаулер стиснул зубы, но держать закрытыми и нос, и рот долго не смог.

— Приятного вечера, миз Кук.

Спорить было бесполезно. И поздно.

Он поднялся к себе. Воняло на втором этаже меньше, но все же воняло. Для обычного человека, быть может, и несильно. Для оборотня — нестерпимо. Фаулер открыл настежь все окна и сбежал из квартиры, очень и очень надеясь, что сможет вернуться сюда завтра.

Вопросом, куда податься сегодня, не заморачивался.

Некуда.

Разве что в управление — в камере переночевать. Парни делали так иногда, когда не хотели идти домой или их туда не пускали. Но у Кена имелся пункт — решетки. Ты или с той стороны, или с этой, и никак иначе. Лучше еще одну ночь провести в машине. А до ночи как-то убить время.

Было почти восемь, когда он подъехал к ресторанчику Милли. Сначала хотел заскочить к Майку, но не решился без предупреждения. Вдруг приятель запланировал вечер с семьей или занят в мастерской? И в башню не пошел. В «Рыбку» — другое дело, и если бы столкнулся тут с кем-нибудь случайно...

Однако счастливых случайностей этот день для него не припас.

Но хоть поел. Только сел за стол, как понял, насколько голоден. Желудок давно забыл о съеденном с утра бутерброде и требовал чего-то посуше и существеннее. Фаулер выбрал запеченную рыбу с гарниром. Ждал блюдо полчаса, а расправился с ним за пять минут. Повторил заказ. После взял каких-то закусок, с которых по-хорошему следовало начать.

— Идешь на рекорд, — улыбнулась Милли, подойдя к столику. — Что-нибудь еще?

За окнами уже стемнело, бледная луна повисла над крышами, машина ждала у крыльца...

— Креветок, — решил он. — Пять... Нет, десять порций. С собой.

— Хм... — Милли прикинула что-то в уме. — И бутылку вина, я так понимаю?

— Много ты понимаешь...

— Нет?

— Да.

Ничего хуже и придумать нельзя. Хотя нет, можно: напаять парадную форму и купить цветы.

Впрочем, упакованных в два пакета креветок и вина уже довольно. Оставалось только

выйти из машины и позвонить в дверь архива, после семи вечера превращавшуюся в дверь квартиры Джоан Гарнет.

Но Фаулер не торопился.

Припарковавшись под кленами, укрывшись в тени их раскидистых крон от желтых глаз фонарей, он смотрел на светящиеся окна второго этажа и пытался предугадать, чем закончится этот раз. Предыдущий — больше трех лет назад — фразой: «Кен, ты пьян. Иди домой, завтра поговорим...» А на завтра у нее нашлись срочные дела на материке, и она уехала на неделю. Вернувшись, ни о чем, казалось, не помнила, а он не рискнул напоминать, опасаясь, что она снова сбежит, и со временем все стало как прежде. Примерно как в седьмом классе, когда она помогала ему с домашними заданиями, а он откладывал карманные деньги, чтобы в выходной сходить с ней в «Пирог» или взять напрокат лодку... Но уже не как тем летом после восьмого, когда бегали ночью на пляж и целовались на последнем ряду кинотеатра. Две недели: с брошенного в его окно камешка (Джо никогда не промахивалась) и до того дня, когда родители увезли ее в университет. Она сообщила об отъезде за час до отправления парома. Обещала писать, но за полгода, что пробыла на материке, прислала только открытку к его пятнадцатилетию — с шаблонными поздравлениями и без обратного адреса на конверте. Тогда еще надо было понять, но...

Салон автомобиля пропах жареными креветками. Отдать бы их ей. Просто отдать. И вино тоже.

По какому поводу?

Он словно наяву услышал, как Джо спрашивает его об этом, и с ходу придумал ответ.

— Восемнадцать лет назад в этот день я сделал тебе предложение, — сказал бы он.

А она рассмеялась бы. Или, наоборот, нахмурилась.

— Не в этот день, — возразила бы в любом случае. — И даже не в этот месяц.

Он не сомневался, что она точно помнит, когда и как все было. Но разве это имеет значение? Ведь после она все равно скажет:

— Иди домой, завтра поговорим.

А завтра у нее снова найдутся дела. И хорошо, если на острове.

Кен посмотрел на погасшие окна башни и открыл пакет с креветками. Не выбрасывать же их, как тогда выбросил кольцо?

Белое золото, синий сапфир в цвет ее глаз... И — в море.

Дурак.

Настроил планов, словно были основания считать, что она согласится. Не было совершенно. Детские те, неумелые поцелуи? Джо лишь плечами пожала, когда он напомнил об этом после ее возвращения из университета: «Нужно же было потренироваться, чтобы потом не опозориться». — «Не опозорилась?» — спросил он, закипая от злости, и никак не ожидал, что она с улыбкой покачает головой: «Нет, конечно» — и подмигнет, будто речь шла о забавной шалости.

Это было на следующий день после того, как она отказалась поехать с ним на мол, и он решил, что это — последний их разговор и вообще конец всему...

А спустя два месяца умерла мама.

Проводила его в школу, дала денег, чтобы он купил на обратном пути молока, и умерла. «Тромб», — сказал доктор, будто Кен тогда мог понять, что имелось в виду. Он вообще туго соображал в те дни. В квартире хозяйничали чужие люди, его теребили без конца, называли бедным мальчиком и обсуждали, думая, что он не слышит, как лучше поступить с мебелью и машиной, когда его отправят в интернат на материк...

— Никуда ты не уедешь, — сказала Джо. Она подошла к нему на кладбище, во время похорон, и вместо соблезнований, которых он слышать уже не мог, просто взяла за руку. — Город оформит опеку. В совете ведь не идиоты сидят.

Он так и не узнал, слышала ли она от кого-то о таком решении или именно после ее слов это решение и было принято, когда «не идиоты» из городского совета вспомнили, что у них тут не просто мальчишка-сирота, а морской пес и не стоит разбрасываться потенциально ценными кадрами. Ему оформили пенсию, после школы организовали обучение в полицейской академии, сообразив, где лучше всего раскроются способности оборотня... Но это все — потом. А тогда Джо просто осталась рядом с ним у свежей могилы. Когда все остальные разошлись, так же за руку отвела домой, в пустую квартиру. Захлопнула дверь перед снувшейся на второй этаж миз Кук.

— Ты ел?

— Не хочу.

— Спал?

— Не могу.

— Нужно.

Коснулась его виска кончиками пальцев, погладила по щеке... Кажется, говорила еще что-то... И он сам не понял, как оказался на кровати. Глаза слипались, но пальцы, державшие узкую ладонь, норовили расслабленно разжаться, и он сопротивлялся накатывавшему теплыми волнами сну, лишь бы не отпустить ее...

— Спи, я никуда не денусь, — пообещала она. И уточнила: — Сегодня.

Что ж, слово она сдержала — ушла следующим утром.

Кен не знал, что сказали ей на это родители и что она сказала им. Но помнил другие разговоры: слухи о том, что она ночевала у него, расползлись по школе, обрстая выдуманными подробностями. Он пытался опровергнуть их и делал только хуже. Джо было наплевать. Сколько он ее знал, Джоан Гарнет не интересовало мнение людей, которые ей безразличны, а под это определение не попадали лишь единицы.

Он решил последовать ее примеру, и жизнь сразу стала проще. И приятнее. С Джо они снова общались, а сплетни заглохли сами собой.

Но на выпускной она пошла с Сэмом...

Фаулер открыл второй пакет с креветками.

Память-киномеханик промотала пленку с вырезанными кадрами. Вот Джо сидит у его кровати, а вот она в длинном атласном платье выходит из машины Сэма под завистливые перешептывания без пяти минут бывших одноклассниц.

— Это же выпускной бал, Кен. Туда нужно идти с парнем, а не с другом. Пригласи кого-нибудь другого. Линдси, например.

И после этого, после двух лет, что он провел на материке, радуясь редким письмам и вырываясь при каждом удобном случае на остров, чтобы на пару вечеров отвоевать Джо у вертевшихся вокруг нее парней или у книг, в которые она зарывалась с головой, расставаясь с очередным поклонником, — Кен все равно купил кольцо.

Однозначно дурак.

Он и букет тогда купил. И форму напялил — парадную, естественно, пошитую к выпуску из академии. Явился к ней весь из себя — молодой офицер, гора амбиций и перспектив с готовыми планами на жизнь, в том числе семейную. А у нее — другие планы, и замуж она не собирается. Тем более за него. Потому что он по-прежнему не парень, а друг.

— А если я больше не хочу быть твоим другом, Джо?

— Меня это огорчит.

Вот из-за этого «огорчит» он и психанул. Зашвырнул кольцо в море, через два месяца купил другое и женился на Крис. И Джо на свадьбу пригласил. Как друга.

Когда она поднималась к нему по ступеням мэрии с букетом роз, он больше всего хотел, чтобы сейчас она стегнула его этим букетом по физиономии и наорала от души, как она умеет. Что-то типа: «Фаулер, псина тупая, какого хрена ты тут устроил?!»

Пришлось самому себе это говорить, когда ставил подпись в книге регистрации. И обещать себе же, что его дурь не испортит жизнь Крис. Понадобился год, чтобы он понял, что единственный способ сдержать это обещание — развод.

Такая вот история, как раз на десять порций креветок.

А дальше, без креветок, уже неинтересно. Его работа, учеба Джо...

Она училась удаленно и раз в полгода ездила в университет сдавать экзамены. Он тоже уезжал несколько раз на курсы. Потом ее назначили архивариусом, и ему вдруг стали часто нужны какие-то документы из архива. Они опять ходили в «Пирог» и на пляж. И в кино, но уже не на последний ряд. Он рассказывал ей о работе, об особо сложных делах... Не потому, что сам не мог разобраться, а потому, что так появлялся повод для новых встреч...

Затем война — три выброшенных из жизни года.

Снова остров...

И все хорошо как будто.

Правда, рецидивы еще случались, но теперь значительно реже. И отпускала быстрее. Как сегодня. Даже говорить с ней не пришлось — сам с собой поговорил, и хватило. Заодно и ночь кое-как скоротал.

Не выспался только.

Время пролетело слишком быстро, это оно умеет. Фаулер едва задумался о том, что стоит вздремнуть, а небо уже посветлело. Вскоре должны были появиться первые прохожие, и не стоило давать им повод для обсуждения и осуждения, явив себя дрыхнувшим в машине практически на центральной площади города, поэтому он завел мотор и поехал домой.

В квартире еще чувствовался запах инсектицида, но не настолько сильный, чтобы отказаться от душа и сна, и, завалившись наконец-то в кровать, Кен забыл обо всем на свете. В том числе свое решение отключить телефон.

Поспать удалось от силы три часа до того, как над ухом задрезжал проклятый аппарат.

— Фаулер! — рявкнул лейтенант так, что звонивший должен был тут же бросить трубку.

— Здра... Здравствуйте. Простите, что беспокою... — Голос был незнакомый, мужской. Тревожный и неуверенный одновременно. — Меня зовут Эрик... Эрик Грайн. Кристин дала мне ваш номер. Сказала, что вы единственный, к кому она обратилась бы, если что-то случится...

Остатки сна слетели в одно мгновение.

— Что-то случилось? С Крис?

— Она пропала... То есть я не уверен, что она пропала. Не могу с ней связаться со вчерашнего вечера. У меня было ночное дежурство, а утром мы собирались поехать в зоомагазин купить кое-что для собаки... Кристин хотела устроить все к возвращению дочери... Я не смог ей дозвониться вчера. И сегодня тоже. Приехал к ней, двери закрыты... На Кристин это не похоже. Я позвонил миз Кроули... э-э... Эдне... Кристин дала мне и ее номер тоже. Подумал, вдруг она соскучилась по Джессике и решила провести выходные с ней...

— Где вы сейчас? — перебил Фаулер.

— В телефонной будке, недалеко от дома Кристин.

— Сейчас подъеду.

От его дома до дома Крис — пятнадцать минут на машине. Пятнадцать минут, которые вряд ли что-то решат.

Пока ехал, мечтал, чтобы Крис нашлась у какой-нибудь подружки, с которой с вечера засиделась в баре...

Но у нее не было таких подружек. И по барам Кристин не ходила. И если она обещала что-то сделать, особенно для Джессики, ни за что не забыла бы...

«Дверь в подвал, — думал он, вдавливая в пол педаль газа. — Пусть это будет дверь в подвал!»

Замок там заедал и мог заклинить, когда Крис спустилась за чем-то. А значит, сейчас всего-то и нужно, что открыть эту дурацкую дверь...

Или Крис могла упасть и сломать ногу. Лежит сейчас на полу и не может встать.

Или ударилась головой и потеряла сознание...

Он никогда не пожелал бы Кристин подобного. Никогда, если бы не мерзкое зудящее чувство, поселившееся внутри с первых слов позвонившего ему человека, — чувство, что все гораздо хуже...

— Вы — Фаулер? Это я вам звонил. Эрик Грайн.

Он выглядел его ровесником. Может, на пару лет старше. Высокий. Крепко сбитый. Каштановые с проседью волосы, карие глаза. Пахло от него мылом, машинным маслом и тревогой. Немного — собачьей шерстью...

Кен отметил все это машинально, пока шел от машины к крыльцу.

Поднявшись на ступеньки, прижался к двери лбом, втянул носом воздух у щели и не сумел придумать больше ни одной неприятности, на которую мог бы надеяться...

— Оставайтесь снаружи, — велел он Эрику, прежде чем выбить дверь.

ГЛАВА 12

«Я ведь совсем немного хотела от жизни... Разве я не заслуживаю хоть немного счастья?»

Если однажды Крис придет к нему во сне, наверняка спросит о том же.

Она полулежала в ванне — большой, эмалированной. Белой... когда-то...

Руки скручены над головой и привязаны к трубе.

Ноги... Их не связали, и она брыкалась, пока могла, оставляя на эмали и кафельной стене багровые разводы. Несколько капель попало на пол...

А пробку заткнули, и стремившееся отрешиться от увиденного сознание выдало неуместную и такую же отрешенную мысль: как, оказывается, мало в человеке крови. Растеклась по дну, впиталась в платье, перекрасив голубую ткань в насыщенный пурпур. С рук стекла по распущенным льняным волосам...

— А-ы-ы-у...

Вскрик за спиной перешел в сдавленный вой.

Сказали же ему, чтобы оставался снаружи!

Фаулер развернулся, и Эрик Грайн, ринувшись вперед, врезался ему в грудь, точно в бетонный забор.

— Ничего здесь не трогайте. — Собственный голос слышался словно со стороны, твердый и бесстрастный. — А лучше покиньте дом.

«Но не уезжайте, нужно будет ответить на несколько вопросов» — так следовало закончить... Следовало, но не стоило.

— Она... Она?.. — Эрик задыхался. Во взгляде застыло неверие.

Кен и сам не верил. Но знал уже наверняка.

— Мертва. Не менее пяти часов.

К чему было это уточнение? Чтобы Грайн не изводил себя, думая, что, свяжись он с ним на час-другой раньше, это что-нибудь изменило бы?

Не изменило бы. Вот если бы забил тревогу сразу же после того, как не смог дозвониться ей с вечера... Но кто подумал бы о таком? Он и сегодня мог просто поехать к себе и терпеливо дожидаться, пока Кристин сама позвонит.

— Ни к чему не прикасайтесь, — повторил Фаулер.

Нужно было связаться с управлением, вызвать бригаду, но он вернулся к Крис. Не то чтобы не доверял полицейский экспертам, но хотел — просто должен был — сначала сам все осмотреть.

Смотреть было больно. Мысли отвлекали. Разные. Например: отчего вчера, гадая, куда податься, он не вспомнил о бывшей жене? Напросился бы на ужин, а после, быть может, она разрешила бы ему переночевать на диване в гостиной...

Плохие мысли.

Нельзя о таком думать. Винить себя. Как бы там ни было, это не он убил Крис. Не он связал ее, не он заткнул ей рот ее же шейным платком, не он перерезал ей артерии, не он... ударил? Похоже...

То, что поначалу казалось пятнышком попавшей на лоб жертвы крови, оказалось следом от удара. Кен аккуратно, даже с нежностью какой-то придержал голову Кристин и немного развернул в сторону. Коснулся ее затылка.

Пусть патологоанатом подтвердит после, но сейчас способностей оборотня хватило, чтобы почувствовать легкие повреждения кожи. Крис схватили за волосы сзади и ударили обо что-то твердое лбом. Прежде такого не было. Предыдущие жертвы словно и не пытались сопротивляться, пока их связывали...

Да, ее не убивал. Он всего лишь не помешал этому случиться. Не нашел убийцу до того, как он пришел в этот дом, из всех людей в городе выбрав женщину, которая была дорога Фаулеру. Нужно было увидеть ее такой, чтобы понять — насколько.

Взгляд скользнул по веревкам, по посиневшим пальцам и задержался на левом запястье Крис. На маленьких часиках с кожаным ремешком. Это был последний подарок Джима, и она почти никогда их не снимала, но размышления Кена были далеки от сентиментальных. Он смотрел на зацепившиеся за застежку волоски, короткие и темные, никогда не принадлежавшие Крис, и думал, какова вероятность, что они попали туда, когда она, отбиваясь, ударила убийцу по голове.

Тогда это удача... Если тут уместно это слово.

В нарушение всех протоколов он подцепил волоски ногтями и аккуратно вытащил. Размял в пальцах, оживляя запах. Поднес к лицу и принялся.

Пес, скрывавшийся под личиной человека, недоуменно рыкнул. Обнюхал находку еще раз и оскалил клыки. Человек стиснул зубы.

Конечно же убийца выбрал Крис не случайно, но кто бы знал, насколько продуманна эта неслучайность...

Обернулся.

Грайн все еще был тут. Только в коридор вышел. Стоял там спиной к открытой двери ванной комнаты, согнувшись опершись рукой о стену, и тяжело и громко дышал. Вздрагивал судорожно при каждом вдохе и всхлипывал при выдохе.

Фаулер спрятал волоски в карман и подошел к нему. Положил руку на плечо.

— Вы в порядке?

Тупой вопрос. Естественно, он не в порядке. Так что ответа лейтенант не ждал. Ладонь мягко переместилась с плеча на шею Грайна, пальцы практически сразу нащупали нужные точки...

Действовать нужно было быстро и аккуратно.

Подхватить оседающего на пол мужчину. Отнести в гостиную, сгрузить на кресло. Сконцентрироваться, чтобы удержаться на границе оборота. Обойти дом — все два этажа, каждую комнату. Принюхиваться. Присматриваться.

Вспомнилось, как на днях он обследовал квартиру Мартины Аллен. Тот, кто побывал там, не оставил явных следов. Тот, кто убил Крис, старательно стер их за собой. Он был осторожен: надел перчатки и чехлы на обувь. След его пах брезентом и обработанной кожей, а запах тела смазывался пряными ароматами специй. Вряд ли он повар — умная и хитрая тварь, знавшая, что в дом может прийти оборотень, хоть и сделавшая все, чтобы этого не случилось. Кен не нашел ничего, что привело бы его к убийце. А то, что нашел...

То, что нашел, он запихнул в пакет для мусора и, поняв, что не сможет незаметно для соседей вынести его из дома, спрятал под лестницей.

Потратил на все не больше пяти минут. Грайн не успел очнуться, и пришлось самому приводить его в чувство.

— Что... Что произошло?

— Вы отключились, — сказал чистую правду Фаулер. — Простите, не могу предложить вам воды. Не стоит ничего трогать в доме до приезда моих коллег. Я позвоню, и мы выйдем на свежий воздух...

Телефон был тут же, в гостиной. Он набрал номер управления. Коротко и сухо, так сухо, что в горле запершило, сообщил о происшествии и положил трубку. Выждал почти минуту и позвонил в башню.

— У меня проблемы. Можешь подъехать? — Меньше всего он хотел втягивать в это Джо, но только ей мог довериться и попросить о помощи. И она уже втянута, как и любой, кто близок ему. Оставалось порадоваться, что таких людей немного. — Я в доме Крис. Ее убили.

Тишина. Три секунды — не больше.

— Еду.

Наверняка она успеет раньше полиции. Но если и нет — не страшно. Не так страшно...

Они с Грайном вышли на крыльцо, и тот сразу же закурил. Фаулер непроизвольно отшагнул подальше. Он не любил запах табака и никогда не понимал, как можно дышать дымом, но в эту секунду дурной привычке Эрика почти завидовал. Есть чем занять руки, а если выступят слезы, можно сказать, что дым попал в глаза...

— Скорее всего, дело буду вести я, — нарушил молчание Фаулер. — Мне придется задать вам несколько вопросов. Для протокола. Например, где вы были этой ночью? Вы говорили о каком-то дежурстве...

— Думаете, я ее убил? — Грайн достал из пачки еще одну сигарету.

— Это — стандартный вопрос.

— Думаете?

Во второй раз вопрос прозвучал с напором, требовательно. Эрик искал повод сорваться, выплеснуть на кого-то злость и боль, но Фаулер не дал ему такого шанса:

— Нет.

Грайн глубоко затянулся.

— Я был на дежурстве, да, — проговорил медленно, и дым выходил из его рта вместе со словами. — Мы тестируем новое оборудование, поэтому кто-то из инженеров постоянно должен находиться на станции... На электростанции, я там работаю. Откомандирован своей компанией. Могу показать документы. Потом...

— Почему вы мне позвонили?

— Кристин... Она рассказывала о вас. Как вы помогли ей, когда она осталась одна. Настояла, чтобы я записал ваш номер. На всякий случай. Сказала, что если что-то случится... Как будто предвидела... такое...

Не предвидела. Не было у нее такого дара. Никакого не было. Она просто придумывала эти всякие случаи. Всякие-всякие, порой совершенно нереальные. А после искала решение. Опасалась новых бед и хотела быть к ним готовой.

В итоге странная привычка пригодилась. Жаль только, не самой Крис.

— Я имел в виду, почему вы решили мне позвонить, а не подождать еще или не поискать Кристин по знакомым? — переформулировал вопрос лейтенант. — Вы что-то заподозрили? Что-то насторожило, когда подъезжали к дому? Подумайте, это может быть важно.

Грайн подумал. Докурил сигарету, пока размышлял, но ответить не смог. Что-то заставило. Интуиция, быть может. Или он просто паникер. Кристин никогда не пропадала без предупреждения. Она вообще никогда не пропадала...

Разговор прервался с появлением голубого «жучка».

Заметив его издали, Фаулер подошел к обочине. Когда автомобиль остановился, влетев передними колесами на бордюр, услужливо открыл даме дверцу.

— Как ты? — спросила она, оглядев его с беспокойством.

— По сравнению с Крис — отлично, — ответил он и тут же отругал себя за неуместное «остроумие». — Это мой убийца, Джо. Тот, которого я не нашел... И это еще не все. Сможешь незаметно войти в дом и выйти? Слева от входа лестница на второй этаж. Под ней — мусорный пакет. Нужно вынести его и положить в машину... Лучше в твою.

Она кивнула. Из всех вопросов, что непременно должны были возникнуть, задала лишь один:

— Что за парень на крыльце?

— Жених Крис. Я его отвлеку, а остальные...

Их было немного: мужчина из дома напротив подстригал газон. Его соседи слева возились на террасе. Молодая мамаша катала туда-сюда по улице детскую коляску. Еще кто-то, возможно, смотрит в окно. И полиция подъедет с минуты на минуту.

— С остальными проблем не будет, — пообещала Джо. — Иди.

И он пошел.

Вернулся к Грайну. Тот вознамерился, видимо, выкурить всю пачку, и табачный дым, окружавший его, раздражал все сильнее. Но Кен держался.

— От вас пахнет собакой, — сказал, не дождавшись вопросов по поводу появления Джо и стараясь не смотреть в ее сторону. Для всех, включая Грайна, ведьма так и осталась стоять у «жучка», и только оборотень мог рассмотреть приближавшуюся к дому фигуру, окутанную колдовским маревом.

— Собака? — Эрик взглянул удивленно, не понимая, как это связано со случившимся, но в следующую секунду осознал, что связано, и связано крепко, и закусил губу. — Собака, да... — вздохнул после паузы. — Щенок. Для Джессики. В моей машине.

— В этой? — Фаулер указал на оранжевый спортивный автомобиль с белой крышей, припаркованный у почтового ящика. Подумал, что нужно бы отогнать его подальше, как и свой, иначе фургону коронера негде будет встать. — Что за порода?

— «Вин-спидер» двадцатого года, восьмицилиндровый двигатель, трехступенчатая коробка передач...

— А щенок?

— Щенок в салоне.

Грайну не помешал бы глоток виски.

Впрочем, он и Фаулеру не помешал бы.

На заднем сиденье его машины до сих пор лежала бутылка вина. Но вино — это не то. Быть может, после...

Джо подошла — теперь открыто — и молча встала рядом. Кивнула Грайну, так же без слов. Кен не видел смысла представлять их друг другу, не исключено, что они видятся в первый и последний раз. Так и стояли, в гнетущей тишине и сигаретном дыму, пока на дороге не показались полицейские машины.

Кажется, Раннер, которому дежурный сообщил о звонке Кена, собрал всех, кого только смог. И сам примчался. Заехал прямо на газон, громко хлопнул дверцей и тяжелой походкой приблизился к крыльцу.

— Она тут что делает? — спросил, не здороваясь, хмуро покосившись на Джо.

— Я попросил приехать, — ответил Фаулер. — Джоан — мой консультант.

— Ты бы еще Бернис позвал, — раздраженно буркнул шеф.

— Понадобится, соберу весь ковен, — со всей невозмутимостью, на которую был сейчас способен, отозвался лейтенант.

Раннера такой тон немного урезонил.

— Рассказывай, — велел он, махнув подошедшим к двери экспертам, чтобы пока не входили.

Фаулер вкратце пересказал все случившееся, начиная со звонка Грайна.

— Место осмотрел? — поинтересовался шеф. — Обнюхал там все? Есть зацепки?

— Магический след на теле, как и в первых двух случаях. Следов самого убийцы не нашел.

— Плохо. Но... пусть теперь парни осмотрятся. Может, им больше повезет. А ты езжай в управление. Запишешь все, что мне сейчас наговорил, протокол по магическому воздействию подготовишь и... свободен до завтра.

— Свободен? — переспросил Кен, мысленно приказав себе не срываться на крик. — Это — мое дело, Стив.

— Нет, — прозвучало резко. — И не мечтай, что я его тебе отдам.

— Ты мне его уже отдал. Почти три недели назад. Это — не новое дело, если ты еще не понял. Это — новый эпизод в старом. В деле, которое веду я.

— Хреново ведешь! Если бы ты...

Он все-таки не сдержался: схватил Раннера за грудки и притянул к себе, почти приподняв над землей.

— Если бы ты, ты, Стив, не хотел поскорее отправить дело в архив, дал мне людей и организовал нормальное расследование, Крис сейчас, возможно, была бы жива. Так что не смей винить меня. Я сделал, что мог.

Словно оправдывался. Но не перед Раннером. Перед собой. Или перед Кристин...

— Кен, не нужно. — Джо коснулась его руки. — Вы тут не одни.

Он разжал пальцы и отступил от сердито пыхтящего начальника.

— Что встали? — прикрикнул тот на ждущих перед крыльцом экспертов. — Занимайтесь!

Пропустил их в дом. Глянул на Фаулера — не зло, а скорее обиженно и немного виновато. Кивнул в сторону: отойдем, мол...

— Рычи, сколько хочешь, — сказал, избегая смотреть ему в глаза. — Можешь даже кусаться. Но дело я у тебя заберу. Убийства не по твоей части, Кен. Тем более с жертвой ты... состоял... Магия на тебе, да, других специалистов на острове нет, так что совсем в стороне не останешься... Поработаешь с Лаверном. Или Бьюзом. Не знаю пока. Люди... Будут люди. Все кто есть. Сейчас тут все осмотрим, соседей опросим... Найдем его. Их?.. Найдем... А ты езжай в контору, а?

— Мне надо будет еще раз осмотреть дом. — С остальным он решил до поры не спорить.

— Ладно.

— И Джо пусть взглянет.

— Пусть, — покладисто согласился Раннер. — Я же сказал, магия на тебе. И еще... — он понизил голос, — что скажешь насчет этого Грайна? Не мог он?..

— Не мог. Дежурил всю ночь на электростанции. Нужно проверить, конечно, но, мне кажется, он не врет.

— Ясно. Ты тогда...

— Мы подождем в машине, пока Нил и Эйк закончат.

Грайну предстояло общение с другими полицейскими, но вряд ли он скажет им что-то новое. Присутствовать при этом разговоре Кен не хотел. Как и еще раз смотреть на труп Кристин. Когда тело увезут, они с Джо еще раз обойдут дом.

— Скажешь, что в пакете? — спросила она, когда они уже сидели в его авто и закрытые дверцы и поднятые стекла приглушали шум оживившейся с приездом полиции улицы.

Вокруг дома Кроули собирались соседи и праздные прохожие, толпа разрасталась с каждой минутой, и казалось, скоро весь город будет тут. Новости на Карго-Верде разносятся быстро...

— Кен, что в пакете?

— Мои вещи.

— Твои — что? — переспросила Джо удивленно.

— Вещи, — повторил он. — Рубашка. Носовой платок. Трусы. Сборник кроссвордов. Старый нож... Надеюсь, я ничего не забыл.

— Какого хрена все это было у Крис?

— Такого, что я, видимо, жил с ней... — Фаулер устало откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. — Так, время от времени. Иногда оставался ночевать... Потом она собралась замуж за Эрика, меня это разозлило, и я ее убил. А чтобы никто не догадался, попытался представить все делом рук цирюльника. Но меня конечно же разоблачили бы. Потому что, во-первых, это убийство несколько отличается от произошедших ранее. Во-вторых, обнаружили бы на ремешке часов Крис мои волосы, случайно в потасовке зацепившиеся за застежку. А в-третьих, Крис написала записку и оставила под телефонным аппаратом. Там говорится, что я звонил ей, сказал, что приеду обсудить наши отношения, и она очень переживала по этому поводу... Хочешь взглянуть?

Он открыл глаза и посмотрел на Джо.

Она сидела с сосредоточенным лицом, пытаясь осмыслить услышанное. В ответ на его предложение протянула открытую ладонь, и он вложил в нее вчетверо сложенный листочек, найденный под телефоном.

— Это — почерк Крис, — ответил еще до того, как Джо спросила. — Я знаю, она каждый год дарит мне открытки. Дарила...

Она любила делать подарки. Разные милые безделушки, для которых подбирала оригинальную упаковку. А открытки рисовала сама, клеивала в них забавные картинки и поздравления...

И придумывала решения на всякие случаи.

Если бы не это, Эрик ему не позвонил бы. Труп нашли бы позже, и кто-то другой. И записку нашли бы. Волосы с часов сняли бы и запечатали как улику, а потом проверили бы соответствие амулетами. Теми же амулетами «прозвонили» квартиру, и перечень вещественных доказательств существенно пополнился бы. Вещи ношенные, с таких не составит труда снять отпечаток ауры. Кроссворды заполнены его рукой. Ножом он пользовался несколько лет...

Еще вчера все это лежало в его квартире. Рубашка, трусы и платок — в корзине с грязным бельем. Нож — в ящике для инструментов. Кроссворды — в столе. Маловероятно, что он заметил бы пропажу в привычном беспорядке, но наверняка почувствовал бы, что в его жилище побывал посторонний... Если бы миз Кук внезапно не узрела в любимом кресле термитов и не вызвала дезинсектора.

Слишком удачное совпадение для убийцы. Да и то, что Кена весь день не было дома, — случайность ли?

— Думаешь, кто-то поставил тому старику сломанную охранку, чтобы тебя выманить? —

выслушав, с сомнением уточнила Джо.

— Нет. Ставили ее давно и прятали надежно. Но вывести из строя и переплести потоки, чтобы спровоцировать аномалию...

— Минутное дело для опытного мага, — закончила она. — Круто мы вляпались.

— Я, — поправил он. — Я вляпался. Ты тут ни при чем. Но... может, тебе стоит уехать с острова ненадолго?

— С чего бы это?

— У тебя дела. На материке.

— И не надейся, Фаулер.

— Выходи за меня замуж.

Джо застыла на миг с приоткрытым ртом и закатила глаза.

— Морские боги... Что творится в твоей башке, Кен?

— Раньше это работало.

— Что работало? Твои мозги? — выпалила она сердито, но тут же сменила тон: — Я понимаю, что тебе тяжело. Крис и все это... Но сейчас нельзя расслабляться.

— Скажи, — попросил он. — Про хорошую сторону. Она ведь есть всегда, да?

— Да. Относительно хорошая. В данном случае все случившееся подтверждает, что ты на верном пути. Иначе от тебя не пытались бы избавиться.

— Я не на пути, — помотал головой Фаулер. — Я на распутье. Понятия не имею, где и кого я вспугнул, чтобы так... Меня же носило из стороны в сторону. Был в психушке, говорил с Эверетом, опрашивал бродяг, поднял старые дела о пропавших заключенных, достал Раннера с этим расследованием, ездил в тюрьму, звонил Руби, пристал с вопросами к Ллойд... Кажется, все ведет к лечебнице, но я уже ни в чем не уверен. И не понимаю... Не понимаю, почему — так! Почему эта тварь не пристрелила меня, если я мешал!

Он ударил по рулю, вцепился в него с бессильной яростью, чтобы не разнести машину, и сделал несколько глубоких вдохов. Не помогало. От накрывшей его руку ладони Джо толку было больше.

— Потому что тебя хотят остановить, Кен. Остановить, а не просто убрать. Убить полицейского? Да Раннер лично перетряс бы весь остров, несмотря на вашу грызню в прошлом. А если бы твое убийство связали с делом, которое ты вел, то и за него взяли бы всем управлением. Но если убили не тебя, а ты, все сразу меняется. В первую очередь — отношение к тебе. Ко всему, что ты делал и говорил раньше. Если успел поделиться с кем-то выводами, если составил какие-то записи... Стоит ли принимать на веру слова больного ублюдка, жестоко разделавшегося с бывшей женой?

— Думаешь, все поверили бы? Не стали бы даже слушать?

— Думаю, ты сломал планы настоящего убийцы на начальном этапе, — серьезно сказала Джо. — Следующий ход наверняка предусматривал нечто, что помешало бы тебе оправдаться. И я подозреваю, новые свидетельства твоей причастности к смерти Крис еще всплывут. Поэтому не расслабляемся. Думаем. Действуем. Ищем. Кто мог организовать такое? Сколько времени на это понадобилось бы? Подобное не придумать за пару часов.

— Тупой псине вроде меня — да, — согласился он. — Кому-нибудь с твоими мозгами — почему бы и нет? Зная меня... а знают меня многие... Зная, где живу, с кем общаюсь. Зная, у кого из фермеров стоит нелегальная охранка. Зная о заскоках миз Кук... Как-то уже напрягает то, как много знает эта тварь. Но это еще не самое плохое.

— Что же — самое? — насторожилась Джо.

— След. Ты не спросила про след.

— Ты сказал, что он такой же... — начала она, но вдруг запнулась, и окончанием реплики стало заковыристое ругательство.

— Именно, — подтвердил Фаулер. — Он не мог быть таким же. Не должен был быть, если хотели подставить меня. Ощущался еле-еле, амулеты могли и не зафиксировать. Или поймали бы слабое эхо — как если бы я сам пытался его навести. Пришлось усилить, чтобы было похоже... Но все-таки он такой же. Приглушенный, словно чары наводили из-под ограничителя. Только я бы теперь сказал: из-под защитного блока.

— Считаешь?..

— Посмотри на записку еще раз — поймешь, почему я сразу вспомнил открытки. Ровный почерк. Аккуратный до последней завитушки. Крис не написала бы так под дулом пистолета. А след... Слабый, потому что не было никакого забора силы. Только воздействие. И мы с тобой не опознали его раньше просто потому, что никогда с таким не сталкивались. По крайней мере, я. Поэтому... Может, у тебя все-таки есть какие-то дела на материке? Не хочу, чтобы ты оставалась на Карго-Верде, пока тут гуляет незарегистрированный менталист.

Бредовая версия, но другой не было. И Джо молчала, будто соглашаясь с его выводами. Была надежда, что она возразит, найдет объяснение необъяснимому, скажет, что он — болван, а маги, способные на прямое ментальное воздействие, рождаются крайне редко и еще в детстве попадают в ласковые и крепкие руки имперской безопасности... Но нет. И не уедет ведь, сколько ни проси.

— Эйвик триста пятого, — выдохнула она, глядя прямо перед собой, но наверняка не замечая спящих перед машиной людей.

— Эйвик, — повторил Фаулер. — Я тоже вспомнил. Но сами мы вряд ли справимся.

Власти Эйвика решили так же, заподозрив, что серия дерзких ограблений организована менталистом. Сообщили в имперское бюро безопасности, те прислали лучших людей, и преступника вычислили. Он погиб при аресте. А перед тем убил почти пятьдесят человек: они прыгали с крыши здания, где он забаррикадировался. Сами поднимались и прыгали. Он обещал, что это закончится, если ему позволят уехать, но понимал, что этого не будет, и они продолжали прыгать. Кен подозревал, что его потому и пристрелили, как только представилась возможность. И не исключено, что тот менталист этого и добивался.

— Полагаешь, они учли прошлые ошибки? — спросила Джо.

— Хотелось бы верить. Только... это еще не все. Я же сказал, что звонил Руби? Уоллесу Руби, я тебе о нем рассказывал...

В стекло постучали, и закончить он не успел.

— Что ему надо? — пробурчала Джо, увидев Раннера.

— Сейчас узнаем.

Вид шеф имел растерянно-озадаченный. На вышедшего из машины лейтенанта смотрел долго и внимательно, словно того могли подменить с момента последнего их разговора.

— Кен, скажи мне, пожалуйста... — Вежливый Раннер — уже плохой знак. — Скажи, что всю ночь был дома, а твоя квартирная хозяйка страдает бессонницей и сможет подтвердить, что ты никуда не выходил.

Видимо, появились новые свидетельства его причастности к убийству, о которых предупреждала Джо.

— Ночью он был у меня, — сказала она, незаметно очутившись рядом. — И никуда не выходил, я бы заметила.

— У тебя? — Раннер подозрительно прищурился. — С чего бы?

Кен решил, что его алиби должно быть хоть отчасти правдивым, и нужно рассказать о вонючем инсектициде:

— Просто миз Кук...

— Слишком любопытна и всюду сует свой нос, — закончила Джо. — И кровать у Кенни узковата. Достаточно веская причина?

Обняла за талию, головой прижалась к плечу...

Пришлось постараться, чтобы не выглядеть таким же удивленным, как шеф.

— Парни обходят соседей, — сказал тот, стараясь смотреть на Фаулера и не замечать ластящуюся к нему ведьму. — Старушка из дома напротив говорит, что видела твою машину.

— Старушки это могут, — согласился лейтенант. — Только моя машина всю ночь простояла в кленовой аллее у башни. Уверен, найдутся люди, которые это подтвердят. — Место правде в его рассказе все же нашлось. Автомобиль у него приметный, а свет в салоне он не включал, чтобы помимо машины заметили еще и водителя. — Меня старушка тоже видела?

— Она не уверена. Насчет этой ночи. Но утверждает, что парой ночей ранее вы с Крис знатно поскандалили тут, перед домом. Было?

— Нет. Мы не скандалили. Я сказал Крис, что ей нужно быть строже с дочерью. Она влепила мне пощечину за неуместный совет. Я сел в машину и уехал. Уточни у своей свидетельницы, что именно она видела. А было это, к слову, в ту ночь, когда мы с Джо наведались на мол. Тебе ведь сын рассказывал, что я застукал там Джессику и увез домой? Девчонке тринадцать, рано ей еще гулять в таких компаниях. А Крис просто перенервничала из-за всего этого... ну и...

Раннер задумчиво кивнул.

— Когда мы можем осмотреть дом? — повернул разговор в нужное русло Кен.

— Скоро. Я скажу... Твою ж мать!

Обернувшись в направлении раздраженного взгляда шефа, Фаулер увидел продирающуюся сквозь толпу зевак блондинку в ярко-розовом платье. Продвижение значительно замедляли высоченные каблуки и громадина портативного бобинного магнитофона, висевшего на плече красавицы на толстом ремне. В выставленной вперед руке блондинка держала микрофон, а глазами выискивала потенциальную жертву. Чем ей не угодили блокнот и ручка — вопрос. Все равно ведь материал пойдет в газету, а не на радио.

Раннера рядом уже не было.

Заметив это, Джо отстранилась, но Фаулер успел поймать ее руку.

— Давно у нас роман?

— У нас не роман, — ответила она, не отводя взгляда. — Секс по дружбе. Иногда. Что ты собирался сказать до того, как нас прервали? Что-то об Уоллесе Руби.

— Не о Руби, — усмехнулся он криво. — У Руби все отлично. А вот мы здесь, на острове, в полном дерьме. Потому что все это, возможно, как-то связано с лордами и заговором против императора. Ну и менталист в довесок.

И блондинка с магнитофоном, появившаяся совершенно не вовремя.

— Лейтенант! — Она ткнула микрофоном ему в нос. — Что вы можете рассказать о случившемся? Вы нашли труп? При каких обстоятельствах? Вы общались с бывшей женой? Поддерживали... э-э... отношения? Было бы неплохо...

Джо без церемоний перехватила ее руку, отодвинула от лица Фаулера и притянула к своему.

— Было бы неплохо, Вэнди, — сказала в микрофон, — если бы иногда твой рот был заткнут. Раннеру только ради этого не следовало вынимать оттуда свой член. Увижу в твоей газетенке хоть одно дурное слово о Кристин или о Кене, что-нибудь об «э-э... отношениях», дам тебе эксклюзивное интервью.

— У нас свобода прессы! — взвизгнула журналистка.

Джо разжала пальцы, отпуская ее запястье.

— Пресса свободна. У тебя тридцать секунд, чтобы убраться отсюда.

— Но...

— Двадцать девять. Двадцать восемь. Двадцать...

Тяжелый магнитофон не помешал Вэнди уложиться в половину отпущенного времени.

Стоило ей исчезнуть, как появился Раннер. Сказал, что, как только коронеры заберут тело, можно будет осмотреть дом.

ГЛАВА 13

Статистика — наука спорная, но некоторые факты давно проверены временем и почти не вызывают сомнений. Почти — потому что существует еще цензура, несколько искажающая информацию, даже статистическую. Далеко не все людям нужно знать, и с этим соглашались даже журналисты уровня Руби, который отнюдь не из страха перед имперской безопасностью обходил в своих статьях некоторые темы. Вэнди с ее свободой прессы и недалеким умишком до такого понимания вряд ли дорастет, и Кен был солидарен с Джо: всем было бы лучше, если бы шеф хотя бы на время вернулся к брошенной подружке или нашелся другой герой, который отвлек бы настырную блондинку от этого дела. Определенные репортерские таланты у нее все же имелись, как и редкостная удачливость, позволяющая откапывать «горяченькое», что в сочетании со стремлением тут же сделать все открытое достоянием общественности в данном случае представляло опасность. И не только для самой Вэнди.

Что до статистики, цифры просты и упрямы. На тысячу новорожденных приходится всего пять потенциальных магов. Из сотни достигших совершеннолетия магов семнадцать будут подвергнуты выбраковке — принудительному запечатыванию из-за проблем с самоконтролем, по медицинским показаниям или по решению суда: никто не даст заряженный пистолет тому, кто может использовать его, чтобы вышибить мозги себе или кому-то из окружающих. Еще сорок пять снимут браслеты и вернуться к обыденной жизни. Их дар зафиксирован на выбранной специальности или бытовых мелочах, так появляются музыканты-виртуозы, писатели, прославленные модельеры, лучшие повара и автомеханики и обладающие исключительной памятью секретари. Оставшиеся тридцать восемь свяжут свою судьбу с магией непосредственно. Врачебное дело, любые профессии, связанные с изобретательством и проектированием, научные изыскания, армия и спецслужбы — в этих сферах одаренных ценили. Но только семеро из тридцати восьми достигнут настоящих высот. Притом что население империи свыше ста семидесяти миллионов, магов в ней достаточно. Сильных магов не так уж много.

У природников статистика своя. Ведьм и ведунов больше, но и сила их иного толка. О лордах и вспоминать не нужно — сложно сказать, что из известного о выходах с Архипелага правда, а что нет. Фаулер вспомнил бы обратной... Но что их вспоминать? Не лорды, конечно, но свои секреты, не вошедшие ни в один учебник, имеются и у них. Особенно у кланов. Хотя и Кену, никогда не знавшему отца и росшему вне клановых законов, нашлось бы чем удивить...

Однако данные статистических сводок всплыли в памяти по другому поводу.

Он думал о менталистах. О менталисте.

Обо всех сразу и о том одном, что обосновался на Карго-Верде.

Мудрое решение в каком-то смысле.

Каждого новорожденного проверяли на возможность проявления магических способностей. Этим занимались в родильных домах или, если роды прошли дома, — при первом внесении в храм. Положа руку на сердце, храмы давно уже являлись оплотом магии, а не веры. Магии и имперской власти. Создавшие этот мир боги спят на дне морей, и так крепко, что ни одна из последних войн не потревожила их сна, а маги, лорды и император бдят. С ними бдят храмы, школы и приюты, бдят больницы и занимающиеся частной практикой врачи. Бдят городские советы и полиция. А вездесущие и всевидящие старушки-соседки переплывают по бдительности всех вышеназванных. Ребенок и его родители еще ничего не подозревают, а артефакторы уже готовят будущему магу браслеты-ограничители. Незарегистрированных магов не находили уже лет пятьдесят по официальным данным, но и неофициальные вряд ли сильно отличаются. Одаренные не идиоты и понимают: пусть лучше тебя учтут, чем вычтут. Даже если родственники скрывали тебя ото всех, став взрослым, ты в состоянии сам сообщить о себе. Тогда тебя, самое худшее, запечатывают. Попадешься на магических действиях, не имея отметки о том, что дар проверен и стабилен, запечатывание станет лучшим, на что можно рассчитывать. До середины прошлого века закон позволял своим служителям убивать незарегистрированных магов на месте. Сейчас он немного смягчился: их также могут казнить, но уже после проверки. И виной тому именно менталисты. Магов, способных без подготовки, без плетения заклинаний, без чтения

наговоров и без того, чтобы опоить жертву зельями, влезть в чужую голову и внушить любую идею, опасались даже лорды. Магия островов защищала самих истиннокровных от подобного рода воздействия, но не способна была уберечь их от всего и сразу. Например, от кинжала собственного оруженосца. Он разъяренной толпы. От падения в пропасть вместе с лошадей, решившей вдруг сигануть с обрыва, — некоторые менталисты могли управлять и действиями животных. А особо сильные — подчинять себе других магов. Их боялись, но власть, которую давал подобный дар, была слишком лакомым кусочком, чтобы запечатывать нового менталиста в момент выявления. Ребенок, показавший соответствующие способности, становился собственностью империи. После введения всевозможных ограничений и наложения защитных печатей, обеспечивающих его послушание и безопасность стоящих над ним людей, у такого мага оставалось только два варианта: служба короне или смерть. Так что, если какому-то менталисту удалось скрыть свой дар, укрыться на ничем не примечательном острове было действительно мудро. Было бы, явись он сюда за спокойной жизнью и используй свой дар, чтобы получать скидки на фермерский товар и пополнять кошелек, обыгрывая местных в карты. А он убивает людей и собирает силу...

Предположение, что этим занимается не скрытый, а работающий на империю менталист, было слишком диким, но и оно промелькнуло у Фаулера в голове в вихре тысячи других мыслей. Следовало привести их в порядок, но в доме Кристин сделать это не удавалось.

Тело уже увезли, но запах крови растекся по комнатам, забившись в самые отдаленные уголки и заставляя Кена мечтать хотя бы на миг ощутить снова удушливую вонь инсектицида. А уйти он не мог, нужно было проверить все еще раз, и они с Джо разделились, чтобы управиться скорее.

— Есть что-то? — подошел со спины Раннер.

Мускусная терпкость его одеколona немного перебила запах смерти, но Фаулер все-таки открыл окно.

— Ничего, — ответил, с высоты второго этажа глядя на толпящихся у дома людей. Интересно, чего они ждут?

— Совсем? — уточнил шеф.

— Совсем.

И это хорошо. След убийцы найти нереально — это он понял сразу. Повторный осмотр имел иную цель: убедиться, что против него не осталось других «улик».

— Давно у вас с Гарнет?

— Что? — уточнил Кен, не оборачиваясь.

— Ну, что там у вас...

— Секс по дружбе, — вспомнилась формулировка Джо, и самого передернуло. — Бывает иногда.

— Не умеешь ты врать.

Фаулер развернулся всем телом:

— На что ты намекаешь?

— Я не намекаю, — хмуро выдал Раннер. — Прямо говорю: за идиота меня не держи. В городе что угодно могут болтать, но я как знал, что ты с этой ведьмой не спишь, так и до сих пор знаю. Тут ни магом, ни оборотнем быть не нужно, у меня на такие дела особый нюх. На свою бабу так не смотрят, как ты на Джо.

— Да? — криво усмехнулся Кен. — Наверное, у меня с глазами что-то. Или у тебя. Но я знаю, у кого зрение лучше нашего. У охранников. У того, что дежурил в банке, и у того, что в мэрии. Не сомневаюсь, что они видели мою машину этой ночью у башни. Поинтересуйся.

— Поинтересуюсь. Но если и не видели... Думаешь, я поверю, что это ты Кристин?..

— К чему тогда этот разговор?

— К тому, что врать мне не нужно, Фаулер, — выговорил шеф. — Особенно в том, что касается этого дела. Все, что нарыл, к завтрашнему утру должно быть у меня на столе. Ясно?

— Кому отдашь?

— Бьюзу.

— Не жалко? У него жена-красавица, сыну года нет...

— На что намекаешь?

— Я не намекаю, Стив. И за идиота тебя не держу. Просто подумай, с чего псих, раньше убивавший бродяг на пустырях, пришел в город за моей бывшей женой? Именно за моей? Подумай и скажи, кого из парней ты готов сделать следующим. Или давай у них спросим? Может, у кого-то есть надоевшая бывшая?

— У меня. — Раннер скрипнул зубами.

Смотрел он при этом в окно, туда, где остановился на месте недавно отъехавшего фургона коронера старый пикап Эдны Кроули, а над приоткрытой пассажирской дверцей нависла с микрофоном Вэнди.

— Убью сучку, — пообещал Фаулер, поняв, кто сидит в машине рядом с Эдной.

— Буду благодарен, — мрачно отозвался шеф.

Джо следовало послать свободную прессу подальше и конкретнее. Сейчас, увы, вмешиваться было поздно. Оставалось надеяться, что кто-нибудь отпихнет беспардонную репортершу от машины, но пока зеваки лишь прислушивались к тому, что говорила Вэнди. При желании Кен тоже мог услышать, но подобных желаний он и близко не испытывал.

Дверца, на которую опиралась журналистка, распахнулась так широко и резко, что странно было, как Вэнди удержалась на своих каблуках. Но удержалась. Лишь отшатнулась в сторону и тут же ринулась обратно, но где ей было угнаться на таких ходулях за выскочившей из пикапа девчонкой.

— Мама!

Крик этот резанул по ушам и эхом повторился в гудящей голове. А Джессика неслась к дому — туда, где остались в прихожей кровавые дорожки от подтекающего мешка, а ванная выглядит так, что Фаулер сам не отважился заглянуть в нее еще раз.

Он попытался вспомнить, есть ли внизу кто-то из полицейских, а не вспомнив, перемахнул через подоконник под вырвавшийся у Раннера от неожиданности вскрик и приземлился на газон перед крыльцом.

— Джессика!

Она успела взяться за дверную ручку, но, услышав свое имя, обернулась.

— Мама? — прошептала так тихо, что он скорее прочел это по губам.

— Ее там нет, Джесси.

Он приблизился к ней всего на шаг, но шокированной, сбитой с толку жутким известием девочке этого хватило. Она ссутулилась, взглянула затравленным зверьком и вдруг сорвалась с места, побежав в противоположную от него сторону. Скрылась за углом дома. Там, Фаулер знал, был забор, но Джессике это не остановило. На несколько секунд отставший от нее лейтенант увидел только оторвавшийся от клетчатой юбки лоскуток на торчащем из забора гвозде и почувствовал легкий запах крови.

Крови сегодня было много...

Машинально сунув лоскуток в карман, Кен перепрыгнул через забор и очутился на заднем дворе. Казалось, там пусто, однако, в отличие от зрения, нюх пса так легко было не обмануть.

Фаулер приблизился к накрытой брезентом яме, вырытой когда-то под бассейн. Тревога, что Джессика провалилась туда, отступила быстро, и сейчас он думал только о том, чтобы не вспугнуть девочку снова.

Отодвинув брезент, увидел уходящие вниз ступеньки приставной лестницы.

— Джесси? Я спущусь, если ты не против.

Если бы Джим вернулся на остров живым, он, быть может, построил бы для дочери домик на дереве. Кристин с подобным не справилась бы, поэтому вместо домика у Джессики был бункер: старый ковер на полу, подушки, лежанка, маленький столик. Крис даже электричество сюда протянула, и под брезентовым потолком висела на проводе одинокая лампочка, сейчас не горевшая, так что осматриваться Кену пришлось в полутьме.

— Я включу свет? — спросил он и, не дожидаясь ответа, потянул за шнурок. — Сильно поранилась?

Джессика не отозвалась. Лежала, свернувшись калачиком, на накрытом лоскутным покрывалом матрасе и жмурилась что есть силы, но слезы все равно пробивались из-под ресниц.

Фаулер присел рядом. Не прикасаясь к девочке, повел над ней рукой, одновременно приюхиваясь. Она расцарапала бедро о гвоздь, достаточно глубоко, и рану следовало обработать. Но этим лучше заняться ее бабушке.

— Я не хотела ехать... — всхлипнула Джессика. — Не хотела. Эрик позвонил, спросил о маме... Ба потом звонила сама, никто не отвечал... Она забеспокоилась. Сказала, нужно возвращаться домой... А я не хотела. Хотела остаться за городом до вечера. Поплавать еще... Если бы я не... если бы... мы бы приехали раньше...

Кен поежился, представив, что было бы, пояись они раньше хотя бы на полчаса.

— Ты не могла знать, — сказал он тихо.

— Я не хотела к ней ехать... К ней, понимаешь? Я специально... чтобы она... Я не знаю зачем! Не знаю...

Девочка разрыдалась.

Крис говорила, что они помирились, поняли друг друга, но, видимо, Джессике не хотелось так легко отказываться от образа обиженной дочери, сулившего новые поблажки и подарки. Теперь ей с этим жить.

Действенный урок, но слишком жестокий.

Фаулер погладил вздрагивающее плечико.

— Я найду того, кто это сделал. Обещаю.

Рыдания стихли.

— И убьешь?

Он задумался лишь на мгновение.

— И убью.

Эдна Кроули слез не лила.

Кен вообще не помнил эту женщину плачущей. Его не было на острове в день похорон Джима, но спустя годы еще долетали злые высказывания некоторых горожан, что не так уж сильно скорбела Эдна по единственному сыну, если и у могилы не всплакнула. И мужа, видимо, не любила. Тот пережил Джима всего на месяц, дольше сердце не выдержало. И на погребении глаза его вдовы наверняка были так же сухи, как сейчас.

Слез в них не было, но эмоций — хоть отбавляй. Когда Фаулер поднялся с Джессикой наверх, Эдна была уже на заднем дворе. Буквально вырвала у него девочку и смотрела так, словно в глотку вцепиться готова. Видимо, вспомнила, что он занимался первыми убийствами, и поняла, почему новой жертвой стала Крис. Может, винила его в том, что не нашел убийцу до того, как ее внучка стала полной сиротой, а с его стороны было бы жестоко напомнить сейчас, что Эдна сама назвала его расследование пустой тратой времени и даже говорить не хотела, когда он просил о помощи...

— Джессика немного поранилась. Надо промыть...

— У меня аптечка в машине, — не дала закончить Эдна. Обняла внучку за плечи и тут же мягко оттолкнула. — Подожди немного, малышка.

Шагнула к Фаулеру, оставив девочку за спиной. Показалось, ударит...

Но директор Кроули — не какая-то истеричная бабенка. Только губы сжала так, что те побелели.

Кен не стал ждать, что она скажет.

— Позвони, чтобы привезли парочку заключенных, — успел он первым. — С крепкими нервами. Пусть приведут дом в порядок. Раннер поможет оформить общественные работы.

Когда не знаешь, что делать, — делай, что можешь.

Эдна кивнула. Злости в ее взгляде поубавилось.

— Завтра приезжай, как и договаривались, — словно нехотя выговорила она после долгой паузы. — Посмотрим, что можно найти по твоим вопросам.

— Будешь завтра в тюрьме? Я думал, ты останешься хотя бы на несколько дней с Джессикой.

Советы ей были не нужны. Не от него.

— Делай свою работу, лейтенант, — обрубил грубо. — А я буду делать свою.

В доме Кристин его ничего больше не задерживало. Нужно было ехать в управление, разобраться с бумажками и, если повезет, дожидаться отчета патологоанатома.

Джо тем временем хотела побывать в его квартире — поговорить с миз Кук и проверить, не подбросили ли ему что-нибудь взамен украденных вещей. Сам Кен о таком не подумал.

Зато подумал о другом и, закончив дела в управлении, а разговор с Раннером отложив на завтра, решил заехать в «Островок».

На стоянке у гостиницы заметил сразу две красные машины. И один голубой «жучок»...

Марти снилось что-то темное, недоброе, пахнущее гнилью, порохом и пропитанным кровью песком Ликардийской косы. Оно рычало, угрожающе ворочалось и тянулось к ней щупальцами свинцового тумана. Касалось иногда, и по телу проходил неприятный холод.

«Мне это не нравится, Тина...»

— Мне тоже, Томми, — пробормотала она, просыпаясь. — Мне тоже... Но мы ведь справимся?

Села на кровати и не сразу вспомнила, что это за комната и как она в ней оказалась. Раньше вспомнилось, что нет уже никакого «мы».

— Я справлюсь, — сказала Марти, словно хотела убедить кого-то, кто наблюдал за ней, что мысли о Томми — не более чем случайность.

Кто наблюдал и с чем ей нужно справиться, она сама не знала, однако пришедшее с тревожным сном нехорошее предчувствие никуда не ушло, а стоило спуститься на первый этаж, целиком и полностью оправдалось.

Убийство.

Карго-Верде — остров большой. И людей на нем жило немало. Не могли они все быть знакомы между собой. Но некоторых знали тут, наверное, все, хотя бы в лицо и по имени. Например, единственного на острове морского пса. Потому и убийство его бывшей жены — Марти и не подозревала, что у Фаулера она имелась, — тут же стало главной новостью, за час или два уже облетевшей весь город. Правда, для тихой провинции любое убийство, тем паче настолько жестокое, — огромное потрясение.

Впрочем, пока никто из обсуждавших происшествие потрясенным не выглядел. Возможно, оттого, что в «Островке» жили в основном люди неместные, приехавшие на остров по работе или на отдых или навестить кого-то в лечебнице или тюрьме. Ни жертву, ни ее близких они не знали. Пересказывали друг другу кровавые подробности, вздыхали сочувственно, негодовали, испуганно охали, но из всех демонстрируемых чувств только любопытство казалось искренним.

«Не потрясение, а оживление», — скорректировала первое мнение Марти. Самой ей было безумно жаль и погибшую, и лейтенанта, и Джо почему-то, и себя, так не вовремя вышедшую из-под защиты рыжей тюремной стены и угодившую в самую гущу непонятных и пугающих событий.

Хозяйку гостиницы она, как и рассчитывала, нашла на кухне, но вместо хлопьев, за которыми, собственно, спускалась, попросила чашку кофе. Аппетит испортился, едва до нее дошел смысл рассказов других постояльцев.

— Знаешь уже? — Белла взволнована была по-настоящему. — Жуть какая. В голове не укладывается... Неужели не найдут ничего? Следов там каких-нибудь... Разве может быть, чтобы совсем ничего?

Марти нечего было на это ответить. Она дождалась, пока ей нальют кофе, поблагодарила и пошла с чашкой к себе. Хотелось на воздух, поэтому она прошла через номер и вышла на балкон, где чуть ли не нос к носу столкнулась с Адамом.

— Доброе утро, миз Аллен.

— Доброе?

— О... — Молодой человек смутился. — Вы уже слышали?

— Сложно не услышать, все лишь об этом и говорят.

Адам поморщился:

— Люди, они не думают... Только говорят. Но вам не стоит опасаться...

— Разговоров?

— Вообще... Я подумал, что это пугает. Убийства и... Простите, я что-то не то сказал. На самом деле... Момент неподходящий, но... Вы не пообедаете со мной сегодня? В архиве выходной, и миз Гарнет в любом случае, думаю, будет не до нас...

«Миз Гарнет я в любом случае неинтересен, — услышала Марти. — Попытаю удачи с кем-нибудь попроще».

— Это — свидание? — Она вымучила улыбку.

— Если вы... Возможно...

Возможно, и ей после лорда истинной крови стоило присмотреться к кому-то, не обремененному родословной и выдающимися способностями. Не сейчас и не к Адаму, но когда-нибудь... Хотя и Адам неплох, наверное. Моложе ее, однако разница в возрасте не так уж велика. Симпатичный. Особенно когда улыбается, на щеках появляются ямочки, а от глаз разбегаются лучики мелких морщинок. Худощавый, но нехлипкий — жилистый и достаточно сильный, чтобы носить тяжелые коробки в архиве...

— Вы же знаете, что я сидела в тюрьме? — прямо спросила она. — Вас не смущает мое прошлое?

Вопреки ожиданиям парень не растерялся.

— Ничуть, — выдал с обезоруживающей улыбкой. — Если, конечно, в этом прошлом нет ревнивого мужа.

Невинная, даже банальная фраза для флирта, но настроение испортила.

— Нет. — Марти опустила голову. — Ни в прошлом, ни в настоящем.

Правильно ведь? Если брак аннулирован — значит, не было у нее никакого мужа. Тем более ревнивого. Ревность — признак недоверия, Томми так говорил. И добавлял, что ей он верит всецело. И она верила...

— Мужа нет, но и обеда не будет? — понял Адам, грустнея.

— Да. Я... пойду к себе...

Кофе остыл, пока они говорили. Вернувшись в комнату, Марти выпила его залпом и завалилась на кровать. Лежала, уткнувшись взглядом в стену, старалась не думать ни о чем и преуспела в этом настолько, что больше чем на час выпала из реальности.

Глупо было предполагать, что отвергнутый кавалер все еще стоит на балконе и любит городскими строениями, за крышами которых едва-едва виднеется полоска моря, поэтому Марти даже проверять не стала. Направилась сразу к его номеру и решительно постучала.

Когда дверь открылась, выпалила на одном дыхании, чтобы опять не передумать:

— Если предложение еще в силе, я с радостью с вами пообедаю.

— Правда? — Адам широко улыбнулся. Ямочки и морщинки оживили лицо... И пропали тут же. — Может быть, поужинаем? Я собирался отлучиться ненадолго. Захотелось повидать сестру. Знаете, когда случается что-то такое, как сегодняшнее убийство, начинаешь беспокоиться о близких. В лечебнице хорошая охрана, Вив в безопасности, но... Просто хочу ее увидеть. К вечеру вернусь.

— Тогда поужинаем, — согласилась Марти.

Жизнь слишком коротка. Сегодня ты строишь планы... или, наоборот, не строишь, не желая ничего менять и откладывая все на завтра... А завтра весь остров смакует подробности твоей смерти...

Казалось, куда ни пойдешь, там будут все те же разговоры. Поэтому Марти никуда не пошла. Сидела в своем номере. Лежала. Иногда ходила...

Время обеда давно миновало, когда она вспомнила, что еще ничего сегодня не ела. Покидать гостиницу не хотелось, и Марти решила воспользоваться гостеприимством хозяйки: яичницы или тех же хлопьев с молоком будет вполне достаточно.

Беллы на кухне не обнаружилось.

Марти прошла до двери, выходящей на хозяйственный двор, где сушилось на веревках белье, заглянула в бойлерную и собиралась уже вернуться к себе, когда услышала доносившиеся из подсобки голоса. Один принадлежал Белле, а второй — Джоан Гарнет.

В этом не было бы ничего странного, двум ведьмам всегда есть о чем поговорить... Но

женщины спорили. Вернее, Джо что-то требовательно выговаривала, а Белла как будто оправдывалась.

Марти сама не поняла, зачем подошла поближе.

— ...Лучше тебе поговорить со мной, — настаивала Джо. — Поверь, мне совсем не хочется спускаться на тебя всех собак.

Белла хохотнула немного нервно:

— Всех собак? Или одного пса?

— Полицию, — сухо поправила Джо. — Хотя Раннер ведь в доле, да? Понимаю, ему детей кормить. Но полиция у нас — это не только Раннер. Другим будет интересно, они же тоже не прочь получать процент с нелегалки.

— Ох, ну что ты такое говоришь? — затараторила хозяйка. — Какой процент? Вот государство сдирает пошлину за лицензию — это да. Ну и ничего опасного ведь. Ты же меня знаешь, Джоан. Я сама проверяю все, что привозят с материка. Разве были проблемы?

— Вчера на одной ферме взбесилась охранка.

— Ну так... — Белла запнулась. — Наверное, повредили?

— Повредили. Но повреждение не механическое.

Марти все это совершенно не касалось, но она могла предположить, о чем речь. Лицензия на использование магических устройств действительно стоила недешево, так что нелегальная продажа и установка практиковались повсеместно. Этим занимались маги или, как на Карго-Верде, ведьмы, и, как правило, ничего потенциально опасного они обывателям не предлагали. А представители власти, естественно, были в курсе. Мэр. Или шеф полиции. Или вот Джо — почетный сопредседатель городского совета, главная ведьма, как она сама назвалась...

Не стоило в это влезать. Даже просто слушать.

Марти отступила на шаг и вздрогнула, натолкнувшись на что-то спиной. На кого-то. Но вскрикнуть не успела: ее крепко обхватили за плечи и зажали ладонью рот.

Странно, но испуг был мимолетным. Тот, кто держал ее, не излучал угрозы. От него веяло теплом и спокойствием. Какой-то... надежностью, что ли...

Секунда — и хватка ослабла, позволив немного повернуть голову и, скосив глаза, узнать лейтенанта Фаулера. Полицейский не делал никаких знаков, не кивал и не подмигивал, но Марти каким-то образом поняла, что он просит ее не шуметь и дать возможность дослушать происходивший в подсобке разговор.

Она согласно прикрыла глаза, и оборотень убрал руку от ее лица. Но за плечи придерживал легонько.

— Четырехблочная система «Антивор», — говорила тем временем Джо. — Заряд на пятнадцать лет и до сих пор не выдохся. Значит, устанавливали не настолько давно, чтобы ты забыла.

— Джоан, милая, — умоляюще протянула Белла. — Их же перед войной на каждый сарай ставили. И в войну, когда всякая шваль с материка полезла... Думаешь, я помню все проданные охранки?

— Все меня не интересуют. Только эта. Кто ставил, когда и по чьему заказу. Посмотри записи, если память подводит. Уверена, ты их ведешь. И позвони брату.

— Какому?

— Реми. Ты же знаешь, он со мной не разговаривает. — По голосу было слышно, что Джо усмехнулась. — Попроси, пусть сегодня сделает исключение.

— Даже не знаю. — Теперь и Белла улыбалась. — Ты ему сердце разбила.

— Белла, милая... — Джо идеально скопировала излюбленную манеру собеседницы. — Я была не по сердцу, и, судя по тому, что дочери Реми уже одиннадцать, там я тоже ничего не повредила. А тебе следовало на правах старшей сестры сразу ему объяснить, что не нужно со мной связываться.

— Объяснишь этим мужчинам, — проворчала хозяйка гостиницы. — Ты Кену много объяснила? Сколько лет за тобой бегают. Или специально на коротком поводке держишь?

Марти почувствовала, как напряглись лежащие у нее на плечах ладони.

— Не лезь куда не просят. — В голосе Джоан Гарнет появились угрожающие нотки. — Мое дело, с кем я общаюсь и как.

— Твое, конечно, твое, — уверила рыжая ведьма, громко вздохнув. — Только жалко его. Тебе ведь по большому счету без разницы. Могла бы... хоть кость бедному псу кинуть... Глядишь, и самой понравится. Пусть бы и чистая физиология, но многие так и живут...

— Белла, заткнись. И никогда больше...

У Марти не было никакого желания слушать это дальше. И не только у Марти. Стоявший за спиной оборотень обхватил ее за талию, легко оторвал от пола и куда-то понес. Двигался он при этом быстро и абсолютно бесшумно. В примыкавшем к холлу коридоре поставил на ноги и, точно безвольную куклу, развернул к себе лицом.

— Добрый день, миз Аллен.

Приветствие прозвучало невозмутимо и вежливо, словно они только что увиделись.

— Здравствуйте, лейтенант.

— Вы не знаете, Адам у себя?

— Нет, он... Он уехал к сестре. Вернется вечером.

— Жаль. Надеялся застать его... А как дела у вас?

— У меня?

— Да. Как вам живется на новом месте?

— Хорошо, спасибо.

Они дошли до холла, со стороны мило, по-приятельски беседа, и остановились у автомата со сладостями.

Там и застала их Джо.

— О, Кен! Здорово, что ты здесь... Марти, привет. Прости, денек сегодня... Заскочим в одно место?

Вопрос адресовался Фаулеру, и тот, не спрашивая, куда и зачем, с готовностью кивнул. Но, прежде чем направиться вслед за Джо к выходу, кинул в автомат несколько монет, достал из лотка большой шоколадный батончик и протянул Марти.

Это была самая необычная плата за молчание в истории тайных сговоров.

ГЛАВА 14

По мнению Фаулера, практически непредвзятому, Реми Паркс был придурком. Умный человек не стал бы раздувать скандал и столько лет держать обиду на отказавшую ему женщину, пусть и сделала она это довольно грубо. Но этот придурок имел успешный бизнес — обслуживание и прокат автомобилей. Прибывшие без собственного транспорта гости острова — а таковых из-за наличия тут тюрьмы и лечебницы бывало немало — обеспечивали стабильный доход. Хотя не факт, что Паркс сам вел дела. Белле мозгов на двоих хватило бы. Или даже на троих, включая и второго брата, Бобби, курсировавшего между островом и материком на почтовом катере. Посылки он возил, ага...

— Машина. — Джо одним словом объяснила, зачем им к Реми.

— Машина, — согласился Фаулер.

Сам об этом думал.

Менталист мог обработать живущую напротив дома Крис старушку, и та под присягой подтвердила бы, что видела не только машину Фаулера, но и его самого, но исключить случайных свидетелей, которые опровергли бы ее слова, убийца не мог. Как и обойти весь квартал, дабы внушить каждому нужную мысль. Значит, он просто нашел автомобиль той же модели и такого же цвета, как у Кена. Тот навещал бывшую супругу нередко, и соседи наверняка запомнили, на чем он приезжал. К счастью, подделать массивную фигуру морского пса не настолько просто, поэтому убийца, скорее всего, использовал тот же трюк, что и Джо с утра, чтобы остаться незамеченным, засветив только машину.

Автомобили этой марки были популярны, когда Кен Фаулер только мечтал о покупке личного транспорта. К тому времени, как он смог себе это позволить, приглянувшуюся модель вытеснили из рейтингов современные новинки. Но псы известны своей верностью... в том числе и глупым мальчишеским мечтам... Так что Кен еще и неплохо сэкономил на покупке «раритета», а Майк перебрал движок и привел авто в презентабельный вид. В целом же на острове подобных машин осталось немного, и одна точно имелась у Паркса.

— Белла говорит, ее брату с вечера нездоровится, — сказала Джо. — Вроде бы отравился несвежим окороком, но... увидим.

В гараж они отправились пешком, тот располагался недалеко от «Островка», а по пути можно было поговорить. О деле, конечно.

— Увидим? — с сомнением уточнил Фаулер.

— Да. На миз Кук отпечаток слабый, но, если поднапрячься, можно заметить. К ней никто не приходил. С ее слов. И термитов она своими глазами видела: прожорливые твари, покусившиеся на ее любимое кресло. К слову, дезинсекторы приезжали настоящие... Были у меня подозрения. Но я заглянула в контору к Джебу. Вызов оформлен, его парни были на месте. Естественно, никаких термитов они не нашли, но хозяйка настаивала на обработке, а желание клиента — это закон. И деньги.

— А что в моей квартире?

— Чисто. Никаких свидетельств твоей связи с Крис. Ну и вообще...

— Э?..

— Прибрала у тебя немного, пока искала подарки от убийцы, — сообщила с упреком во взгляде Джо. — Как ты живешь в таком хаосе?

Он пожал плечами:

— Я там не живу, я там ночью.

— Оно и видно. Когда патологоанатом даст заключение?

— Обещал к вечеру. Но не мне, а Раннеру.

— И ладно. Вряд ли там будет что-то стоящее.

— А у Паркса будет?

— Поищем. Потому что... — Она остановилась. Посмотрела ему в глаза, пристально и долго, словно ждала, что он сам скажет. Но не дождалась. — Потому что мы не можем сообщить о менталисте. Сейчас, во всяком случае.

— Из-за того, что случилось в Эйвике?

— Из-за того, что у нас нет доказательств. Только догадки. Мы не можем ручаться, что следы на трупах — отпечаток ментальных чар. А записка Крис... Это свидетельство скорее против тебя... Но в первую очередь из-за того, что случилось в Эйвике, да. Мы не знаем, на что он способен. Пока он не понял, что мы поняли, не станет использовать силу в полную мощь... надеюсь...

— Можно сообщить на материк в обход властей Карго-Верде, — предложил Фаулер. — У меня есть знакомые, тот же Руби, например.

— Который свяжет менталиста с заговором лордов после всего, что ты рассказал ему в прошлый раз. Служба имперской безопасности высадится на остров в полном составе.

— А по-твоему, это не связано?

— Не знаю. — Она вздохнула. — Мне кажется, я вот-вот пойму, но пока я понимаю только то, что нужно попытаться найти его самостоятельно. Предчувствие. Такое... сильное, хоть и не слишком понятное... Верить?

Разве у него есть причины не верить? Джо никогда его не обманывает. Не говорит многого, но это — совсем другое, не так ли?

— Верю. — Кен отвернулся, пряча невольно искривившую губы горькую усмешку.

— Тогда не нужно никому ничего говорить. Пока знаем только мы с тобой...

— С подружкой не поделишься?

— С подружкой? — не сразу поняла Джо. — А, ты о Марти... Нет. Зачем? Чем меньше людей знает... Люди уязвимы. Вряд ли убийца действует в одиночку, и, возможно, не все его помощники отдадут себе отчет в том, чем занимаются по его указке. Ты сам сказал: он слишком много знает. От кого?

— Подозреваешь, что Мартина может пересказывать ему наши разговоры?

— Не исключаю этого. Я попросила Беллу за ней присмотреть. Не объясняла причин — просто присмотреть. На ведьм, в отличие от магов, ментальные чары не действуют, есть хоть какая-то гарантия... И на оборотней, если верить книгам. Так что ты и я — отличная команда. Да?

Что-то такое промелькнуло в ее глазах, что Фаулеру стало не по себе.

— Ты сомневаешься?

— Я ведь не только ведьма, — напомнила она. И улыбнулась беспечно. — Если какой-то урод влезет мне в голову, разрешаю тебе ее оторвать.

Его передернуло от подобной перспективы, но встречных предложений не нашлось. Да и ворота гаража Паркса уже маячили впереди.

Похоже, Белла выполнила просьбу и позвонила братцу, чтобы тот принял не слишком дорогую ему гостью. Реми даже поздоровался с Джо, хоть и выглядел при этом жутко недовольным. И больным еще.

Пах он соответствующе — недугом, потом, желчной горечью... травами лекарственными, на ведьмовской силе замешенными...

Последнее совсем некстати.

Кен чихнул. Джо поморщилась.

Из четырех ведьм Карго-Верде Анабелла была сильнейшей в том, что касалось зелий. Ее многочисленная родня здорово сэкономила на лекарствах, и это, безусловно, хорошо. Плохо — что флер природных чар напрочь забил другие следы, если они имелись.

С машиной вышло не лучше.

Фаулер надеялся, что убийца оставит в салоне хоть что-нибудь — тот же волосок, след обуви или запах, но к ударившему в нос запаху ганджи оказался не готов.

— Мальчишки, наверное, — оправдывался Реми, держась за правый бок. — Работают у меня тут двое... Подрабатывают. Машины моют и так, по мелочовке... Я им разрешаю иногда взять что-то из старья, покататься...

Старьем он назвал не только тот автомобиль, что стоял у него в гараже, но и тот, на котором ездил Фаулер, и сделал это отнюдь не случайно. Кен оценил.

— Что за мальчишки? — спросил со строгостью ведущего допрос полицейского. — Имена, адреса, договоры на трудоустройство. Несовершеннолетние, я так понял? Значит, разрешение от родителей должно прилагаться.

В несколько секунд лицо Паркса, зеленоватое от мучившей его тошноты, налилось кровью, побледнело и вновь приобрело неприятный болотный оттенок.

— Ну зачем так официально, лейтенант? — с улыбкой укорила Джо. — Свои же люди. Да, Реми?

Она взяла владельца гаража под руку и отвела в сторонку. Показалось, Реми пытался вырваться. Или не показалось. Но у Джо не вырвешься.

Выяснение подробностей не затянулось.

Мальчишки — старшеклассники. Работают, само собой, без документов. Вкалывают вдвоем за десятерых, и Паркс милостиво позволяет брать недорогие машины на ночь при условии, что с утра авто будет на своем месте, отмытое и заправленное. Конкретно эту машину парни с вечера не просили. Но Реми рано ушел домой, почувствовав себя плохо после того, как отобедал завалившимся в холодильнике окороком, который жалко было выбрасывать, так что парни могли взять автомобиль без спроса...

Но они утверждали, что не брали. Выпустили из вольеров собак, закрыли ворота, активировали, как показывал господин Паркс, охранную систему и разошлись по домам. Травку на территории гаража тоже не курили.

И магии на них не чувствовалось.

Но машина была именно та, которую видела соседка Кристин. Убийца не учел, что следы остаются не только внутри, но и снаружи. Дорожная пыль оседает на днище, впечатывается в рисунок протектора, и на разных улицах города пыль эта пахнет по-разному...

Только какой от этого толк, если ни в салоне, ни в багажнике не нашлось ничего, что могло помочь в дальнейших поисках?

За воротами гаража Фаулер позволил себе тяжелый вздох.

— Устал? — Джо участливо погладила по руке. — Оно и понятно: ночь не спал, с утра — это все... Тебе бы отдохнуть.

— Угу. И поесть.

— Зайдем куда-нибудь?

— Нет, — покачал головой он. — Не хочу слышать разговоры за спиной. Я ведь расслышу, ты знаешь. Дома поем.

— У тебя пустой холодильник.

— Неправда, там есть сыр. А в шкафу — макароны. Так что у меня на обед макароны с сыром... Составишь компанию?

— А потом вымою посуду?

— Ты раскусила мой коварный план. — Кен улыбнулся через силу. План у него созрел тут же. Возможно, коварный. Но к посуде отношения не имел.

— Хорошо, — согласилась Джо. — Но готовишь ты. Помнишь ведь, какая из меня кухарка?

— Это же макароны!

— Ага. И они имеют свойство слипаться в огромный ком, склизкий снаружи и сырой внутри.

— Звучит аппетитно, — заявил он почти искренне. — Огромный макаронный ком... Решено, готовишь ты!

Они вернулись к «Островку», а оттуда поехали к дому Фаулера каждый на своей машине. Кен по-джентльменски пропустил даму вперед, а на деле — боялся, что Джо передумает, и настороженно следил за каждым поворотом ее «жучка»...

Квартира встретила непривычной чистотой — «немного прибрала» в исполнении Джоан Гарнет. Видимо, «много» было бы, успеет она вымыть окна и переклеить обои. Структурница, чего уж там. Стремление упорядочить все вокруг у нее в крови... или где там держится в человеческом теле магия? Но готовит действительно ужасно.

У Фаулера получалось лучше. Когда с неполных шестнадцати живешь один, волей-неволей научишься. Любимый рецепт — обжарить что-нибудь на сковородке, вбить два-три яйца и посыпать сыром...

— Нужно было на собак взглянуть, — запоздало спохватилась Джо, пока он рылся в шкафу в поисках подходящей кастрюли. — Но я раньше не работала с животными, могла и не почувствовать... Я о том, воздействовал ли менталист на собак. А охранные системы взламывать для него, похоже, дело привычное. Или он узнал коды отключения у Реми. Как думаешь, отравление — это специально? Несложно ведь просчитать, что Белла возьмется лечить братишку и ее зелья забьют другие следы... Ау, Кен! Ты меня слушаешь?

— Пытаюсь.

Он нашел кастрюлю и поставил в раковину. Открыл воду. Смотрел, как мощная струя бьется об эмаль и брызги разлетаются во все стороны...

— Прости. — Джо подошла со спины. Провела ладонью между лопатками — как по шерсти погладила. — Тебе и правда стоит отдохнуть и не думать обо всем этом какое-то время.

Кен завинтил кран и развернулся. Она не успела отпрянуть.

— Об этом думать не буду, — пообещал, глядя ей в глаза.

— Ну и... хорошо... — Отступила. И отвернулась. — Хорошо. Я... могу сыр натереть...

— Сегодня в «Островке» я случайно подслушал твой разговор с Беллой.

— И что? — Она передернула плечами. Безразлично? Нервно?

— И хочу знать, что происходит. Я не о нелегальных охранках, если вдруг ты не поняла. Хотя вряд ли. Тут только я ничего не понимаю.

— Кен, знаешь, я...

— Пойдешь домой? — усмехнулся он невесело, заметив, как она покосилась на дверь. — Обычно отправляешь меня, но я вроде бы уже дома, да? Хоть в чем-то схема дала сбой. Продолжим ее ломать?

— Ты...

— Я, Джо. Я. Чувствую. Себя. Идиотом. Столько лет не могу добиться правдивого ответа... Да и не добивался особо. Было твое решение. Я его принял без вопросов. Может, и дальше ни о чем не спрашивал бы... Но, оказывается, даже Белле какого-то хрена что-то известно, а мне — нет. Это обидно... Как минимум — обидно.

И тяжело. Тяжело было высказать все это так, чтобы помянутая обида не просочилась горечью в слова, чтобы не сорваться на крик и оскорбления. Чтобы не чувствовать себя еще глупее, чем уже есть. Потому что она слушала совершенно спокойно, больше не пытаясь ни прервать его, ни как-то возразить.

— Мне хватает убийств, Джо. Мутных ритуалов, менталистов... Я не хочу проводить еще одно расследование, чтобы наконец разобраться, что между нами происходит. Надеюсь, ты просто скажешь.

Закончил. Выдохнул. Ждал ответа...

— Между нами ничего не происходит.

Дождался.

— Точно. — Кивнул, соглашаясь. — И я хочу знать почему. Что со мной не так?

— С тобой все так.

— Тогда — с тобой? Ты отказалась выйти за меня из-за детей? Из-за того, что не можешь... Знала уже тогда?

Она и не поморщилась даже.

— Знала.

— И поэтому?..

— Нет. Не только. Причин... Много причин... Ты действительно хочешь обсуждать это именно сейчас?

— А сколько, по-твоему, лет еще нужно подождать? Что это за огромная тайна, которую ты никак не можешь мне открыть?

— Я тебя не люблю.

Он замер. Казалось, с этим давно нужно было смириться. Пусть прямо слова эти никогда не звучали, но ведь суть их подразумевалась в каждом ее отказе... Но услышать...

— Я тебя не люблю, Кен, — повторила она тем же бесцветным тоном. — Никого не люблю. Не умею. Это... побочный эффект, скажем так. Последствия смешанного дара, как и раннее угасание репродуктивной функции. Отсутствие потребности в привязанностях, низкая интенсивность эмоций...

— Бред! — вырвалось у него. — Ты сейчас о себе? Ты недостаточно эмоциональная?

— Эмоциональная. — Джо задумчиво улыбнулась. — Иногда — слишком. Но я говорю об эмоциях определенного толка. И это — не бред. Это — официальный диагноз. Да ты и сам мог бы понять. У меня нет друзей, я почти не общаюсь с семьей... Разве это не странно? Особенно для ведьмы... Природники стремятся быть ближе к людям, собирают их вокруг себя. Бернис печет пироги, Белла содержит гостиницу, Милли открыла ресторан... И только я сижу одна в каменной башне. Знаешь почему?

— Потому что ты с двенадцати лет мечтала там работать, — ответил он, упрямо не желая соглашаться с представленными доводами. — И люди вокруг тебя есть. Ты же не заперлась в своем архиве? Ты общаешься со многими... С той же Беллой. С Бернис и Милли...

— Я у них ем. А Белла была моим куратором как старшая ведьма. Потому она и в курсе моих... сложностей.

— А другие? Мартина Аллен, например? В последние дни вы просто неразлучны. А все те мужчины, с которыми ты встречалась?

Она вздохнула. Больше устало, чем грустно.

— Хочешь получить ответы по всем пунктам? Хорошо.

И рассказала. По пунктам. Что отсутствие привязанностей и глубоких эмоций не делает ее человеконенавистницей. И общаться с людьми ей несложно, просто не нужно зачастую. Но с некоторыми бывает интересно. Вот та же Мартина ей интересна, а потому даже симпатична пока. Но если интерес к ней угаснет, то и продолжать общение с ней станет ни к чему. Из вежливости разве, чтобы не обижать хорошего человека. Не обязательно ведь любить кого-то или ненавидеть, чтобы понять, хороший человек или плохой. А что до мужчин, так она же не труп — живая женщина, здоровая... почти... Чистая физиология, да.

Только на один вопрос она не ответила.

— А я, Джо? Кто я для тебя?

— Ты — мой друг.

В устах Джоан Гарнет это звучало как проклятие: и быть тебе другом, пока солнце встает на востоке...

— От нас это не зависело, — сказала она, словно оправдываясь. — Оборотень и будущая ведьма при отсутствии других одаренных того же возраста... Я бы и с завязанными глазами мимо тебя не прошла. Неизбежность установления подобных отношений — это общеизвестный...

— Общеизвестный факт, да, — перебил Фаулер. — Те, в ком есть частичка магии, тянутся друг к другу, особенно в детстве и юности... И?

— Не друг к другу, Кен. Один к другому. Как магнит и скрепка. Один притягивает, а другой притягивается.

— Угу. Понял. — Он нахмурился. И почти пожалел, что начал этот разговор. — Значит, я — скрепка. Ты это хотела сказать?

— Нет. — Она опустила глаза. — Совсем нет. Потому что ты — магнит. Скрепка — это я... — Посмотрела на него и улыбнулась. Улыбка была незнакомой. Болезненной. — Ты не помнишь, да? Это ведь я бегала за тобой хвостом всю младшую школу, а не наоборот. Таскала из дома сладости для тебя. Мамины пирожки, пару лишних бутербродов... Так по-детски... Не знала, чем тебя соблазнить. Училась плавать, пинать мяч и кататься на роликах, чтобы быть не хуже твоих приятелей. Даже дралась с ними, когда они пытались спровадить меня из вашей компании. В то время я еще чувствовала иначе, по-настоящему. Дар спал пока, и я могла бы сдружиться с кем угодно... Но мне никто не был нужен. Кроме тебя. А потом начались проблемы... Разные. Голова болела... Вспышки агрессии. Провалы в памяти. Учиться стало трудно... Я по несколько дней сидела в своей комнате, не хотела никого видеть... Пока ты не приходил и не звал гулять. И я шла. Забывала про боль, про апатию... Потому что ты — магнит, а я — скрепка.

— Твой отъезд на материк тогда...

Она кивнула, отвечая на вопрос, который он задал только мысленно.

— Я была в университете, это правда. Только меня там не учили, а лечили. Пытались. Надеялись, что если ограничить проводимость каналов или установить частичную блокировку... Но смешанный дар нельзя разделить. Лишь запечатать полностью. Родители предлагали. Они ведь не одаренные, им не понять, каково это — оборвать все связи с энергетическими потоками. А я прожила четыре месяца в полной блокаде. И лучше не стало...

— Джо, я...

Он шагнул к ней, но она упреждающе выставила вперед ладони. Магические сполохи

заиграли на кончиках пальцев.

— Не нужно, Кен. Если бы я хотела, чтобы меня жалели, рассказала бы все уже давно. И вообще ты не об этом спрашивал. Ты спрашивал, почему я тебе отказала. Отвечаю: потому что ты — мой друг. Единственный друг. Единственный человек, к которому я до сих пор привязана и в котором нуждаюсь. Понимаешь?

— А ты сама себя понимаешь, Джо? — спросил он, медленно приближаясь к ней. — Я — единственный человек, к которому ты что-то чувствуешь, но быть со мной ты не хочешь? Это вообще можно понять?

Сделал еще шаг и наткнулся на плотную стену ее силы. Но если бы и не это, все равно остановился бы, перехватив ее взгляд.

— Ты бы бросил меня, — проговорила она настолько уверенно, как будто однажды уже прожила ту жизнь, где все так и случилось. — Если бы я согласилась выйти за тебя тогда, ты бы сам от меня ушел. Не сразу, но через год. Или через два. Через пять... И это был бы еще не самый плохой вариант. Самый плохой — ты бы возненавидел меня за то, что не оправдала твоих ожиданий.

— Я...

— Просто подумай, Кен. Подумай, и ты поймешь, что я права.

Он подумал.

— Возможно, — согласился, хоть и не до конца. — Возможно, ты права, Джо. В двадцать лет я слишком хорошо знал, чего хочу от жизни. Слишком... И в двадцать пять тоже... Но потом? После того, как ожидания сами собой не оправдались безо всякого твоего участия... Почему? Потому что ты меня не любишь? А не любишь ты меня, потому что не любишь никого? Не испытываешь потребности... Так на кой я тебе тогда нужен, Джо? Зачем беречь эти недочувства? Может, тебе лучше было бы без них? Без меня?

— Я не знаю... — Он почти орал, а она ответила едва слышно. Растерянно, точно сама уже не понимала то, что пыталась объяснить ему. — Я просто хотела, чтобы ты был рядом...

Последнее слово взбесило.

— Рядом?! В смысле «Фаулер, рядом!», да? — Он выпустил когти и со злостью полоснул по выставленной ею стене. — Насколько близко, Джо? — Подошел вплотную. — Так? Или это слишком? — Отступил на шаг. — Может, так? Нет, далековато... Дура! — Сгреб ее в охапку, прижал к груди. Так сильно, словно вдавить пытался — в себя, под кожу, под ребра, глубоко в сердце — туда, откуда выцарапывал ее столько лет. — Какая же ты все-таки дура... Ведьма упертая!

Вывраться она не пыталась. Затихла. Даже дышала как будто через раз. Но он все равно боялся ее отпустить. И раздавить боялся, если сожмет еще сильнее...

— Я не хочу быть твоим другом, Джо. Просто другом — не хочу. И не получится уже.

Она вздрогнула. Дернулась всем телом и замерла снова. Тихое «почему?» он скорее угадал, чем услышал.

— Ты ездила со мной на мол.

Пусть теперь поспорит...

Но она не спорила. Заворочалась только. Вдохнула. Или всхлипнула... Но глаза на него подняла сухие. Блестящие. Синие, как камень в том кольце... Показалось, скажет что-то... Но нет. Просто на цыпочки приподнялась. И поцеловала... почти...

Коснулась сомкнутыми губами его губ и отстранилась тут же. Не поцелуй — разрешение, которого Кен, если честно, и не собирался уже спрашивать... Но раз можно...

Раз можно — то можно.

Нужно даже.

И плевать на все остальное. Не важно.

Лишь на миг всплыла гаденькая мыслишка, что все это — та самая кость для пса... Но ведь действительно не важно. И мысль эта в голове не задержалась. А затем и другие оттуда вымело... Вместе с мозгами, видимо...

И не возвращались они потом очень долго. Ни мысли, ни мозги.

Уже и дыхание выровнялось почти, и сердце не колотилось так бешено... И надо было что-то сказать. Что-то неглупое, желательное, чтобы она поняла, что теперь он не отпустит ее никогда и не отдаст никому... Но не настолько пафосное... А мысли как ушли, так и не вернулись еще.

И Джо молчала, уткнувшись ему в плечо...

— Я... — начал он и запнулся, так и не придумав окончания.

— Ты варишь макароны, — предложила она свой вариант. — Я тру сыр.

И неглупо, и непафосно, и еда.

А дальше — по обстоятельствам.

...Марти медленно поднялась с пола и огляделась, пытаясь вспомнить, где она находится и как сюда попала.

Вряд ли эта большая, обставленная старинной мебелью комната — один из номеров «Островка». В подобных интерьерах жить смог бы разве что...

— Здравствуй, Тина.

...какой-нибудь лорд.

ГЛАВА 15

Дальше — по обстоятельствам, да.

А обстоятельства сложились так, что Джо осталась. Фаулер и не отпустил бы, но... Просто осталась, и все.

Наверное, время пришло.

Сорок лет — не двадцать.

Мысли другие. Желания. Не такие пылкие и бескомпромиссные, когда либо все, либо ничего. Пожил ведь уже, понял, что всего, хоть в лепешку расшибись, не получишь. А ничего — это и есть ничего. Лучше уж хоть что-то.

Как те макароны с сыром. Не пироги, конечно, и не жареные креветки, но сытно... Вкусно даже... И бутылка вина, завалившаяся в машине, кстати пришлась.

Или та же физиология вот. Немаловажная ведь штука на самом деле. У кого-то и с этим не складывается — и не то, и не так...

А у них все в порядке. С физиологией.

Проверили. Пару раз, чтобы наверняка. Или увлеклись просто... Проверкой. Дело-то серьезное. Ну и... хорошо все.

Более чем.

Но если совсем честно...

Ощущение неправильности не оставляло. И... вины, что ли?

За то, что разрушил все то, что было между ними. Дружбу эту, чтоб ее... А взамен получится ли построить что-то — пока неясно.

Что, если нет? Как тогда?

Без встреч, разговоров, без ужинов в «Рыбке» и поездок на пляж? Без ее колких шуточек и беззлых поддевок? Без морских закатов под дешевое бутылочное пиво?..

— Джо, я... Я буду. Всегда...

Другом. Тенью ее. Верным псом.

Кем угодно. Но, пока ей это нужно, — рядом.

— Ты теплый. — Она прижалась в темноте всем телом, тесно-тесно, хотя кровать у него совсем и не узкая. — А я мерзну по ночам. Даже в такую жару, как сейчас.

— У псов температура тела выше. На целый градус. Или на два...

— Знаю.

Конечно, она все знала. И о псах вообще, и о нем в частности.

Это он не знал, как выяснилось, ничего о ней. Ни о том, что от ее смешанного дара больше проблем, чем выгод. Ни о том, как плохо ей было тогда, когда спешно пришлось уехать на материк и он, дурак, до последнего таил обиду за ту единственную за полгода открытку, даже не представляя, чего ей стоило не забыть о его дне рождения. Ни о том, что она мерзнет по ночам...

Ноги у нее были холодные. И руки.

Пальцы — как ледышки.

Кен отогревал их в своей ладони, казавшейся какой-то особенно огромной в сравнении с ее тонкой кистью, и, быть может, совсем согрел бы... Но уснул.

Пробуждение было приятным лишь с одной стороны. С левой, если точнее — с той, где спала Джо, обхватив как грелку его руку и тихо посапывая. Выглядела она такой безмятежной, почти счастливой, что жаль было ее будить.

Но пришлось.

— Джо... — Фаулер медленно высвободил руку, немного затекшую, и дунул спящей в лицо. — Джо, закрой уши, — попросил шепотом.

— Зачем? — пробормотала она сквозь дрему.

— Закрой.

Пугать ее он не хотел. Только того, кто несколько секунд назад вошел в его гостиную и сейчас подкрадывался к спальне. И то, что человек этот был Кену хорошо знаком — и запах выдавал, и звук шагов, — внеурочного визита не извиняло. Да и мало ли, с чем он пожаловал, учитывая, что на острове обосновался менталист.

Фаулер бесшумно сполз с кровати, сгруппировался, в один прыжок оказался у двери, распахнул ее и с рычанием оскалил клыки, приветствуя гостя.

Вместо ожидаемого вопля послышался сдавленный шепот. И то не сразу.

— Твою ж мать... — тяжело выдохнул Раннер, схватившись за сердце. Перевел дух, оглядел с головы до ног выскочившего перед ним оборотня и демонстративно закрыл глаза рукой. — Прикройся хоть чем-нибудь... Вот прям не знаю, что страшнее, морда твоя или...

— Какого хрена ты тут забыл, Стив? — рыкнул Кен.

— Да уж не того, которым ты здесь размахиваешь, — огрызнулся в свою очередь шеф. — Ты часы с телефоном в ломбард заложил? И совесть с ними вместе?

— Хм...

— Вот гадство! — ругнулась за дверью Джо. — Почти десять!

Лицо Раннера вытянулось, челюсть отвисла.

— Это Гарнет? — уточнил он недоверчиво. — Вот же... И почему не она на меня голышом выскочила?

— Я сейчас выскочу! — пригрозила злая спросонья ведьма. — Я сейчас так выскочу!

Раннер попятился в гостиную.

И Фаулер за ним. На всякий случай.

— Проспал, — раскаялся чистосердечно. — Но это не повод вламываться.

— Уж извини, — с раздражением отозвался шеф. — В управлении тебя нет, трубку не берешь. В башне тоже никто не отвечает... Понятно теперь почему... И не вламывался я. Дверь открыта. Что угодно можно подумать...

Дверь открыта? Кен напрягся при этих словах, но тут же понял, что сам не захлопнул ее после того, как спускался к машине за вином. И телефон сам отключил с вечера.

— Я воспользуюсь твоей щеткой. — Джо проскочила мимо них в ванную.

Футболка Фаулера доставала ей до колен и висела мешком, распущенные волосы закрывали лицо... Но Раннер все равно завис на несколько секунд, глядя ей вслед.

— Да, собственно... — отмер он медленно. — Зачем приехал... Парнишка тебя обыскался. Этот ваш Адам... Как его там?

— Адам Кейдн? — Неприятный холодок пробежал вдоль хребта.

— Он самый. Говорит, с вечера не мог тебе дозвониться. И Джо тоже. Архив, говорит, закрыт... Я бы, конечно, послал его куда подальше. Но при том, что у нас тут за дела...

— Не тяни, Стив.

— Парень утверждает, Мартина Аллен пропала, — сказал Раннер, пристально глядя ему в глаза. — Это же твоя подопечная, да? И что-то мне подсказывает, что она не сбежала.

— Где Адам сейчас?

— Внизу, в моей машине...

— Тащи его сюда!

— Фаулер, а ты не оборзел? — опешил от его приказного тона шеф.

— Пожалуйста, — добавил лейтенант. Не в управление же теперь ехать, чтобы допросить... то есть расспросить мальчишку?

Раннер, похоже, подумал о том же и пошел к выходу.

В дверях обернулся:

— Нам ждать еще один труп?

— Нет.

Обычно трупы появляются неожиданно. Но в данном случае Кен надеялся, что этого не случится.

— Слышала? — спросил вышедшую из ванной Джо.

— Да, — кивнула она хмуро. — Я сварю кофе.

— У меня только растворимый.

— Значит, растворю.

Видимо, Раннер специально не торопился, и к тому времени, как он снова появился в квартире, теперь уже вместе с Адамом, и Кен и Джо успели одеться, влить в себя по чашке кофе и сидели на софе в гостиной с видом таким серьезным, словно всю ночь обсуждали внутреннюю политику империи. И внешнюю заодно.

Но Адам все равно глядел с подозрением, а Раннера их серьезность отчего-то развеселила. Хоть ситуация к веселью никак не располагала.

— Рассказывай, — велел Фаулер присевшему в кресло напротив парню.

Боялся, тот начнет, как обычно, мямлить, но Адам то ли был сильно взволнован, то ли успел заучить речь, так что пересказал случившееся коротко и на одном дыхании.

По его словам, вчера он пригласил миз Аллен на обед. Просто так, по-дружески. Но после передумал и обед заменил ужином, внезапно решив навестить сестру. В «Островок» вернулся к семи и сразу пошел к Мартине, но той не было в номере. Адам подождал немного, но, когда и через час она не появилась, поинтересовался у хозяйки, не предупредила ли миз Аллен, что куда-то отлучится. Как оказалось, предупредила, но было это еще в пять, и она обещала вернуться в течение часа. Рассудив, что знакомых у Мартины на острове немного, парень позвонил в архив. Ему не ответили. Он набрал домашний номер лейтенанта Фаулера — Кен и ему давал визитку, — но там тоже не взяли трубку. Тогда Адам решил, что Мартина, возможно, передумала насчет ужина с ним и пошла куда-то одна, но она не появилась ни к ночи, ни утром, а поскольку на Карго-Верде у нее действительно не было друзей, у которых она могла бы загоститься, он заподозрил неладное.

Все это до ужаса напоминало вчерашнюю ситуацию: звонок Эрика Грайна и его слова,

что Крис куда-то пропала...

Фаулер тряхнул головой, отгоняя неприятные ассоциации.

— Значит, она ушла из гостиницы примерно восемнадцать часов назад? — задумался он вслух. — Не так давно. Можно поискать... Только зря оделся.

— Оборачиваться собрался? — не поверил Раннер. — Ты же после войны... не того... Ну, из-за хвоста...

— Мне и полуоборота хватило бы, — мрачно сообщил ему Кен. — Даже лучше было бы, и нюх, и чутье острее. Так что, если думаешь, что бесхвостый пес напугает горожан больше, чем оборотень на грани перехода...

— Попробуй только! — прикрикнул шеф. — Шутник, блин.

Адам смотрел с нескрываемым любопытством. Джо — с одобрением.

Неправда, что он не оборачивался с войны. Оборачивался. Не выдержал бы без этого. Но людям уже не показывался, как прежде. Даже Джо, хоть она и говорила, что ерунда все, и дураком называла. Придумал тоже — из-за какого-то хвоста.

Права была. Как обычно. Ему-псу ведь вообще без разницы: не болит уже — и ладно, и того обрубка в три дюйма хватит. Это человека страхи какие-то грызут, а зверю просто хорошо... На четыре лапы встать хорошо, воздух носом втянуть, облизнуться...

И нет никакого внутреннего конфликта. Чуть все это. Он — цельная личность в любом облике... Просто восприятие некоторых вещей меняется немного, так же как меняется слух и зрение. И, правду сказать, песья логика, простая, прямая и избавленная от людских предрассудков, была куда правильнее. Жаль, понимал это Фаулер только в звериной шкуре, а в человеческой не хотел признавать...

Но было нечто, что он одинаково воспринимал в любом облике.

Некто.

Когда он, отлучившись, чтобы снять одежду и не пугать никого зрелищем оборота, снова вернулся в гостиную, Джо подошла и обняла за шею.

— Псина моя лохматая, — прошептала, ласково потрепав за ухо, и зарылась пальцами в густую шоколадно-коричневую шерсть. — Я почти забыла, какой ты красивый.

И звонко, как в детстве, чмокнула в нос.

Он завилял огрызком хвоста... Но она не заметила, конечно, и не поняла, как он рад. Пришлось облизать ей лицо — от подбородка до лба...

— Извращенцы, — буркнул Раннер.

Кен рыкнул на него и пошел к выходу. В прихожей кивнул Джо на лежавшие на полочке ключи от машины.

— Может, на моей? — попробовала поспорить она.

Пес презрительно дернул губой, показывая левый клык и свое отношение к маленькому голубому недоразумению, в шутку названному кем-то автомобилем. Джо обиженно фыркнула, но взяла его ключи. Фаулер довольно оскалился.

Говорить в зверином облике он не мог. Но когда это мешало людям и собакам понимать друг друга?

...Нога болела. На колене проступило красноватое пятнышко — будущий синяк.

— Ушиблась?

Голос участливый. Глаза теплые, зеленые. Улыбка, которой хотелось поддаться, раствориться в ней без остатка...

Хотелось, но Марти не верила уже ничему.

— Где я? — спросила, сиюсь не смотреть ни в глаза ему, ни на эту его улыбку. И имени не называла. Потому что... — Как я сюда попала?

— Ты не помнишь?

Она задумалась. Зажмурилась до радужных пятен перед глазами, до боли в висках...

— Вспомнишь. Время есть.

— Время?

Было что-то про время. Время и пространство...

Марти заставила себя открыть глаза и снова оглядеться.

Комната незнакомая. Мебель дорогая. Даже видно, насколько дорогая: дерево полированное, бархатная обивка. Силуэты громоздкие, вычурные формы... Такого давно уже не делают. Очень давно.

Светильники под потолком — не электрические. И не масляные, те чадят, а тут — ровный, чуть желтоватый свет. Магия? Она сказала бы, если бы могла чувствовать.

И окна высокие, стрельчатые. Стекла в мелких переборках. За стеклами — вечер, и казалось, он тут всегда. Вечный вечер.

В простенках — картины в золоченых рамах. Портреты в основном.

А стены... Стены скругленные. Как в...

— В башне, — прошептала Марти. — Я шла в башню.

Она пошатнулась, но тот, кто стоял рядом и не пытался поддержать. Отошел в сторону, кивнув на кресло, куда она опустилась. Рухнула буквально от слабости и безысходности.

— Башня, Тина. Ты шла в башню. Зачем?

— Мне... нужно было...

Она хотела поговорить с Джо. Рассказать... о чем-то.

Это было важно, наверное, если она вышла из гостиницы после того, как решила уже никуда не ходить. В холле встретила Беллу. Попросила передать Адаму, если тот вернется раньше, чтобы подождал...

— Значит, я в башне?

Он промолчал.

Стоял перед ней — всего в двух шагах. Руки сложил на груди. Рубашка расстегнута, рукава закатаны по локоть. На шее цепочка с армейским жетоном... Волосы растрепаны — как всегда, когда он думает о чем-то и ерошит их пальцами...

Хотелось подойти, пригласить... Коснуться его щеки, замерших в рассеянной полуулыбке губ...

Неправильное желание. Как и все происходящее.

Как комната эта и вечный вечер за окнами.

— Томми?

Она отважилась произнести его имя. Томми. Том-ми... Словно волна, прокатившаяся от нее к нему и разбившаяся о невидимую стену...

— Тебе нужно вспомнить, Тина. — Он наклонился к ней. — Нужно. Но ты думаешь не о том.

— Не о том? — Боль и обида проснулись внутри, заполнили ее всю, не оставив места другим мыслям и чувствам. — Не о том?! Ты предал меня! Ты...

Марти размахнулась, собрала всю боль и все силы, чтобы ударить его. Хлестнуть по лицу, которое миг назад хотелось покрыть поцелуями и прижать к груди.

Но он успел перехватить ее руку. Сжал запястье там, где виднелся на коже рисунок печати, и запирающие руны вспыхнули огнем.

— Запомни, леди Мартина, — прошептал он ей в лицо, пока она морщилась от боли и кусала губы. — Хорошо запомни. Я никогда и никого не предавал. Я не способен на предательство, в отличие от...

Выпустил ее руку, оттолкнул от себя. Не договорил, точно забыл, что собирался сказать.

— Вспоминай, — приказал строго.

Марти уронила лицо в ладони. Голова раскальвалась. Память ускользала...

Она помнила, как вышла из гостиницы. Как шла по улицам. Как остановилась у кофейного домика Шеймуса и поздоровалась с поправлявшим вывеску хозяином.

После дошла до башни.

Двери были закрыты. Она постояла немного, не дождалась никого и собиралась уже идти назад, когда зачем-то еще раз толкнула тяжелую створку... и та вдруг подалась...

Она прошла внутрь. На первый этаж. Самый первый.

Джо там не было, но показалось...

— Ты позвал меня, — вспомнила она. — Я слышала твой голос. Прошла внутрь, в переход. Он не работал в последние дни, но я...

Сделала несколько шагов и упала. Сюда, в эту комнату. К человеку, похожему на ее Томми, но определенно — теперь она понимала, как глупо было верить в обратное, — определенно не бывшему им.

— Кто вы? — Она взглянула в его глаза.

Зеленые... но недолго. Радужка посветлела до серого и медленно налилась желтизной, сделавшись цвета яблочного вина. Тоже ненадолго. Цвет продолжил меняться, становясь насыщеннее и гуще, пока не остановился на кофейной горечи.

Волосы удлинились. Стали пышнее. Легли на плечи мягкими волнами. Не рыжие, язык не повернулся бы так сказать, — благородная медь.

И лицо сделалось другое. Старше, умнее. Может, даже красивее, чем у Томми. Породистое такое. Нос прямой, лоб высокий, кожа бледная...

— Кто вы? — повторила Марти.

Ей был откуда-то знаком этот человек, где-то она его видела...

Точно! На портрете, висящем как раз за его спиной. Только там он одет был иначе — в багровый плащ с серебристым меховым воротником. Таких не носят сейчас, разве что актеры в театре. Но они ведь не в театре, а в башне.

— Ты так и не вспомнила, зачем пришла сюда, — мягко укорил незнакомец.

— Это важно?

— Важно, Тина.

— Не нужно звать меня так, — попросила она.

— Буду. — Он улыбнулся. — Мне нравится. Но мы отвлеклись. О чем ты собиралась поговорить с моей ведьмой?

Марти хотела спросить, почему это Джо — его ведьма, но подумала, что он, наверное, прав. Если она живет в его башне, она — его ведьма. А в том, что башня его, сомнений не было.

— Тина?

— Я не помню. — Она обхватила голову руками, сжала виски. — Не помню. Кажется... Я увидела кого-то... или что-то... Не помню...

Когда только шла сюда, уже не помнила. Брела по улицам, держа в голове одну лишь мысль: «Башня, Джо, рассказать». И не понимала — что и зачем. Должно быть, оттого и голова так гудит.

— Ты слаба, Тина. — В голосе, сейчас совсем не похожем на голос ее Томми, слышалось сочувствие вперемешку с разочарованием. — Уязвима для него.

— Для кого? — прошептала она, испугавшись.

— Ты поймешь. Потом, когда вспомнишь. Или просто поймешь, когда время придет.

— Когда? — эхом повторила Марти.

— Скоро. Скоро шторм, он ждет его, чтобы закончить игру. Но он не знает, что игроков на поле гораздо больше... Ты ведь игрок, Тина? Потому что, если ты — не игрок, ты — пешка. Ты же не хочешь стать пешкой?

Каким-то непостижимым образом ей удалось понять, о чем он говорит. Негодование, всколыхнувшееся в душе, заставило вскочить на ноги и сжать кулаки.

— Игра?! Это, по-вашему, игра? Люди гибнут!

Мужчина остался невозмутим:

— Люди всегда гибнут.

Он взмахнул руками, развел резко в стороны, словно разрывал разделявшее их с Марти пространство, и комната со старинной мебелью и портретами на стенах вдруг исчезла. И стены исчезли.

Промозглый ветер ударил в спину, взметнул ее волосы. Глаза защипало от дыма. Дыхание перехватило от тошнотворного запаха гари и жженой плоти...

Марти съезжилась, замерев посреди усеянного трупами поля.

Зажмурилась, чтобы не видеть.

Она насмотрелась на такое за три года, хватит. Тогда, в Ликардии...

— Это не Ликардия, Тина. И эти люди — не солдаты. Открой глаза. Ты ведь видела смерть, тебя ею не испугать... Посмотри: тут не было войны. Эти люди ни с кем не враждовали, никому не желали зла и не ждали его. Мужчины, женщины, дети... Отчего ты не смотришь?

Марти открыла глаза, подчиняясь его голосу, но не смогла заставить себя посмотреть вниз, на обожженную землю и тех, кто лежал на ней. Только вперед — туда, где серело над темным морем предрассветное небо. На имперские флаги, развевавшиеся на мачтах отчаливших от разоренного берега кораблей.

— Тут не было войны, — повторил тот, кто привел ее сюда. — Тут была бойня. И теперь ты знаешь, кто ее устроил.

— Империя... расширялась не всегда мирными способами... — Губы, горькие от осевшего

на них глена, шевелились с трудом. — Я этого не оправдываю, но... это — уже история...

— История? Разве? Разве история империи помнит непокорные острова? Ты слышала о них? Хотя бы об одном? Об этом?

— Непокорные? — Марти покачала головой. — Нет.

— Что ты вообще знаешь об островах? Что твой муж тебе рассказывал?

«Бывший муж», — хотела поправить она, но промолчала. Снова зажмурилась, а когда открыла глаза, они вернулись уже в комнату с вечером за окнами.

— Так что ты знаешь об островах, Тина? О живых островах? О тех, что являются источником силы и процветания для своих людей?

— Почти ничего. — Марти влезла с ногами в знакомое уже кресло и зябко обхватила себя за плечи. — Томми... Томас немного рассказывал о своем острове. О Стайне. Он редко бывал на Архипелаге. Говорил, что там он чувствует себя сильнее, но... неудобно...

— Как гость, а не как хозяин, — подсказал собеседник. — Лорды Архипелага лишь на словах остались безраздельными властителями островов. Они потеряли власть над своими домами, когда вручили ключи от них своему предводителю. Лорды правят островами, но император правит лордами. В любой момент он может отобрать у них ту власть, что им еще дозволена. Лишить их связи с островом. Если разорвать ее полностью, лорд станет беспомощнее младенца... Скажи, что это история, Тина. Скажи, что такова цена мира, а единая и неделимая власть — основа вашего нынешнего общества. Скажи... Быть может, я соглашусь с тобой. Да и лорды, как мне известно, сами решили так. Они понимали, что иначе не избежать грызни и междоусобиц. Но ведь острова — это не только Архипелаг, и не каждый лорд стремился присоединить свои земли к великой империи. И не каждый остров хотел отдать свою кровь чужаку.

— Как Карго-Верде? — тихо спросила Марти. — Вы — лорд Карго-Верде?

— Нет. — Мужчина тряхнул медной гривой и указал на портрет, в который мог бы смотреться как в зеркало. — Он был последним лордом Карго-Верде. Тем, кто отказал императору и не разделил с ним свой остров. Ты видела, что из этого вышло. Корабли причалили на закате и отчалили, не дождавшись рассвета. Несколько часов хватило, чтобы не оставить тут ни одного живого человека. Лорд пытался... Но он и его остров не в силах были справиться со всеми лордами и всеми островами Архипелага. Да, Тина, так это было... Хлюпики с ведрами, как назвала их твоя подруга. Но их собралось слишком много в ту ночь. В ночь перед магическим штормом, который скрыл следы их деяний и на несколько десятилетий спрятал остров от случайных гостей, хоть до материка всего восемь миль... Они надеялись, что он умрет за это время. Или хотя бы уснет и забудет о мести... Почти век прошел, когда они отважились поселить новых людей. Тех, кого не жалко...

— Тюрьма? — предположила Марти.

— Женский монастырь, — ответили ей с жесткой усмешкой. — Неудобные жены. Дочери, которых не удалось выгодно сплавить замуж... Невинные? Скорее уж невиновные. Но убивать невиновных — прерогатива Архипелага и их императора. А потом появилась и тюрьма, да. И город... И башня вернулась. Лорд спрятал ее, но его чары истончились с годами, и башня выросла прямо посреди вновь возведенного города. Ее обыскали, естественно. Точнее, разграбили. Все этажи, куда смогли попасть. Уничтожили все, что могло рассказать новым людям о той ночи и обо всем, что было до нее. После решили превратить в архив. Но, как видишь, тут осталось еще немало секретов. Хочешь взглянуть?

— Зачем мне это? — Она посмотрела в его глаза, снова менявшие цвет. — И вам? Зачем вам я?

— Ты меня слышишь, Тина, — ответил он, превращаясь в другого лорда — в того, чей образ подсмотрел, должно быть, в ее памяти. — Не представляешь, сколько я пытался дозваться за эти годы. Но слышишь только ты... Из тех, с кем я хотел бы говорить, конечно. В тюрьме ты была недоступна, но когда оказалась снаружи... И ты не пешка.

Правда ведь? Потому что тот, кто привел тебя на остров, считает тебя именно пешкой...

— Кто... кхе-кхе... — В горле запершило, и Марти закашлялась. Смахнула с ресниц выступившие слезы. — О ком вы?..

Голова кружилась еще сильнее, чем прежде, и трудно было концентрироваться на странном рассказе странного человека... Человека ли?

Он опять выглядел как Томми. Для чего только? Надеюсь, этот облик вызовет у нее доверие? Разве может она доверять тому, кто отправил ее в тюрьму?

Отправил в тюрьму — привел на остров... Томми? Томми считает ее пешкой?

— Без печатей было бы легче. — Он коснулся ее запястья, и в этот раз Марти не ощутила боли, только ласковое тепло. — Без них ты могла бы слышать и видеть меня не только в башне. И это не отнимало бы столько времени. Помнишь, что ведьма говорила тебе о времени? Тут оно ощущается иначе. Не идет — только ощущается. Тебе кажется, и часа не прошло, а твой организм уже обессилел без еды, воды и сна. Прости... — Он погладил ее по волосам с нежностью, на которую был когда-то способен настоящий Томас Стайн. — Я не могу предложить тебе даже попить, но обещаю не задерживать слишком долго. И прости, что не расскажу всего. Это игра, Тина. Жестокая, но игра. Если я расскажу, ты попытаешься ее остановить, а делать этого нельзя. В этой игре мы должны победить. Ты и я. Иначе она начнется снова.

— Я не...

— Не понимаешь, знаю. Но ты поймешь. Я верю в тебя. А тебе нужно будет поверить в меня. Я говорил уже, непокоренные не предают. Вспомни об этом, когда время придет.

ГЛАВА 16

Прежде Фаулера нередко видели в городе в зверином обличье, по утрам в основном, когда он оббегал улицы, сочетая разминку и добровольно вмененное себе в обязанности патрулирование. В те времена до него долетали слухи, что у горожан считалось хорошей приметой повстречать на пути огромного лохматого пса. Мужчины тянулись пожать лапу, и некоторым он не отказывал. Женщины и дети лезли обниматься — тут не отказывал никогда. Не гордился, но где-то там, глубоко в душе, было приятно, что его считают таким талисманом Карго-Верде. Некоторые, как позже выяснилось, верили в его удачу всерьез. Просили остаться, когда началась война. Им казалось, она не придет на остров, если тут будет морской пес. «Я буду там, — сказал он тогда, кивнув в сторону материка. — И она не придет».

Просто красивые слова, но кто-то, наверное, поверил и в них.

И сбылось ведь.

Только пес в городе больше не появлялся. До сегодня.

Было по-человечески тревожно и по-звериному радостно. Больше тревожно, если вспомнить, что за обстоятельства заставили нарушить данный себе зарок... Но и радостно тоже.

Когда Джо притормозила у «Островка», Кен дернул лапой ручку, толкнул дверцу и выбрался на тротуар. Степенно, неторопливо, не щенок ведь уже, чтобы скакать. Ростом — Джо почти по плечо, да и двести фунтов веса при обороте никуда не деваются. Двести шесть, если точно. Было в прошлом году... Не маленький, в общем, что размерами, что по возрасту.

Правда, перепрыгнуть через чьи-то чемоданы, сгруженные прямо на ведущую к крыльцу гостиницы дорожку, ни возраст, ни размеры не помешали. Он играючи перемахнул через преграду и, обернувшись, довольно вывалил язык и мотнул головой, предлагая идущей следом ведьме последовать его примеру.

— Угу, разбежалась...

Почему бы и нет? Если бы разбежалась, запросто перепрыгнула бы.

Но она предпочла обойти чемоданы по газону.

Ему это не понравилось. Скучно так. Поэтому он решил организовать для нее еще один барьер, миновать который так легко не удастся: попробуй обойди здоровенного пса, когда он еще и повторяет каждый твой шаг влево или вправо.

— Кен, не дури, — строго велела Джо, сдавшись уже на второй попытке проскочить мимо. — Мы тут по делу, помнишь?

Помнить-то он помнил. Как человек. А как пес нуждался как раз в том, чтобы немного подурить. Совсем немного. Жалко ей, что ли?

— Ой, какой хорошенький! — послышался за спиной восторженный возглас. — Это ваш?

Пес повернул голову и увидел вышедшую из гостиницы молодую женщину. То, что она приезжая, понятно было сразу. На Карго-Верде таких не встретишь. Светловолосая красавица выглядела так, словно сошла с афиши. Безупречный макияж, дерзкая короткая стрижка. Платье тоже коротковато, но с такими ногами можно.

Не то чтобы он засмотрелся...

— Мой. — Джо по-хозяйски положила руку ему на холку.

Незнакомка сбежала по ступенькам и остановилась рядом, с восхищением оглядывая все двести фунтов песьего очарования. Даже двести шесть.

О притягательности оборотней ходили легенды, которые в последние годы перекочевали в дамские романы и кинокартины. Героями там отчего-то были чаще всего волки, дикие

и опасные, ненасытные и неутомимые. Но романы романами, а чтобы в жизни женщины бросались с распростертыми объятиями к северным хищникам — это вряд ли. Другое дело — мягкий и добродушный пес.

— Лапушка какой! А можно погладить?

— Валяй, — угрюмо разрешила Джо.

Тон ее Кену не понравился, и он отступил от потянувшейся к нему женщины. И головой покачал: не стоит.

— Ой!

До красавицы наконец дошло, что перед ней не просто собака, но сказать она по этому поводу ничего не успела, так как к «Островку» подъехал отставший за несколько кварталов отсюда Раннер, вошел в гостиничный дворик и увидел прекрасную незнакомку... Сейчас и у целой стаи вольфов не было бы ни единого шанса против почувшего добычу шефа островной полиции — в пятый раз счастливо разведенного и на данный момент совершенно свободного мужчины непреклонного возраста.

Ему хватило минуты, чтобы познакомиться с очаровательной миз... Валери, как она назвалась, выяснить, что багаж на дорожке ее, и вызваться перенести его в номер.

— Вы тут без меня пока осмотритесь, — важно распорядился он.

По лицу Джо было видно, что ей очень хотелось прокомментировать этот приказ, и лишь морским богам известно, почему она этого не сделала.

— Идем, Кен, — махнула рукой и пошла к крыльцу.

Адам, приехавший с Райнером, безо всяких просьб и приказов следовал за ними.

— Ведешь себя как тупое животное, — на грани слышимости, так, чтобы никто, кроме шагавшего рядом пса, не разобрал слов, бормотала сердито Джо. — То играть тебе, то на какую-то девицу слюни пускаешь... Мы Марти ищем!

Ищем, конечно. Затем и приехали. А слюни... Они сами...

Пес широко облизнулся и вытер морду лапой.

В холл входил, на всякий случай оскалившись. Незлобно, но так, чтобы было ясно: он при исполнении. Парочка отирающихся у автоматов постояльцев мигом испарилась. И погладить никто не пытался.

Даже Белла. Только улыбнулась приветливо и радостно, собиралась что-то сказать, но перехватила взгляд сестры по дару и сникла.

— Я же просила присмотреть за ней, — хмуро высказала ей Джо.

— Я и присматривала. Пока она была в гостинице. Но по городу я же за ней бегать не буду? Да и кто знал, что может что-то случиться? Она обещала скоро вернуться. Я решила, что перекусить куда-нибудь пошла...

Рассказ Адама хозяйка «Островка» подтвердила: Мартина ушла вчера около пяти вечера и больше не появлялась. Никакие происшествия ее уходу не предшествовали.

— Она весь день в номере сидела, — сказала Белла. — Звонить ей никто не звонил, телефон у нас только внизу. Записок не приносили.

— У нее номер выходит на балкон, — припомнила Джо. — Мог кто-то позвать ее с улицы?

Белла пожала плечами.

Подниматься с ними наверх она не стала. Но ключ, поправ правила, дала.

Кену все это напоминало недавнее посещение прежнего места жительства Мартины Аллен, и наведенное оборотом игривое настроение само собой сошло на нет. Кто бы

сказал еще неделю назад, какой проблемной окажется его подконтрольная. А ведь проблем и без нее довольно.

Он не исключал, что одни проблемы связаны с другими.

Он ничего уже не исключал.

Однако в номере Мартины не нашлось ни подозрительных следов, ни странного, как в прошлый раз, их отсутствия. Значит, с ней что-то случилось уже после того, как она вышла из «Островка».

Пес сосредоточенно обнюхал постель и висевший в шкафу жакет, поймал ниточку объединявшего их уникального запаха и потянулся за ней. Летом, в жару, след держится хуже, к тому же за ночь земля успела остыть, а с утра прогрелась снова, и перепад температур приглушил запахи. Но обоняние и чутье оборотня многократно превосходят способности обыкновенной ищейки.

Кен шел уверенно, а если медленно, то лишь оттого, что помимо запахов старался фиксировать возможные проявления магии. Джо молча держалась рядом. Адам, которого и не звали, и не гнали, не отставал.

В здании гостиницы и во дворе пса ничего не насторожило. Из номера Мартина спустилась в холл, потопталась недолго у стойки — видимо, говорила с Беллой — и вышла на улицу. Перешла через дорогу, повернула налево... После вдруг вернулась и пошла в противоположную сторону. Увидела кого-то? Или просто решила купить газет? У киоска она простояла довольно долго.

Оборотень выразительно посмотрел на ведьму.

— Добрый день, — поздоровалась та с киоскером. — Я ищу подругу. Она подходила к вам вчера около пяти. Симпатичная блондинка, примерно на полголовы ниже меня...

— Ага, — рассеянно кивнул продавец газет. Он внимательно следил за рыскающим вокруг псом, а поймав ответный взгляд, расплылся в улыбке: — Здравствуйте, лейтенант!

Наверное, тоже верил в песью удачу.

Кен не стал его разочаровывать: привстал на задних лапах, одной передней оперся о прилавок, а другую позволил пожать. После этого ритуала киоскер вспомнил описанную блондинку. Она смотрела газеты, но ничего не купила. Интересовалась изданиями, которые привозят с материка. Взволнованной или испуганной не выглядела.

— Спасибо, — поблагодарила Джо.

От киоска след сворачивал на неприметную улочку. Вернее, улочка была неприметной до появления там оборотня в компании ведьмы, бледного помощника архивариуса (или в данном случае все-таки помощника ведьмы?) и нагнавшего их шефа полиции Карго-Верде, немного запыхавшегося, но чем-то весьма довольного.

Кен сразу вспомнил, отчего предпочитал бегать зверем по городу именно ранним утром, когда прохожих можно по пальцам пересчитать. Свирепый вид Джо и официальный Раннера, просившего граждан не мешать ведению следственных мероприятий, почти не действовали, каждый встречный норовил подойти поближе к псу, а по возможности и пощупать. Новые запахи отвлекали, грозили увести со следа. Навязчивое внимание раздражало. Чуткий слух оборотня ловил возгласы и перешептывания, и были в них не только восторг и удивление, не только сочувственные или насмешливые замечания по поводу отсутствия у него хвоста, сейчас нимало не волновавшие. Некоторые связывали явление Фаулера в звериной ипостаси со вчерашним убийством и рассуждали, не поздно ли он взялся что-то разнюхивать...

Гневный рык, способный убить всеобщую уверенность в беззлобии морских псов, остался за крепко сжатыми зубами, и Кен продолжал идти по следу.

Казалось, Мартина действительно не планировала уходить надолго и вышла просто размять ноги. Выбрала тихую улочку, шла не торопясь... Остановилась. Он принялся, но нет, она никого не встретила. Стояла одна, какое-то время перетаптываясь на месте.

Пошла снова, но значительно быстрее, это было понятно по тому, как удлинился шаг, и маршрут она явно изменила, свернув в первый же проулок...

Увидела кого-то издали и решила избежать встречи?

Но на следующем перекрестке к ней все-таки кто-то подошел. Около десяти ярдов следы их тянулись параллельно, а шаг Мартины сделался снова коротким и неспешным. Затем второй след... Обрывался? Нет, просто человек вернулся к месту встречи и... сел в машину. Он подъехал к ней на машине, вышел, они о чем-то поговорили... Отследить автомобиль не получится, он был не единственным на дороге, но слабо уловимый запах недолгого спутника миз Аллен пес постарался запомнить. Чудилось в нем нечто знакомое, словно он уже встречался с этим человеком, однако Фаулер не спешил с выводами, боясь обмануться. Сложно было отделить запах человека от запаха его одежды, обуви и всех тех ароматов, которыми наградила его город. Но, если они встретятся, Кен, быть может, сумеет его узнать. Пока же он понял одно: кто бы это ни был, Мартина с ним не уехала. Она пошла дальше, все так же медленно, словно рассеянно, после немного ускорилась... Повернула на перекрестке. Еще раз на следующем...

— Я загляну. — Джо кивнула на магазинчик Шеймуса. — Кому-нибудь взять кофе?

Запах кофе — последнее, что хотел сейчас чувствовать Кен, след и без того был не слишком четким, но и Джоан Гарнет понимала, что это способно отвлечь его, и можно было не сомневаться, постарается идти со своим стаканчиком так, чтобы не помешать, а в кофейный домик заглянуть следовало, узнать, не видел ли хозяин вчера Мартину.

— Видел, — подтвердила, вернувшись, Джо.

Шеймус был одаренным. «Маг» в его случае звучало слишком гордо, но слабенький дар и природная эмпатия позволяли ему запоминать всех своих клиентов и угадывать их вкусовые предпочтения. Наверное, в его голове все имена звучали как-то вроде «Джоан Со-сливками-без-сахара Гарнет» и «Кеннет Двойной-черный Фаулер».

Мартину вчера он видел, когда та проходила мимо. Шеймус предложил ей кофе, но она куда-то торопилась.

И правда, шаг ее ускорился, словно она наконец определилась с маршрутом, и после очередного поворота Кен догадался, что это за маршрут.

— Вы издеваетесь? — возмутился Раннер, когда они остановились у входа в башню.

Фаулер помотал головой. Он обнюхал все вокруг, но след совершенно точно уходил за дверь.

— Ничего не понимаю. — Джо подергала себя за прядку, выбившуюся из того безобразия, что она называла прической. — Я же заперла вчера архив.

Он и сейчас был заперт, причем не на ключ. Но тем не менее...

Джо провела рукой по двери, отключая защитное заклинание, и вошла внутрь.

— Марти! — позвала без надежды на ответ.

В архиве было тихо и пусто.

— Марти!

Пес протолкнулся вперед.

Магия башни никогда не была враждебна к нему. Но и дружелюбной не была. Она словно обтекала его, касалась слегка, но не мешала. Обычно. Башня признавала Джо, а его принимала как гостя, однако после недавнего сбоя можно было ожидать чего угодно...

— Переход! — вскрикнул Адам, впервые за все время поисков нарушив молчание.

Фаулер остановился.

Сконцентрировавшись на запахах, он действительно едва не ступил на ведущую на скрытые этажи дорожку.

— Переход, — севшим голосом повторила Джо. — Кен, она зашла туда?

Обоняние и чутье утверждали, что да.

— Кто-нибудь объяснит, что происходит? — требовательно спросил Раннер. — Эта ваша Мартина здесь или нет?

— Здесь. — Джо вздохнула. — И нет.

Она попробовала пройти в переход, но, как и накануне, тот оставался закрыт. Непонятно, каким образом Мартине Аллен удалось миновать запертую дверь. Две запертые двери, если считать входную.

Однако факт оставался фактом. Вошла. Прошла. И пропала.

Никто теперь не скажет, как далеко она провалилась и когда восстановится нормальная работа переходов. И восстановится ли.

Впервые после ранения Фаулер подумал, что в отсутствии хвоста есть и преимущества. Например, сейчас ничто не выдавало его волнения. А вот Джо не сдержалась и выругалась. Резко и грубо. Беспомощно. Неспособная на глубокие эмоции и привязанности женщина, угу...

Башня на брань отреагировала странно: вздрогнула, точно возмущенно, а затем замерцала. Вернее, это Кен видел, что замерцала. И Джо должна была видеть. А Раннер и Адам — нет. Но дрожь ощутили все. И звук, похожий на треск разошедшегося дерева, услышали.

Пахнуло теплом, словно рядом открылась дверь в комнату с растопленным камином. Пес резко обернулся и увидел застывшую в проходе между шкафами тень, в первые мгновения зыбкую, но через секунду расплывчатый силуэт материализовался в знакомую фигуру.

— Ма...

Джо даже имя ее не успела произнести, как Мартина Аллен, появившаяся в прямом смысле из ниоткуда, совсем не так и не там, откуда обычно выходили люди со скрытых этажей, упала на пол.

Кен в два прыжка оказался рядом.

Женщина лежала на спине, прижимая к груди толстую книгу. Казалось, именно из-за этой книги она и упала, не выдержав ее веса. Фаулер попытался оттолкнуть тяжесть лапой, но Мартина намертво вцепилась в кожаную обложку, хоть и была, похоже, близка к обмороку.

Пахло от миз Аллен башней, здешней магией, древней и не совсем понятной, бумажной пылью и — совсем немного и очень странно — морем.

— Лейтенант, — пробормотала она, сфокусировав на нем помутневший, как от алкоголя, взгляд. — Отлично выглядите...

Узнала. И это тоже было странно.

Подбежал Адам и, как и Фаулер, хотел убрать книгу, но результат был тем же.

— Это не для тебя, мальчик, которого не было...

Парень замер, услышав эти слова. Тряхнул головой. С удивлением? Непониманием?

Наверное, никто тут ничего не понимал. Возможно, и сама Мартина.

— Непокоренные не предают, — прошептала она прежде, чем взгляд ее полностью потух, а глаза закрылись.

— Марти! — Джо, отпихнув помощника, опустилась рядом с ней на колени и похлопала по бледным щекам. — Марти...

Потом схватила ее руки, отбросив в сторону книгу. Осмотрела запястья и немного успокоилась. Кен не сразу, но понял, чего она испугалась. Если бы магия башни каким-то образом разрушила печати, Мартина Аллен была бы обречена. На Карго-Верде нет специалиста, способного наложить запирающие руны, а поездка на материк потребовала бы времени, за которое проклятие разрослось бы, и, скорее всего, непоправимо...

— С ней все в порядке, — проговорила Джо хрипло. — Будет. Нужно перенести ее наверх. Стив?

— Я могу, — предложил Адам.

Не дожидаясь, пока подоспеет Раннер, он поднял Мартину с пола и понес к лестнице на второй этаж. Далось ему это неожиданно легко, словно женщина, пусть худенькая и невысокая, совершенно ничего не весила.

Фаулер занес этот эпизод в длинный перечень сегодняшних странностей, но заикливаться на нем не стал. Псом он немного иначе чувствовал людей, и Адам, хотя в его поведении многое еще оставалось непонятным, сейчас не внушал подозрений. Парень был искренен, когда, переживая за Мартину, забил тревогу и инициировал поиски, и теперь еще волновался за нее, держал так бережно и шел осторожно, боясь оступиться...

— Я дождусь объяснений? — напомнил о себе Раннер.

— Конечно, — с готовностью отозвалась Джо. — Если коротко, то башня чудит. Вроде бы шторм обещали, да? У нее бывает перед штормом. Вот она Марти и проглотила... Пожевала и выплюнула. Прости, надо Адаму помочь. Подробнее тебе Кен объяснит.

Она взбежала по лестнице, оставив Фаулера наедине с мрачно вззирающим на него шефом. Подумав, что от него, возможно, действительно ждут объяснений, пес честно выдал из себя несколько звуков, напоминающих голодное поскуливание.

— Развлекаешься? — насупился Раннер. — Ну-ну... Все утро на ваши игры убил, будто у меня других забот нет! Шторм, между прочим, действительно обещают. Магический, чтоб его... Вечером должны уточненные сводки дать. И твое дело...

Кен заинтересованно вытянул вперед морду.

— Твое, — подтвердил шеф. — Парни ведь не дураки, поняли... Подставляться, прости, желающих нет. Так что... бродяг, как понимаю, искать не будем?

Пес кивнул и прищурился, намекая, что неплохо бы начальнику пояснить эту мысль.

— Ну, я-то тоже не идиот, — оскорбленно буркнул тот. — Машину у дома Кристин видели. Не твою, но похожую. И твою видели... Уж не обессудь, но проверить нужно было. Охранник из банка подтвердил, что она всю ночь тут вот, у башни, стояла. И еще пара человек... Милли, хозяйка «Рыбки», с ходу заявила, что ты к Гарнет пошел. Вроде заказывал для нее что-то. Ну и сам я, хм, сегодня убедился, как вы... дружите... А ту машину у Паркса в гараже умыкнули. Ночь покатались, салон прокурили и на место поставили... Сразу почему не отчитался, что разнюхал уже? Я бы по второму кругу людей не гонял...

Фаулер слушал с интересом. В том, что место свое Стив Раннер получил не за красивые глаза, он знал, но в последние годы стал понемногу забывать об этом. Убедиться, что шеф не растерял ни хватки, ни сообразительности, было приятно. Но все же хотелось, чтобы и Раннер, и другие полицейские копали не настолько рьяно. Этак можно и самим себе яму вырыть. Но рассказать коллегам о менталисте, не зная, с кем из них тот уже мог вступить в контакт, Кен тоже не рискнул бы.

— В общем, заканчивай тут и дуй в управление, — велел Раннер. — Там поговорим.

Едва он ушел, спустился со второго этажа Адам. Звякнул напоказ ключами.

— Миз Гарнет попросила пригнать вашу машину... Вы же не против? Я быстро.

Пес кивнул.

Когда за парнем закрылась дверь, побрел медленно наверх.

После войны он ни разу не поднимался в квартиру над архивом, но не сомневался, что там все по-прежнему: идеальный порядок, исключительно функциональная мебель, никаких ковриков или чехлов на креслах, которые Джо считала ненужными пылесборниками. Так и оказалось. В просторной полукруглой гостиной с момента последнего посещения Фаулера не изменилось ровным счетом ничего, если, конечно, не относить к новшествам в интерьере лежащую на диванчике у окна Мартину Аллен.

— Спит, — ответила Джо на вопросительный взгляд. — Ей это сейчас нужнее всего. Когда отоспится, приготовлю для нее что-нибудь.

Он со скепсисом фыркнул.

— Не еду, — уточнила ведьма. — Зелье. До Беллы мне далеко, но общеукрепляющее сварю, у меня и травы нужные есть... А из еды — хлеб, масло и сардельки. Тебе бы, к слову, не помешало. Так съешь или обернешься? В старые вещи влезешь же?

Фаулер дернул ушами: старые вещи?

Традиции этой было почти столько же лет, сколько их с Джо дружбе: на всякий случай сменный комплект его одежды и обуви хранился у нее. Решили так после того, как нарвались на компанию изрядно принявших на грудь докеров, которым чем-то не понравились гуляющие в порту дети. Джо уже носила ограничители и мало что могла сделать, пришлось Кену перекинуться без подготовки. Двенадцатилетний мальчишка вызывал у пьяных мужчин только смех и желание пнуть побольнее, а вот оборотня они испугались — даже не из-за клыков и когтей, а просто потому, что оборотень. Домой он вернулся без рубашки и в изодранных штанах, держа под мышкой ботинки, которые в мастерской потом не взялись и чинить. Мать не ругалась, но испугалась сильно. За него. Тогда они с Джо и придумали держать ему «сменку». Несколько раз это здорово выручало...

Но сколько же лет прошло с тех пор, как он оставил в башне сумку с одеждой? Фаулер и не помнил, что это была за одежда, и насчет того, что втиснется в нее, обоснованно сомневался, но кивнул. Псы сентиментальны. Наверное. Во всяком случае, один пес.

— Идем.

Вслед за Джо он прошел в спальню. Обстановка тут была чуть менее строгой, нежели во всей квартире, а половину комнаты занимала огромная кровать.

— Я не смотрю.

Повернувшись спиной к псу, она открыла дверцы вместительного шифоньера, сунула внутрь руку — казалось, что вслепую, — и вытащила аккуратно висящую на плечиках рубашку. После тем же манером достала брюки.

«Магия, — понял Фаулер, у которого на поиск одежды в шкафу уходило значительно больше времени. — Определенно магия».

Ведь не может же все дело быть только в идеальном порядке?

— Все? — Она никогда не подсматривала за его оборотом. Тоже давний их договор. Ни к чему это: неприятное действие. Но хоть недолгое. — Держи.

Не оборачиваясь, она подала Кену вещи. Он взял. И отбросил тут же на кровать. Обнял свою ведьму, развернул к себе, вдыхая запах ее волос и теплой кожи...

Чушь это, неизвестно кем придуманная, будто оборот пробуждает животные инстинкты и непомерную сексуальную энергию. Видно, снова романисты постарались. Во время оборота организм расходует энергию, а не генерирует ее, и предложенные Джо сардельки были бы сейчас куда уместнее. И инстинктов у животных хватает помимо

инстинкта размножения... Просто не до конца еще верилось, что теперь можно так, и не удержался...

Она не оттолкнула. Но на поцелуй ответила будто бы машинально, думая о другом, и он сам отстранился. Действительно, не время и не место. Мартина Аллен спит в соседней комнате. В управлении Раннер ждет. И к Эдне обещал заехать, только сейчас вспомнил.

— Ты слышал, что она сказала? — спросила Джо, пока он пытался натянуть брюки. — Марти.

— Об Адаме?

— Не только. Иди сюда. — Она села на кровать и похлопала рукой по покрывалу, предлагая ему присесть рядом, а потом и прилечь, откинувшись на спину. — Смотри, — указала взглядом на потолок. — Видишь надпись?

Видел, но не четко. Слова едва проступали на сером камне.

— А так? — Джо провела рукой, словно стирала с потолка пыль, и буквы незнакомого Фаулеру языка на мгновение вспыхнули холодным голубым пламенем. — Я заметила через месяц после того, как переехала сюда. Поняла только, что это — древний алайский. Встречала некоторые символы в книгах, но этим языком давно не пользуются, ты же знаешь... Наверное, недели две я каждый вечер смотрела вверх и гадала, что же там написано. А потом... Потом как будто услышала: «Непокоренные не предают». Я почти засыпала тогда. Решила, что мне это приснилось. Вскоре нашла словари и смогла перевести надпись...

Джо умолкла, глядя в потолок. Нахмурилась. Пауза затягивалась.

— Что же там написано? — не выдержал Фаулер.

— То и написано, — выговорила она с горечью. — Непокоренные не предают. Это был один-единственный раз, когда он говорил со мной, а я... Я не поняла. А теперь Марти... Знаешь... — Она обернулась к нему, и лицо у нее стало такое, словно сама удивлялась тому, что только собиралась сказать. — Кажется, я зверски ревную.

— Кого?

— Остров. Наверное, это глупо...

— Глупо было надеяться, что эти брюки на мне застегнутся, — наигранно вздохнул Кен, стремясь свести разговор к шутке. — Визиты к Бернис даром не проходят.

— При чем тут Бернис? — отмахнулась Джо. Она поднялась и его заставила встать, чтобы оглядеть со всех сторон. — Ты всегда был здоровенной псиной, а в последние годы просто подросток еще немного. Но это можно поправить...

— Э-э... Уменьшить меня?

— Ни за что, — улынулась она. — Будем растягивать брюки.

Он всегда чувствовал момент, когда Джоан Гарнет перевоплощалась из ведьмы в магистранта. Живая природная магия, источник которой бился в ней самой, затихала и сжималась в крошечную искорку, освобождая место для энергии внешних потоков. Взгляд Джо холодел, становился внимательнее и серьезнее, словно она, еще ничего не делая, уже просчитывает возможные преобразования. Даже запах ее менялся — слегка, едва уловимо, но не для чуткого нюха оборотня.

— Постой спокойно минутку...

— Не нужно. — Он сжал в ладонях ее руки. — Не трать силы.

— Мне не повредит. Иногда надо сбрасывать накопленную энергию... Так что стой и не дергайся!

После сосредоточенных касаний, осторожных растягиваний и резких разглаживаний по швам брюки стали значительно свободнее, немного тоньше и чуть-чуть светлее. Затем

схожие метаморфозы произошли и с рубашкой. Что до обуви, то она в коррекции не нуждалась: старые туфли были растоптаны настолько, что оказались еще и немного велики.

— Изменения в структуре не закрепляю, — предупредила Джо. — А то и правда уйма сил уйдет. Без этого продержится часов десять... Сардельки?

Мартина все еще крепко спала, когда они шли через гостиную на кухню.

На полу рядом с диванчиком лежала толстая книга в кожаной обложке. Совершенно обычная с виду, только очень старая. И ни ног, ни крыльев у нее не было. А ведь когда Кен поднимался на второй этаж, эта книга оставалась на первом и точно так же лежала на полу между каталожными шкафами...

ГЛАВА 17

Марти спала. И в то же время — нет, потому что все, что она видела, определенно не было сном.

А видела она остров. Весь сразу и каждую его часть в отдельности. Так, словно пролетала над ним на аэростате, но в любой момент могла оказаться в том месте, на которое бросит взгляд, — в чьем-то доме, на незнакомой улице, у развалин храма или у ворот лечебницы. В тюрьме... Но туда возвращаться не было никакого желания...

Она видела людей. Всех. И каждого. Слышала их имена, их истории.

Карго-Верде знает.

Он многое знал и многое мог рассказать. Он устал от молчания. Но знания его безмерно велики для такого хранилища, как одна маленькая Марти, — неместительного и ограниченного запирающими печатями. Слишком хрупкого, чтобы удержать в себе все, чем остров мог поделиться.

Он знал и это.

Когда от полета начала кружиться голова, когда тысячи лиц слились в одно грязное пятно и тысячи имен превратились в неразборчивый гул, он вернул ее в башню.

Тут было спокойно. Почти тихо. Почти безлюдно.

Те двое, что находились рядом, не мешали. Марти они были знакомы... Совсем немного, но все же. А то, что ей было о них неизвестно, мог рассказать остров.

Честно ли поступить так? Словно подсматриваешь в замочную скважину за чужой жизнью и слушаешь не предназначенные для твоих ушей разговоры. Но с любопытством сложно бороться...

Марти посмотрела на них — снова сверху, откуда-то из-под потолка.

Они сидели на полу почему-то, всего в нескольких ярдах от нее. От той нее, что лежала с закрытыми глазами на узком диванчике. Разговаривали вполголоса, листая старую книгу.

Лейтенанта Фаулера она видела одновременно и человеком и псом. Он был огромен в обеих ипостасях, лохмат и небрит... Хотя небрит — все же в одном только облике, во втором — просто лохмат и весьма мил. Острову он тоже нравился, потому он его и принял.

Мать его звали Джеммой. Джемма Фаулер — Марти так услышала. Это была ее девичья фамилия, а второй она так и не обзавелась. Марти видела ее сходящей с паромы — совсем молоденькую, растерянную, с одним только чемоданчиком, почти таким, как у самой Марти в тот день, когда она вышла из тюрьмы.

У Джеммы никого не было на Карго-Верде, она ехала в никуда, лишь бы подальше от мужчины, чьего ребенка, как узнала недавно, она носила. Так получилось... Ни один из них не желал этого, но так получилось, и она ни о чем не жалела. Ей хватило нескольких минут в кабинете доктора, чтобы понять, что этот малыш нужен ей, что она будет любить его больше жизни и сделает все, чтобы он рос счастливым. И никогда никому не отдаст. Потому и сбежала. У оборотней особое отношение к потомству. У всех оборотней. Но псы буквально помешаны на детях и гордятся тем, что даже незаконнорожденных принимают в клан и воспитывают наряду с законными. У отца ее ребенка таких законных было уже двое. И жена — истинная дочь морского клана, которую он никогда не променял бы на Джемму, простую человеческую девушку. Дурочку, влюбившуюся до потери памяти, гордости и стыда в отважного офицера, в чьей жизни и карьере могла стать только помехой. Но от ребенка он не отказался бы, и она, все свои двадцать два года прожившая в городе, принадлежавшем клану, прекрасно понимала, что в этом случае отказаться от ребенка придется ей. И сбежала. Ее пес так и не узнал, какой прощальный подарок от него она увезла с собой...

А остров знал. С того момента, как она сошла на берег. Принял ее. Провел по городским улицам, показал стенд с объявлениями для ищущих работу, а когда она устала и проголодалась, распахнул перед ней двери под вывеской «Пирог тетушки Энн», где Бернис, молодая еще, но такая же, как сейчас, пухленькая и улыбочивая, поставила на стойку тарелку с яблочным пирогом и чашку горячего чая. За счет заведения.

Так Карго-Верде заполучил себе морского пса.

А ведьмы у него всегда были свои. На живых островах обычно рождаются сильные природники. Но у таких островов обычно и лорды есть. Связь острова и человека обеспечивает стабильность распределения силы. А без лорда стабильность эта — понятие спорное. Размытое. И ведьмы рождаются... такие, как Джо... Она ведь солгала тогда, сказав, что никогда не была близка с братьями и родителями. Была. Давно. Ее любили, девочку с морскими глазами и забавными кудряшками, и она любила. Но ее силе тоже недоставало стабильности, и как ураган рушит самые непрочные строения, так вобранный в себя мощь двух источников дар превращается в неистовый шторм и разбивает самые хрупкие чувства. А есть ли чувство более хрупкое, чем любовь?

Но Джоан Гарнет преодолела свой шторм и выбралась на берег, пусть и не без потерь. Значит, все не так уж плохо. Пока...

— Это тот же язык? — спросил лейтенант Фаулер, листая толстую рукописную книгу. — Древний алайский? Ты сумеешь перевести?

Джо улыбнулась невесело:

— Не переоценивай мои способности. Могу перевести только отдельные слова, может быть — какие-то фразы. За подробным переводом придется обращаться на материк... Сделать тебе еще бутерброд?

Бутербродов лейтенант съел уже пять штук. И целую упаковку сарделек. Буквально проглотил за раз все, что Джо ему приготовила, и пустая тарелка стояла теперь рядом с ним на полу.

— Нет, — мотнул головой он. — Давай хоть картинки посмотрим?

Лорды Карго-Верде, а кто бы еще мог писать эту книгу, довольно неплохо рисовали. На тайном этаже Марти не успела просмотреть врученный ей фолиант и сейчас с интересом следила, как Фаулер переворачивает страницы, чтобы вместе с ним разглядывать карту острова, чьи очертания за века почти не изменились, и изображения большого красивого дома, развалины которого сровнялись с землей задолго до того, как на Карго-Верде прибыли новые, первые с той жуткой ночи, поселенцы.

— Выходит, у острова действительно был лорд, — задумчиво проговорил оборотень. — А у лорда — дом. Не только башня.

Башню (Марти это уже рассказали) построили раньше, и первые лорды жили именно тут. Но на роль семейного гнездышка она подходила плохо, и очередной наследник истинной крови начал строительство дома, такого же непростого, со скрытыми комнатами и пространственными переходами, а башне отвел роль библиотеки и магической лаборатории. Тут хранилось самое ценное — знания, и неудивительно, что последний лорд постарался спрятать от захватчиков именно башню, а не дом.

— Там сейчас ничего нет, рошица и овраги, — продолжал лейтенант, поглаживая пальцем квадратик на карте, которым отметили расположение фамильного особняка.

Фамильного... Марти задумалась, какую фамилию носили здешние лорды. Обычно род имел одно имя с островом, но ведь остров в те времена звался как-то иначе. Название Карго-Верде появилось вместе с монастырем...

Впрочем, вряд ли это важно. Остров — не имя. Остров — это остров.

— Адам, — будто невпопад сказала вдруг Джо.

Улыбка на несколько мгновений коснулась ее губ и глаз, но вовсе не оттого, что она радовалась возвращению помощника, а оттого, что почувствовала его: башня снова

извещала хранительницу о гостях, а значит, и переходы уже открыла.

Когда Джо вскочила с пола, Марти подумала, что она сейчас же помчится это проверить, но архивариус даже по лестнице не спускалась, лишь перегнулась через перильца.

— Ключи в машине, — отчитался перед ней Адам.

— Спасибо. Подежуришь тут? Вдруг будут посетители...

За несколько дней работы в архиве Марти не видела ни одного. Но это же не означает, что сегодня они не появятся? И совершенно точно не дает Адаму права оставить без присмотра главный зал и подняться наверх, чтобы вместе с ведьмой и псом рассматривать книгу рода... ну, пусть будет Карго-Верде. Остров не возражал против этого названия, оно ему даже нравилось.

А Адам — не нравился. Раздражал. Почти злил. «Мальчик, которого не было», — сердито и непонятно называл его остров. Однако в этой антипатии чувствовалось некое предубеждение, словно дело не в самом парне, а в какой-то черте его характера, внешности или поведения, провоцировавшей неприятие. Быть может, Карго-Верде настороженно относился ко всем приехавшим с материка? Или он недолюбливал блондинов? А может, Адам как-то не так повел себя в башне, чем вызвал недовольство хозяина?

Этого Марти не рассказали.

На самом деле ей многого не рассказали. Она не сомневалась, что остров мог назвать ей имя убийцы или хотя бы показать его, но не сделал этого. Наверняка у него были веские причины молчать, но их Марти тоже не разъяснили. Да и неизвестно, смогла бы она понять все правила навязанной ей игры или нет.

Когда Джо вернулась к лейтенанту Фаулеру, он рассматривал новую иллюстрацию.

— Как думаешь, что это? — спросил присевшую рядом ведьму. — Еще один ритуал?

— Именно. Древний и ужасный, — подтвердила она мрачно. И тут же усмехнулась. — Кен, не тупи, это же свадьба!

Оборотень ответил недоверчивым взглядом.

— Сам посмотри. — Джо ткнула пальцем в картинку. — Мужчина и женщина держатся за руки, смотрят друг на друга...

— Угу. Только у мужчины в другой руке нож, и он только что перерезал женщине запястье. Это же кровь капает, как я понимаю?

— Не только у нее. У него тоже. Видишь?

— Тогда это больше похоже на двойное самоубийство, — проворчал лейтенант.

— Свадьба. — Джо была непреклонна. — Я читала о таком. Давно. Помнишь, я интересовалась лордами? А тут нарисован именно лорд... Вот это слово — «лорд», а это — «леди». В университете мне попала книга о различных свадебных обрядах. Несколько веков назад на Архипелаге практиковали этот. Если избранница лорда не была урожденной леди, во время бракосочетания он делился с ней своей кровью, как бы делал ее ровней себе. Шрамы на запястьях закрывались браслетами... — При этих словах она посмотрела на Марти — ту, что лежала на диване. Задумалась о чем-то. Тряхнула головой. Несложно было угадать, что за мысли ее посетили, но у Марти не было никаких браслетов. И шрамов не было, только печати на каждом запястье. — Сейчас подобное уже не практикуют, и лорды, как и простые смертные, предпочитают браслетам обручальные кольца.

— А ты? — спросил лейтенант Фаулер.

— Что — я?

— Как ты относишься к кольцам?

Стало неловко слушать их дальше и отчего-то грустно. Марти захотела уснуть по-настоящему, и башня исполнила это желание.

Сложно представить более неуместную ситуацию для подобного вопроса, но Кен его все же задал.

— Отрицательно, — ответила Джо.

— Я не в смысле украшений...

— Я поняла. Ответ тот же.

— Ясно.

Ничего ему не было ясно, кроме того что продолжать этот разговор не стоит. Быть может, вообще никогда.

Фаулер пододвинул к себе книгу и принялся быстро перелистывать страницы. Должно же тут быть хоть что-то стоящее — то, что объяснило бы, почему он до сих пор сидит в башне, а не мчится в управление или к Эдне Кроули? Было — он чувствовал. Неспроста ведь это все: исчезновение Мартины, ее появление именно в тот момент, когда они вошли в архив, странные слова, книга. И сама Мартина — она тоже неспроста. Разбудить бы ее, расспросить, но стоило вспомнить затуманенный взгляд и посмотреть сейчас на бледное лицо спящей, чтобы понять, что, пока она окончательно не придет в себя, разговора не выйдет...

— Стой! — Джо схватила его за руку. Кажется, он увлекся и пролистнул что-то интересное. — Давай назад. Нет, не это... не... Вот!

Кен и сам догадался, что «вот».

Автор рисунка обладал бесспорным талантом. Обнаженное мужское тело прорисовано было до мельчайших деталей, каждый изгиб, каждая мышца. Запрокинутая назад голова, выпирающий кадык, сжимающиеся от боли и разжимающиеся пальцы, напряженные руки, силы в которых недостает, чтобы разорвать растянувшие их в разные стороны веревки... Глубокие порезы на внутренних сторонах плеч и бедер. Кровь...

Рисовали все это черными чернилами, и кровь тоже была черной, но на какое-то мгновение Кен увидел ее ярко-алой, вытекающей из разрубленных артерий быстрыми пульсирующими струями. Моргнул, прогоняя наваждение, и лишь после этого заметил на рисунке второго человека. Сначала казалось, что это — темный фон, призванный контрастно выделить белизну агонизирующего тела, но оказалось — одетый в широкий балахон мужчина. Лицо его скрывал глубокий капюшон, а руки тянулись к умиравшему — ладонями вперед, словно к теплу очага.

Иллюстрация занимала всю страницу. Текст был на соседней. Кен пробежал его глазами, узнал слово и подчеркнул удлинившимся когтем.

— Лорд? Я правильно запомнил?

Джо кивнула.

Ей с детства нравилась легенда о лорде Карго-Верде, нравилось думать, что он действительно существовал, хоть все вокруг уверяли, что башня построена заезжим истиннокровным с Архипелага. Но если сейчас выяснится, что Джо была права, обрадуется ли она такому лорду?

— Сможешь перевести еще что-нибудь? — спросил ее Фаулер.

Что-нибудь Джо смогла, примерно полтора десятка слов, подтвердивших, что они правильно поняли суть изображенного на рисунке ритуала, но практически ничего не объяснивших: лорд, магия, кровь, сила, время, остров, власть, связь, выбор...

Алайский забыт уже много веков, с тех пор как земли, где на нем говорили, были

присоединены к империи. Всеобщий имперский вытеснил прежний язык из книг и устной речи. Наверняка не обошлось без запретов, а то и наказаний. Такова политика империи: одно государство, одна власть, один язык. До этого дня Кен не имел ничего против.

— Ты говорила, что у тебя есть словари, — вспомнил он слова Джо.

— Я говорила, что нашла словари, чтобы перевести надпись на потолке. Это было давно. На материке.

На материке конечно же. В некоторых университетах изучают мертвые языки. Видимо, как раз для того, чтобы читать подобные книги, оставшиеся с прошлых эпох. Однако и думать не стоит, чтобы обратиться за переводом к какому-нибудь профессору. Ритуал наверняка тот же, что использовали дарнийцы во время войны, а это грозит неприятными последствиями: рецепт обретения силы за счет чужих жизней может попасть не в те руки или привлечет внимание представителей закона, и Карго-Верде свяжут с ликардийской трагедией и заговором лордов.

Безопаснее всего было бы списать слова в случайном порядке, разделить на несколько частей и с каждой из этих частей обратиться к разным специалистам, но подобный способ требовал времени, а в запасе у них вряд ли есть хоть один лишний день.

Вспомнив о времени, Фаулер отодвинул книгу и поднялся с пола.

— Я — в управление, после — к Эдне... И не знаю, куда еще...

Мысль заехать домой и переодеться он отбросил. Вид у него был вполне пристойный, хоть и несколько нерабочий.

— Подожди. — Джо ненадолго скрылась в спальне. Вернувшись, протянула ему большой нагрудный знак в виде щита. — Возьми, пусть будет у тебя.

— Зачем?

То, что вещь непростая, он понял. Щит был чуть меньше ладони и толщиной в полдюйма, но при этом очень легким. Первое впечатление, что он сделан из металла, оказалось ошибочным: металлической была лишь тонкая внутренняя пластина, а наружный толстый слой — из какого-то пористого дерева. И металл и дерево прошли обработку магией, но недостаточно было быть оборотнем, чтобы понять, какой и для чего.

— Это — защита, — пояснила Джо. — Структурная магия, долго рассказывать. Металл — не совсем металл, дерево — не совсем дерево. Эта штука реагирует на враждебную магию.

— Я и сам на нее неплохо реагирую.

— Ты ее чувствуешь, — серьезно поправила Джо. — А вот среагировать можешь и не успеть. Сюда, — она вдавила щит в его ладонь, — вплетены отражатели наиболее распространенных атакующих и вредоносных заклинаний... Мы делали такие значки для офицеров. Кому-то они спасли жизнь.

— Ты не рассказывала. И не показывала.

Она пожала плечами:

— Повода не было. И лучше бы он и не появился... Носить желательно на груди, по частоте дыхания и сердечному ритму базовая защита быстрее настроится на твои параметры.

— На груди я обычно ношу звезду закона.

— В карман ее сунешь! — рассердилась на его пререкания Джо. — Или выкинешь. Как будто кто-то на острове не знает, что ты — полицейский.

— А ты?..

Он хотел спросить, не лучше ли ей оставить щит себе, но она не дала закончить вопрос:

— А я — не полицейский. Все, езжай, Раннер заждался. Потом обсудим все, когда разберешься с делами.

— Да, я приеду, как только освобожусь.

— Думаю, лучше будет не приехать, а переехать. Поживи в башне, пока все это не закончится.

— В целях безопасности? — уточнил Фаулер хмуро. Его всегда раздражала уходящая корнями в далекое детство привычка Джо в любой ситуации пытаться его защитить, и предложение пожить вместе, озвученное деловым тоном, неприятно царапнуло.

— Можешь придумать другую причину. Но не облегчай задачу тому, кто решит опять тебя подставить или вообще убрать.

Вот этого он точно не собирался делать.

В управлении, несмотря на то что сегодня там собрались практически все полицейские острова, было непривычно тихо. Хотя, возможно, тишина эта пришла вместе с Фаулером.

Сдержанно поприветствовав умолкших, посерьезневших коллег, он направился в кабинет шефа. Жалюзи на стеклянной двери были опущены, так что к бутылке и стаканам, извлеченным при его появлении из-под стола, Кен оказался готов.

— Воздержусь, — отказался он сухо.

Стакан отодвинул, узнав под ним бланк протокола вскрытия. Не спрашивая разрешения, взял бумаги и начал читать. Раннер не мешал, но виски, словно забыв о возражениях лейтенанта, налил. К тому времени, как Фаулер ознакомился с результатами аутопсии, на треть наполненный стакан пришелся кстати, нужно было чем-то залить разгоравшуюся в груди ярость и не дать ей выплеснуться наружу.

Случай Кристин отличался от предыдущих убийств, и патологоанатом это отметил. Главным отличием были закрытые повреждения мягких тканей — кровоподтеки, которые эксперт считал следами борьбы. На лбу — Фаулер помнил это пятнышко и свой первый порыв стереть его. На руках, словно Крис отчаянно вырывалась, пока ее пытались связать. На правом боку, на бедре — нанесенные вслепую удары.

Кен представил себе, как это было, как убийца, менталист, способный подавить и подчинить себе чужую волю, оставлял эти следы, создавая видимость сопротивления. Именно видимость, потому что хитрая и рациональная тварь не рискнула бы вступить в драку даже при явном физическом преимуществе. Всегда возможны неожиданные повороты, а шум и крики — ведь Крис не молчала бы — могли привлечь соседей. Нет, она уже не могла сопротивляться, когда он бил ее, рисуя нужную ему картину, которую дополнил после умело разбросанными «уликами»...

Хотелось выпустить клыки и вгрызться кому-то в горло. Но прежде этого кого-то нужно найти.

— Машину, якобы твою, видели три человека, — рассказывал Раннер, пока Кен, внешне спокойный и собранный, боролся с внутренним зверем, сейчас мало похожим на добродушного песика. — Но только машину. Так что, само собой, проверили гараж Паркса... Но ты это знаешь. У Реми на весь вечер и ночь алиби, занятное такое — на толчок бегал каждые десять минут, и все домашние его страдания слышали. А охранка не сработала. То ли мальчишки не включили ее, то ли убийца — мастер подобные штуки вскрывать... Судя по магическому следу на трупах, предположу второе. Так что ищем мы мага, так? И это либо кто-то из местных, либо тот, кто нередко приезжает на остров, знает о прокате Паркса и о том, что там есть тачка точь-в-точь как твоя... Верно я мыслю?

— Угу.

— А сам что думаешь? Насчет машины, во-первых? В чем смысл был? Чтобы соседи раньше времени ничего не заподозрили, увидев, что кто-то чужой подъехал, или хотели

на тебя смерть Кристин повесить?

Фаулер неопределенно пожал плечами.

— Ты помолчать сюда пришел? — поинтересовался шеф недовольно. — Я от тебя, между прочим, отчета жду. Занимался же ты чем-то две недели? Докладывай о результатах.

Кен в последний раз стиснул зубы, проглотил остатки злости и принялся докладывать. Говорить все он был не намерен, но и рассказал немало: как расспрашивал бродяг, как пересматривал дела об исчезновениях и какие выводы сделал. По сути, умолчал только, что убийства — часть ритуала изъятия силы, и о менталисте конечно же, а закончил рассказ, сообщив, что собирается сейчас в тюрьму, чтобы поискать информацию о том, с кем общались пропавшие женщины. Хотя с оглядкой на участие в деле менталиста уже не видел смысла шерстить давнюю переписку и журналы посещений тюрьмы. Убийца при его способностях не стал бы там светиться, а информацию мог получить от любого работника вплоть до Эдны Кроули.

Раннер предложил начать проверки с зарегистрированных магов.

Вероятность, что менталист — один из одаренных Карго-Верде, была мизерной, скорее его вообще нет в списках магов, но Фаулер согласился.

— Пациентов и посетителей лечебницы я тоже проверил бы, — сказал он, пользуясь случаем. — Но там нужен ордер. Сможешь решить это с Палмером?

— Попробую, — пообещал без воодушевления шеф. — Лечебница на особом положении, ты же знаешь. Но если нужен повод туда заглянуть...

Прогнозы подтвердились: через несколько дней, четыре или, может быть, пять, остров накроет шторм. Магический шторм. Не просто буря, ураганный ветер и волны в пятнадцать футов, перекатывающиеся за мол, а возмущение силы, которое коснется каждого на острове. Хоть вскользь, но коснется. Кто-то из одаренных сможет пополнить резерв. Кто-то окажется слабее, и шторм выпьет его до дна, оставив на несколько недель отлеживаться в постели. У кого-то останутся часы. Другим начнут сниться странные сны. Взбесятся стрелки компасов, а радиоприемники заговорят на незнакомых языках.

И магические устройства будут работать с перебоями, если вообще будут. Оповестить об этом жителей и руководство расположенных на Карго-Верде учреждений — обязанность полиции, так что повод встретиться с доктором Эверетом у Фаулера действительно был.

Он собирался воспользоваться им завтра же. После похорон. Раннер попросил сообщить Эдне, что тело Крис можно уже забрать, а директор Кроули вряд ли станет затягивать с погребением. Значит, завтра.

Фаулер не ждал многого от визита в тюрьму, но чего он совсем не ждал — это увидеть в кабинете директора Джессеку. С одной стороны, неплохо, что Эдна не оставила внучку одну или с чужими людьми, с другой — гнетущая атмосфера этого места, суровые женщины в форме и решетки на окнах, из которых открывается унылый вид на двор для прогулок, — совсем не то, в чем нуждается ребенок, лишь вчера потерявший мать.

Несколько сглаживал ситуацию белый короткошерстый и коротколапый щенок, развалившийся на коленях у сидящей в кресле девочки. Она рассеянно почесывала его за ухом, а он благодарно жмурился в ответ.

Кивком поздоровавшись с возившейся у бюро Эдной, Фаулер подошел к Джессеке.

Щенок — это хорошо. Есть повод обойтись без глупых вопросов вроде «как ты?». Кен помнил себя после смерти матери: всех сочувствующих, пристававших к нему с подобными вопросами, хотелось слать подальше. Иногда он так и делал.

— Привет. Симпатичный малыш. Твой?

Джессека равнодушно пожала плечами:

— Наверное. Эрик притащил, как и обещал. Ба настояла, чтобы я взяла. Думает, меня это отвлечет.

— Джесси! — окрикнула Эдна укоризненно.

— Как будто я ничего не понимаю, — пробормотала девочка себе под нос.

— Не отвлечет, — признал ее правоту Фаулер. — Не сейчас. Но если ты его оставишь, у тебя появится верный друг, который никогда не предаст, не обманет и будет любить тебя просто за то, что ты — это ты.

Щенок, при появлении оборотня заинтересованно поднявший мордочку, словно понял, о чем говорят, и завилял хвостом.

— Видишь? — Фаулер улыбнулся дальнему сородичу. — Он уже готов делить с тобой кровать и стейки и кусать за пятки назойливых ухажеров. Придумала ему имя?

— Нет. — Джессика помотала головой. — Хотя... Пусть будет Кен. — В затаенных тоской глазах сверкнула смешинка. — Или считаешь, что это неподходящее имя для пса?

— Отличное имя. Но если передумаешь, есть еще Бадди и Спида...

— Милая, — вмешалась в разговор Эдна, — сходи к Марси, я как раз просила ее принести с кухни что-нибудь для твоего питомца. А после, думаю, нужно дать ему немного погулять.

Джессика закатила глаза:

— Почему просто не сказать, что вам надо поговорить наедине? — пробурчала недовольно.

Она спустила щенка на пол и встала с кресла.

— Пошли, Кенни. Э-у, ну давай!

«Иди с ней. — Наклонившись, Фаулер ткнул щенка пальцем в широкий лоб. — Теперь это твой человек, тезка».

Малыш, которого никогда — и надеяться не стоит — не переименуют ни в Бадди, ни в Спида, послушно засеменил за хозяйкой.

— Вы неплохо ладите, — с ревнивыми нотками в голосе заметила Эдна Кроули, когда внучка вышла за дверь.

— Собаки меня понимают, — сыграл дурачка Кен.

— Заметно... Но ты ведь не со щенком поиграть приехал?

Она кивнула на стол, где лежали стопки учетных журналов и папки с личными делами, но, прежде чем взяться за них, Фаулер передал слова Раннера. Как и ожидалось, Эдна тут же объявила, что похороны состоятся завтра. От помощи в их организации отказалась.

— Тебе есть чем заняться, лейтенант.

Она здорово сэкономила ему время, загодя просмотрев журналы и сделав закладки на страницах с нужными фамилиями, но вряд ли был смысл выписывать данные тех немногих, кто навещал пропавших или писал им. Женщины общались с разными людьми, ни одно из имен не повторялось...

Впрочем, Фаулер и не рассчитывал найти что-то существенное.

Однако в журналах копался долго. Попутно предупредил Эдну о надвигающемся шторме, хоть и знал, что директор тюрьмы получает погодные сводки наравне с шефом полиции и начальниками пожарной части и береговой охраны. Вскользь рассказал о намеченных проверках, чтобы Эдна не думала, что расследование — лишь формальность и дело ограничится копанием в бумажках. А выбрав момент, поинтересовался Мартиной Аллен.

— Мартина? — Директор Кроули удивленно вскинула бровь. — У тебя с ней проблемы?

«Бывают иногда», — ответил мысленно Фаулер.

— Никаких, — заверил вслух. — Но я пристроил ее в архив к Джо, а теперь думаю, не поспешил ли. Впечатление она производит неплохое, но...

— Боишься, что эта мышка навредит твоей драгоценной Джо? — Эдна недоверчиво хмыкнула. — Серьезно? Я бы переживала скорее за Мартину. Так что расслабься, лейтенант.

— И все же, что она за человек? С кем общалась в тюрьме? Кто ее навещал? Я в том смысле, не ждать ли нам ее освободившихся подружек или буйных родственников с материка? Фронтowych друзей?..

— Темнишь, Кен. К чему эти расспросы?

— Любопытно.

— Странное любопытство. — Судя по подозрительно сузившимся глазам, Эдна ни на миг не поверила в его объяснение. — И пустое. Никто ее не навещал. Писем она не получала и не писала. Если у нее и есть родственники, то они либо отказались от нее до того, как Мартина попала на остров, либо она сама не стала сообщать им, что сидит в тюрьме.

— И что, за все время ею никто не интересовался?

— Ты первый.

Если бы Фаулер вел рабочий дневник, куда записывал каждое действие и его результат, вернувшись в город, так и отметил бы: «Посещение тюрьмы. Познакомился со щенком Джессики». Иных результатов у этой поездки не было.

ГЛАВА 18

Сон Марти оборвался кошмаром.

Навалилась вдруг удушливая темнота, по телу растекся жар, а плечо занемело от боли. Хотелось кричать, но из сдавленного спазмом горла вырывалось только прерывистое шипение.

Она попыталась открыть глаза, но продолжала видеть лишь тьму...

— Посмотри на меня, Тина! — Звук знакомого голоса превратил густой мрак в сизый туман, сквозь который проступило бледное лицо. — Тина...

Чья-то холодная ладонь легла на лоб, другая — обжигающе горячая — на живот, с силой прижимая к металлическому столу. Руку сдавило словно тисками, в вену вошла игла. Сотни колючих молний впились в плечо, заставляя снова корчиться от боли...

— Не смей сдаваться! Никогда. Слышишь?

— Никогда, — хрипло выдохнула Марти, просыпаясь.

Распахнула глаза и долго смотрела в одну точку на потолке, вспоминая, где находится и как попала сюда.

После осторожно встала.

Боялась слабости и головокружения, но выяснилось, что чувствует она себя прекрасно, бодрой и отдохнувшей. Немного голодной, но это легко поправимо.

Она прошлась по пустой комнате, нашла часы, узнала, что уже шесть вечера, а значит, она провела в башне целые сутки.

Затем увидела книгу. Та до сих пор лежала на полу. Закралась мысль, что ее оставили тут не случайно, но Марти не стала разгадывать чужие тайные замыслы. Присела на диванчик и, пролистав первые страницы, нашла рисунок, изображавший свадьбу.

— Что-то знакомое? — Джо подошла неслышно и непонятно откуда, но прозвучавший над ухом вопрос не испугал и не смутил.

— Да. — Марти кивнула. — Читала о таком, когда училась в университете.

— И только?

— Если хочешь узнать, не было ли на моей свадьбе подобного, то нет, не было. У нас была стандартная церемония с обменом кольцами и записью в храмовой книге.

Ответ разочаровал Джо, и, чтобы не продолжать эту тему, Марти открыла книгу на последней странице. Рисунков там не было, только короткая надпись на забытом языке.

— Непокоренные не предают, — прочитала Джо. — Как это понимать?

— Не знаю.

— Ты сказала это, когда вернулась.

— Наверное. Я была немного не в себе.

Марти не любила лгать, но сейчас понимала, что рассказать правду не может. Не нужно никому знать, о чем она говорила с тем, кто дал ей книгу. И о том, как попала в башню, — тоже. И зачем шла сюда.

«Ты слаба, Тина», — сказали ей, и это было правдой. Она не хотела, чтобы Джо или лейтенант Фаулер узнали о ее слабости — о том, что кто-то заставил ее выйти из гостиницы, а после исчез вместе с отрезком ее памяти. Им многого пока не нужно знать, и это — не только решение Марти. Поэтому пришлось рассказать Джо другую историю, о том, что она просто гуляла без цели по городу, а когда оказалась у башни, заглянула

узнать, как дела. Дверь была открыта...

— Дверь была закрыта, — перебила Джо.

— Открыта, — не согласилась Марти. — Как бы я иначе зашла? Может, это тоже проделки башни? Я потом и провалилась непонятно куда...

В пустую темную комнату конечно же. И, естественно, там никого не было. А книга? Подвернулась под руку, вот Марти и схватила ее, сама не понимая зачем. Она же сказала, что была не в себе?

О временном сдвиге Джо сама догадалась.

Самочувствием Марти она поинтересовалась только после того, как закончила с расспросами. Затем принесла травяной чай и плитку шоколада и предложила остаться в башне до утра.

Марти отказалась. Чувствовала она себя неплохо, а шоколада было слишком мало, чтобы утолить голод, поэтому в планах было вернуться в «Островок», принять ванну, надеть новое платье и узнать, что подают в «Золотой рыбке» помимо креветок.

Остров против таких планов не возражал.

«Я постараюсь слышать тебя везде», — пообещала Марти, покидая архив. Однако чем дальше отходила от башни, тем слабее становилась их связь, и в конце концов вместо приглушенных голосов и образов осталось лишь едва уловимое ощущение дружеского присутствия и заботы. Оно было с ней с ее самого первого дня в городе, но Марти поняла это только сейчас, и уже иначе виделись ее якобы бесцельные прогулки по улицам, словно случайно попавшийся на пути магазин и знакомство с Бернис, и внезапный порыв свернуть не на том перекрестке, чтобы выйти к кофейному домику Шеймуса.

Необычно? Да. И увлекательно, бесспорно, учитывая, что она давно не ждала от жизни чудес. И вообще ничего не ждала. Но и тревожно от осознания, что однажды остров приведет ее туда, где ждут отнюдь не пироги и кофе...

Но так нужно. Не только острову, но и ей самой.

В холле гостиницы ее встретила Белла. Джо говорила, что хозяйка «Островка» волновалась и звонила в башню, пока Марти спала, а раз так, то должна была уже знать, что все в порядке, и успокоиться, но, видимо, рыжей ведьме требовалось увидеть постоялицу воочию, чтобы убедиться, что та жива и здорова. В ответ на вопрос, что же с ней случилось, Марти повторила ту же историю о сбоях переходах, заверила, что ничуть не пострадала, лишь устала немного, и под этим предлогом сбежала от вхохочущей над ней, как наседка над цыпленком, хозяйки в свой номер. Пока набиралась в ванну вода, достала из шкафа чемодан. В маленьком кармашке с внутренней стороны крышки лежал пакет, который ей отдали в день выхода из тюрьмы. Вернее, пакетик. Она взяла его почти равнодушно, сунула в чемодан и сделала вид, что забыла о нем. Получалось же как-то не помнить все эти годы за рыжей кирпичной стеной об этой «личной вещи». Служители закона оказались настолько честны и щепетильны, что означенную вещь, отобранную у Марти еще во время предварительного заключения, передали вместе с документами сюда, на Карго-Верде.

Она развернула пакет, нащупала его содержимое. Зажмурилась на секунду, собираясь с духом, и вытряхнула на ладонь крошечный осколок памяти — тоненькое серебряное колечко.

— Мы встретимся, — с мрачной решимостью пообещала она тому, кто когда-то надел ей на палец это кольцо. — И ты расскажешь, почему поступил так со мной.

Странно, что она столько времени и не думала ни о чем подобном. Годы в тюрьме казались потерянными, и сама она была потерянной там, точно неживой, и, лишь оказавшись на свободе, начала снова жить, думать и чего-то хотеть...

Колечко вернулось в пакет, пакет — в кармашек в чемодане, чемодан — в шкаф, и через час с небольшим Марти, свежая, аккуратно причесанная, в новом платье и начищенных туфлях, постучала в дверь Адама.

Он ушел из архива до того, как она проснулась, и явно не ожидал увидеть ее сейчас.

— Я подумала, быть может, мы все-таки поужинаем вместе?

Лорд Томас Энтони Стайн далеко, и встреча с ним не обещала быть скорой, но у Марти имелись вопросы не только к лорду Томасу.

В те вечера, когда Марти ужинала тут с Джо, посетителей в «Золотой рыбке» было немного, сегодня же зал оказался полон.

— Утром был паром, — с извиняющейся улыбкой пояснила встречавшая гостей хозяйка. — Но для вас место найдется.

Она провела Марти и Адама к свободному столику и, прежде чем удалиться, жестом подозвала официантку.

— Что бы вы посоветовали очень голодному человеку? — не заглядывая в меню, поинтересовалась Марти у подошедшей девушки. — И желательно, чтобы не пришлось долго ждать. У повара сейчас немало заказов, как я понимаю.

Официантка понятливо закивала и скороговоркой выдала десяток названий. Некоторые блюда были Марти незнакомы, поэтому она остановилась на том, что хотя бы могла себе представить: рыбный стейк с запеченными овощами и зеленый салат с мидиями. Адам попросил то же самое.

— Скажу, чтобы приготовили побыстрее, — пообещала официантка.

Посмотрев ей вслед, Марти вдруг встретилась взглядом с незнакомым мужчиной. Это не было случайностью, он наблюдал за ней и не смутился, когда она это обнаружила: кивнул, точно поздоровался, но тут же отвернулся, чтобы продолжить разговор с эффектной, коротко стриженной блондинкой, составлявшей ему компанию за столом.

Марти озадаченно нахмурилась.

— Это — шеф местной полиции, — разъяснил заметивший ее растерянность Адам. — Он помогал искать вас утром.

— О... Меня искал сам шеф? Так неловко...

Адаму о произошедшем в башне она рассказала то же, что и Джо. Ждала вопросов от него, но их не последовало. Почему? Почему Джо заинтересовалась словами о непокоренных, а Адам даже не полюбопытствовал, отчего вдруг его назвали мальчиком, которого не было? Ответ очевиден: Джо не понимала смысла услышанной фразы и хотела его узнать, а Адам знает и не хочет, чтобы кто-то еще заинтересовался теми словами. Возможно, надеется, что Марти сама уже не помнит, что говорила.

Придется намекнуть ему, что это не так, но Марти не придумала, как повернуть разговор в нужное русло. Пока они шли в ресторан, говорил в основном Адам. После того, каким парень показал себя в первые дни знакомства, было немного странно обнаружить, что он прекрасный собеседник, а вернее даже — рассказчик. Дорога заняла не больше двадцати минут, а Марти узнала немало интересного о серийном производстве автомобилей — Адам ухватился за эту тему, увидев какую-то старую машину, — и выслушала мистическую версию возникновения живых изгородей, бытующую на его родине. Иными словами, он говорил о чем угодно, только не о случившемся в башне.

— Это... больно?

Марти потянулась к корзинке с сухариками, такие стояли на каждом столе, чтобы посетители не умерли от голода в ожидании заказа, и Адам увидел печать на ее запястье.

— Больно? — Она отправила сухарик в рот, дождалась, пока он размокнет от слюны и медленно разжевала, попутно вспоминая, чувствовала ли она боль при наложении запирающих знаков. Тогда болело все. Вся она была сплошная боль. Но именно

печати... — Нет, — проговорила наконец. — Просто неприятно. Очень.

— Простите. Я... — Он смутился, казалось. Но смущение было неискренним, хоть изображал его Адам весьма достоверно. Видимо, счел эту маску соответствующей моменту. — Я знаю, что это — вынужденная мера. И что иначе... — Взгляд его поднялся по руке Марти к плечу, туда, где проступал на коже не скрытый коротким рукавом темный узор. — Я читал ваше дело...

Марти изумленно приподняла брови. На самом деле ее ничуть не удивило его признание — когда у тебя есть вопросы, ответы не удивляют, — но Адам первым начал эту игру.

— Оно лежало на столе у миз Гарнет, — пояснил он, сохраняя на лице выражение растерянности и вины. — Наверное, лейтенант Фаулер оставил, а я решил, что это что-то из архивных документов, и хотел положить на место... Так вышло, случайно...

— Конечно. — Она кивнула. И улыбнулась безмятежно: отчего не поверить? Только уточнила все с той же расслабленной улыбкой: — Если вы читали мое досье, зачем тогда спрашивали о муже?

— Я... — Он отвел глаза, но лишь на мгновение. — Хотел понять, чувствуете ли вы до сих пор что-нибудь к тому человеку.

— Поняли?

— Не уверен.

Тема ее виновности даже не поднималась. То ли Адам, сунув нос в решение суда, как и Джо, заметил несоответствия, то ли по другим признакам пришел к каким-то выводам, но преступницей он Марти не считал. Не сказал этого вслух, но она и так поняла. Понять бы еще все остальное...

Она поднялась из-за стола.

— Не уходите, пожалуйста! — вскочил следом Адам.

— И не думала. — Она мягко толкнула его в грудь, заставляя сесть на место, и бегло огляделась, не привлек ли его возглас ненужное внимание со стороны других посетителей. — Ничто не заставит меня отказаться от ужина. Просто отлучусь ненадолго в дамскую комнату.

Ей действительно нужно было, да и сделать перерыв в разговоре не мешало. Подумать, стоит ли его продолжать и как. Казалось, у Адама есть что сказать ей, но он по каким-то причинам не решается или намеренно медлит, прощупывает почву и бросает время от времени невнятные намеки. Однако интерес его к Марти определенно далек от романтического.

Еще одна игра, в которую она оказалась невольно вовлечена? Или все та же? Попробовать отказаться или сыграть? Будет сложно, не зная правил, но, похоже, тут каждый устанавливает свои, а значит, можно рискнуть.

Придя к этому, скорее всего, не лучшему решению, Марти спустила воду и собиралась выйти из кабинки, когда услышала, как в туалет кто-то вошел.

Прильнув к дверной щелке, Марти увидела женщину, которую заметила в зале в компании шефа полиции. Она остановилась у зеркала, чтобы освежить макияж, но не успела открыть вынутую из сумочки пудреницу, а Марти — дверь из кабинки, как в туалет влетела еще одна красотка — тоже блондинка, только крашенная, длинноволосая и отчего-то очень и очень злая.

— Эй, ты! — грубо обратилась она к стоящей у зеркала. — Не знаю, кто ты такая, но держись подальше от Стива. Он — мой, поняла?

— Не знаю, не знаю, — легкомысленно пропела блондинка со стрижкой, не отвлекаясь от своего отражения. — На нем не написано.

— Да ты... Шалава!

Обозленная красавица ринулась в атаку. Марти мысленно вздохнула: есть ли зрелище более удручающее и несуразное, чем женская драка? Все эти визгливые оскорбления, попытки вырвать у соперницы клочок волос и вцепиться ногтями в лицо?

Вот и сейчас длинноволосая воинственно растопырила пальцы, намереваясь проредить и без того короткую шевелюру оппонентки, но та удивила. Вместо того чтобы тоже вопить и демонстрировать в ответ отточенные ногти, молниеносно обернулась, отклонилась, позволив скандалистке царапнуть воздух, и коротко, но резко ударила ту выпрямленными пальцами в правый бок.

У Марти невольно вырвался тихий стон: она хорошо представляла себе боль от прямого удара по печени, пусть удар и был, кажется, не в полную силу. Если зачинщица склоки не закричала, то лишь потому, что ее тут же притиснули к стене и зажали рот ладонью.

— Не знаю, кто ты такая, — повторила ее же слова победительница, — но держись от меня подальше. Еще раз попадешься мне на глаза — пожалеешь. Поднимешь шум сейчас — пожалеешь немедленно и очень сильно. Поняла? Теперь выметайся.

Только дурак не внял бы подобному предупреждению. А запальчивая скандалистка, судя по всему, дурой не была.

Когда она, придерживаясь за бок, вышла из туалета, спутница шефа полиции — Стива? — невозмутимо вернулась к зеркалу и оставленной на раковине пудренице, несколько раз мазнула пуховкой по лицу, достала из сумочки помаду, подвела губы и послала отражению воздушный поцелуй.

После ее ухода Марти выждала еще минуту для верности и только тогда, ополоснув руки, вернулась в зал. Заказ к тому времени уже принесли, а «убийственная» красавица как ни в чем не бывало расточала улыбки сидевшему с ней за столиком мужчине. На Марти она внимания не обращала, а вот интерес к ней со стороны Марти не укрылся от Адама.

— Ваша знакомая? — спросил он.

— Нет. А вы не знаете, кто это?

— Кажется, приезжая. — Он пожал плечами. — Остановилась в нашей гостинице. А что?

— Да так... Интересная женщина.

— Наверное. Но я...

— Ни слова больше. — Марти решительно придвинула к себе тарелку. — Даже если вы собирались предупредить меня о конце света, подождите до завершения ужина.

Если жизнь ее чему-то и научила, то это тому, что проблемы никогда не заканчиваются в отличие от еды. А рыба была восхитительна, пусть и приготовлена по незамысловатому рецепту, и Адам тоже умолк надолго, отдавая должное талантам местного повара.

После, на сытый желудок, общаться было уже проще. Усиленное голодом чувство тревоги ушло, а в теле и мыслях поселилась приятная расслабленность. Марти показалось уместным предложить Адаму прогуляться.

— На набережную? — внес он встречное предложение.

Почему бы и нет?

Они шли по пустынным улицам, освещенным кривобокой луной и редкими фонарями, под руку, словно влюбленная парочка, не спеша начинать прерванный разговор.

— Мальчик, которого не было, — проговорила Марти. Рука под ее ладонью не дрогнула. — Почему?

— Сейчас это не важно, — спокойно отозвался Адам.

— А что важно?

— Вы сложный человек, Мартина. Сложнее, чем казалось на первый взгляд.

— Какое это имеет значение?

— Огромное. Я надеялся узнать вас получше, прежде чем...

Он умолк, не закончив фразы.

— Прежде чем что? — спросила Марти.

Адам молчал. В полумраке, серьезный, непривычно сосредоточенный, он выглядел старше своих лет. Но разве кто-нибудь знал наверняка его настоящий возраст? Или имя? И то, зачем он приехал на остров?

И это Марти — сложный человек?

— Я хотел бы познакомить вас со своей сестрой, — сказал после долгой паузы Адам. — Возможно, это станет ответом на все вопросы. И мои и ваши.

— А если нет?

— Вы ничего не потеряете.

— Да? А что потеряете вы, если объясните мне все прямо?

— Поедете со мной в лечебницу? — будто не услышал ее вопроса Адам. — Завтра? Архив в любом случае будет закрыт, Джо предупредила...

— Джо? — Марти усмехнулась. — Не миз Гарнет? Кажется, вы вышли из образа.

— Бывает. — Уголки его губ приподнялись на мгновение. — Так что вы скажете на мое предложение?

— Ничего. Пока не получу объяснений...

— Они у вас будут. После встречи с моей сестрой.

— А до этого — ни слова? Тогда нет. Я никуда с вами не поеду. Не люблю, когда меня используют вслепую. Вообще не люблю, когда меня используют.

— Понимаю. Но сказать что-либо... Не сейчас.

На набережной было холодно. Волны бились о высокую бетонную стену, и в воздух взлетали тысячи брызг. Марти подошла слишком близко к ограждению, и мелкие соленые капли усеяли ее лицо. Кажется, остров остался доволен ее решением не ездить никуда с подозрительными блондинами. Но, говоря, что не любит, когда ее используют, она подразумевала и недомолвки Карго-Верде тоже. Сложно довериться тому, кто не доверяет тебе...

В гостиницу они с Адамом возвращались в молчании. Только у дверей своего номера Марти спохватилась:

— Вы сказали, завтра архив будет закрыт. Почему?

— Миз Гарнет не объяснила. Но завтра похороны. Думаю, она хочет провести этот день с лейтенантом Фаулером.

ГЛАВА 19

По теории Джоан Гарнет в любой ситуации можно отыскать хорошую сторону. Относительно хорошую.

Для Кена Фаулера на фоне последних событий такой хорошей стороной стала сама Джо. Относительно да, но он старался не забивать голову ненужными сейчас сомнениями. Потом, когда найдут и обезвредят менталиста... Если найдут...

Пока же и так неплохо.

В башню вот перебрался. С вещами.

Форму привез, чтобы с утра надеть. Больше года ее не носил, в шкафу провисела, а тут вдруг подумал, что на похоронах должен быть обязательно в форме. Как на той единственной фотографии, что осталась у него на память о недолгой супружеской жизни с Крис, где они вместе: он в форме, а она в синем шелковом платье. На черно-белом снимке этого не понять, но он точно помнил — в синем...

Зря, конечно. И форма, и сами эти мысли. Злее совести только совесть, вступившая в сговор с памятью, и новая вина, помноженная на вину прошлую, стократ тяжелей.

Но ночью спал крепко, обняв мерзнущую свою ведьму, и не было в этих объятиях ни страсти, ни даже нежности — только обоюдная выгода: он ее согревал, она отгоняла от него сны.

Так и выпались.

А утром надел костюм. И значок Джо нацепил под пиджак, слева, у сердца, иначе она из башни не выпустила бы, но в кои веки ее чрезмерная опека не вызвала раздражения. Если бы не паскудное настроение, наверное, было бы даже приятно. Она ведь и кофе ему сварила, и тосты умудрилась не сжечь, и до двери провела.

— Заедешь за мной? — спросила, подавая ключи.

— Да.

Когда-то на острове бытовала традиция хоронить умерших на рассвете. Кен не помнил, с чем это было связано, но обычай просуществовал не одно столетие, и до сих пор старались провести погребение в первой половине дня. Летом для этого имелись причины, далекие от мистических: с утра не так жарко. Похороны Крис назначили на десять. Тело перевезли в похоронный дом еще вчера. Сделали... что там обычно делают... Гроб поставили в зале для прощаний. Любой желающий мог прийти, чтобы почтить память покойной. Или поглазеть. На Карго-Верде немного развлечений, и Фаулер не сомневался, что у гроба Крис побывал почти весь город. Сам он решил, что ему для прощания хватит нескольких минут перед отправкой на кладбище, когда рядом с Крис не останется уже праздных зевак.

Поехал в управление. Вряд ли его там сегодня ждали, но...

— Идиотка!

Ждали, как выяснилось.

Хорошо, что ехал небыстро и вовремя успел ударить по тормозам, не то выскочившую на дорогу дуру размазало бы по асфальту.

— Жить надоело? — процедил сквозь зубы, когда несостоявшаяся самоубийца как ни в чем не бывало открыла дверцу и уселась в его машину. — Или это новый способ брать интервью — с приветом с того света?

— Мне не нужно интервью. — Вэнди жалобно шмыгнула носом. — Я хочу подать заявление о нападении и угрозах.

— Твое право. — Кен кивнул на крыльцо полицейского управления, до которого не доехал каких-то пятьдесят ярдов. — Обратись к дежурному.

— Не пойду я в вашу долбаную контору! Чтобы эти придурки снова тыкали в меня пальцами и ржали?

— Не их вина, что каждый твой приход похож на гастроли цирка.

— Фаулер, ну пожалуйста! Я час тебя караулила. Ты тут единственный нормальный человек...

— Да неужели?

Напомнить, что ли, что не такой уж он человек? Оскалить клыки и вышвырнуть из машины, пусть идет куда хочет со своим заявлением. Сама виновата, что ее уже полгорода мечтает прибить, и Кен здесь, к слову, не исключение.

— Пожалуйста! Или мой труп будет на твоей совести!

«Сука!» — ругнулся он мысленно. Корчит из себя обиженную и напуганную, но бьет прицельно. Слово «тоже» она не произнесла, но Кен его ясно услышал: «Или мой труп тоже будет на твоей совести...»

— Давай. — Он протянул руку.

Журналистка захлопала густо накрашенными ресницами.

— Заявление давай! — рявкнул раздраженно.

— А, да... Сейчас...

Бумажка, мало того что сложенная в четыре раза — иначе не влезла бы в миниатюрную сумочку, — так и исписана была безобразными каракулями. Стало понятно, почему Вэнди таскает с собой микрофон: сама небось не разбирает собственный почерк.

— Что я тут должен понять?

— А что непонятного? — взвизгнула она. — Эта шлюха на меня набросилась, ударила... Угрожала вообще убить!

— Шлюха?

— Новая подстилка Раннера! Он теперь никем не брезгует. Видно, подцепил эту шмару материковую на пару вечеров, а она возомнила о себе... Я написала там: «Валери Мэлоун, не местная, остановилась в „Островке“, цель визита на остров неизвестна...»

Фаулер вспомнил женщину, с которой столкнулся вчера у гостиницы, и довольное лицо помогавшего ей с багажом шефа, и картинка сложилась. Почти.

— Вэнди, — начал он ласково, — скажи, будь добра, с какой стати миз Мэлоун набросилась именно на тебя? А лучше — точно ли она набросилась на тебя первой?

— Да я!.. — вспыхнула она и стихла под его укоризненным взглядом.

— Ты. — Кен скомкал заявление. — Даже не сомневаюсь. Снова шпионишь за Стивом? Тебе не кажется, что это уже отдает психическими отклонениями? Посоветовать хорошего специалиста?

— Сам к нему сходи! — огрызнулась журналистка. — А психические отклонения у этой Мэлоун! Знаешь, куда Стив ее повез после ресторана? Нет, не к себе. И не в гостиницу. И не на пляж... В морг! Скажи, нормальная женщина захочет в морге? А некоторых это возбуждает... У кого с головой не все в порядке.

— Морг полицейский или городской?

— Полицейский, конечно, — удивилась вопросу Вэнди. — Кто бы их в городской пустил?

Фаулер скрипнул зубами. Лучше бы у этой Валери действительно были извращенные фантазии и они с Раннером вчера их реализовывали. Но если нет, то какого хрена ее потянуло в морг, где в холодильнике до сих пор хранятся неопознанные трупы бродяг?

Хорошо хоть Крис на тот момент уже увезли...

— Я разберусь, — пообещал он угрюмо.

— Разберись, конечно. И чтобы эта...

— Вэнди!

— А? — От резкого окрика она подпрыгнула на сиденье.

— Всего доброго.

Прозвучало совсем недобро.

Если бы она не вышла из машины — вышвырнул бы, но у нахальной репортерши проснулся инстинкт самосохранения.

Что там проснулось в душе у Кена — лучше никому не знать.

В управлении за столом дежурного сидела Майя. Еще одно испытание для потрепанных нервов, но он решил, что пройдет его. Просто пройдет. Мимо.

Не тут-то было.

— Фаулер!

Он не обернулся.

— Фаулер! Ты оглох? Эдна Кроули звонила уже раза три, просила, чтобы ты перезвонил сразу же, как объявишься. Ты дома не ночевал, что ли? Она с раннего утра тебя разыскивает...

— Я услышал, — резко оборвал он грозивший вылиться на него словесный поток. — Перезвоню.

Сначала — Раннер.

Кен порядком устал уже от непрерывно множащихся загадок. Хотя бы на один вопрос можно получить прямой ответ?

Войдя в кабинет шефа, он закрыл за собой дверь, подошел к столу, на котором Раннер раскладывал пасьянс квитанциями оплаченных административных штрафов, и, стараясь не повышать голоса, почти вежливо поинтересовался:

— Стив, скажи, пожалуйста, какого... — В этом месте запас вежливости закончился. — ... ты делал этой ночью в морге?

— Чего? — выпучил глаза шеф.

— Морг, — повторил Фаулер. — Ночь. Ты. Длинноногая блондинка. Поможешь сделать из этого связный рассказ? Мне самому фантазии не хватает.

— Следишь за мной, что ли?

— Не я. Но мне очень интересно, что этой дамочке было нужно от мертвых бродяг.

Раннер скорчил гримасу, словно не понял вопроса, но тут же досадливо отмахнулся и скривился еще больше.

— Ни хрена ей от них не нужно было. Это я предложил... Не знаю. От волнения, может? Валери... Ну ты видел ее. Хотел впечатлить как-то...

— Трусами?

— Угу. Так себе идея. Повторять не советую. Сразу она загорелась вроде бы, необычно же, загадочно... А потом...

— Заблевала Нилу прозекторскую? — предположил Кен по перекошенному лицу

собеседника.

— Да нет, — успокоил тот. — Обошлось. Но было близко к тому... Вечер насмарку. Отвез ее в гостиницу и... И все.

— Теряешь хватку. Годы берут свое.

— Позубоскаль мне...

Лишнее предупреждение: Кен даже не усмехнулся. Объяснение Раннера ему не понравилось, хоть и лжи в его словах не чувствовалось, и вполне можно представить себе, как в процессе романтического ужина рассказ о нелегких буднях главы островного управления полиции перерос в историю одного расследования, а то — в предложение подтвердить слова наглядной демонстрацией. И заинтригованная женщина согласилась бы сразу, после, уже на пороге морга, передумала бы, но, не желая показывать страх перед мертвецами, все равно вошла бы, взглянула на тело... Какое из двух? И...

— Фаулер! — Противный голос Майи пробился даже через закрытую дверь. — К телефону!

— Да, Эдна звонила, — вспомнил шеф.

— Сегодня похороны. Наверное, нужна помощь...

Майя глядела на него почти в упор, не таясь, когда Кен подошел к аппарату, точно готовилась читать по губам, если не получится расслышать разговор. Можно было послать ее подальше, во всех смыслах, а можно было отвернуться, длина провода позволяла. Кен склонился к первому варианту, но выбрал все же второй.

— Фаулер, слушаю.

— Я просила перезвонить. — В первую секунду голос в трубке показался незнакомым — нервный, срывающийся. Эдна Кроули никогда не говорила так, но все же это была она.

— Я собирался...

— Приезжай. Сейчас же.

И отключилась.

Фаулер почувствовал, что у него дрожат руки. Мелко, наверняка незаметно со стороны, но дрожат. И спина стала влажной и холодной.

Третий день... Третий, мать его, день начинался с тревожного сообщения!

Кен понятия не имел, что случилось на этот раз, но вряд ли что-то хорошее, а потому гадать не стал. Даже запретил себе это. Просто выбежал на улицу, запрыгнул в машину и завел мотор.

До дома Эдны домчал в рекордное время, взбежал на крыльцо и не успел дотянуться до кнопки звонка, как дверь открылась и появившаяся на пороге хозяйка без предисловий влепила ему пощечину. Удар вышел сильным и звонким — таким, что в глазах потемнело на миг, а когда прояснилось, перед носом мелькнул белый конверт...

— Читай! — Эдна втянула его в дом, а незапечатанное письмо сунула в руки. — Это все ты!..

«Лейтенанту Фаулеру», — выведено было на конверте.

Внутри — короткая записка:

«Одна неделя, лейтенант. Проживите ее тихо и спокойно, и тогда девочка вернется к бабушке. Поднимете шум или влезете снова туда, куда не следует, и девочка встретится с мамой. Выбор за вами».

Он поднял глаза на Эдну. Она стояла, обняв себя за плечи и закусив губу. Смотрела — не на него, а будто сквозь...

— Как?

Фаулер сам не понял, что хотел спросить. Как и кто забрал Джессику? Как и кто передал это письмо? Как теперь быть?

Эдна подумала, что первое.

— Не знаю, — ответила тихо. — Я встала рано. Я всегда рано встаю. Джесси спала... мне так казалось... Я приготовила завтрак, пошла будить ее... В комнате пусто. И этот конверт на ее подушке...

— Где ее комната?

Неопределенный взмах рукой в сторону коридора: где-то там. Там, где пахнет крекерами и молоком, ромашковым шампунем и акварельными красками, морским песком, оставшимся с последней прогулки в стоптанных парусиновых туфлях... И еще чем-то...

Кен толкнул дверь и остановился на пороге.

Маленькая спальня, намного меньше той, что была у Джессики в родительском доме, выглядела уютной и обжитой. Было видно, что девочка проводит тут немало времени. В шкафу наверняка достаточно вещей на смену, на столе — книги и альбомы, на стенах висят рисунки.

Фаулер подошел к разобранной постели и принялся. Коснулся смятой наволочки, пытаясь почувствовать след того, кто оставил письмо на подушке. Тщетно. Казалось, никто, кроме обитателей дома, не входил в комнату. Но, возможно, так и было, ведь неизвестно, на что способен менталист и как близко ему нужно находиться, чтобы воздействовать на человека.

— Это, — Фаулер махнул конвертом, — почерк Джессики?

Вопрос вызвал новую вспышку гнева.

— Ты думаешь, что говоришь?! Считаешь, это розыгрыш? Чтобы Джессика сама написала такое? Да ты...

Пришлось переждать возмущенные выкрики, чтобы вставить хоть слово.

— Ее могли заставить.

Эдна тяжело выдохнула. Кивнула, словно подтверждая: да, могли. Присмотрелась к письму.

— Нет... Не уверена, но... Нет, это точно писала не она.

И тем не менее постороннего присутствия Кен не чувствовал. В доме Крис он видел след чужака, пусть и не смог за него зацепиться, а тут — ничего. Даже если Джессику как-то выманили из дома, кто оставил письмо? Не возвращалась же она, чтобы подложить его в комнату? Или конверт доставили раньше?

— Кто-нибудь приходил к вам вечером? Почтальон? Ремонтник из телефонной компании? Может, сосед заглядывал?

— Нет. — Эдна покачала головой. — Хотя...

— Что?

— Я отлучалась ненадолго, уладить кое-что по похоронам. Но Джесси сказала бы...

— Ты оставила ее одну?

Он не обвинял, не намекал ни на что, просто уточнил, но, видимо, для Эдны это прозвучало иначе.

— Мне нужно было тащить ее в похоронный дом? — снова взвилась она. — Обсуждать при ней аренду катафалка и оплату могильщикам?

Кен промолчал, по опыту зная: это — лучшее, что можно сделать, когда кто-то осознанно нарывается на ссору, чтобы выплеснуть на тебя накопившийся в душе негатив.

— Я не планировала ее оставлять, — чуть спокойнее продолжила Эдна. — Когда мы приехали в город, я завезла Джесси к Монике, это ее школьная подруга, ее мать обещала присмотреть за ней. Но Джесси не пробыла там и часа...

Это понятно, девочке сейчас не до игр с подругами.

— Ночью входная дверь была заперта? — задал Фаулер новый вопрос.

— Естественно.

— А утром?

Женщина растерялась.

— Да, — проговорила нетвердо.

— А дверь в гараж?

Гараж был пристроен к дому, и вход туда располагался всего в нескольких шагах от спальни Джессики.

— Она не запирается. — Эдна нахмурилась. — К чему эти расспросы? Ты... Ты же не собираешься организовывать поиск?

— Я не должен этого делать?

— Ты идиот? — процедила она сквозь зубы, и прищуренные глаза недобро сверкнули.

Фаулер невольно поежился, поняв, что вот теперь ярость директора Кроули достигла пика, но не мог не попытаться воззвать к здравому смыслу.

— Ты не хуже меня знаешь статистику, — сказал он, стараясь, чтобы его слова не показались угрозой или дурным пророчеством. — Как часто похищенные возвращались домой, даже в тех случаях, когда все условия похитителей выполнялись?

— Да, я знаю статистику, — мрачно согласилась Эдна, делая шаг в его сторону. — И я знаю, как часто похищенные возвращались, когда условия не выполнялись. А еще я знаю, что моя внучка сейчас у человека, для которого убийство — не просто угроза. Он уже убил Кристин. И не только ее, так ведь? Но Крис он убил, потому что тебе очень хотелось разобраться со смертями бродяг... Разобрался? И до сих пор разбираешься, да? Поэтому теперь он забрал Джессику... Просто потому, что ты всюду суешь свой нос! А страдать должна моя семья, да, Фаулер? Моя? Потому что своей у тебя нет? Только бывшая жена и ее ребенок, который к тебе вообще не имеет отношения! В чем их вина, а? В том, что кто-то решил, что они для тебя что-то значат? А они значат, Кен? Или ты и дальше продолжишь играть в крутого сыщика?

Последний вопрос она проорала ему в лицо, приблизившись вплотную, вырвала у Фаулера из рук злосчастное письмо и смяла в кулаке. Кулак сунула ему под нос.

— Ты сделаешь так, как тут написано. Будешь сидеть тихо, как мышь под веником. А если я узнаю, что ты опять ищешь непонятно что, расспрашиваешь кого-то или делаешь еще что-нибудь, что может навредить моей внучке, я сама тебя пристрелю. Сама, понял? Возможно, это увеличит шансы на то, что Джесси вернется домой.

— Я тоже этого хочу.

— Докажи.

Он посмотрел на перекошенное лицо женщины, на хлипкий ее кулачок, из которого торчали уголки конверта, и молча кивнул. Просто кивнул, не обещая ничего конкретно. Дождался, чтобы Эдна отступила от него и злость погасла в ее глазах, и только потом спросил:

— А где щенок?

...Щенок бежал. Высокая трава хлестала по морде, липла к вывалившемуся от усталости языку. Лапы заплетались, и несколько раз он падал, но потом поднимался и снова бежал. Не за машиной, за которой стелился след дыма и пыли, — за своим человеком. Так велел старший, сказал идти за своим человеком, и щенок не мог послушаться, ни старшего, ни собственного чутья, слабого пока еще, но сейчас вдруг обострившегося и вопившего отчаянно: его человек в беде!

Марти не понимала, зачем ей это — белый щенок, выехавшая за город машина, путанные мысли-ощущения — чужие, а оттого не во всем понятные, — но продолжала смотреть, слушать и чувствовать то вместе с запыхавшимся малышом, то будто наблюдая за ним со стороны. Но чаще вместе, и тогда казалось, что это ее бьет по носу разросшаяся трава, а во рту горчит от выхлопов автомобиля, который никак не получалось догнать. Хорошо, что ехала машина небыстро, иначе маленький преследователь давно уже отстал бы, однако силой он уступал упрятым под капот лошадям, а бежать и одновременно прятаться в придорожных зарослях было сложнее, чем просто бежать.

«За кем мы гонимся?» — спрашивала Марти, но щенок ее не слышал. Она пыталась сама найти ответ на этот вопрос, рассмотреть машину его глазами, запомнить хотя бы цвет, а если повезет, то и номер, но маленький пес не разбирает цветов и не знал цифр...

Он был уже на пределе, когда автомобиль наконец остановился. Щенок обессиленно повалился на землю. Загнанное сердечко бешено колотилось, грудь и живот тяжело вздымались, но усталость не мешала помнить о поручении, которое дал ему старший, и, передохнув немного, щенок пополз туда, откуда доносились голоса людей.

Марти прислушалась, но оказалось, собаки понимают человеческую речь ничуть не лучше, чем люди — собачий лай. Лишь по интонациям ясно было, что говорившие — один из них, по крайней мере — чем-то взволнованы. Второй казался спокойным и, видимо, хотел успокоить и собеседника.

К чему ей видеть это и слышать, если даже догадаться невозможно, что происходит? К чему ей вообще все это?

— ...отвезу в дом, там никто ее не найдет, — вдруг расслышала она. — До утра она не проснется, а после Джек о ней позаботится...

Это говорил тот, спокойный... Или спокойная? Марти с удивлением обнаружила, что не может определить, принадлежит этот голос мужчине или женщине, как и второй, отвечавший по-прежнему нервно. Но ответа она уже не поняла. Щенок отвлекся: прошмыгнул мимо машины, за которой гнался последний час, и подкрался к другой. Он чувствовал, что его человек теперь там, в новом автомобиле, и совсем не хотел опять запыхаться от бега, пыли и выхлопов. Задняя дверца была приоткрыта, и малыш, с трудом вскарабкавшись в салон, нырнул в полумрак. Лизнул свесившуюся с сиденья руку своего человека, даже прикусил несильно, но ответа не дождался. А голос подавать было нельзя — это он знал. Наверное, старший отдал ему частичку своих сил и чутья тогда же, когда дал человека. И сейчас человек нуждался в помощи и защите. Или хотя бы в маленьком комочке тепла.

Щенок нашарил на полу под сиденьем скомканное покрывало — то, в которое завернули его человека прежде, чем спрятать в первую машину, и, помогая себе зубами, спрятался под хранившую знакомый запах ткань. Так его не заметят и он останется рядом... Старший будет им доволен...

— Какой старший? — открыв глаза, спросила Марти у потолка. К снам, показывавшим ей прошлое, она уже привыкла, но к снам, в которых щенки гоняются за машинами и размышляют о долге, оказалась, мягко говоря, не готова. — Что это было?

«Было», — эхом повторилось в голове.

— Было, значит...

Она села на кровати и постаралась вспомнить странный сон в подробностях. Щенка, безлюдные улицы, пыльную дорогу... Кажется, был вечер... Или уже ночь? И тот

человек, которого везли в какой-то дом, — «она»... Рука, в которую щенок тыкался носом, была небольшой, определенно женской... девичьей...

— Что я должна понять? Нет, естественно, что, когда кого-то куда-то везут против его воли, усыпленного, ничего хорошего в этом нет... Но кого? И куда? И что я должна делать?

Если бы ей ответили, было бы замечательно. Но — увы.

Остров мог говорить с ней только в башне, но сейчас туда нельзя. Марти не понимала почему, но чувствовала — нельзя. Да и Джо сегодня на похоронах. Скверно выйдет, если, вернувшись, она снова найдет в архиве незваную гостью, придется давать объяснения, а это тоже нежелательно до поры — острову нежелательно и ей, Марти, по крайней мере, пока она не знала всех правил этой игры...

Но ведь разговор — не единственное решение. Однажды у нее был пациент... Он не выжил в итоге, невзирая на ее усилия, но сейчас не об этом. Тот солдат продержался неделю — обожженное мясо на переломанных костях, — неспособный пошевелиться или издать какой-нибудь звук. Самым здоровым в его теле оказался единственный уцелевший глаз, и Марти, заглядывая в этот глаз, видела, когда ввести новую дозу обезболивающего или влить в рот несколько капель воды... До последнего надеялась спасти его, хоть умом и понимала, что лишь продлевает его страдания. Но он так хотел жить, и желание это не угасало в блеклом глазу... Впрочем, сейчас действительно не об этом.

— Прогуляюсь, — сказала она, обращаясь к невидимому наблюдателю. — Может быть, позавтракаю у Бернис... Если не окажется где-нибудь еще...

Разве не так они общались в первые дни? Остров водил ее по городу, выбирая дорогу. Вдруг и теперь подскажет верный путь или устроит встречу с нужным человеком?

Адам уже уехал. Возможно. Марти не стала проверять. Ей не нужна была компания для прогулки. И от Беллы, с которой столкнулась в холле, сбежала, отделавшись беглым приветствием. Ведьма хотела сказать что-то или спросить, но ее слова лишь отвлекли бы.

День обещал быть солнечным, но уже не таким жарким, как вчерашний. Ветерок чуть резче и прохладнее, небо не голубое, а насыщенно-синее, чуть плотнее облака у горизонта. Подкрадывающийся к острову шторм загодя предупреждал о себе, словно в той детской игре: «Кто не спрятался, я не виноват».

— Попробуем? — Марти нерешительно остановилась на перекрестке. Налево? Направо? Прямо? На мгновение она почувствовала себя донельзя глупо. Стоит ли доверять снам, голосам и странным видениям? Всему этому может быть иное объяснение. Например: она сошла с ума.

Но подобное объяснение самой не нравилось.

— Предположим, что налево, — пробормотала она себе под нос.

Сложно отличить собственные мысли от подсказок со стороны. Для этого нужно отрешиться от всего, не думать и не строить догадок, что ждет за новым поворотом. Видимо, Марти это удалось, так как спустя час блужданий она оказалась в незнакомой части города, в месте, куда вряд ли пришла бы по своей воле.

«Карго-Верде прощается с Кристин Кроули», — сообщала табличка у входа. Первая часть фразы была выложена на черном фоне выпуклыми белыми литерами, а имя — вписано мелом. Его сотрут, когда гроб увезут на кладбище, и освободят место для следующего.

Кроули. Если мир тесен, что говорить об одном острове?

Марти всмотрелась в вывешенный за стеклом портрет в траурной рамке. Молодая женщина, светловолосая, ясноглазая. Симпатичное лицо, открытое и немного наивное, как бывает у тех, кто и во взрослом возрасте сохраняет верность детским мечтам. Подобные люди созданы для счастья, и только для счастья, перед лицом беды они, как правило, беззащитны...

Дверь похоронного дома готова была впустить ее, но Марти нечего было делать внутри. Мертвые не дают ответов... за редким исключением... Значит, нужно искать живых. Или ждать, пока кто-то из них найдет ее.

Долго ждать не пришлось. Марти едва успела перейти на противоположную сторону улицы, как услышала за спиной зычное: «Мартина!» — и, обернувшись, увидела спешащую к ней женщину. «Только бы не бросилась обниматься!» — подумалось при взгляде на знакомую крепкую фигуру. Подобным сложением обладают обычно борцы или грузчики, но никак не медсестры. Впрочем, для тюремной сестры, имеющей дело с далеко не хрупкими барышнями, несколько фунтов мышц лишними не будут.

— Мартина, ну надо же!

«Видимо, надо», — подумала Марти, предусмотрительно протянув ладонь, и уже распахнувшей объятия сестре Лизе пришлось удовольствоваться рукопожатием. Впрочем, помогло это несильно: руку она трясла так, что в плече хрустнуло. В больном плече, между прочим.

— Я тебя через окно увидела. Думала, зайдешь...

В начале знакомства Марти считала, что сестра Лиза тыкает всем арестанткам, но после выяснилось, что подобное обращение было знаком расположения, а не пренебрежения и к большинству заключенных применялось отстраненное «вы». Касательно окна, в которое ее увидели, пояснений не требовалось.

Марти бросила взгляд на похоронный дом и пожала плечами:

— Зачем? Мы не были знакомы. Я просто проходила мимо, заметила знакомую фамилию, вот и...

— Ну да, ну да, фамилия. — Сестра Лиза энергично закивала, и старомодная соломенная шляпка с искусственными фиалками съехала ей на лоб. — Эдны невестка. Я как узнала, аж страх взял. Помню, когда Джим, сын ее, погиб, в тюрьме надолго покой забыли. Наша госпожа директор по-другому с горем справиться не может, только работой, только так, чтобы все гайки до упора закрутить, чтобы вокруг аж горело и дымилось... А теперь и Кристин, значит. Я даже подумывала другое место подыскать. Привыкла в тюрьме, конечно, но если Эдна опять станет проверку за проверкой устраивать... Возраст у меня не тот уже, покоя хочется...

Сестре Лизе было лишь немногим за пятьдесят, и здоровьем она обладала отменным, но к покою тяготела всегда. Интересно, на кого сейчас, когда рядом нет Марти, она сбрасывает свою работу, чтобы попивать чай и листать дамские романы?

— В лечебницу вот снова люди нужны, — продолжала она. — И условия там не в пример лучше. Одно название, что психушка, а на деле — курорт.

При упоминании лечебницы Марти почувствовала легкое прикосновение к плечу, словно кто-то пытался привлечь ее внимание. Или показалось? Место ранения все еще ныло после дружеского рукопожатия...

Собеседница, заметив отразившиеся на ее лице сомнения, приняла их на свой счет и опять затрясла головой, рискуя лишиться шляпки:

— Так и есть, точно говорю! Курорт! Настоящих больных там — раз-два и обчелся, все больше богатеи расслабляются. Нервные расстройства у них сейчас в моде.

— Они всегда в моде, — проворчала Марти. К ощущению ладони на плече добавилось покалывание в груди и шум в голове, и она чувствовала себя неисправным радиоприемником, улавливающим, но неспособным воспроизвести полученный сигнал.

«Лечебница? — возмутилась мысленно. — Seriously? Я ведь могла уже сейчас быть там с Адамом!»

И споткнулась.

Сестра Лиза заботливо подхватила ее под руку.

— Осторожнее! Так и ноги переломать недолго.

— Спасибо...

«С Адамом нельзя? Нужно одной?» — проверила Марти появившуюся догадку. Лицо обдало неожиданно теплым ветерком. Как будто кто-то выдохнул довольно: уф, ну наконец-то поняла!

— Лечебница, — повторила Марти задумчиво. — Если не ошибаюсь, далековато от города.

— Так и есть, — уныло подтвердила сестра Лиза. — До тюрьмы ближе, каких-то полчаса на автобусе. А туда... Была бы машина или договориться с кем-нибудь...

Озвученные варианты Марти не устроили.

— Автобусы в ту сторону не ходят? — полюбопытствовала она.

— Есть один. В пять утра отправляется от городской станции, объезжает все фермы по пути и к восьми добирается до лечебницы. А обратно приползает к половине десятого вечера.

Воодушевления в ответе не слышалось, и неудивительно: чтобы сестра Лиза с ее-то любовью к покою вставала в такую рань и три часа тряслась по проселочной дороге? А вот Марти подобное решение полностью устраивало. Если она, конечно, соберется в лечебницу.

На последнюю мысль остров отозвался недовольством, но Марти осталась непреклонна. Если. Она ничего не обещала. Не могла обещать, владея только жалкими огрызками информации. И вообще, их сегодняшний разговор — если это можно назвать разговором — начался с белого щенка и его хозяйки, а о них до сих пор ничего не известно.

Возможно ли, что якобы случайно встреченная знакомая из тюрьмы поможет разобраться и в этом?

Сделав вид, что высматривает кого-то за ее широкой спиной, Марти привстала на цыпочки, затем бегло оглядела улицу и состроила разочарованную мину.

Естественно, эти действия не остались без внимания.

— Ищешь кого-то? — Сестра Лиза завертела головой.

— Да так... Как раз перед нашей встречей заметила тут щенка, такой милый малыш и явно не бесхозный. Мне показалось, он потерялся.

— Щенок?

— Да, белый. Убежал, наверное. Жаль будет, если выскочит на дорогу...

Смена темы оказалась слишком неожиданной для сестры Лизы, женщина непонимающе захлопала глазами, а потом вдруг застыла, и недоумение на дряблом лице сменилось иным, куда более осмысленным выражением.

— У Джессики есть щенок, — проговорила она, что-то вспомнив. — Как раз белый.

— Джессика? Кто это?

— Так дочка Кристин, внучка Эдны. Та ее вчера в тюрьму притащила. Видно, оставить было не с кем, вот и взяла с собой и ее и щенка. Шустрый такой песик. Джессика его Кеном назвала, представляешь? — Рассказчица хихикнула, но, взглянув на Марти, притворившуюся, что не видит ничего забавного или странного в этом имени, погасила улыбку. — Избалованная девчонка, как по мне, — выдала веско. — Но Эдна в ней души не чаёт. Да и нет у нее никого больше. Так что, может, и не будет в этот раз персонал гонять, внучкой займется.

— Сколько ей лет?

— Джессике? Тринадцать вроде бы. То ли было, то ли будет вот-вот. Немаленькая уже. Но жалко ее, конечно. Отца война забрала, мать — маньяк этот, чтобы ему еще худшей смертью издохнуть! Бабушка только одна и осталась...

И щенок.

Марти стиснула зубы. Было ли это подсказкой острова или заговорила ее собственная интуиция, но в том, что именно Джессика снилась ей минувшей ночью, она не сомневалась. Тринадцатилетняя девочка, которую усыпили и увезли неизвестно куда, девочка, которую нужно спасать... А ей — в лечебницу, значит?!

Вот уж нет!

Она спешно попрощалась с сестрой Лизой и, игнорируя попытки Карго-Верде сбить ее с пути, направилась к башне. То, что остров водил ее кружными дорогами, оказалось даже кстати: удалось разминуться с Джо. А то, что дверь в архив была закрыта, проблемой не являлось.

— Открывай, — злым шепотом велела Марти. — Открывай, а не то... Не то я начну ломиться, устрою скандал, и меня заберут в участок за хулиганство. А потом и в тюрьму вернут за нарушение условий досрочного освобождения! Такое ведь в твои планы не входит, да?

— Да, — согласно скрипнула дверь.

Внутри было холодно. Очень холодно, словно башня превратилась вдруг в гигантский рефрижератор. Морозный воздух обдавал раздражением и обидой, оконные стекла потемнели, и солнечный свет почти не проникал в них, оставшись снаружи вместе с теплым летним днем, но на Марти эта демонстрация не действовала. Если бы она была башней, то полыхала бы сейчас огнем, способным расплавить не только лед, но и камни, так что нечего грозить ей сквозняками!

— Я хочу знать все! Хватит с меня твоих игр! Ребенок в беде. Ты понимаешь — ребенок?

Башня вздрогнула. Перед глазами поплыл туман, сначала густой, белесый, он постепенно истаявал и рвался клочьями, и в образовавшихся дырах появлялись уже виденные Марти картины прошлого. Поле, усеянное мертвецами, и детей среди них было немало...

— Тогда ты ничего не мог сделать, — сказала она, силясь не отвести взгляда от перепачканных кровью и грязью лиц. — Сейчас можешь. Назови имя. Останови это!

— Останови! — гулко прокатилось по нолю трупов. — Ты...

— Почему? Почему — я? И как?

Печати зудели на запястьях, напоминая о ее бессилии. Что она может? И почему должна молчать, когда есть те, кто способен действительно помочь? Джо, лейтенант Фаулер. Нужно сказать им...

— Не нужно, — прошелестела сменившая туман темнота.

Мрак давил, слепил не хуже яркого света, и Марти закрыла глаза. Голова тут же наполнилась голосами и образами. Лейтенант... Директор Кроули... Записка в белом конверте... Джо... и их с лейтенантом пальцы, сцепившиеся до белизны в костяшках... Она говорит, щекой прижавшись к его щеке. Он — слушает... Соглашается. Или нет... Но не спорит. Он и с Эдной Кроули не спорил, псы известны своей покладистостью... Ссор и скандалов не будет. Но поступит он только так, как решит сам. Покладистость псов — лишь способ сэкономить время и нервы...

— Он не отступит, — поняла Марти. — Не бросит девочку.

Но хорошо ли это?

Если Фаулеру все удастся — бесспорно, хорошо. Но если что-то пойдет не так...

Она охнула и закусила кулак, на несколько мгновений провалившись в возможное будущее. Пожелала забыть... Забыть и верить, что такого никогда не случится. Но...

Тысяча «но»...

Получиться должно не у лейтенанта, а у нее, пусть Марти и не знает пока, что именно предстоит сделать. И сон про белого щенка был не Фаулеру, а ей, чтобы осознала, что стоит на кону. Судьба острова — слишком масштабна для ее маленького ума, уже произошедшие убийства не отменить, будущие не пугают, потому что они вероятны, но необязательны, и страх перед бедой не сильнее надежды ее избежать. А висящая на волоске жизнь ребенка — это другое, и не важно, что Марги никогда не встречалась с этой девочкой и не исключено, что никогда и не встретится. Куда важнее то, что ей дали понять: если Джессика погибнет, вина за это целиком и полностью ляжет на нее — Мартину Аллен, бывшего мага, бывшего военного хирурга, бывшую леди Стайн, бывшую заключенную... Во всем бывшую и ничего не представляющую собой в настоящем...

— Это шантаж...

Остров не ответил. Но холод убрал вместе с темнотой и туманом, впустил в окна солнечный свет и распахнул ведущую на улицу дверь, которой Марти хлопнула от души, покидая башню.

Час, а то и больше она бродила по улицам, малодушно пытаясь уверить себя в том, что все-таки сошла с ума, но добилась лишь того, что стала думать о лечебнице, идущем туда раннем автобусе и так и не купленном будильнике. Даже запах пирогов, когда она наконец пришла к Бернис, не избавил от этих мыслей.

— Неважно выглядишь, милая, — с тревогой заметила толстушка.

— Наверное, от голода, — вымучила улыбку Марти.

— Это легко исправить. — Бернис шагнула в закуток, откуда возвращалась обычно с чашками и тарелками, но неожиданно остановилась. Взглянула на посетительницу с сомнением. — Чего бы тебе хотелось?

— Мне? — Марти растерялась. Ей никогда не приходилось делать заказ, Бернис лучше ее знала, что подать. — А вы разве... вы не можете?..

Хозяйка «Пирогов» покачала головой:

— Не сегодня, милая. Сегодня ты сама должна выбрать.

Такой уж день...

Марти подавила обреченный вздох и решительно вздернула подбородок. Что ж, если так надо, она выберет.

ГЛАВА 20

Фаулер был спокоен. Совершенно.

Так спокоен лежащий на спусковом крючке палец за минуту до выстрела. Ни к чему нервозность и спешка, дрожь или избыточное напряжение. Выбрать удобное положение, выровнять дыхание, прицелиться, рассчитать траекторию, сделать поправку на погодные факторы... А вот если не получится, тогда... Впрочем, тогда уже смысла не будет в истериках. Может, и самого Кена не будет, но это уже так, нюансы.

Во время похорон Эдна бросала на него настороженные взгляды, но не нашла повода для новых упреков. Он был угрюм и молчалив, что вполне соответствовало ситуации, и даже не морщился, когда она рассказывала, что Джессике стало плохо и пришлось оставить ее дома, напоив успокоительным. Переигрывала, но ей поверили. Взынченность госпожи Кроули и то, как она спешила закончить все церемонии, тоже списали на беспокойство о внучке.

Людей на кладбище собралось немного. Соседи, несколько подруг и знакомых, с десятков городских кумушек, посещающих все без исключения похороны. Майк пришел с женой, хоть оба они почти не знали Крис, зато хорошо знали Фаулера, и, наверное, следовало понимать их присутствие как дружескую поддержку.

Эрик Грайн конечно же был. Выглядел он неважно, словно не спал и не ел с тех пор, как увидел Крис тогда, в ванной. Топтался в стороне, и при взгляде на него Кен чувствовал себя немного неловко оттого, что сам стоит у могилы, рядом с Эдной, словно член семьи, а мужчина, с которым Кристин планировала будущее, наблюдает прощание издали. Но, когда все разойдутся, Эрик наверняка останется.

Они уже расходились, эти все. Перед тем как покинуть кладбище, подходили к Эдне, обнять или похлопать по плечам не решались, но без обязательного «держитесь» и «обращайтесь, если понадобится помощь» не обходилось. Фаулеру кивали, на Джо поглядывали с любопытством. Она сменила привычные брюки на черное платье-футляр и волосы собрала по-другому, и это заметили. Как и то, что она ни на минуту не отпускала руку Фаулера.

— Бедняжка Джесси, — посочувствовала подошедшая к Эдне молодая женщина. — Может быть, Монике заглянуть к ней попозже?

По ее вопросу лейтенант догадался, что перед ним мать той самой подруги, у которой Джессика была накануне. Свидетельница, которую хотелось расспросить, но он не мог себе этого позволить.

— Не стоит. — Эдна покачала головой. — Мы уедем сегодня в рыбацкий домик. Джесси нужен покой.

— Уезжаете из города? — обеспокоенно переспросила мама Моника. — Но ведь обещают шторм.

— Переждем там. Дом хорошо защищен.

Эдна Кроули не обманывала и действительно собиралась уехать, чтобы скрыть похищение внучки. Успела даже связаться с начальством на материке и договориться об отпуске на неделю, спустя которую, как она надеялась, девочка вернется домой.

Одним из последних подошел Майк. Высказал соболезнования Эдне, поздоровался с Джо, пожал руку Кену. Посетовал, что давно не встречались «как раньше», и предложил исправить это сегодня же.

— Приходи на ужин. Сэнди, — он кивнул на оставшуюся в стороне жену, — будет рада. И мальчишки.

Кен отказался. Из-за мальчишек. Из-за Сэнди и самого Майка. Любой человек на острове, хоть сколько-нибудь близкий лейтенанту Фаулеру, мог оказаться под угрозой. Довольно уже Крис и Джессики.

И того, что Джо рядом.

Хотя, если быть честным, он был рад, что она не согласилась уехать на материк. Ее присутствие не позволяло смириться и опустить руки. И Джо могла помочь. Только Джо и могла.

— Какой у тебя план? — спросила она, когда они вышли за кладбищенские ворота и сели в машину.

Он не говорил, что у него есть план. Только рассказал о Джессике, о записке, о реакции Эдны. О том, что ни в доме, ни на конверте не почуял ни запахов, ни иных следов похитителя. О том, что не может рисковать жизнью девочки и продолжать поиски ни тайно — кто знает все возможности менталиста? — ни тем более в открытую. Про план Джо сама догадалась, и он у Кена действительно был. Возник в тот миг, когда он, раз за разом прокручивая в уме варианты развития событий и не находя выхода, уже почти впал в отчаяние. А потом вспомнил...

— Нужно проверить... — Завел мотор. — Проверить, и если он не потерялся...

Не хотелось заранее обнадеживать себя, иначе разочарование будет слишком горьким. Впрочем, у разочарований не бывает иного вкуса. Тем не менее Фаулер предпочел отложить обсуждение своей задумки, пока не убедится, что у него есть все, что нужно для ее осуществления. И старался не спешить. Если кто-то наблюдает за ним, пусть думает, что он сдался и послушно самоустранился.

По дороге он остановился у магазина и домой приехал с двумя полными пакетами, но тащить их на второй этаж не стал.

— Миз Кук! — прокричал, ногой толкнув дверь квартиры на первом.

— Кенни? Это ты?

Почтенная домовладелица бодро выбежала из комнаты, но в прихожей вспомнила о своих преклонных годах и, сгорбившись, схватилась за поясницу.

— Я купил вам продукты, — отчитался Фаулер, не дожидаясь второго акта представления.

— Я просила? — удивилась старушка, распрямляясь.

— Нет. Но идет шторм, а я буду не здесь и не хочу, чтобы в мое отсутствие вы в непогоду выходили из дому из-за того, что вдруг захотите лакричных конфет.

— О! Ты привез мне конфеты?

— Конфеты, печенье, грудинку, вяленые томаты, консервированный суп...

— Цикорий?

— Э-э... нет...

— Прекрасно! — Миз Кук с облегчением вздохнула. — Терпеть его не могу. А за грудинку спасибо. И за печенье. Приглашу Милдред на чай... Пусть бы и в шторм. Дорогу перейти недолго, а ее гушу никаким ураганом не снесет. Так ведь?

Фаулер тактично промолчал, но подруге его квартирной хозяйки, весьма упитанной даме, живущей в доме напротив, ветер и правда был нестрашен.

— А ты? Почему тебя не будет? — спохватилась миз Кук. — Куда-то уезжаешь?

— Я...

— Кен живет сейчас у меня, — заглянула в квартиру ожидавшая его на площадке Джо.

— Правда? — оживилась старушка. — Хо-хо... И что, это уже не секрет?

— Ничуть, — заверила ее Джо. — Напротив, если кто-то поинтересуется, где искать

Кена, сразу отправляйте его в башню.

— Чудесно, чудесно... Милдред придется раскошелиться. Пари — это святое.

— Даже знать не хочу, о чем вы спорили, — пробурчал Фаулер.

— И не надо, — радостно согласилась миз Кук, подтолкнув его к двери. — Иди, милый, иди. Спасибо за конфеты... А Джоан я скажу еще пару слов...

Прозвучало это немного зловеще, и кого другого наедине с довольно потирающей сухонькие ручки хозяйкой Кен не оставил бы, но за Джо был спокоен. Почти. Поднявшись до половины лестницы, он остановился и прислушался.

— Надолго не задержу, дорогуша, — сладко пообещала миз Кук. — Только дам небольшой совет. Прошлой ночью вы знатно пошумели наверху, а женщине... Нехорошо женщине быть настолько громкой...

— Учту, — ровным голосом отозвалась Джо. — В следующий раз постараюсь вести себя прилично.

— Ох, при чем тут приличия? — тихонько рассмеялась старушка. — Я о том, что не стоит так явно давать знать мужчине, что тебе все нравится. Пусть продолжает стараться. И вообще, пусть будет уверен, что ему это намного нужнее, чем тебе. В противном случае у мужчин начинаются проблемы с памятью: они напрочь забывают дорогу к цветочному ларьку, парфюмеру и ювелиру.

Вот вам и почтенная старая дева. Впрочем, отсутствие мужа еще не говорит об отсутствии опыта в любовных делах. Зачастую замужество как раз таки ограничивает подобный опыт.

Джо полученный совет тоже удивил. Она даже с достойным ответом не нашлась, что бывает нечасто, только уже нагнав Кена и войдя за ним в его квартиру, заметила отстраненно:

— А серьги у нее бриллиантовые.

— Угу, — подтвердил он, решив умолчать, что украшения — часть гарнитура, который миз Кук иногда надевала по праздникам.

Бурное прошлое домовладелицы его не интересовало. Как и любое прошлое в целом. Нужно было думать о настоящем и заботиться о будущем.

Фаулер вывернул на пол содержимое корзины с грязным бельем и выудил из вороха тряпья брюки, в которых был позавчера. Сунул руку в карман... Тот оказался пуст, и пальцы неприятно кольнуло. Пришлось сжать их в кулак и приказать себе не психовать прежде времени: карман ведь не один.

Найденный во втором лоскуток был сейчас ценнее всех драгоценностей миз Кук. Фаулер бережно подал его Джо.

— Это — план. Если ты согласишься.

Джо подержала кусочек испачканной ткани под носом, и в прищуренных синих глазах блеснули хищные огоньки.

— Кровь? Джессики?

— Она зацепилась за гвоздь...

— У тебя есть карта острова?

Она не сказала, что согласна. Но если бы нет, то и не спрашивала бы ни о чем.

— Карта? — Фаулер огляделся. — Возможно, в столе завалилась. Или в книжном шкафу...

— Вечно у тебя все валяется, — вздохнула Джо и принялась собирать в корзину разбросанные им вещи.

В ее словах и действиях не было показательного упрека — лишь привычное желание упорядочить все вокруг себя. Проживи она в этой квартире хотя бы неделю, карта отыскалась бы в считанные секунды, а так прошло минут пять, прежде чем Кен признал, что быстрее и проще смотаться в магазин и купить новую.

— У меня дома есть, — отмахнулась Джо с таким видом, словно с самого начала понимала тщетность его поисков. — Все равно здесь...

— Кенни! — перебил ее окрик с первого этажа. — Если уезжаешь, отключи телефон! Вчера он трезвонил весь вечер и сегодня с утра... Слышишь?

— Да, миз Кук! Выключу! — прокричал он в ответ и тут же выдернул из розетки телефонный кабель. — Так что здесь? — обратился к Джо.

Она поморщилась:

— Слишком хорошая слышимость. Едем?

Причин задерживаться не было.

В машине, когда Фаулер свернул на ведущую к башне улицу, Джо коснулась его плеча. Словно током ударило — несильно, но ощутимо.

— Не та дорога, Кен. Я же сказала: у меня дома.

Он промолчал, чтобы не выдать удивления. Просто развернулся на следующем перекрестке.

Если бы он попытался вспомнить, как давно перестал считать дом родителей Джо и ее домом, вряд ли ему удалось бы. Она съехала оттуда сразу после окончания школы. Сняла комнату на другом конце города, оплачивала ее сама, подрабатывая то в библиотеке, то на заправке. После писала какие-то статьи и отсылала на материк, в университет, где училась заочно: страницы непонятного текста и еще более непонятные формулы и чертежи, Кен даже не старался вникнуть в их суть — не песьего ума дело, — но за это неплохо платили, и комната сменилась уютной квартиркой. Злопыхатели или просто недалекие люди приписывали Джоан Гарнет обеспеченных любовников, кого-то из городской верхушки или неведомых толстосумов с материка, — принять такое было проще, чем поверить в наличие у вздорной девчонки ума и выдающихся магических способностей. Говорили, она потому и сбежала из-под родительской опеки — чтобы не мешали водить мужчин. Джо сплетни не тревожили. Как обычно. А Кен бесился, хоть и знал, что все это — ложь. Злился и на болтунов, и на саму Джо, не понимая, зачем ей понадобилась эта демонстрация самостоятельности. Родители и братья ни в чем ее не ущемляли. Младший ребенок, единственная девочка — она родилась, чтобы быть всеобщей любимицей, и не знала отказов. Наверное, если бы и впрямь завела себе десяток любовников, ей и это простили бы. Так отчего не жить с семьей? Хоть питалась бы нормально, ведь готовить при всех своих талантах Джо никогда не умела.

Сейчас же, вспомнив ее недавние откровения, Фаулер подумал, что со стороны Джо переезд от родителей был своеобразным актом милосердия. Если в какой-то момент она действительно перестала нуждаться в их любви и уже ничего не могла дать взамен...

Да и дом был маловат, как вдруг выяснилось. В воспоминаниях Кена он выглядел гораздо больше.

— Это ты был гораздо меньше, когда приходил сюда в последний раз, — улыбнулась его замечанию Джо.

Дверь открыла своим ключом. Комнаты отозвались тишиной. И пустотой.

— Родители с весны живут у Дэвида. На ферме им лучше. Мать возится с правнучкой, а отец... В общем, я присматриваю за домом. Заезжаю иногда.

— Ты не говорила.

— Вот, сказала.

Комната Джо тоже разительно отличалась от того, что помнил Фаулер, и не только потому, что он вырос, а помещение — нет. Исчезли цветастые обои, с полок — модели кораблей, со стен — плакаты и вырезки из журналов. Теперь тут царил идеальный порядок, почти как в башне. Идеальный и бездушный.

В башне это чувствовалось не так остро. Следовало поехать туда, вряд ли в архиве не нашлось бы карты.

— Башня мне мешает, — сказала Джо, хоть ее ни о чем не спрашивали. — Ее магия. Как и любая сторонняя сила. Думала, ты в курсе.

— Я в курсе.

— Значит, посиди в стороне и не лезь под руку.

Карту она уже нашла. Вернее, даже не искала — с ходу открыла нужный шкафчик и достала. Расстелила на полу, а Фаулеру кивнула на кровать.

— Мы не обсудили, — начал он, не спеша садиться. — Я не маг, но представляю, чего это стоит...

— Угостишь меня обедом. Потом. А сейчас сядь и помолчи.

Она и сама села — на пол, спиной к нему. Склонилась над картой, ткнула пальцем в какие-то точки, видные только ей. Замерла. И замерцала. Несильно пока, едва-едва, но Кен видел... Он хорошо видел любые возмущения силы и Джо не раз наблюдал за работой, будь то ведовство или структурная магия, однако ничего настолько сложного она прежде не делала. При нем. Однажды вела похожий поиск на ограниченной территории, но то было скорее развлечением, хоть и отобрало у нее немало сил. Сегодня же Кен обоснованно боялся, что обедом не обойдется.

Место, которое ему отвели, сложно было назвать удобным наблюдательным пунктом, но сменить его, когда уже плелось заклинание поиска, пес не рискнул. Пришлось отклониться в сторону и вытянуть шею, чтобы все рассмотреть.

Джо занесла руки над картой, указательные пальцы, на кончиках которых сосредоточилась магическая энергия, сошлись над верхней — северной — точкой острова. Затем, медленно разводя руки в разные стороны, Джо обвела очертания Карго-Верде. Карты она при этом не касалась, пальцы повторяли изгибы побережья в воздухе, а в тот миг, когда они снова встретились и замкнули контур, нарисованный остров взмыл вверх и завис в паре футов от пола.

В первые секунды он напоминал плоский блин с неровными краями, но чем ярче становилось окружающее Джо сияние, тем четче проступал рельеф. Холмы, овраги, дороги, поля... Деревья и кустарник. Строения... Джо растягивала руками выбранный фрагмент объемной полупрозрачной карты, увеличивала масштаб и по памяти, должно быть, прорисовывала местность. Город она воссоздала вплоть до развалин мукомольни на западной окраине. Потратила на это почти четверть часа и, по мнению Кена, неоправданно много сил. Зачем такая конкретика сейчас? Не лучше ли сначала отыскать Джессику и уже вокруг нее, и только там, выводить дома и улицы?

Он сказал это вслух, а в ответ прилетело сердитое:

— Заткнись, а?

То ли существовала определенная последовательность, которую нельзя было нарушать, то ли Джоан Гарнет категорически не слышала голоса разума, когда он звучал со стороны, а не в ее голове.

Закончив наконец с макетом, вновь уменьшенным до первоначального размера, она достала испачканный кровью лоскуток. Холодный голубой свет, такой же, как тот, что окружал саму Джо, тонкими иглами лучей вонзился в ткань и пришил лоскут к воздуху.

Холодный. Это относилось не только к цвету, в который для Кена была окрашена смешанная с природными началами структурная магия. Стало действительно холоднее,

словно творимое тут заклинание помимо энергии потоков и собственных сил Джо тянет тепло из прогретой бьющим в окно солнцем комнаты. Или без «словно»: тепло — тоже энергия...

Пес поморщился, повел плечами, прогоняя из тела озноб, и пропустил момент, когда клочок юбки Джессики отлетел за ненадобностью в сторону, а над парящей копией Карго-Верде повисло едва различимое облачко бурой пыли. Высохшей крови было слишком мало, но для мага-структурника это не проблема — всего лишь вопрос времени. И сил конечно же. Джо понадобилось около десяти минут, чтобы разобрать состав и восстановить недостающие элементы. Кен слышал, что структурники, избравшие основным направлением медицину, способны не только воссоздать потерянную при ранении кровь, но и вырастить новый орган или конечность. Ходили такие слухи.

Но Джо не была целителем, и полноценный заменитель живой крови в данном случае не требовался. Напитавшееся влагой облачко разрослось и потемнело, стало грозовой тучей. Сверкнули в кровавом сгустке разряды магических молний, и на иллюзорный остров пролился дождь. Алые капли растекались по поверхности макета, и прочерченные ими дорожки сплетались в густую сеть — живую, словно копия Карго-Верде обзавелась действующей кровеносной системой. Артериями, по которым кровь продвигалась со стремительными толчками. Венами, где она становилась гуще и медлительнее. А между широкими протоками крупных «сосудов» растянулись бесчисленные капилляры.

Остался последний шаг — найти сердце, руководившее движением крови. Но еще до этого Кен с облегчением вздохнул, поняв, что где бы то ни было, но сердце это все еще бьется, а значит, Джессика жива. И если они узнают, где именно ее прячут...

Поисковая сеть вдруг дернулась и распалась. Разлилась бесформенной лужей, и Джо лишь в последний момент успела подставить ладони, чтобы не дать ей выплеснуться на пол.

— Твою ж мать! — ругнулась сквозь зубы.

— Что?..

— Ничего, — огрызнулась она. — Не удержала. Сейчас повторю.

Лица ее Фаулер не видел, но не мог не заметить, как удрученно поникли плечи. Протянул руку, чтобы дотронуться до ссутулившейся спины, погладить ободряюще, но сначала пальцы кольнуло морозом голубого свечения, а затем и Джо раздраженно дернулась, уклоняясь от его прикосновений.

— Не тронь! — рыкнула зло.

Снова сконцентрировалась на плетении сети, замерцала сильнее. Холодом потянуло так, что Кену захотелось закутаться в покрывало. И это при том, что морские псы довольно легко переносят перепады температуры.

Обновленная сеть продержалась еще меньше, чем предыдущая. Лопнула, будто стенки сосудов не выдержали подскочившего давления. Залитый кровью Карго-Верде смотрелся зловеще.

— Что-то мешает, — пробормотала Джо. — Шторм уже близко, из-за него, наверное...

— Если так, не трать силы впустую.

Она обернулась. Взгляд был ледяным, как и мерцающий воздух вокруг нее.

— Я же просила не твякать!

Он не обиделся. Самую малость, быть может. А вот пар, вырывающийся из ее рта со словами, отметил, как и неестественно бледное лицо и посиневшие губы.

— Заканчивай, — сказал строго.

Девочка жива — это они узнали, уже хорошо. А поиск можно продолжить и другими

способами.

— Закончу, когда сама решу!

Угу. Когда совсем окоченеет от своей магии. И не переспоришь же!

Но спорить Кен и не собирался. Рывком поднял упрямыцу с пола и развернул к себе.

— Все. Хватит.

Казалось, в руках его не человек, а ледяная скульптура, и, чтобы избавиться от этого ощущения, а заодно и растопить эту сердито сопящую ледышку, пес разбудил в себе пламя оборота и, не давая ему разгореться в полную силу, прижал Джо к груди. Она попыталась вырваться, но лишь в первые мгновения, а затем сама притиснулась всем телом и вцепилась в его плечи, ногтями царапая даже через одежду. Исходящий от нее холод ожег кожу, пробрал до костей, а лоб и переносицу свело болью, как бывает, когда откусишь зараз слишком много мороженого. Кен прикусил губу... и не почувствовал. Ни зубов, ни губ. Ни рук, ни ног, ни биения собственного сердца. А потом...

Потом он, кажется, потерял сознание. Хотя не факт. Возможно, просто умер.

Очнувшись, Фаулер понял две вещи. Первое: с «умер» он явно поторопился. В теле еще ощущалась слабость, но и само тело, на счастье, ощущалось, даже пальцами на ногах получилось пошевелить. Второе: в отключке он провалялся долго, раз на улице успело стемнеть.

Лежал он там же, где упал, — на полу. Джо силенок не хватило бы перетащить его на кровать. Но одеялом укрыла и подушку под голову подсунула, а сама примостилась рядом. Повернувшись на бок — движение было неприятно, — Кен встретился с ней взглядом. Темнота не мешала морскому псу видеть, только приглушала цвета и не скрывала влажного блеска в глазах Джо.

— Плачешь? — Горло саднило, словно простуженное. — Никогда не видел, чтобы ты плакала. Наверное, есть серьезная причина?

— Идиот, — вздохнула она.

— Идиоты — не причина для слез.

Он пытался свести все к шутке, но получил тычок в живот.

— Ты когда-нибудь будешь слушать, что я тебе говорю? — напала с упреками Джо. — Если сказала сидеть и молчать, нужно сидеть и молчать. Сказала, не трогать меня — значит, не трогать! А ты что?

— Что?

Она сникла. Отвела глаза.

— Прости, — прошептала виновато. — Я не хотела. Не хотела тянуть из тебя силы, но это сложно контролировать. Все равно что дать себе умереть от жажды, стоя по грудь в пресной воде...

— Угу. Или замерзнуть, когда рядом есть такой теплый пес.

— Глупый и непослушный пес, — проворчала Джо.

— Есть такое. Но ведь теплый?

Он хотел, чтобы она улыбнулась, и она улыбнулась:

— Почему бы еще я лежала с тобой на полу, когда у меня есть кровать?

— Греешься? — Сгрел бы ее в охапку, притянул поближе, но мышцы ныли даже в покое, предупреждая, что за минутную нежность придется расплачиваться болью. — И только? А мне показалось...

— Тебе показалось, — перебила она резко.

— Как скажешь, — согласился он, но это не помогло.

Джо нахмурилась, а потом вообще повернулась к нему спиной.

— Обязательно это делать, да? — спросила недовольно.

— Это?

— Это, Фаулер. Это. Не притворяйся, что не понимаешь. Я потому и не хотела ничего менять между нами.

— Жалеешь?

— Нет. Но ты скоро начнешь. Потому что тебе до сих пор нужно то, чего я тебе никогда не дам. Просто не смогу, понимаешь? Даже притвориться, потому что я не помню, как это.

— Когда ты плакала из-за меня, было очень похоже.

— Я испугалась, — призналась она. — Ты мог не выдержать. Моя магия бывает опасной. Мне вреда не причинит, а другим...

— Просто быстрый отток сил, — успокоил Кен. — Со мной такое бывало, к утру приду в норму.

Джо словно не слышала его и продолжала говорить:

— Я всегда боялась навредить кому-нибудь. Особенно тебе. Самый большой мой страх... — Она умолкла, словно вспомнила что-то. Когда опять развернулась, на лице ее застыло задумчивое удивление. — Я ведь уже говорила тебе это?

— Что боишься случайно навредить людям?

— Не людям. Тебе, Кен. Людей много, а ты один, — прозвучало почти как признание в чувствах, которых Джо, по ее словам, ни к кому не испытывает, и, сообразив это, она недовольно поморщилась. — Только не начинай снова, ладно? Я уже пыталась объяснить, как к тебе отношусь. Не так, как к другим. С другими... С ними проще, если честно. Понятнее. Как с документами в каталоге: смотришь на человека и сразу понимаешь, в какую папку его подколоть. Даже если мое мнение неправильное, оно основывается на беспристрастном анализе фактов, а не на каких-то эмоциях. Эмоции мешают.

— Со мной мешают?

— Безумно. Иногда ты меня бесишь так, что хочется тебя придушить. Сейчас, например. Тебе нужно отдохнуть, а не болтать о всякой ерунде.

— Это не...

— Спи.

И он уснул.

Снился ему архив — самый первый этаж башни, где за огромным столом сидела Джо, окруженная каталогизированными людьми. Они были повсюду тут: уныло-серые скоросшиватели с копиями гражданских актов или расставленные по годам выпуски парламентских бюллетеней в похожих на полицейскую форму синих обложках, подшивки протоколов заседаний городского совета, местные постановления и распоряжения и гордо отсвечивающие печатью с короной общеимперские приказы...

Джо была счастлива такому соседству, и ей никого не хотелось душить. Разве это не прекрасно? Но она все равно посматривала то на дверь, то на телефон, словно ждала еще кого-то...

— Телефон! — выпалил Фаулер, открыв глаза. Уставился на расчерченный тенями

потолок, с усилием удерживая в сознании возникшую во сне мысль.

— Телефон? — переспросила разбуженная его возгласом Джо.

— Он звонил... Мой телефон, миз Кук сказала. Утром меня разыскивала Эдна. А с вечера?

— Мм?

— Вдруг это Руби? Я совсем забыл, что он должен позвонить. Возможно, ему удалось узнать что-то интересное.

Только как с ним теперь связаться втайне от менталиста, которому ничего не стоит влезть в голову телефонисткам и приказать прослушивать все разговоры Фаулера? Да и один визит на телефонную станцию может посчитаться нарушением выдвинутых похитителем условий.

— Что бы ты без меня делал? — Джо протяжно зевнула. — Свяжемся мы с твоим Руби. Утром. А сейчас спи уже, а то сил не хватит...

— На что?

— Коробку тащить, — пробормотала она и, прежде чем он успел спросить еще о чем-то, закрыла глаза и мерно засопела ему в плечо.

ГЛАВА 21

Оборотни восстанавливаются быстро, и поутру Фаулер почти не ощущал последствий вчерашнего происшествия. А может, и подбирающийся к острову шторм помог. Неизвестно, как сказались бы буйство стихии и магии на уроженцах материкового севера, вольфах и берах, но морские псы звались морскими не только за перепонки на лапах и любовь к купанию: если в действительности они и не вышли на сушу из темных глубин, как гласили легенды, с морем были связаны крепко и в штормах черпали силу.

Ведьмы и маги на шторм реагировали каждый по-своему. Что до Джо, тут вообще ничего нельзя предсказать, бывало по-всякому, но в этот раз чувствовала она себя, кажется, неплохо. Даже завтрак приготовила — что странно, не только съедобный, но и вкусный.

Заподозрив, что это матушка Гарнет неожиданно вернулась в город, Кен принял, но в доме не было свежих запахов других людей. А омлет с ветчиной и сладким перцем тем не менее был восхитителен. И на зубах ничего не хрустело.

— Да, я научилась отделять яйца от скорлупы, — подтвердила Джо, заметив его удивление. — А то, что случайно упало, отфильтровала магией. Соли было много, и ее тоже отфильтровала. Поэкспериментировала с количеством добавок, сочетанием специй и консистенцией смеси, а после выбрала наилучший вариант.

— Идеальная формула омлета? Не жалко тратить силы на ерунду?

— Жалко, — согласилась она, но объяснять ничего не стала.

Кен решил, что лучше спросить, как она планировала устроить ему разговор с Руби.

Утро выдалось прохладным и пасмурным, день обещал быть еще и ветреным, а ночь могла уже принести с собой шторм. Если повезет, тот задержится немного и накроет остров завтра к полудню, но в любом случае времени оставалось мало, а идей в запасе — еще меньше. Ни одной, если точно, и любая информация в такой ситуации пригодилась бы, потому и хотелось верить, что обещание Джо и непонятные слова о коробке ему не приснились.

— Есть коробка, — усмехнулась Джо. — Покажу, когда приедем в башню.

— И что в той коробке?

— Потом расскажу.

Дорогой она и вскользь не намекнула, что же это за коробка. Точно так он вчера молчал о своей задумке, пока не убедился, что не потерял лоскуток с кровью, и Джо, видимо, решила отомстить. Не только за то молчание. Фаулер слишком поздно понял, что женщина, не пожалевшая магического резерва на то, чтобы приготовить ему завтрак, ждала похвалы и благодарности, а не упреков в бессельном растрачивании энергии.

Но коробка и правда была. Стояла между шкафами на самом первом этаже башни. Не слишком большая, не слишком тяжелая, и тащить ее нужно было недалеко — из архива в мэрию.

— Давно собиралась ее туда отнести, даже секретаря предупредила, и вряд ли кто-то усмотрит что-то подозрительное в том, что я попросила тебя мне помочь.

— Так что в коробке? — повторил свой вопрос Кен.

Джо пожала плечами.

— Документы, — отмахнулась беспечно. — Лучше спроси, что в мэрии.

— Что в мэрии?

— Подвал.

— И?

— Во время войны там оборудовали убежище. Для избранных, так сказать. Вместительность помещений небольшая, но перекрытия укреплены неплохо, вентиляция исправная, имеется запас воды и консервов, медикаменты, средства индивидуальной защиты... И автономный узел связи — радиоточка и телефон, не связанный с коммутатором острова. Использовали резервный кабель, проложенный параллельно основному. Оборудование, насколько я знаю, исправно, нужно только подать напряжение на пульт. Там вроде бы есть рубильник или что-то в этом роде... Ты ведь разберешься?

Он неуверенно кивнул. Разобраться-то разберется, но...

— Все это реально существует? — спросил с сомнением. — Похоже на городские байки.

— Существует, точно знаю. Забыл, что я уже второй год официально являюсь сопредседателем городского совета?

— Почетным, — вставил пес. — Никогда не считал это настоящей должностью.

— Я тоже. Но бункер под мэрией настоящий, поверь. И телефон, о котором мало кто знает. Сомневаюсь, что менталист успел до него добраться.

Фаулер обдумал услышанное. Информация внушала оптимизм: с неучтенным способом связи они могли не только с Руби пообщаться, но и сообщить о менталисте в имперскую службу безопасности. Если не останется иного выхода, разумеется.

— Как мы попадем в бункер? — поинтересовался он у Джо. — Я ведь правильно понял, известно о нем немногим? Значит, вход должен быть замаскирован, а дверь надежно заперта.

— Естественно. Я сама узнала о нем почти случайно. После почетного избрания в совет мне выделили каморку в мэрии. Кабинет, как они это гордо называли. — По тому, как Джо брезгливо скривила рот, живо представлялся тесный чулан с затянутыми паутиной углами и тусклой лампой под потолком. — Человек, который занимал его до меня, оставил в столе кучу хлама. Можно было выбросить все, но я решила сначала просмотреть бумаги и убедиться, что в них нет ничего важного. Нашла парочку чертежей и сметы, в которых фигурировали значительные суммы, а это — деньги города, между прочим, и мне стало интересно, на что ушли такие средства, еще и во время войны...

— И ты спросила нашего дорогого мэра, — догадался Кен. — Это с тех пор он так перед тобой лебезит?

— Разве? Не замечала. Да и зачем ему? Формально никаких нарушений не было, деньги пошли по назначению, убежище на случай авианалетов построено... А то, что воспользоваться им смогли бы немногие, — уже нюансы. И не было ведь никаких налетов. Часть запасов после войны раздали нуждающимся, медикаменты передали в больницу. Оставили в бункере кое-что, но, если до истечения срока годности лекарства и консервы не пригодятся, город опять проявит щедрость.

— То есть от твоих расспросов все-таки был толк?

А ему и слова не сказала. Как и о том, что Белла Паркс занимается контрабандой нелегальных артефактов, и кто знает о чем еще... Он не обижался, даже с лучшими друзьями не делится чужими секретами, но получалось, что Джо таких секретов знала слишком много. Может, в этом и заключается истинное предназначение городского архивариуса и «почетной» главной ведьмы?

— Двери там запираются, да, — сказала она, пропустив его последний вопрос мимо ушей. — Та, что ведет в подвал, — на обычный замок, его и без ключа открыть несложно, а бронированная, в бункер, — на кодовый, как сейф. Код я знаю.

— Его могли сменить.

— Без меня не могли, — уверенно ответила Джо. — Так что, если хочешь застать своего приятеля дома, советую поторопиться, пока он не уехал в редакцию или на какое-нибудь интервью.

Маловероятно, чтобы Уоллес Руби вышел из дома до полудня, писать он предпочитал ночью, а после долго отсыпался, и звонку в восемь утра точно не обрадуется. Но позже в мэрии будет полно народу.

Значит — сейчас.

Сидевший на входе охранник встрепенулся при открытии двери, но, увидев, кто пришел, схватил со столика газету и уткнулся в нее носом, нимало не смущаясь того, что читать приходится вверх ногами.

— Я тоже счастлива тебя видеть, Дон, — лучезарно улыбнулась Джо.

В коридорах, как и ожидалось, было пока еще пусто, и господин градоначальник на рабочем месте отсутствовал — не только репортеры любят поспать по утрам, — а его секретарь, еще нестарый, но уже совершенно лысый мужчина «обрадовался» посетителям не меньше охранника.

У Джо и для него нашлась улыбка:

— Доброе утро, Клиффорд. Я принесла бумаги, как и обещала. Договоры аренды, планы земельных наделов... Помните? Только не успела все разобрать, но вы же не откажетесь мне помочь?

Секретарь тут же вспомнил о горе невыполненных заданий от своего патрона и рассыпался в неискренних извинениях.

— Какая жалость, — весьма натурально вздохнула Джо. — Может, Элис найдет для меня полчаса, когда появится? Или Сара? Спросите у них, пожалуйста. Или пришлите кого-нибудь еще.

План был дерзким и простым, как все гениальное: чем больше людей узнает, что миз Гарнет требуется помощь с документами, тем меньше будет желающих заглянуть к ней. Одним не нравилась сама Джо, другим — ее въедливость в работе, третьи в принципе не любили работать. Но Джо перестраховалась и, дойдя до середины коридора, в конце которого располагался ее кабинет-чулан, набросила на стену заклинание, похожее на то, каким защищала от посторонних облюбованный пляж. По счастливой случайности вход в подвал находился в этой же, огороженной сейчас части здания.

— Заноси. — Джо открыла дверь и пропустила Кена вперед.

Комнатушка, и впрямь тесноватая, как и любое помещение, хотя бы временно оказывавшееся во владении Джоан Гарнет, пребывала в идеальном порядке.

Лейтенант поставил коробку на стол, приметил в стакане с карандашами шило, которым прокалывали для сшивания бумаги, вынул и показал Джо. Она согласно кивнула. У двери в подвал пыталась шило отобрать, но Фаулер не отдал: открывать замки без ключей он тоже умел.

— В полицейской академии научили? — поддела Джо.

— Да, — ответил он честно.

Внизу было темно, но оборотню это не мешало, а ведьма неплохо ориентировалась по памяти. У бронированной двери в бункер пришлось пропустить ее вперед, хотя Кен справился бы и с этим замком. Механический, с наборными дисками, он издавал негромкий щелчок всякий раз, как выпадала правильная цифра кодовой комбинации, и слух морского пса легко уловил бы этот звук без специальных приспособлений. Но Джо знала код и справилась быстрее.

Воздух в убежище пах металлом и камнем, затхлостью немного, рождая сомнения в исправности вентиляции, а после того, как включился свет, коллекция ароматов пополнилась теплым винилом: где-то перегревалась проводка... Однако осматриваться и выскидывать все недочеты было и некогда, и незачем. Да и Джо не позволила бы: сразу от входа схватила за рукав и потащила к двери, за которой скрывался узел связи.

Электричество провели и сюда, после щелчка выключателя вспыхнули лампы на

потолке, но питание коммутатора было отключено. Впрочем, включение много времени не потребовало.

Когда загорелись лампочки на пульте, Джо натянула наушники и указала Фаулеру на стоявший тут же аппарат. Выглядело так, словно она хорошо знает, что делать, а откуда — вопрос сейчас лишний.

— Обойдемся без обходных маневров, — сказала, недолго подумав. — Попробую сразу связать тебя со столицей, а дальше уже сам. Номер помнишь?

— Вовремя ты решила уточнить, — усмехнулся Кен.

Номер он помнил отлично, и если бы автоматические телефонные станции работали без сбоев, в квартире Уоллеса Руби уже звонил бы телефон. Но, увы, автоматика худо-бедно соединяла абонентов внутри одного населенного пункта, а с другими до сих пор надежнее было связываться через телефонисток. Джо, как будто всю жизнь была одной из них, уверенно вставляла штепсель то в одно, то в другое гнездо, отыскивала свободную линию и прощбетала в микрофон, идеально копируя девушек с переговорного пункта:

— Оплаченный вызов без лимита по времени, соединяю.

— Можно говорить? — спросил ее Фаулер.

— Можно, — незнакомым, но приятным женским голосом ответила ему телефонная трубка. — Я вас слушаю...

Он назвал номер, а затем напряженно вслушивался в тишину на другом конце провода.

— Простите, абонент не отвечает, — отозвалась трубка спустя минуту.

— Попробуйте еще раз, пожалуйста.

Если после всех ухищрений не получится поговорить с Руби, выйдет как минимум обидно.

В трубке что-то щелкнуло.

— Говорите.

Кен открыл рот, но его перебил недовольный рев разбуженного посреди зимы медведя:

— Какой, в задницу, междугородный вызов?! Кому нейметя?

— Фаулер, — коротко назвался пес.

— Чего? — снова взвыла трубка. Затем — тишина и сокрушенный вздох: — Ну как так-то, Кен? Я ведь точно помню, была у тебя совесть! И часы были...

— Прости. Позже связаться не получится. Но если тебе нечего мне сказать, можешь идти досыпать.

Зря он это ляпнул, с Уоллеса стало бы отключиться и завалиться обратно в постель, но повезло, и везение это тянуло на сенсацию: репортер оказался совестливее полицейского.

— Есть, — сознался он нехотя. — Сам тебе звонил вчера. В нормальное время, между прочим! Только тебя носило непонятно где.

— Прости, — повторно извинился Фаулер. — У нас тут... Много всего, расскажу потом. А пока — ты. Узнал что-то интересное?

— Вроде бы. Как по мне, для журналистского расследования вполне интересно. А для полицейского... Это уже тебе решать.

— Рассказывай. Коротко, если получится.

— Длинно и не собирался, — буркнул Руби. Видно, надеялся еще поспать. — Ты

спрашивал про опальных лордов. Так вот, по двум родам из трех — ничего стоящего. Сидят на своих островах, показаться лишним раз боятся. А третий... Хотя нет, сначала — о близнецах.

Джо, слушавшая разговор через наушники, вопросительно приподняла бровь: он не говорил ей, что подозревает в чем-то Адама, а то пришлось бы объяснять в чем, а этого Фаулер сам не понимал. Просто чутье. И не подвело, судя по всему.

— В Идвере нет психиатрических клиник, — сказал как отрезал Руби. И тут же добавил эффектно: — Но...

— Но? — поторопил Кен. Театральные паузы крали драгоценное время.

— В пригороде имеется санаторий, и один из корпусов отведен для пребывания пациентов с определенными проблемами. Как мне разъяснили, откровенных психов среди них нет, просто люди, пережившие тяжелые душевные потрясения и полностью от них не оправившиеся. В прошлом году Вивиен Кейдн прожила там семь месяцев. Пришлось побеспокоить давних знакомых, чтобы разжиться сведениями, так что мне даже фото ее переслали. И историю, само собой.

— И что там?

— На фото? Милое белокурое создание с затравленным взглядом. Девочка несколько недель пряталась в погребке и грызла сырой лук, так что неудивительно...

— А что удивительно? — Фаулеру не терпелось добраться до сути, а Руби пока только пересказал то, что ему и так было известно.

— Ее определил на лечение двоюродный дядя. Некий Габриэль Кейдн. Его же внесли в карточку девушки при поступлении в санаторий как единственного родственника и опекуна. А когда Вивиен переводили в лечебницу на Карго-Верде, об этом забыли, родственников у бедняжки прибавилось, и опекуном внезапно стал брат — Адам Кейдн... Ты уверен, что он ей действительно брат?

— Абсолютно.

Он видел их обоих и видел не только глазами. Помимо внешнего сходства Адама и Вивиен объединяло близкое кровное родство, и связь между ними была сильна — у близнецов именно так и бывает.

Джо тронула за руку, привлекая внимание. «Мальчик, которого не было», — прочел Кен по ее губам.

— Тогда продолжаем, — не оспаривал его мнения Руби. — И продолжаем говорить о жителях славного города Идвер. Ты же в курсе, что он славный, хоть и сравнительно небольшой и находится где-то на задворках империи? А все потому, что под ним, как говорят, проходит мощная энергетическая жила и особняки в центре давно выкуплены древней аристократией и магами. Даже парочка лордов имеет там сезонные резиденции. Но нас интересует только один из них — наследник третьего опального рода, лорд Стайн. Томас Энтони Стайн.

— Чем же он так интересен?

— Многим. Во-первых, то, о чем мы говорили в прошлый раз: Ликардия, заговор лордов. Лорд Томас остался в хорошем выигрыше после тех событий. До войны о нем практически не слышали и даже в собственной семье в расчет не брали, в очереди на место главы рода парень был едва ли не первый с конца. Но, когда несколько его родственников погибли во время якобы нападения на Архипелаг дарнийцев, лорд Томас вдруг сделался единственным претендентом. Хотя были и другие, но их, скажем так, попросили подвинуться.

— Попросили? И кто?

— Считаешь, многие могут позволить себе подобные просьбы? — вопросом на вопрос ответил Руби.

— Император? — догадался Фаулер. — С чего бы?

— Говорят, молодой лорд Стайн неплохо проявил себя во время войны. Почти дошел до Ликардии, кстати, и вроде бы был одним из тех, кто обратил внимание на ритуальные убийства. Предотвратить он, как ты помнишь, ничего не предотвратил, но, возможно, минимизировал в какой-то степени потери имперской армии. А заодно доказал, что никак не связан с поддерживающими заговор родственничками...

— Или попросту сдал их, — закончил Кен, поняв, куда клонит собеседник.

— Или так, — согласился тот. — Вряд ли мы узнаем. Мы ведь и о заговоре ничего не знаем — вдруг это всего лишь наши фантазии и все совпадения случайны? А что до участия императора в судьбе Томаса Стайна, для этого есть другие причины. Не может же его величество позволить любимой кузине выйти замуж за рядового лорда? Куда лучше — за главу рода, пусть даже в отдаленной перспективе.

— Любимая кузина?

— В прошлом году Стайн объявил о помолвке. Невеста — Аманда Алфорд-Дешон, дочь Лоуэлла Дешона, графа Монгери. Правда, незаконнорожденная. Ее мать была актрисой в каком-то провинциальном театре, а лорд Лоуэлл в те годы немало путешествовал по стране и страстно любил театры. И актрис... Но это уже лишние подробности. Главное, дочь он признал. Как чувствовал, что она пригодится кузену-императору, чтобы оказать честь герою войны и возвысить его род.

— Но не так чтобы большую честь и не слишком возвысить?

Уоллес Руби одобритительно хмыкнул:

— Соображаешь. Только в случае Аманды Алфорд-Дешон есть еще один нюанс. Сам в этом не копался, не моя сфера интересов, но есть информация, что леди Аманда — это Мэнди Стрекоза.

Джо прищурилась, что-то припоминая, да и Кен определенно уже слышал это имя. Но где и когда?

— Командир маленькой, но весьма активной диверсионно-разведывательной группы, — не стал испытывать его память собеседник. — Ребята во всех смыслах попили крови у противника. Работали на оккупированных территориях, а после, поговаривают, даже в Дарнию забрели и там пошумели. Но, в отличие от их операций, о самих членах группы мало что известно, кроме того что их было всего пятеро или даже четверо и руководила ими женщина с позывным «Стрекоза», а несколько раз в эфир просочилось имя — Мэнди. Поскольку информацию не рассекретили даже после окончания войны, можно сделать вывод, что группа до сих пор работает, вопрос только — где, или же имена диверсантов держат в тайне по другим причинам. Мои источники склоняются ко второму варианту. И если они не ошибаются, сложно сказать, действительно ли лорду Томасу оказали честь или же к нему приставили пожизненную охрану, дабы случайно не свернул на проторенную дядьями дорожку. Думаю, Стайн сам все это понимает, потому и тянет со свадьбой. Сначала писали, что у него проблемы со здоровьем. Вроде бы он получил ранение на фронте, но мы же помним, что на лордах все заживает как на собаках? Извини... А когда он уже перебрался из столицы в Идвер, в газетах появилась другая версия отсрочки. Романтическая. Дескать, как раз после ранения у Стайна случилось великое чувство. Девушка была то ли медсестрой, то ли доктором, он любил ее, она любила его... К слову, хороший ход: лорд и простолюдника. Читатели любят такое, но счастливой концовки в подобном сюжете не жди. Они планировали пожениться, но чуть ли не в день свадьбы в госпиталь угодил замагиченный снаряд и девушка получила осколок с отсроченным проклятием... Слышал же про эту мерзость?

— Угу, — промычал Фаулер, обменявшись с Джо взглядами.

— В общем, она умерла у него на руках, — закончил без патетики Руби. — Проплаченная сказочка, как по мне, но состряпана с умом. Было ли в жизни Стайна что-то мало-мальски похожее, не знаю. Не успел разобраться, только статейки те нашел, но зацепиться в них не за что. Фамилию девушки, разумеется, никто не упомянул, а по имени попробуй разыщи. К тому же имя выбрали распространенное...

— Мартина?

— О, так ты это читал?

— Да. Ты сказал, я вспомнил... Сам Стайн эту историю не подтвердил, как я понимаю?

— И не опроверг, — заострил внимание на данном факте репортер. — Ни он, ни его невеста тех статей не прокомментировали. Но и не поженились до сих пор. Леди Аманда до недавнего тоже жила в Идвере и иногда появлялась с женихом на публике, а когда я связывался с идверскими знакомыми по твоим вопросам, узнал, что она уехала из города. Официально — навестить родственников в столице. А что там на самом деле и вернется ли она — никто не знает.

— Уехала? — заинтересовался Кен. — Давно?

— Нет, я же сказал, всего несколько дней как...

— Ты ее видел? Сможешь описать?

— Зачем? — подозрительно уточнил Руби. — Впрочем, все равно ведь не скажешь... А видел я ее только на фотографиях. Красотка, как раз в моем вкусе. Да и вообще красотка — лицо, фигура... Ей сейчас около тридцати, но выглядит моложе...

— Блондинка или брюнетка?

— Блондинка.

«С короткой стрижкой?» — хотел спросить Кен, но промолчал: длина и цвет волос у женщин не имеют постоянных значений. А Уоллес подвизается на военных хрониках и политических новостях, глупо ждать от него подробного описания чьей-либо внешности, все-таки не воздушный бой и не пикет на крыльце Сената...

— Понятия не имею, что ты будешь со всем этим делать, но надеюсь, я хоть немного помог, — сказал Руби, заканчивая разговор. — Правда, не представляю, в чем именно.

— Однажды расскажу, — пообещал Фаулер. — Эксклюзив по-прежнему за тобой.

ГЛАВА 22

Похолодание не было неожиданным, о приближающемся шторме говорили давно, но все же к стылой промозглости раннего утра Марти оказалась не готова. Если в первый день на свободе ей было жарко в костюме, то сегодня хотелось, чтобы юбка стала длиною до пят, а у жакета появилась меховая подбивка. Тогда не пришлось бы дрожать от холода в ожидании автобуса.

Впрочем, дрожать Марти начала раньше, чем вышла из гостиницы. Намного раньше — еще вчера, когда, сидя у Бернис и ковыряя вилкой впервые самостоятельно заказанный пирог, поняла, что все-таки поедет в лечебницу. Что бы ни ждало ее там, ответы или новые вопросы, с этим нужно разобраться как можно скорей. Тогда и поселилась в теле мелкая нервная дрожь — то ли тревога, то ли предвкушение, а может, и то и другое сразу. Тревожное предвкушение, предвкушение тревог...

Оно отпустило ненадолго, когда Марти, побродив еще по городу, вернулась в свой номер, приняла ванну и вздремнула недолго, компенсируя ранний подъем. Но уже на закате заглянул вернувшийся от сестры Адам, и беспокойство напомнило о себе.

— Добрый вечер, Мартина. Не составите мне компанию за ужином?

Он хотел поговорить. Опять. Возможно, на этот раз не скрытничал бы и объяснил что-нибудь. Но Марти уже не нужны были его объяснения, она хотела найти их сама.

— Не сегодня, простите, — извинилась она и медленно потянула, закрывая, дверь номера. — Неважно себя чувствую.

— Заболели?

— Обычное женское недомогание. Я тяжело переносю эти дни... если вы понимаете...

Адама, который показывал ей город и возил к маяку, а в архиве с восторгом заглядывал в рот «миз Гарнет», подобное объяснение отказа смутило бы. Но того Адама больше не было, а пришедший ему на смену вряд ли знал, что такое смущение. Он оглядел Марти со скепсисом и, казалось, с насмешкой, будто его позабавила ее ложь, и, перехватив этот взгляд, Марти догадалась... почти догадалась о чем-то... Почти раскрыла один из секретов, коих Адам имел в избытке... Но только почти.

— Тогда увидимся завтра, — сказал он, притворившись, что поверил ее словам. — Доброй ночи.

Была ли ночь доброй? Была. Марти уснула довольно легко, и ее не тревожили сны.

И проснулась она сразу, без будильника, которым так и не обзавелась, — но именно тогда, когда нужно, чтобы успеть привести себя в порядок и не опоздать на автобус.

Вышла из номера... Через окно. Это было странно, но отчего-то подумалось, что раз уж она тайно покидает гостиницу, то дверью пользоваться нельзя, а окно, хоть и узкое, но не настолько, чтобы невысокой и худенькой женщине в него не пролезть, да и выходило оно не на отвесную стену, а все на тот же балкон, откуда можно было выйти в общий коридор и спуститься по лестнице в холл. Но все равно странно. С чего бы ей спускаться крадучись, а после придерживать, чтобы не хлопнула, входную дверь?

Небо нависло над городом темным пологом, в котором вязли рассветные лучи. Ветер трепал волосы и норовил пробраться под одежду. Люди на остановке — их было немного, всего четверо, трое мужчин и женщина, прятавшие руки в глубоких карманах плащей, зашнурованные, застегнутые на все пуговицы, — смотрели со снисходительным сочувствием и даже для вида не возмущались, когда Марти, маленькая, но грозная в своей решимости, растолкала их, чтобы первой забраться в подъехавший наконец-то автобус.

В салоне она свернулась на сиденье, растерла озябшие плечи, отогрела дыханием пальцы, но не смогла прогнать ожившую в них дрожь. Смотрела в окно и пыталась представить, что ждет ее в конце пути. Потом — наоборот, заставляла себя не думать об этом и не строить пустых догадок.

Автобус ехал медленно. Дорога казалась бесконечной. Попутчики задремали, и только Марти, боясь пропустить свою остановку, продолжала во все глаза таращиться в окно на однообразные рощицы, неубранные поля и изредка видневшиеся вдалеке строения.

— Лечебница, миз! — прокричал водитель за секунду до того, как автобус дернулся и остановился.

— Здесь? — недоверчиво уточнила Марти.

За открывшейся дверью не наблюдалось ничего похожего на лечебное учреждение, только деревья и густой кустарник.

— Идите по той дороге, — махнул рукой шофер. — Через четверть мили упретесь в ворота.

— Спасибо, — вздохнула Марти, спускаясь с подножки. — Во сколько вы будете здесь на обратном пути?

— Как повезет, миз. Если погода совсем не испортится, к семи вечера подъеду. Но если шторм успеет раньше... Тогда уже — как стихнет. Это дня на два-три обычно.

«Замечательно», — мрачно подумала Марти, глядя вслед удаляющемуся автобусу, но всерьез перспективе застрять на три дня в обществе душевнобольных не расстроилась: что-то подсказывало, что это — не самый худший вариант развития событий.

Повернуть назад тревожное предчувствие не заставило.

Да и куда поворачивать? Нет, только вперед, пока не упрется в ворота...

У ворот сидел в застекленной и, наверное, теплой будочке охранник. Заметив подошедшую Марти, он приоткрыл окошко и сочувственно покачал головой:

— Не лучший день вы выбрали для посещений, миз.

— Я не... Не посетитель. С кем можно переговорить по поводу устройства на работу? Сестрой или... можно санитаркой...

Хоть посудомойкой — лишь бы ее пустили внутрь.

Взгляд охранника переменился. Сочувствие все еще виделось в нем, но уже другое, словно устраиваться ей сюда нужно не на работу, а на лечение.

Но вслух ничего подобного произнесено не было.

— Как вас записать, миз? — Охранник придвинул к себе толстый журнал.

— Мартина Аллен.

— Можете предъявить права или другое удостоверение личности?

В сумочке у нее лежало только временное регистрационное свидетельство, полученное в день выхода из тюрьмы, и Марти, не задумываясь, просунула его в окошко.

Если у охранника и появились какие-то мысли на этот счет, он оставил их при себе.

— Подождите минутку, — попросил все так же вежливо.

Он снял трубку телефонного аппарата, негромко сказал кому-то несколько слов, дождался ответа, сказал еще что-то...

— Можете проходить, миз. — Автоматические ворота раздвинулись перед Марти, не полностью, но достаточно, чтобы пропустить ее за ограду. — От входа налево. У клумбы с желтыми розами повернете направо и выйдете на центральную аллею. По ней — прямо до главного корпуса, вас там встретят. Если увидите кого-то из пациентов, не волнуйтесь, у нас не содержат опасных психов, люди тут просто отдыхают...

«Как в санатории», — пришли на ум слова Адама.

Но в этом он, как выяснилось, не обманывал. Лечебница ничем не походила на те заведения закрытого типа, о которых вспоминают, говоря о психбольницах. Ухоженные аллеи, зелень, цветы. Вместо мрачных корпусов — небольшие светлые домики, которые вряд ли хочется покидать в такую непогоду, но все же нескольких пациентов Марти заметила. Они прогуливались по дорожкам с видом скучающих курортников, сами или в компании сиделок. Что ж, если эти люди действительно не настолько больны и нуждаются только в покое и относительном уединении, подобные условия им только на пользу.

— Что вы тут делаете? — громким шепотом спросил густо покрытый цветами куст спиреи.

Марти обернулась, но никого не рассмотрела за пышной зеленью и колышущимися на ветру полушариями белых соцветий. Пришлось ускорить шаг, чтобы выманить говорившего, вернее — говорившую, на просвет.

— Не останавливайтесь, — велела шедшая по другую сторону зеленой изгороди девушка. — И не смотрите на меня...

Но Марти уже посмотрела. Она умела смотреть быстро, это ценилось в ее профессии... В той, что была у нее прежде. Особенно на фронте. С одного беглого взгляда оценить характер и тяжесть ранения, определить необходимость и варианты вмешательства... Или до мелочей запечатлеть в своем сознании внешность: длинные светлые волосы, бледные щеки, большие серо-голубые глаза, по-детски пухлые губы, придающие тонкому лицу обманчивое выражение беззащитности...

Девушка казалась знакомой, и не только потому, что походила на Адама так, как лишь сестра может походить на брата без ущерба для своей красоты и женственности. И Марти она каким-то образом узнала. Этому можно было бы удивиться, но Марти не удивлялась. Она ведь догадалась еще вчера... Почти догадалась, а сегодня уже уверилась в этой догадке...

— Откуда вы здесь? — снова спрятавшись за кустарником, спросила девушка.

— Приехала на автобусе. Разве вы сами не хотели, чтобы я попала сюда?

— Но не так же! — сердито шикнул очередной куст. — Как же с вами...

— Сложно? — Марти улыбнулась, и, если бы навстречу попался кто-то из медперсонала, этой улыбки хватило бы, чтобы ее приняли за одну из пациенток. — Я сложный человек, да.

— Сейчас будет поворот направо, не пропустите, — велела... Вивиен? По ее тону чувствовалось, что решение принималось спешно и о нем, возможно, еще придется пожалеть.

Марти сожалений давно не боялась.

Впереди виднелось большое здание — тот самый главный корпус, очевидно. И мужчина на крыльце ждал, скорее всего, именно ее... Но поворот направо был ближе.

— Нет времени объяснять, — прозвучало над ухом. — Это должно было быть не так, но раз вы уже тут...

«Я тут», — мысленно согласилась Марти и сжала пальцы в кулак. Чтобы не тряслись...

Фаулер надеялся, что разговор с Уоллесом Руби даст хоть какие-то ответы. Так и случилось. Но и вопросов прибавилось.

— Клиффорд, я закончила. — Джо улыбнулась секретарю, а вошедший следом за ней в приемную пес, пользуясь моментом выпустить раздражение, бухнул на стол перед лысым коробку с бумагами. — Все подписано и отсортировано по годам. Думаю, вы знаете, что делать дальше.

После бункера в документы Джо даже не заглядывала, они изначально были разобраны, но представление, обеспечившее официальный повод для визита сюда, нуждалось в финале.

— Конечно, миз Гарнет, — пробубнил секретарь. На коробку он смотрел так, словно хотел испепелить взглядом, но, к огромному своему сожалению, не обладал нужными способностями. Однако кто даст гарантию, что, оставшись один, он не отыщет спички?

Очевидно, Джо тоже подумала о чем-то подобном и резко развернулась в дверях:

— Не вздумайте вернуть бумаги в архив до истечения срока исковой давности. Уничтожу.

Секретарь нервно икнул.

Выйдя на крыльцо, Джо подставила лицо ветру и, подняв глаза к пасмурному небу, вздохнула:

— Делаешь за них их же работу, а они морды кривят.

— Теперь не будут. Под страхом уничтожения.

Она удивленно приподняла бровь, а поняв, что он имеет в виду, рассмеялась:

— Это так прозвучало? Как угроза? Ну и пускай боятся. Но, вообще, я говорила о бумагах. Там действующие договоры и акты закрепления границ участков, их место в земельном отделе, а не в архиве, и если я их уничтожу, а потом у пайщиков возникнут спорные вопросы...

Кен натянуто улыбнулся, и веселье слетело с лица Джо, словно сорванное порывом ветра.

— Прости. Все это такая чушь.

Она взяла его под руку, и они медленно двинулись в сторону башни.

— Ты знала, что Мартина была замужем за лордом? — спросил Фаулер.

— Да. Но не от Марти, она не хотела об этом говорить. Я сама догадалась... А ты — нет? Она же столько рассказывала — о лордах, о ритуальных убийствах перед тем, как накрыло Ликардию. Мне казалось, ты понял.

— Ты слишком хорошо обо мне думаешь. — Он посмотрел на дверь в башню, которую Джо, уходя, оставила незапертой. — Как считаешь, они уже пришли?

Рабочий день в архиве начинался в девять, а часы показывали четверть десятого.

— Марти и Адам? — уточнила Джо. — Возможно. Предлагаешь устроить им допрос? Ладно Марти, ее роль более-менее понятна. А Адам? Кто он? Откуда взялся?

У Кена была версия.

— Помнишь, что Руби сказал о группе Мэнди Стрекозы? Имена ее членов до сих пор засекречены. Возможно, Адам — один из них. Потому Вивиен и осталась под опекой дяди. А когда парню понадобилось попасть на Карго-Верде, он решил использовать сестру как прикрытие... Вроде складывается, да?

— Сложится, когда скажешь, что он забыл на острове.

— Мартину? Допустим, его командир, эта Мэнди, собралась замуж... Или получила задание выйти замуж за лорда, семейка которого виновна в заговоре против короны, а то и в разжигании последней войны. Женишок тянет с брачными клятвами, рассказывает сказочку о погибшей возлюбленной, по которой до сих пор страдает. Мэнди начинает копать, выясняет, что история правдива лишь отчасти и Мартина жива...

— Почему?

— В смысле? — не понял вопроса Кен.

— Почему она жива? Если Стайну нужно было избавиться от жены, проще было ее убить. Даже не так — взломать незаметно печати, расчистить небольшой энергетический канал, подпитать, и она сама умерла бы, а смерть списали бы на сорвавшееся проклятие. К чему эта сложная схема с приворотом? Еще и состряпанная так бездарно, что хороший адвокат даже сейчас докажет ложность обвинений?

— И решение об аннулировании брака... аннулируют?

— Именно. Марти снова станет леди Стайн, а лорд Томас никак не сможет жениться на императорской кузине. Или... — Джо прищурилась. — Сначала он на ней женится, а потом их брак признают незаконным.

— И зачем это Стайну? Устроить скандал, выставить на посмешище родственницу императора и окончательно погубить репутацию своей семьи?

— Да уж. Странный план.

— И непонятно, как все это связано с убийствами. Разве что... — Фаулер остановился в каком-то десятке шагов от башни. Ветер подталкивал в спину, но пришедшую в голову мысль следовало взвесить. — Что, если... — начал Кен медленно. — Если они и не были связаны изначально? Допустим, Мэнди действительно раскопала подноготную женишка, выяснила, что его жена жива и сидит в тюрьме по ложному обвинению. Отрядила Адама разведать обстановку на острове и, возможно, подготовить встречу с Мартиной. А Адам попутно разнюхал что-то об убийствах. Например, разузнавал о тюрьме и наткнулся на информацию о пропавших женщинах. А потом нашли убитых бродяг. После — Крис... Парень провел параллели с Ликардией и вызвал Мэнди. Потому она и заинтересовалась первым делом трупами.

— Она интересовалась трупами?

— Да, забыл рассказать. Ушлая дамочка, с первого дня взяла в оборот Раннера, и тот устроил ей экскурсию в морг.

— Занятно. Но... — Джо со значением покосилась на вход в архив.

— Допрос, — согласился лейтенант. — Если что-то пойдет не так, просто не выпустим их из башни.

Однако допрашивать было некого.

Оглядев зал и убедившись, что никто не прячется в углах, Джо подошла к телефону и набрала номер «Островка».

— Френки? Привет, это Джоан Гарнет... Да-да, та самая... — Как Кен понял, трубку снял старший сын Беллы, и приветствие грозило затянуться: в свои двадцать два парень был, мягко говоря, тугодумом. Видимо, пошел в этом в отца, но так ли это, на Карго-Верде доподлинно не знали. Обоих сыновей, не похожих ни на мать, ни друг на друга, Анабелла Паркс «привезла» с материка. Чего еще ждать от контрабандистки? — Да, Френк, все слышали о шторме... Да... Нет... Да... Слушай, позови мать... Сейчас... Сейчас же, я сказала! Белла? Уф... Привет... Да-да, я понимаю, что мальчик учится общаться с клиентами. Разговоры о погоде, да... Да... Да... Белла, мать твою! В смысле ты — мать, ты и занимайся регулировкой этого тормоза. У меня работники пропали, оба. Не пришли в архив, да. Видела их сегодня? Еще не спускались? А... Объявили? Ясно... Нет, все правильно. Увидишь их, скажи, что я не против...

Джо положила трубку и шумно выдохнула.

— Что там? — спросил Фаулер.

— Белла говорит, они оба в своих комнатах и сегодня еще не выходили. По радио несколько раз передали, что из-за шторма мэр подписал приказ о дополнительных выходных, и рекомендовали не выходить лишний раз из дома. Безопасность и все такое... Клиф — сволочь лысая, даже словом не обмолвился! Ну ничего... — Она размяла пальцы, явно предвкушая, как сожмет их на шее секретаря, но тут же взмахнула руками,

страхивая неуместные порывы, и предложила: — Прокатимся?

— В «Островок»? Можно. Но не хочется идти с пустыми руками. У тебя тут не хранятся газеты с материка? Руби сказал, лорд Стайн с невестой до недавнего времени появлялись на публике, наверняка попали в светские сплетни. Если у нас на руках будет фото Мэнди...

— Я поняла, — перебила Джо. — Но нет. Это — архив, а не библиотека.

— Тогда едем в библиотеку.

— Наверняка там закрыто. Выходной же.

— Тем лучше.

...Шило осталось в стаканчике с карандашами, и замок библиотеки Кен открывал вытасенной из прически Джо шпилькой. Сама Джо в это время следила за улицей, чтобы успеть отвести глаза случайным прохожим, но, на счастье новоявленных взломщиков, таковых не объявилось. Видимо, горожане вняли предупреждению не покидать без веских причин дома, хотя библиотека и без этого не пользовалась большой популярностью.

— Так-так. — Джо первая проскочила в зал. — Где тут у них периодика? Нужны какие-нибудь «Светские хроники» или «Вести столицы»...

— «Сплетница»? — Фаулер ткнул пальцем в первую попавшуюся подшивку. — Название говорящее и фотографии буквально на каждой полосе.

— Давай попробуем. Бери вот эти месяцы, а я — эти...

Фотографий действительно было много. Слишком много. Лорды и леди, популярные актеры и музыканты, банкиры и промышленники...

— Наверное, мне стоило заехать в управление, — сказал Кен. Не потому, что на самом деле думал о службе или о том, что Раннер будет недоволен его отсутствием, а для того, чтобы хоть немного отвлечься от блистательных представителей высшего общества, взиравших на него с желтоватых страниц.

— Наверное, — отстраненно согласилась Джо и состроила рожу толстой леди в мехах.

Какое-то время они молча шуршали газетами.

— Слушай... — В глазах снова зарябило от незнакомых лиц, и Фаулер зажмурился. — Ты заметила, что нашего императора никогда не называют по имени? У тех же дарнийцев — Айсгерр Третий...

— Ормарр Второй.

— Да? А до войны был Айсгерр. Не важно... Я о том, что у нас не так. Не Александр какой-то там... У нас же по-прежнему Александр? Но везде пишут просто «император». И при его отце писали «император». И при деде. Как будто во все века и эпохи был только один император. Вечный... Думаешь, это специально?

— Даже не подозревала, что тебя посещают подобные мысли. Но знаешь, в этом что-то есть. Может, и... Есть! — последний выкрик относился явно не к рассуждениям Кена о вечном императоре. — Смотри! «Самая красивая пара империи»... Это им польстили, конечно. Хотя...

Если польстили, то самую малость: лорд Томас Энтони Стайн и леди Аманда Дешон являли собой отличный образец аристократической красоты, элегантности и всего прочего, что таким, как они, положено являть.

— Разве это та же дамочка, что пыталась почесать тебя за ушком? — нахмурилась Джо, всмотревшись в снимок. — Блондинка, да, но сходство весьма отдаленное. Кстати, Марти — тоже блондинка. Видимо, Стайн предпочитает светловолосых... Кен? — Она обернулась к нему и, заметив, как напряженно он разглядывает фото, с тревогой

похлопала по плечу: — Все в порядке?

— Нет.

Сходство. Всего лишь отдаленное сходство. Чтобы его заметить, нужно быть обратным — псом, которого не введут в заблуждение блеск драгоценностей, броский наряд и искусный макияж. Определенно леди Аманда унаследовала от матери актерские способности и возвела их в ранг мастерства. Интересно, как много она получила с кровью отца? Фаулеру не приходилось близко сталкиваться с магией лордов... И не хотелось...

Он ненадолго задержал взгляд на лице Томаса Стайна и перевернул страницу.

— Кен, — требовательно позвала Джо, — что не так?

— Все. В первую очередь — дата.

Но дата — это мелочи: просто снимок сделали раньше. Или смонтировали из старых фотографий — даже мальчишки на Карго-Верде балуются подобным...

— Я не понимаю, — растерянно проговорила Джо.

— Объясню по дороге.

Газету он вырвал из подшивки и взял с собой, искренне жалея, что никогда не интересовался светскими хрониками. Быть может, увидь он раньше фото леди Аманды и ее жениха, Крис была бы жива... Если все это связано, конечно. Но Кен не сомневался, что связано, а то, что ему пока не удалось найти эту связь, означает лишь, что искать нужно в другом месте. В «Островке», например...

— Подожди в машине, — попросил он Джо, притормозив у гостиницы. — Только не так, как тогда у мола, хорошо? Я проверю и, если все нормально, помашу с балкона, и ты поднимешься.

— А если возникнут проблемы?

— Тогда, скорее всего, не помашу. Но, прежде чем мчаться мне на выручку, подожди хотя бы пятнадцать минут.

— Десять.

Джо потянулась к нему и похлопала по груди, проверяя, не забыл ли он защитный значок. А сразу показалось — хотела обнять...

— Десять, — согласился он.

— Но лучше — пять.

— Не торгуйся. — Он шутливо щелкнул ее по носу газетой и вышел из машины, пока условия в очередной раз не поменялись.

Пока они с Джо были в библиотеке, небо потемнело еще больше, а усилившийся ветер услужливо распахнул перед лейтенантом скрипучую калитку. Фаулер взбежал на крыльцо, быстро пересек холл и собирался так же, не сбавляя темпа, подняться на второй этаж, но был перехвачен выскочившей неведомо откуда хозяйкой гостиницы.

— Здравствуй, Кен. Куда торопишься?

— Я... к Мартине. Она ведь у себя?

— Что-то случилось? — Белла подозрительно оглядела его с головы до ног, а потом и в обратном направлении.

— Ничего, — соврал он. — Джо просила кое-что передать.

В качестве «кое-чего» он предъявил ведьме газету и хотел уже проскочить мимо, но Белла успела сцапать его за рукав.

— Подожди. Есть разговор.

— Давай позже?

Она помотала головой и, привстав на цыпочки, но все равно не дотянувшись до его уха, прошептала:

— Это связано с Мартиной. И, мне кажется, с убийствами тоже. Я хотела посоветоваться с Джо, но в башне никто не отвечает... Ты же знаешь, где она? С ней все хорошо?

— С Джо? — Неприятный холодок расшевелил волосы на затылке и спутал мысли, заставив забыть первую половину только что услышанной фразы. — Почему с ней должно быть что-то не так?

— Тебе лучше самому взглянуть, — вздохнула Белла. — Надеюсь, я ошибаюсь, но... Просто посмотри и скажи, что я — старая дура. Я убрала это подальше, чтобы никто не нашел...

— Что — это?

— Если я скажу, ты не поверишь. Лучше один раз увидеть, как говорят...

Она завела его в ведущий в хозяйственную часть коридор и открыла дверь в подвал. Кен подумал, что сегодня все повторяется дважды: два раза пришлось вскрывать подручными средствами замки, два раза — спускаться в подвал.

Этот был небольшой, гораздо меньше того, что располагался под зданием мэрии. Но металлическая дверь тут тоже имелась.

— Я храню тут кое-какие вещи на продажу, — размыто сообщила Белла. — Случаются дорогие, потому и...

Лейтенант удержался от комментария, но, сколько стоят нелицензированные охранные системы и другие, завязанные на магию устройства, он хорошо себе представлял.

Дверь оказалась двойной. Наружная — из металла, внутренняя — из толстого дерева. К вопросам безопасности миз Паркс подходила серьезно.

— Оно тут, — сказала она, пропуская Фаулера внутрь. — Видишь, на полке?

— Не очень, если честно.

— Подожди, сейчас включу свет.

Дело было совсем не в темноте, она почти не мешала, в отличие от ткани, под которой скрывалось неведомое нечто. Казалось, кто-то просто сунул на полку смятую тряпку.

Фаулер подошел поближе и...

Деревянная дверь за его спиной захлопнулась.

— Зря ты не послушался, Кен. Всего неделю подождать, даже меньше...

Он не успел ничего сказать или сделать, как с лязгом закрылась вторая дверь, металлическая.

А на полке... На полке лежала смятая тряпка, да...

ГЛАВА 23

Марти шла по выложенной желтым камнем дорожке и зачем-то считала шаги. Один, два... пять... десять...

На четырнадцатом разглядела за деревьями увитую диким виноградом беседку.

На двадцатом сорвавшийся с верхушки тополя ветер подхватил скомканный лист бумаги, брошенный кем-то на газон, и швырнул ей под ноги. Она подняла на двадцать первом. Медленно развернула, увидела карандашный рисунок и потерялась в переплетении ломаных линий... А пальцы вдруг перестали дрожать. Совсем. Замерли, вцепившись в края листа... И сердце застыло в груди...

«Дыши! — приказала себе Марти, чувствуя, что не устоит на ногах, если треклятая мышца, гоняющая по телу кровь, не заработает снова. — Дыши! Ты ведь знала, что тебя ждет!»

Знала, конечно. Не сразу, но с той минуты, как увидела эту девушку, бледностью и блеклостью походившую на привидение — на призрак прошлого, о котором Марти так и не смогла забыть. Так стоит ли удивляться, что прошлое не смогло забыть о ней?

Или смогло?

Она заглянула в беседку, перехватила на миг рассеянный взгляд, в котором не промелькнуло и тени узнавания или иных чувств, и отступила опять на дорожку.

Сердце забилося — быстро, еще быстрее, наверстывая потерянные секунды, — но облегчения это не принесло. Мысли разбегались, не давая ухватиться хоть за одну из них, пусть даже самую несуразную.

— Печальное зрелище, — сочувствующе вздохнула девушка-тень. — Но в первые месяцы было хуже. Сейчас он хотя бы встает с постели. Выходит в парк. Рисует. Иногда разговаривает с людьми. Правда, говорит обычно одно и то же.

— Что именно?

— Спросите его сами. Не важно о чем, просто спросите.

Просто? О нет. Просто — это оперировать в темноте, зажав в зубах карманный фонарик. Три ампутации в один день затупившейся проволочной пилой — это просто. Месяц на больничной койке в ожидании смерти, но с надеждой на жизнь и три с половиной года в тюрьме без ожиданий и надежд — просто. А войти снова в беседку — нет.

Но Марти смогла.

Пересилила себя, переступила через страхи и боль, через смятые рисунки, валявшиеся на деревянном полу.

Подошла вплотную. Стряхнула с пальцев вернувшуюся дрожь и осторожно коснулась ссутулившейся спины, такой худой, что позвоночник выпирал даже под рубашкой.

Шевельнула губами... Беззвучно: воздух закончился на выдохе...

Пришлось набрать его в грудь побольше.

— Томми...

Он замер, прислушиваясь. Но не обернулся. Мотнул головой, точно отгоняя случайный звук — собственное имя, ставшее чужим...

Вторая попытка:

— Лорд Томас?

Совсем ничего. Разве что карандаш быстрее зашуршал по бумаге. Марти видела его — стертый огрызок, зажатый в длинных, болезненно истончившихся пальцах. Он дергался

нервно и неровно, как будто стрелка энцефалографа, и рисунок скачками ритмов проступал на листе. Портрет, как и те, что разбросаны вокруг. Лицо, в котором смешались черты знакомых и незнакомцев. Картина искореженной памяти...

— Капитан Стайн! — окликнула она негромко, но резко и властно, словно на плечах у нее полковничьи погоны, как у начальника госпиталя — седого, грузного, неизменно не выпавшегося и недовольного тем, что в санчасти опять посторонний: ходит и ходит сюда, таскает букеты полевых цветов, к вечеру превращающиеся в охапку сена, отвлекает от работы докторов.

Томми вскакивал при его появлении, вытягивался в струнку, вскидывал руку к козырьку... Покорно выслушивал нотации и незаметно подмигивал Марти, а на следующий день или той же ночью приходил снова...

Сейчас не встрепенулся, не вытянулся. Но распрямылся медленно и так же медленно повернулся. Посмотрел на Марти, а она — на него. На осунувшееся лицо, на заросший щетиной подбородок. В глаза, зеленые, по-прежнему яркие и ясные, но сейчас... не пустые, нет... Напротив, в них было много всего. Слишком много, как в сплетении линий на его рисунках...

— Что... — Она сглотнула подступившую к горлу горечь. — Что с вами случилось, капитан?

— Я умер, — ответил он ровно. — Погиб весной триста шестнадцатого.

Марти зажмурилась на секунду, чтобы унять резь в глазах.

— Как это произошло? — спросила тихо.

Он задумался, вспоминая.

— Быстро, — произнес неуверенно. — Я надеюсь...

Поняв, что ей неостанет сил продолжать разговор, Марти вышла из беседки. Посмотрела на хмурое небо: дождь сейчас был бы кстати.

— Как это произошло? — повторила она свой вопрос, обращаясь уже не к Томми.

— Точно неизвестно. Мать и дед лорда Томаса долго скрывали проблему, а после тайно перевезли его сюда... Но мы предполагаем, дело в вас.

Мартихватило лишь на то, чтобы вопросительно приподнять бровь.

— Лорды не разводятся, вы ведь знаете это? Особенно — те, для кого брачная клятва не была формальностью. В принципе, любая клятва, завязанная на кровь или силу, не терпит нарушений, и последствия предсказать невозможно...

— Если клятва не была формальностью, ее и не нарушат, — подумала Марти вслух.

— По собственной воле — нет.

— А по чьей?

— Мы не знаем.

Снова загадочные «мы». Сколько их, интересно? И на чьей они стороне в игре, в которой Марти отведена роль пешки? Давно отведена, как оказалось.

— Мы думаем, лорд Томас мог бы все разъяснить, если бы... Если бы мог.

— И решили, что достаточно показать ему меня? Увидит и тут же вспомнит?

— Был шанс, что это поможет.

Но не помогло. Есть еще идеи?

Вслух она ничего не спросила. Не успела: услышала за спиной шаги и незнакомый

голос:

— Миз Аллен, полагаю?

Обернувшись, Марти коротко кивнула. Вряд ли этого было достаточно, но темноволосый мужчина в элегантной кремовой тройке появился внезапно, не дав времени придумать внятный ответ.

— Доктор Эверет, — представился он, мимолетным жестом пригладив тонкие усики. — Заведую данным учреждением. Это со мной вы собирались поговорить о работе здесь, но отчего-то свернули.

Ни упреков, ни расспросов. На смуглом, уже немолодом, но приятном лице — доброжелательная улыбка, в черных глазах — сдержанный интерес. Обычная маска опытного психиатра, готового без ножа выпотрошить твое нутро. Хирурги в этом плане честнее.

— О, простите, — растерянно начала Марти, и растерянность ее была уместна. — Я шла... А потом заметила Вивиен. Я знакома с ее братом, мы работаем вместе...

Доктор посмотрел на девушку, с его появлением сделавшуюся еще более похожей на тень, и вдруг резко дернул головой и уставился на что-то за плечом Марти.

На кого-то.

Томми вышел из беседки, и в тот же момент ветер усилился, будто специально, чтобы сбить его с ног или вырвать рисунок, который он нес в вытянутой руке.

— Я закрыл глаза. Всегда знал, что, если закрыть, получится.

Марти сморгнула предательские слезы и быстро стерла их со щек рукавом.

«Я смогу нарисовать тебя даже с закрытыми глазами», — сказал он ей однажды...

— Невероятно! — обескураженно прошептал доктор Эверет, глядя попеременно то на рисунок, то на Марти. На его лице не осталось и следа от профессиональной вежливой сдержанности, а глаза возбужденно горели. — Просто невероятно!

— Да, — согласилась Марти. — Очень похоже.

— Вы не понимаете, это... — Доктор приобнял ее за плечи и сообщил на ухо: — Это прогресс! Огромнейший. Вы... Постойте-ка. — Он отстранился, чтобы требовательно взглянуть ей в глаза. — Вы ведь не только из-за миз Кейдн свернули с аллеи? Вы знакомы и с...

Имя не прозвучало. Марти предоставили право самой его назвать. Или выбрать.

— Мы с капитаном Стайном были знакомы. На фронте.

— Интересно, — протянул доктор, покосившись на Томми. Тот вновь был безучастен к происходящему рядом, как и положено мертвецам. — Вы воевали?

— Работала в полковом госпитале, куда капитан попал после ранения.

— Потрясающе! — опять восхитился Эверет. — Выходит, вы сможете пролить свет на те события? Нынешнее состояние... э-э... капитана Стайна, я думаю, как раз и связано с тем ранением, а никаких медицинских документов не сохранилось. — Говоря, он увлекал Марти все ближе и ближе к выходу на аллею. — Если вы расскажете, как все было, или вспомните о неких сопутствующих обстоятельствах... Вряд ли ранение само по себе могло привести к подобному. Мне сказали, что оно было не слишком опасным, пострадали только ноги, и непосредственной угрозы жизни не было...

Легковесное суждение, простительное обывателям, но не целителю: порой достаточно занозить палец, чтобы твоя жизнь повисла на волоске, — смерть умеет находить лазейки. Однако Марти не стала спорить. Так же, как Эверет хотел получить информацию от нее, мысленно уже планируя новую терапию и предвкушая успех, который польстит его честолюбию, и профессиональному и личному, Марти ловила

каждое слово доктора, чтобы собрать недостающие фрагменты мозаики, на которые кто-то разбил последние несколько лет их с Томми жизнью. Лишнее она отсеивала. Все чувства, что мешали думать, были надежно заперты в дальнем уголке сознания. Она могла бы радоваться, если бы поверила предположению неведомых «мы», будто муж предал ее не по своей воле. А если бы не поверила — злорадствовать, видя, какая его настигла расплата. Но за время, проведенное в тюрьме, ища объяснение тому, что случилось с ней, она перебрала тысячи вариантов, и тот, где не по своей воле, и тот, где неминуемая расплата, тоже приходили ей в голову, и все эмоции, связанные с ними, Марти в какой-то степени уже пережила. Сейчас она искала другие ответы.

Вивиен — пусть будет Вивиен, пока не прозвучало других имен, — в одном была точно права: Томми мог бы все объяснить. Но прежде Томми нужно вернуть к жизни, а для этого — понять, что заставляет его считать себя покойником. Марти шла с Эверетом к главному корпусу, оглядывалась, будто невзначай, чтобы убедиться, что Томми бредет за ними, словно привязанный, сам, наверное, не отдавая себе отчета, что заставляет его идти и куда. Отвечала коротко и обтекаемо на вопросы, стараясь не выдать главного — во что вылилось пребывание капитана Стайна в госпитале, а сама раскладывала в уме выуженные из уже услышанного факты.

Сама. На подсказки острова рассчитывать не приходилось. В лечебнице, как и в тюрьме, использовали для охраны блокирующие магию устройства, и голос Карго-Верде даже эхом смутного предчувствия не пробивался сквозь защиту.

Но ничего, она справится.

Весна триста шестнадцатого... Мать и дед долго скрывали... Леди Амалию Марти помнила хорошо. К сожалению. А дед — видимо, глава рода. Двоюродный дед на самом деле. Томми немного рассказывал о нем, близки они, судя по тем рассказам, не были. Но старый лорд Стайн отчего-то помогал леди Амалии скрывать от других состояние ее сына... Потому что его наследники, сын и внуки, погибли? Это ведь о них матушка Томми писала перед тем, как приехала тогда. И приезд ее стал началом конца и без того хрупкого счастья...

Нелепое обвинение. Суд. Безразличие в зеленых глазах. Протокол экспертизы, подтверждающий стороннее воздействие на разум и волю. Решение об аннулировании брака и мягкий, по мнению защитника, приговор...

Как понять, что из этого имеет смысл, и отыскать во всех событиях общий знаменатель?

Почему знаменатель — Марти не знала. Просто так говорят, подразумевая некую общую для чего-либо деталь. Но, вообще, это из математики: число, на которое делят. Ничего больше о знаменателях ей не вспомнилось, а о делении — только то, что нельзя делить на ноль. Но ведь с жизнью ее мужа — бывшего мужа, но это не важно — именно так и поступили: разделили на ноль, превратив в бессмыслицу. Значит, тот знаменатель, что нужно найти, для Томми сейчас равен нулю...

Занятно.

Марти усмехнулась, косо, одним уголком рта. Математику она никогда не любила и не была в ней сильна, но заученные в школе правила неожиданногодились.

— Прошу вас, миз Аллен. — Доктор Эверет распахнул перед ней дверь в приемную, и сидевшая там за маленьким столиком медсестра, очевидно выполнявшая при заведующем обязанности секретаря, встрепенулась, заметив Марти и Томми, тихо вошедшего следом. — Все в порядке, Мэри, — успокоил ее Эверет. — Мы побеседуем в кабинете. Принесите нам, пожалуйста... хм... Миз Кейдн?

Видимо, он не обратил внимания, что все это время девушка-тень следовала за ними, и удивился, когда она, робко озираясь, проскользнула в приемную.

— Можно мне остаться? — тихонько попросила Вивиен и покраснела. — Вы ведь... будете оживлять мертвеца?

Подобная игра заслуживала аплодисментов, но Марти сдержалась, обняв себя за плечи. Эверет снова задумчиво хмыкнул.

— Хотелось бы, — проговорил он, посмотрев на «покойного». — Но пока мы просто поговорим. Вам будет с нами скучно, Вивиен. Пусть лучше сестра Мэри напоит вас чаем. Хорошо?

Девушка кивнула. Должно быть, боязливость и покладистость были частью образа, разрушать который она пока не спешила.

— А вы, миз Аллен? — обратился Эверет к Марти. — Вы продрогли, чай вам не помешает. Или кофе?

— Просто горячей воды, если можно. В большой кружке.

— Конечно, можно, — ласково улыбнулась сестра Мэри, приняв ее за новую пациентку, и незаметно, как ей казалось, покосилась на доктора.

— Миз Аллен будет у нас работать, — не поддержал он ее заблуждение. — Принесите ей воды, будьте добры, а мне — чашечку кофе. И позаботьтесь о миз Кейдн.

Для Томми он ничего не попросил, но тот ни в чем и не нуждался. Даже бумагу и карандаш, которые доктор дал ему после того, как впустил в свой кабинет и усадил на кушетку, проигнорировал.

— Странно, — нахмурился Эверет. — Обычно это — единственное, что его успокаивает.

— Мне кажется, он и так спокоен, — заметила Марти.

Не по-хорошему спокоен. Так спокойны вещи на полках, и сбрось ты их на пол, спокойствие это никуда не денется.

— Да уж, — вздохнул доктор. — Но мы ведь сможем это изменить?

— Мы? — Она вспомнила фразу, брошенную им в приемной. — Вы берете меня на работу?

— Я заинтересован в том, чтобы помочь капитану Стайну вернуться к нормальной жизни, а вы неплохо на него в этом плане влияете. Прежде он не рисовал никого конкретного. Возможно, вас он вспомнил, и было бы неплохо закрепить эти воспоминания. Поэтому мне и хочется, чтобы вы остались в лечебнице, Мартина... Могу я называть вас Мартиной?

Он спрашивал, а сам поглядывал на Томми, чтобы видеть, какую реакцию вызовет у него ее имя. Реакции не последовало. Возможно, оттого что Томми никогда не называл ее Мартиной...

— Конечно, — кивнула она.

— К тому же у вас есть необходимые навыки, — продолжил Эверет. — В госпитале вы были медсестрой, верно?

— Хирургом.

Доктор изумленно выгнул бровь. Потом, кажется, что-то понял.

— Хирургом, — повторил со значением. — И когда капитан Стайн попал в госпиталь?..

— Его оперировала я.

Этот факт был из тех, которые Марти больше не видела смысла скрывать. Хотя с учетом ее задумки откровенность особой роли уже не играла.

— Отлично! — Эверет с предвкушением потер руки. — Это еще лучше, чем я надеялся. Значит, вы сможете дать компетентную оценку состояния капитана на тот момент. Возможно, уже тогда случилось нечто, впоследствии спровоцировавшее сбой в его восприятии реальности? Длительное беспомыслие? Болевой шок? Некая индивидуальная реакция на препараты?

То, что объект расспросов сидит в паре ярдов от него, доктора не смущало.

— Вы слышали что-либо о жидком огне? — спросила Марти и по выражению лица собеседника поняла, что если и слышал, то немного. — Его поражающее действие предполагает практически все вами перечисленное. Но только в тех случаях, когда речь идет об обычных людях. В случае капитана Стайна все было... несколько сглажено, скажем так, за счет особенностей его организма. Но я понятия не имею, за счет чего идет ускоренное восстановление и какими механизмами блокируются болевые ощущения. Возможно, все это влечет последствия, поначалу неявные, а спустя какое-то время...

Дверь открылась, и в кабинет вошла сестра Мэри с подносом. Чашечка с кофе на нем казалась игрушечной рядом с огромной кружкой, до краев наполненной водой. Кружка была пивная, но Марти не удивилась наличию подобной посуды в лечебнице. Она вообще ничему теперь не удивлялась. Главное, вода была горячей.

— Да-да, продолжайте, — попросил доктор, когда его помощница удалась. — Думаете, имеет место эффект накопления?

— Думаю, стоит рискнуть, — сказала Марти.

Не ему — себе. И Томми, хоть вряд ли он понял.

И Эверет ничего не понял, а потому и не успел вмешаться, когда быстро поднялась из-за стола, подцепила кружку и, шагнув к Томми, выплеснула воду ему на ноги.

Он вскрикнул, но так было правильно, ведь мертвец не почувствовал бы боли. А ожог будет несильным, не до волдырей... и пройдет у него быстро. Намного быстрее, чем тот, от жидкого огня... Лишь бы все остальное получилось. Должно получиться, если Марти правильно решила это уравнение с нулевым знаменателем...

Она с силой толкнула Томми в грудь, заставляя упасть спиной на кушетку, и склонилась над ним. Как в тот день весной триста шестнадцатого.

— Наркоз не действует, а глушилки разряжены, но чистить нужно сейчас, пока остатки огня не поползли выше, — на одном дыхании выпалила ему в лицо. — Придется потерпеть, капитан.

Умолкла, и тишина была как удар под дых. Вышибла воздух из легких, выдавила слезы из глаз...

— Потерплю... — послышалось, когда она готова была уже то ли задохнуться, то ли разрыдаться. — Если согласишься сходить со мной на свидание...

Эти слова были всего лишь эхом. Отзывом, прозвучавшим в ответ на пароль.

Прошло несколько секунд, прежде чем взгляд Томми стал осмысленным, а пальцы сдавили до хруста ее ладонь.

— Тина...

Марти посмотрела в его глаза и вспомнила, отчего всегда предпочитала анестетики магическим глушилкам. Действие первых ослабевало постепенно, позволяя свыкнуться с возвращением неприятных ощущений. Заклинание же слетало мгновенно, и боль обрушивалась на человека в один момент.

Как сейчас обрушилась на Томми память последних лет, с весны триста шестнадцатого по лето триста двадцать второго, и под шквалом воспоминаний можно было на самом деле сойти с ума.

— Держись, — всхлипнула Марти, не зная, как облегчить боль, заставлявшую его до скрежета сжимать зубы. — Только не сдавайся...

Когда-то он просил ее о том же, и она послушалась. Но ей было проще, ведь нужно было всего-навсего выжить.

— Томми...

Комната вдруг поплыла у нее перед глазами, и Марти медленно опустилась на пол, чтобы не упасть. Видимо, сказалось нервное напряжение и...

...стало темно.

Обычно темнота его не тревожила. Но эта была другой. Уже через пять минут от нее болели глаза, а через десять саднило горло и сдавливало грудь, словно это — не мрак, а удушливый дым, с каждым вдохом забивавшийся в легкие. Что будет через пятнадцать — Фаулер не представлял, но именно столько времени он просил выждать Джо, прежде чем искать его. Правда, когда он говорил это, не думал всерьез, что ей придется идти ему на выручку.

И не пришлось бы, не будь он таким идиотом. Даже мысли не возникло, с чего бы Белле срочно понадобилось что-то ему показать, и хваленое песье чутье промолчало...

Но с Джо подобный трюк точно не пройдет. Она умнее. И подозрительнее. И, не дождавшись от него обещанного сигнала, уже будет знать, что в гостинице что-то не так.

Только от Беллы беды ждать не будет. Это тревожило.

Кен считал минуты и с каждой прошедшей нервничал все сильнее. Прокручивал в голове варианты развития событий, внося поправки и отмеряя все больше и больше времени для ожидания, но, когда максимальный срок был превышен в два раза, впал в состояние, близкое к панике. Уверял себя, что с Джо все хорошо и она просто не смогла найти его в подвале, но сам в это не верил. Джо нашла бы.

Если он не кидался с остервенением на дверь, то лишь потому, что мозги не совсем еще отключились, и Кен понимал: выбить ее не выйдет. Заговоренное дерево, может, и поддастся бы после пары сотен ударов, но толстый лист металла ему не пробить. И с петель не сорвать — успел оценить надежность конструкции, пока Белла отпирала замки.

Белла, Белла... При чем тут Белла? Как она связана с убийствами, лордами, Мартиной Аллен и Адамом?

Если понять это, быть может, получится понять и все остальное, но строить какие-либо версии не получалось. В голове засела одна мысль: Джо. Что с Джо?

Тревога вытеснила все остальное, и Фаулер не сразу понял, отчего так трудно стало дышать. Волнение, да, но с этим он справился бы, а вот с отсутствием в комнате вентиляции ничего поделать не мог. Рыжая ведьма сказала, что хранила тут что-то, а «что-то», в отличие от «кого-то», не нуждалось в притоке свежего воздуха.

Все, что Кен мог, — постараться успокоиться, выровнять дыхание и не тратить его на бесцельное хождение из угла в угол. Сел на пол у двери, надеясь, что та прилегает к косяку не настолько плотно, как кажется, и есть хотя бы микроскопический зазор, прислонился вспотевшей спиной к стене и закрыл глаза.

«Полдела сделал, — подумал хмуро. — Теперь осталось уснуть и тихо сдохнуть».

Более нелепой смерти он и представить себе не мог. Интересно, понимала ли Белла, что долго человеку в этой кладовке не продержаться?

Но даже эти мысли не отвлекли от той, главной: что с Джо?

Фаулер уже не следил за временем — не мог разглядеть циферблат в сделавшейся непроглядной даже для оборотня тьме, — когда послышались приглушенные двойной дверью шаги. Он не сдвинулся с места. К чему дергаться, если невнятный звук может оказаться всего лишь галлюцинацией? А если он реален, тем более следует побережь силы, дождаться, когда дверь откроется, и броситься на того, кто стоит снаружи.

Дверь открылась. Но дальше все пошло не по плану. Не было у Кена в планах получить ребром ладони по шее, упасть мордой в пол и позволить заломить себе за спину руку.

— Спокойно, лейтенант, спокойно... Или будет больно, — предупредил Адам. Или кто-то другой, выглядевший как Адам, но более ловкий и сильный настолько, чтобы свалить мужчину гораздо крупнее себя, тем более оборотня. — Не хотелось бы вам что-нибудь сломать.

Фаулер оскалил клыки.

— Порву, — прорычал зло.

— Я вас освободил, между прочим, — заметил парень, не выпуская из болевого захвата его кисть. — Или вам нравилось сидеть в этом чулане? Куда, к слову, не я вас посадил. Я к вашему, хм, заточению ни малейшего отношения не имею.

— Угу.

— Угу. Поэтому сейчас я вас отпущу.

— Далеко? — пробурчал пес, почувствовав, что его действительно уже не держат.

— Пока — не очень.

Не успев еще встать на ноги, Кен поднял голову и увидел направленный на него пистолет, маленький, похожий на игрушку, но пулями он стрелял настоящими, пусть и небольшого калибра.

— Это — всего лишь гарантия того, что вы меня выслушаете, лейтенант. А после, может быть, и сами захотите что-нибудь рассказать. Мне кажется, мы могли бы помочь друг другу.

— Где Джо? — Вот все, что Фаулер готов был выслушать.

— Джо?

Недоумение в ответном вопросе казалось искренним, но Кен уже знал: искренность — это не про Адама.

— Да, Джо. Она приехала со мной, ждала в машине...

— Ваша машина по-прежнему на стоянке, и Джо в ней точно нет. Сейчас, во всяком случае. И в гостиницу она не входила, я бы заметил ее так же, как заметил вас.

— Повесил на входы следилку вроде той, что твоя сестренка установила в лечебнице?

Адам — или как там его зовут на самом деле — усмехнулся:

— Догадались или кто-то подсказал?

— В газете прочитал.

Газета, та самая, с которой Кен шел сюда, чтобы ткнуть носом в фотографию завравшегося мальчишку и потребовать объяснений, валялась на полу в комнате без вентиляции. Адам бросил на нее беглый взгляд. Заинтересовался. Если бы решил войти и поднять, Кен успел бы отскочить к стене, уходя из-под прицела, и захлопнуть дверь.

Но Адам и шага не сделал. Только протянул к открытой двери руку, и газета сама влетела в раскрытую ладонь.

Это представление не произвело бы на Фаулера никакого впечатления, встречал он и не таких позеров среди магов, но все дело было в том, что мага в Адаме он по-прежнему не видел и оттого чувствовал себя странно. Неуютно как-то. Только анализировать открывшиеся странности и свою реакцию на них было некогда. Адам увидел фото в газете, опять усмехнулся и собирался что-то сказать, но Кен его опередил:

— Хрен с тобой. Хочешь — стреляй, а я иду за Джо.

Развернулся и пошел к выходу. Не медленно, чтобы не казалось, будто он боится, но и не быстро, чтобы это не выглядело бегством. Остановить его Адам не пытался, но шел

следом. Поднялся за ним по лестнице. Прошел по пустому коридору. Притормозил у входной двери, когда Фаулер вспомнил о времени и посмотрел на часы, чтобы узнать, что провел взаперти два часа.

Погода успела испортиться еще больше: ветер стянул к острову тучи, полностью скрывшие солнце, и полдень походил на глубокий вечер. Не хватало только дождя, но это было дело времени. А вот отсутствие Джо...

— Я же сказал, что ее тут нет, — напомнил Адам, дошедший за Кеном до машины.

— Значит, буду искать.

— Где? В башне? Или в доме ее родителей? Тогда уж и в «Рыбку» заскочите — вдруг она проголодалась, пока ждала вас, и решила пообедать?

Было бы замечательно, но вряд ли в этом случае Джо оставила бы сумочку на сиденье.

Мальчишка — хотя какой он, к глубинным демонам, мальчишка? — был прав.

Фаулер поднял сумочку, повертел в руках, сам не зная, что хочет заметить на мягкой крашеной коже, затем огляделся, вернулся взглядом к недавно покинутой гостинице и с досадой тряхнул головой: вот уж правда псина тупая!

— Где Белла?

— Уехала куда-то около часа назад, — ответил Адам. — Так это она вас заперла? Неожиданно.

— А уж я-то как удивился! — процедил сквозь зубы Кен.

— Расскажите в моем номере. Думаю, можно подняться ненадолго. Если вернется Белла или еще кто-нибудь заглянет, мы будем в курсе.

Пес раздраженно показал клыки.

Адам лишь головой покачал:

— Нам действительно нужно поговорить, лейтенант. Наверное, давно нужно было, но сейчас тянуть уже нельзя. Не только Джоан пропала. Мартина — тоже.

Он потянулся к внутреннему карману пиджака. Кен решил, что за пистолетом... Но оружие его не встревожило бы так, как обычный белый конверт — такие стопкой лежали на стойке портье «Островка» — и подпись на нем: «Лейтенанту Фаулеру». Даже в руки брать не хотелось.

Но он взял.

«Здравствуйте, лейтенант.

Я не должна была рассказывать вам того, что напишу дальше, но подумала, что могу не вернуться оттуда, куда еду сегодня, а вам все-таки нужно это знать.

Девочка жива.

Не знаю, как написать, чтобы вы мне поверили, поэтому просто напишу правду.

Иногда мне снятся не совсем обычные сны. Как правило, они касаются моего прошлого, но вчера мне снился белый щенок, девочка и люди, которые ее забрали. К сожалению, не могу их описать, я даже не поняла, мужчины это были или женщины. Зато я слышала часть их разговора. Девочку собирались отвезти в какой-то дом, где о ней позаботится Джек. Надеюсь, вам это что-то скажет.

И еще: порой самый очевидный ответ и есть правильный.

Что это означает, тоже не знаю. Я просто услышала эти слова и поняла, что они как-то связаны с произошедшим и с вами.

Верю, что у вас все получится.

— Письмо лежало в ее комнате под подушкой, — объяснил Адам. — Видимо, Мартина рассчитывала, что, когда ее хватят, вас снова привлекут к поиску. А лично сказать все это она по понятным причинам опасалась. Вы поверили бы в странные сны?

Кен тяжело вздохнул:

— Я в цветочных фей поверю, если они объяснят, что тут у нас творится. Когда она пропала?

— Ушла из гостиницы рано утром, полагаю. То, что ее нет в номере, я понял незадолго до вашего приезда.

— А как же следилка?

— Осторожность, лейтенант. Нельзя просто взять и нацепить сеть поверх работающих приборов. Нужно сделать так, чтобы она не бросалась в глаза, а для этого следящее заклинание должно иметь те же параметры, что и другие наведенные по контуру чары. Охранные устройства в лечебнице фиксируют как входящих, так и выходящих, чтобы пациенты не вышли за периметр. А в «Островке» только защита от проникновения извне.

— То есть, когда я пришел, ты получил сигнал, а когда ушла Мартина — нет?

— Поднимемся ко мне, — повторил Адам и, не дожидаясь согласия, пошел к гостинице. — Это еще не все, — продолжил на ходу. — Мне не хотелось оставлять миз Аллен без охраны, и с вечера я поставил сигнальную сеть на обе ее двери — ту, что выходит в коридор, и ту, что на балкон.

— И?

— Сеть не тронута. Видимо, Мартина вышла через окно, оно приоткрыто. Учитывая, что из-за печатей почувствовать охранку она не могла, это... хм, наводит на размышления... И девочка. О какой девочке она писала?

Сомнения отняли у Кена не более пяти секунд. Ответ — десять.

— Скверно, — прокомментировал Адам, хотя на язык явно просилось словцо покрепче.

Гостиница, куда они вернулись, казалась пустой. Постояльцы пережидали непогоду в комнатах, а немногочисленные наемные служащие наверняка разбежались по домам. Где-то должен был ошиваться Френк, обычно присматривавший тут за всем в отсутствие Беллы, но чутье подсказывало, что искать щенка и допытываться, куда подалась его мамаша, — пустая трата времени. Хоть Кен и сомневался, стоит ли верить теперь этому чутью...

Стоит ли вообще чему-либо и кому-либо верить?

— Входите, лейтенант. — Адам толкнул дверь своего номера. — Время не ждет, а нам многое нужно обсудить. Но сначала...

— Привет! — жизнерадостно поздоровалась сидевшая на кровати любительница романтических прогулок по моргам.

— Это — Вэл. Валери, — представил хозяин комнаты. — Кажется, вы не знакомы.

Фаулер хмыкнул.

— Дайте угадаю, — предложил он. — Еще один боец из славной группы Мэнди Стрекозы?

— Тоже в газете прочитали? — Адам взглянул на ту, что держал в руке, но в этом выпуске была только фотография его сестрички, увешанной бриллиантами и держащей под руку парня, который в их первую и последнюю встречу с Кеном изображал ходячего мертвеца. Ничего примечательного, если не брать во внимание то, что Вивиан в статье под фото называли отчего-то Амандой Дешон, а сама статья вышла месяц назад, когда близнецы уже прочно обжились на острове, брат — в архиве, а сестра — в лечебнице, откуда их с «покойником» вряд ли отпустили бы позировать фотографу на Идверской

благотворительной ярмарке. — Ладно... — Газета вспыхнула синим пламенем и в секунду рассыпалась пеплом. — Потом расскажете, где разжились информацией. А Вэл — наш техник. Мастер-артефактор, если так понятнее. Ну и специалист по связям.

По связям, конечно. Раннера даже жалко. Что до артефактора, то с уточнением и правда было понятнее. В отличие от магов-артефакторов мастера-артефакторы даром не обладали, только виртуозной способностью, отточенной годами обучения и практики, пользоваться вещами-артефактами и магико-техническими устройствами. То, что Валери была именно мастером, Кена порадовало. Не сильно, обстоятельства не располагали к бурным восторгам, но все же. И без того слишком много вокруг тех, в ком он не распознал магов...

— Можно сказать, у нас есть полноценная команда, чтобы разобраться с нашими общими проблемами, — неожиданно вывел Адам. — Вы же не станете оспаривать эффективность командной работы, лейтенант?

— Джо — моя команда, — буркнул пес.

— А моя... Моя команда — моя сестра, — с нотками раздражения произнес парень. — И я предпочел бы видеть ее на вашем месте, но... Она тоже пропала.

— Как?

— Не знаю. Мы поддерживаем связь на расстоянии. Не общаемся мысленно, это, к сожалению, невозможно, но чувствуем друг друга... Чувствовали еще час назад. А сейчас — ничего...

— Совсем? — зачем-то уточнил Кен.

— Совсем, — хмуро кивнул Адам. — Но она жива, если вы вдруг подумали... Жива. Я точно знаю, потому что... — Он бросил быстрый взгляд на Валери, смотревшую на него с нескрываемым сочувствием, и резко потрянул головой: — Да пошло оно! Расскажу как есть, иначе сложно будет объяснить. Дело в том, что я — не Адам.

Фаулер передернул плечами: разумеется, он — не Адам, так же как его сестра — никакая не Вивиен.

— Вы не поняли, лейтенант, — глядя ему в глаза, покачал головой парень. — Я — не Адам, и имя тут ни при чем.

ГЛАВА 24

«Потыкай в нее палочкой, вдруг она живая?» — подначивали друг друга мальчишки, обступив валявшуюся на обочине крысу. Крыса оказалась дохлой, и Марти, которой было тогда всего шесть лет, это только порадовало...

«А я? Я — дохлая?» — подумала она, поняв, что в нее тоже тыкают палочкой. Палочку сжимала тонкая рука, но чья — не разобрать. Марти и собственное имя, повторяемое настойчивым шепотом, разбирала с трудом.

— Мартина... Мартина! Да очнитесь же...

Палочка, а вернее, тонкая длинная ветка толкала ее в плечо, в грудь, несколько раз задела по носу. Того и гляди, в глаз попадет!

— Хватит, — хрипло попросила Марти и попыталась увернуться от нового тычка. Получилось только перекатиться с отлежанного бока на спину.

Тело ломило, а в глазах все еще было темно.

Хотя нет, не в глазах. Вокруг темно. Неровного мерцающего света, пробивавшегося откуда-то издалека, едва хватало, чтобы разглядеть справа от себя толстую решетку, через которую и тянулась рука с палочкой.

«Почему это не может оказаться сном?» — подумалось с грустью, но в следующий же миг Марти встряхнулась и отогнала нелепое желание. Сон? Нет уж, пусть будет явью. Пусть решетки и холодный земляной пол под спиной. Только бы все случившееся до того, как она попала в это мрачное место, тоже было реальностью.

— Томми, — позвала она с надеждой. — Томми!

— Не знаю, тут ли он, — ответил знакомый женский голос. — С другой стороны от вас, кажется, еще одна камера. Посмотрите там...

Пришлось опять повернуться на бок, чтобы после встать на четвереньки и поползти в сторону, противоположную той, откуда слышался голос.

Снова решетка. За ней — никого. Или?..

Марти всматривалась в темноту, пока слезы не потекли по щекам. Часть камеры скрывала стена, но, если Томми бросили там, до него даже палочкой не дотянуться.

Она попробовала подняться на ноги, но усилившееся головокружение заставило снова опуститься на пол и передвигаться уже испытанным способом — на четвереньках.

— Не вижу... — вздохнула Марти, вернувшись к Вивиен. Глаза немного привыкли к темноте, и теперь было видно не только руку, но и ее лицо за решеткой. — И не помню ничего. Как мы тут оказались? Как вы?..

— Сестра Мэри обо мне позаботилась, как ее и просили, — прозвучало с горькой усмешкой. — Моя оплошность. Слишком сосредоточилась на том, что вы с Эверетом обсуждали в кабинете, и позволила вогнать себе в плечо конскую дозу транквилизатора.

Марти недоверчиво поморщилась:

— На истиннокровных не действуют транквилизаторы.

— Некоторые действуют, особенно в сочетании с химическими блокаторами магии. Хм... Наверное, следовало сначала спросить, с чего вы взяли, что я принадлежу к истиннокровным?

Запоздавший вопрос был задан совершенно будничным тоном, и Марти так же буднично ответила:

— Видела фотографию в газете, в сообщении о помолвке. Там было написано «леди», а для незамужней женщины это не могло быть титулом учтивости, полученным после

брака с лордом.

— Надо же, фотография... Мне казалось, сходства с газетными снимками почти не осталось.

— Так и есть. Другая мимика, отсутствие макияжа — это очень меняет. Но у меня хорошая память на мелкие детали.

Не хотелось признаваться, как долго и придирчиво она рассматривала лицо новой невесты Томми, думая, чем эта незнакомая девушка лучше ее, кроме того что она — урожденная леди.

— Так как к вам теперь обращаться? — спросила Марти, решив окончательно разобраться с вопросами установления личности. — Вивиен? Аманда? Или лучше... Адам?

Лицо за решеткой заметно вытянулось. Простым удивлением подобную мину не объяснить.

— Вы... Но как?!

Марти невесело хмыкнула: вот бы и все остальное решалось так же легко.

— Это несложно, когда знаешь, что подобная вероятность существует. Я ведь целительница. В прошлом, к сожалению, но я училась в университете на курсе для одаренных. Магическим аспектам многоплодной беременности была посвящена отдельная лекция, а один мой сокурсник буквально бредил темой сообщающихся энергетических и ментальных потоков у монозиготных близнецов. У него был брат-близнец, да, и он мечтал, что они смогут достичь подобного уровня связи. Но ведь это развивается в раннем детстве, да? Точнее, по мнению исследователей, в раннем детстве многие идентичные близнецы способны меняться сознанием, или душой, как это называют храмовники. Дети сами не осознают, как их разум перемещается из тела в тело, а родители корят себя за то, что никак не научатся отличать Бена от Билла. Однако годам к трем-четырем, как правило, происходит закрепление... — Она осеклась и прикрыла рот ладонью. — Простите, — выдохнула тяжело. — Цитирую тут учебники, когда нужно... Не знаю, что нужно...

— Я тоже не знаю, — сказал Адам. Марти решила, что лучше воспринимать его как Адама, независимо от того, в чьем он сейчас теле и каким голосом говорит. — Выйти отсюда в ближайшее время у нас вряд ли получится, я не справлюсь с замками, пока блокаторы действуют. А сообщающиеся потоки — интересная тема, разве нет? За всю историю империи достоверно известно о существовании всего четырнадцати подобных пар, а наш с Мэнди случай вообще называют уникальным... Те, кому о нем известно, разумеется.

— Потому что совместимость потоков возможна только у монозиготных близнецов — однойцевых, как еще говорят, или идентичных, а они всегда одного пола?

— Да, как-то так.

— Значит, вы с сестрой — монозиготные полуидентичные. Полярные. Случай сам по себе редкий, а уж с абсолютной совместимостью потоков... К тому же у лордов близнецы рождаются чуть ли не раз в тысячелетие. Боюсь представить, сколько ученых мечтают заполнить вас в свои лаборатории.

— Мечтали бы, — поправил Адам, — знай они хотя бы о том, что у леди Аманды есть брат-близнец. Я же мальчик, которого не было, помните?

— Помню. Но вы не рассказали, что это означает.

— Только то, что меня не было. Официально. Когда мы с Мэнди родились, наш отец еще не был женат, а скрыть появление на свет ребенка своей крови не смог бы — слишком многие это почувствовали. Поэтому рождение мальчика, который впоследствии мог оспорить права законных сыновей, его очень расстроило бы. Но, на счастье, вместе с мальчиком родилась девочка, на которую списали изменения в распределении родовой силы. Отец даже признал ее на радостях... Девочку, а не силу, конечно. Сила всегда

была при нем...

— А вы?

— А я был при Мэнди. Всегда. Сразу меня собирались отдать в приемную семью, пока никто ничего не заподозрил, но выяснилось, что нас с Аmandой нельзя разлучать. Во всех смыслах. Нас обоих корчило от боли, стоило оказаться хотя бы в разных комнатах, а если расстояние увеличивалось, случались совсем уж жуткие приступы... В течение первого года все нормализовалось, и нас можно было развезти хоть в разные города, но меня к тому времени уже передумали отдавать. Оставили в доме. До пяти лет прятали. Три комнаты: спальня, игровая и столовая. Ограниченное число посвященных в тайну людей. Выходить нельзя было даже в коридор, на сад я любовался из окна, а о прогулках по городу можно было только мечтать... Но мы с Мэнди решили эту проблему. Долгое время никто не подозревал, что мы меняемся. А потом и необходимость отпала. Матери пришла в голову идея взять под опеку десяток сирот, мальчиков и девочек, и дом наполнился детьми, которые играли, учились и ели вместе с хозяйской дочкой... По-моему, это была прекрасная идея. Правда, мне стали красить волосы, чтобы сходство с сестрой не бросалось в глаза, зато мы могли гулять уже вдвоем...

Он замолчал, и Марти воспользовалась образовавшейся паузой:

— Думаете, мы сегодня умрем?

— С чего вы взяли? — с недоумением спросил Адам.

— Вы раскрываете мне семейные тайны. Значит, уверены, что я их не выдам.

— Уверен, что не выдадите, — подтвердил он. — Вы не из тех, кто торгует чужими секретами или выбалтывает их задаром, а я просто захотел рассказать. Нужно же занять себя чем-то, пока не закончится действие блокатора? А потом мы выйдем отсюда. Не люблю темноту и решетки. Подозреваю, что вы тоже.

— Ненавижу.

— Тогда точно не останемся. Но нужно немного подождать. Успеете рассказать, как догадались о нашей подмене и как давно. Хочется знать, чтобы в следующий раз не проколоться на том же.

Марти подумала, что человек, планирующий следующий раз, действительно не намерен умирать в ближайшем будущем, и немного взбодрилась.

— Были какие-то смутные подозрения, — начала она. — Сейчас сама уже всего не припомню. А еще из-за того университетского приятеля я волей-неволей вспоминаю о сообщающихся потоках при встрече с близнецами. Думаю: возможно ли, что они меняются? Правда, в вашем случае размышляла я недолго, ведь разнополые близнецы, как правило, разнойцевые... Но Шеймус сказал, что Адам никак не определится с выбором кофе. А Белла... Вы ведь не из тех, кому нравятся мальчики?

— Мальчики?

— Ну да, такие довольно взрослые мальчики с хорошо развитой мускулатурой. Белла застала, как она думала, вас за разглядыванием фотографий атлетов в журнале и отметила несвойственный мужчинам интерес. Тогда я и вспомнила о полярных близнецах, но, если честно, тут же забыла. А вчера вечером вспомнила снова, когда вы, вернее, Аманда в вашем теле зашла пригласить меня поужинать. Я сказала, что неважно чувствую себя из-за месячных, а она посмотрела так... Знаете, только женщина может так посмотреть. Мужчины, практически все, робеют при упоминании женских недугов, смущаются. Даже вы сейчас, хоть это и странно для человека, часть жизни проводящего в женском теле.

— Не такую уж большую часть, — пробормотал Адам. — И это — тело моей сестры, я не воспринимаю его своим и стараюсь ухаживать за ним, как если бы Мэнди была больна и не могла делать это сама. Абстрагироваться нетрудно, когда знаешь, что обмен — не игра, а вынужденная необходимость, а для нас он всегда был только необходимостью, даже в детстве.

— Возможно, ваши способности именно из-за необходимости развились и усилились, — поддержала Марти. — Вы мечтали выйти из дома, а ваша сестра искренне хотела вам помочь. Но мы не об этом говорили. Вы спрашивали, на чем прокололись. Как насчет того, что вы подошли ко мне в лечебнице? Ведь предполагалось, что мы с Амандой не знакомы.

— Вы видели снимок Мэнди в газете и узнали ее при встрече. Мне кажется, логичнее было подумать, что и она видела вашу фотографию, когда наводила справки о женихе, например. В это проще поверить, чем в известный по единичным случаям обмен сознаниями.

— Наверное. Но мне несложно поверить в невозможное. В юности, когда я уже увлеклась чтением любовных романов, но еще не перестала верить в сказки, мне казалось, что самое невозможное — выйти замуж за лорда истинной крови.

Образовавшаяся после этих слов пауза грозила затянуться, но Адам не позволил.

— Вы — удивительный человек, — проговорил он.

Марти слышала улыбку в его-ее голосе и не смогла не улыбнуться в ответ:

— В прошлый раз вы говорили — сложный. Или это говорили не вы?

— Я. Мы с Мэнди поменялись вчера. Решили, что у нее получится то, что не удалось мне, — уговорить вас приехать в лечебницу.

— И увидеть Томми? — Марти вдруг осознала, что до этой минуты они говорили совсем не о том и лишь сейчас коснулись чего-то по-настоящему важного. — Почему вы так добивались этого?

— Чтобы помочь ему, во-первых. Его состояние ухудшалось.

— Но вы сказали...

— Ухудшалось, — повторил Адам. — Да, он уже не лежал пластом и не отказывался от пищи, но так и не начал считать себя живым. Скорее принял происходящее с ним как некое посмертное существование и продолжал угасать. Прежде он помнил, что было с ним до войны, события, людей, а в последний месяц практически лишился памяти. И его связь с родовым островом начала разрушаться. Сейчас я думаю, что это из-за препаратов, которыми пичкал его Эверет, но еще вчера все выглядело следствием болезни. Мы с Мэнди боялись, что магический шторм уничтожит его как лорда, если Томас не вернет себе контроль над силой. Потому и торопились привести вас.

— Но ничего не объясняли.

— Мы не знали, захотите ли вы помогать человеку, из-за которого провели несколько лет в тюрьме. Мы вообще ничего о вас не знали, пока я из любопытства не заглянул в ваше досье. До сих пор не понял, чем это считать. Удачей, возможно. Но уверен: то, что вы с мужем оказались на одном острове, — не совпадение.

Как и то, что Адам назвал Томми ее мужем. Даже не бывшим.

— А как вы с сестрой оказались тут? — спросила Марти. — Вряд ли Аманда решила лично проследить за лечением жениха.

— Вас так огорчило желание Томаса жениться на другой? — сделал совершенно неверные выводы Адам. — Не переживайте, это было не его желание.

— Вы говорили, что и наш брак он аннулировал не по своей воле. Но ничего не объяснили. Быть может, сейчас? У нас ведь есть время?

— Время? — переспросил он и умолк на несколько секунд. Вероятно, прислушивался к себе, чтобы понять, действуют ли еще блокаторы. — Пожалуй, есть. Но теперь разговор коснется не только наших с Мэнди тайн, и я должен взять с вас официальную клятву никому и ни при каких обстоятельствах не передавать того, что вы сейчас услышите.

— Нам нечем будет скрепить ее без магии.

— Достаточно вашего слова.

— Клянусь... Но вы подозрительно легко мне доверяете.

— Вы, как и я, сидите за решеткой. Это, хм, располагает к доверию.

— Решетки, да. — Марти задумалась. — Полагаете, мы еще в лечебнице? В каком-нибудь подвале?

— Сомневаюсь, что в лечебнице есть настолько заброшенные подвалы. В моей камере куст.

— Куст?!

— Или небольшое дерево. Похоже, не так давно случился оползень и оно провалилось сюда откуда-то сверху. Задняя стена и потолок частично разрушены, но, к сожалению, дыру уже засыпало землей.

— У вас там неудобно, — посочувствовала Марти.

— В камерах в принципе не бывает уютно. Но знаете, этот куст немного оживляет обстановку.

Он шутил как человек, не привыкший впадать в уныние и искренне уверенный, что безвыходных ситуаций не бывает. Или хотел уверить в этом Марти и скрасить ее последние часы. В любом случае она была ему благодарна.

— Вы обещали все рассказать, если я поклянусь.

— Да, конечно. Постараюсь покороче, потому что история долгая и началась она давно...

Началась эта история во время войны, когда несколько лордов, в том числе два дяди, родной и двоюродный, и несколько кузенов Томми решили воспользоваться ситуацией, чтобы свергнуть императора и захватить власть. Им это не удалось, но весь ужас Ликардийской косы был на их совести: именно заговорщики подсказали дарнийским магам, как с помощью кровавого ритуала усилить действие смертельных заклятий. Надеялись, что потеря ударных частей ослабит войска империи и приведет к победе Дарнии, с королем которой уже обсудили передел территорий...

Марти не вникала в тонкости политических интриг, ее впечатлили масштабы человеческой подлости. Столько смертей и искалеченных судеб, отравленная на столетия земля — неужели те лорды верили, что их цель оправдывает подобные средства?

Видимо, да.

Инженерно-саперная рота капитана Стайна базировалась всего в полумиле от будущей границы купола смерти и чудом не оказалась под ним. Томми мог погибнуть по вине своих же родственников, а те, наверное, и не подозревали об этом. Они ведь не были на фронте, отсиживались на своем острове, ожидая исхода войны, и с Томми планами переворота не делились. Адам так сказал. Но Марти в любом случае не поверила бы, что ее муж был участником заговора.

Хорошо, что и другие не поверили. Когда подготовку переворота раскрыли и сорвали, виновные понесли заслуженное наказание. То самое нападение дарнийцев на Архипелаг придумали, чтобы сохранить у народа империи уважение к истиннокровным и не навредить жизни и репутации семей предателей. Император понимал, что в заговоре участвовал далеко не каждый член рода, но людям, озлобленным войной и потерями, этого не объяснить, их гнев и желание отомстить за погибших в Ликардии могли коснуться даже детей. Оттого и не было публичных разоблачений и громких судебных процессов. Но какая-то информация все-таки просочилась за дворцовые стены. Поползли слухи, вездесущие журналисты что-то разнюхали, кто-то обратил внимание, как вдруг поредело несколько древних родов, а тех их представителей, что еще оставались в живых, отчего-то не жалуют в столице. И император поспешил исправить эту

оплошность, выказывая утраченное было расположение членам опальных семей. Благо некоторые из них действительно его заслуживали. Томас Стайн, например.

О нем наводили справки, сказал Адам. Выяснили подробности его службы. Узнали о ранении. Отметили тот факт, что капитан Стайн обратил внимание командования на необычный способ казни попавших в плен к дарнийцам имперских солдат. Единственное, чего не было в его досье, — информации о женитьбе. Но Марти сама могла это объяснить.

— Томми сделал мне предложение за несколько месяцев до того, как нас с ним демобилизовали. Я еще лежала в госпитале после ранения. Не в том, где служила сама, в том не было специалистов по проклятиям, и Томми устроил так, чтобы меня перевезли в офицерский... Тогда мне только-только наложили печати, говорили, что это — единственный шанс, но после перекрытия каналов стало еще хуже, и никто не давал гарантий, что я вообще выживу... В общем, я согласилась, и Томми тут же договорился со священником в поселке неподалеку...

— Но не сообщил своему командиру, — понимающе закончил Адам. — Как и вы своему.

— Получение разрешения на брак могло потребовать времени, а мы не были уверены, что оно у нас есть.

Если бы Адам спросил, зачем в таких обстоятельствах им вообще понадобилось жениться, Марти не знала бы, что ответить. Но он ни о чем не спрашивал.

Продолжил рассказ.

Сказал, что капитан Стайн и его послужной список произвели хорошее впечатление на императора, и тот решил, что Томми — лучший кандидат на место главы рода. Нынешнего патриарха это не порадовало, но ему пришлось смириться с выбором правителя, как до этого — со смертью сына и внуков, запятнавших себя участием в заговоре и связями с дарнийской разведкой, по выражению Адама, по самое некуда. Но любить внучатого племянника, которого он долгие годы считал пятном на родовом стяге, старого лорда Стайна никакой приказ не заставил бы.

— Томми — пятно? — непонимающе переспросила Марти.

— Это — слова его деда. Двоюродного деда, который сейчас является главой рода. Томас — сын его младшего племянника, который женился на недостойной, по мнению семьи, женщине.

— Вы говорите о леди Амалии? — еще больше удивилась Марти.

— Леди она стала называться после замужества. Ее семья не относится даже к новейшей аристократии. Отец владел торговым предприятием и обеспечил дочери хорошее образование и богатое приданое, но в глазах Стайнов это ничего не стоило. Их остров один из сильнейших в Архипелаге, а род старше императорского.

Томми никогда не рассказывал, отчего не поддерживает близких отношений с родственниками. Но его не тяготило отсутствие теплых чувств с их стороны. Зато они не лезли в его жизнь, не помешали освоить непрестижную, но интересную ему специальность, не указывали, с кем общаться и на ком жениться. Но теперь и леди Амалию можно было в каком-то смысле понять. Она хотела для сына лучшей жизни и считала, что ему необходима поддержка рода, но, если ее, такую красивую, великолепно воспитанную и богатую, за столько лет не признали достойной лорда младшей ветви, разве приняли бы Стайны Марти, которая по сравнению со свекровью была безродной голодранкой?

— С момента приезда в столицу Томас вел довольно странный образ жизни, — продолжал Адам. — Он посещал все мероприятия, куда его приглашали, сам устраивал приемы, но при этом оставался как будто в стороне от всего. От него невозможно было добиться ни единого слова сверх обязательных вежливых фраз. У него не было друзей: новых не завел, а старые связи оборвал с концами. Репортеры следили за ним, но не обнаружили ни тайных пороков, ни увлечений чем-нибудь или кем-нибудь... Да, женщин рядом с ним тоже не было, кроме матери, которая сопровождала его повсюду. Помню,

кто-то пошутил, что дома леди Амалия прячет сына в чулан и достает оттуда, лишь когда получает приглашение на очередной прием. Боюсь, в этой шутке имелась доля истины, но тогда никто не замечал, насколько все серьезно. Алексу даже нравилось то, что ему докладывают о молодом лорде Стайне, и когда он решил выдать Мэнди замуж...

— Алексу? — переспросила Марти, услышав незнакомое имя.

— Хм... Я опять вышел из образа? — Адам потешно оттянул в сторону длинные белокурые пряди. — Обычно я не называю нашего императора по имени при посторонних. Но разве соседка по заточению может быть мне посторонней? Так что пусть уж будет Алекс. Он приходится нам с Амандой троюродным братом по отцу, еще далеко не стар и не возражает против подобного обращения в узком кругу. И да, он принимает самое горячее участие в судьбе моей сестры. Сам я, к счастью, лишен его повышенного внимания, ведь я — мальчик, которого не было. А Аманда — девочка, которая была, которой скоро уже тридцать, которая почти загубила свою репутацию тем, что во время войны не пряталась на Архипелаге, а собрала компанию таких же отчаянных ребят и отправилась с ними даже не на фронт, а напрямик во вражеский тыл. Для леди подобное недопустимо, вы же понимаете? А журналисты, как всегда, что-то разнюхали. Вот наш мудрый император и придумал, как совместить полезное с полезным: выдать Мэнди замуж, сделать так, чтобы никто не оспорил права Томаса на место главы рода, и на века вперед обеспечить верность Стайнов короне.

Марти не поняла, как можно добиться последнего, и Адам объяснил, что все, в ком течет хоть капля императорской крови, безоговорочно преданы своей стране и правящему родственнику. Если бы Томми женился на Аманде, их дети унаследовали бы эту кровь и эту преданность от матери.

Но Томми не женился. Он замыкался в себе все больше и почти перестал выходить в свет. Аманда, будучи женщиной практичной и не имея возможности не подчиниться венценосному кузену, хотела заранее согласовать с женихом условия их неизбежного брака, но разговор не удался. Вскоре после этого Томми поспешно — так поспешно, что это не могло не вызвать подозрений, — уехал в Идвер, а какой-то ушлый репортер что-то разузнал о Марти.

— Мы совершили ошибку, не перепроверив информацию, — признал Адам. — Только несколько дней назад наши люди выяснили, что старый лорд Стайн заплатил журналистам, чтобы в печать пошла отредактированная версия вашей с Томасом истории. Опасался, что очередной скандал вокруг имени Стайнов окончательно погубит репутацию рода, а император не простит обманутого доверия.

— Насколько отредактированная? — поинтересовалась Марти, загодя не ожидая от ответа ничего хорошего.

— Вы были возлюбленной капитана Стайна, но женой стать не успели. Умерли. Думаю, часть использованных в статьях свидетельств была подлинной, ведь многие знали о вашем ранении, но мало кому было известно, что угрозу удалось нейтрализовать. Возможно, даже целители, лечившие вас, не были уверены, что наложение печатей полностью остановило распространение проклятия. И о том, что вы все же поженились, как вы сами сказали, осведомлены были единицы. Прочти кто-то из них те статьи, побежали бы они сообщать о замеченной неточности? Разве так важно, были ли вы невестой капитана Стайна или женой, если вас в любом случае уже нет в живых? А судили вас практически тайно, допустив такое количество процессуальных нарушений, что участники того действия, от обвинителя до стенографиста, и не подумали бы заявить о нем. Поэтому, как я и говорил, мы понятия не имели, что вы находитесь в тюрьме Карго-Верде, а об острове впервые услышали, когда выяснилось, что леди Амалия определила сына в местную лечебницу. Мэнди хотела узнать у нее подробности, ведь психические расстройства у лорда — случай небывалый, и не успела.

— Леди Амалия?..

— Нет, — не дал закончить вопрос Адам. — Она жива. Но перенесла обширный инсульт. Целители сделали и продолжают делать все возможное, но уже известно, что полностью ее здоровье и память не восстановятся. К тому же реабилитационные мероприятия были начаты практически сразу же. Наверное, это и спасло леди Амалию, но лишило нас возможности установить, было ли кровоизлияние в мозг следствием наведенного

заклинания или использования зелий. Мы подозреваем, что без стороннего вмешательства не обошлось, но глава рода Стайнов отказался инициировать полноценное расследование. И на просьбу Аманды организовать перевод внука в другую клинику не согласился. Он был в своем праве, но... Мы не любим, когда нас пытаются водить за нос. Да и Мэнди немало потрудилась, создавая образ достойной леди, и не хотела превращаться в женщину, которая довела жениха до психушки. Так что мы копнули поглубже и выяснили, что связь леди Амалии с лечебницей Карго-Верде не ограничивалась. В первый послевоенный год она несколько раз получала отсюда посылки. Судя по квитанциям, которые удалось восстановить, — мелкие пакеты, всего пять или шесть. И переводила на остров деньги. Знаете эти переводы до востребования, когда для получения нужно назвать номер или кодовое слово? Установить получателя через столько лет практически невозможно, но сам факт перевода настораживает. Она как будто покупала что-то. Или выкупала.

— Подозреваете шантаж?

— Да. Тем более что старого лорда Стайна тоже шантажируют. Пришлось прижать его, чтобы выяснить, что кто-то выкрал документы, подтверждающие участие его сына и внуков в сговоре с Дарнией, которые этот идиот хранил в столичном особняке, вместо того чтобы уничтожить. Теперь угрожают предать их огласке, если старик будет слишком дотошно интересоваться судьбой наследника. Ему настоятельно рекомендовали оставить Томаса на Карго-Верде и забыть о нем.

— Но ведь тот заговор... Он же в прошлом? Император знает, и виновные наказаны...

— Император знает. Но что будет, если это станет известно всем? Хватит ли могущества лордов, чтобы сохранить мир и спокойствие в государстве? А что ждет непосредственно Стайнов? Полагаю, при необходимости император пожертвует этим родом, но...

— Но? — переспросила Марти, когда Адам прервался на полуслове и замолчал.

— Мы не ставили его величество в известность. Решили, что сами во всем разберемся. Дело ведь практически семейное, а Алексу хватает других забот.

У Марти не нашлось слов, чтобы прокомментировать последнее заявление. Что это? Ребячество? Самонадеянность? Отчего близнецы возомнили, что смогут решить проблему, с которой немедленно следовало обращаться в имперскую службу безопасности, а то и куда повыше? Марти не сомневалась, что это «повыше» существует и работающие там люди щелкают подобные загадки как орехи.

Адам тем временем рассказывал, как они искали подступы к лечебнице Карго-Верде. Сначала вышли через армейских знакомых на доктора Ллойда. Во время войны целителю приходилось работать с высшим командным составом, что предполагало в той или иной мере допуск к секретной информации, и это оказалось для близнецов удачей, ведь Ллойд давал закрепленные магией клятвы, которые, во-первых, исключали его участие в любых противозаконных сговорах, а во-вторых, практически подчиняли носителям императорской крови. Адам и его сестра придумали, как это использовать. Они нашли в Идвере девушку того же типа внешности, что и Аманда, и с подходящим диагнозом, состряпали себе липовые документы и с помощью доктора Ллойда организовали перевод «Вивиен» на Карго-Верде. Настоящую миз Кейдн перевезли в другое заведение, и Адам уверял, что там она чувствует себя намного лучше, чем в Идвере, где ей не уделяли должного внимания.

— Вэл и Джош остались в Идвере... Это наши с Мэнди, хм, друзья. Они создавали видимость того, что лорд Томас в добром здравии и поддерживает отношения с семьей и невестой. Шантажисты никак на это не отреагировали, и мы сделали вывод, что им зачем-то нужен сам Томас. Но так и не поняли зачем...

Адам и Аманда по очереди дежурили при Томми, следили за всеми, кто проявлял к нему интерес, но капитана-мертвеца никто не навещал. Единственной странностью было то, что его дед не переводил оплату за пребывание наследника в лечебнице, но, по словам Ллойда, у которого был доступ к бухгалтерским документам, деньги на счет поступали исправно.

Близнецы решили поискать ответ за пределами лечебницы. Несколько недель в городе

им хватило, чтобы собрать местные сплетни и выбрать из всех вариантов архив. Башня была хранилищем информации, а ее временная хозяйка Джоан Гарнет поддерживала близкие отношения с лейтенантом полиции, что давало шанс быть в курсе как светских, так и криминальных новостей. А еще башня была башней. Творение лордов древности притягивало Аманду и ее брата, но отказывалось выдавать им свои секреты. Когда Адам решил использовать силу истинной крови, башня взбунтовалась и вышвырнула взломщика, в прямом смысле настучав тому по голове.

Марти помнила, как это произошло, и могла бы добавить, что остров отреагировал не столько на кровь лордов, сколько на кровь императора — императора-убийцы, чьими потомками являлись близнецы. Оттого он и не любил Адама и ту, что время от времени приходила в башню в теле парня, — не за то, какими они были, а за то, кем были.

— Если бы не башня, мы, возможно, не задержались бы на Карго-Верде, — признался Адам. — В лечебнице ничего не происходило. В городе — тоже. Старику Стайну перестали приходить письма с угрозами. Мы подумывали уехать, и пусть бы безопасники разбирались тут дальше. Но начались убийства. Появились вы. Объявили о приближении шторма. Томасу стало хуже. Мы поняли, что все это неспроста, и вызвали Вэл с оборудованием... Помните блондинку, которая ужинала с шефом полиции? После того как нашли второй труп, в «Маяке» появилась статья, где описывался способ убийства... Первое убийство мы не заметили. Сами понимаете, какой-то бродяга... Но тут уже явно прослеживалась связь с Ликардией. И лейтенант Фаулер обнаружил на телах магический след, природу которого не мог определить. Прошлой ночью Вэл сделала замеры, чтобы сверить основные параметры с картотекой. Работа кропотливая, но мы рассчитывали, что к сегодняшнему утру она управится, а Мэнди должна была привезти вас до начала шторма. Нельзя было так затягивать, да, но мы действительно не знали, можно ли вам доверять и не замешаны ли вы во всем этом... А теперь я вообще ничего не понимаю.

— Разве не очевидно, что Эверет запер нас тут?

— Даже слишком очевидно. Эверет — пешка. Но чья?

Пешка. Марти невольно усмехнулась.

Пожалуй, самая большая ошибка всех, кто ввязался в эту игру, в том, что они недооценивают пешек.

От дальнейших размышлений отвлек шорох со стороны камеры, которую она считала пустой, и послышавшийся затем шепот:

— Тина...

ГЛАВА 25

Фаулер слушал не перебивая. Рассказчик, а вернее, рассказчица сама останавливалась несколько раз и смотрела на него, ожидая вопросов или удивленных возгласов, но Кен молчал. Вопросы — потом, а удивление... Он ведь в цветочных фей обещал поверить, не то что в меняющихся телами близнецов, кузена-императора и лордов-заговорщиков. Тем более о близнецах что-то подобное когда-то слышал, а об остальном так кстати узнал сегодня от Руби.

Только догадки Уоллеса относительно Томаса Стайна оказались неверными. Человеком он, как получалось, был совсем неплохим, но с родственниками парню не повезло безумно.

Кен усмехнулся сложившейся в голове мрачной шутке, и Аманда — не звать же ее по-прежнему Адамом? — умолкла и вздернула бровь.

— Что-то не так, лейтенант?

— Да. Шантаж. Деда шантажировали, он сам вам признался. И мать, как вы с братом решили, тоже?

— А на что еще это похоже?

— На что? Она слала на остров деньги, получала отсюда какие-то посылки, а затем ее сын ни с того ни с сего отправил за решетку любимую женщину, чтобы превратиться в тень за спиной матушки. Добавь сюда Беллу и подумай, на что это похоже?

Адам и раньше изображал недотепу, но сейчас его сестричка состроила совсем уж глупую физиономию.

— Белла, — терпеливо повторил Фаулер. — Вы же разнюхали тут все и обо всех, нет? Тогда должны знать, что Белла Паркс — сильнейшая из местных ведьм, когда дело касается приготовления зелий.

— Слушай, Мэнди, — подала голос Валери, — а ведь пушистик дело говорит. Мартину Аллен обвинили на основании экспертизы, подтвердившей воздействие на Стайна. Только направленность воздействия при обычных пробах определить трудно: мог быть приворот, а мог быть и отворот.

Вот и еще одно подтверждение. Но Аманда не торопилась соглашаться.

— Мы с Адамом предполагали, что Томаса вынудили аннулировать брак с Мариной. Не исключено, что тоже шантажом или же через мать. А помутнение рассудка — следствие нарушения клятвы лорда...

— Если бы лордам было так сложно нарушать клятвы, Ликардия осталась бы курортом, — перебил Кен.

— Я говорю о клятве, данной искренне, от всего сердца, которая закрепляется на уровне родовой магии.

— Точно, — кивнул пес. — Я вспомнил. Читал о таком однажды. В сборнике древних мифов. А Мартину вы в лечебницу зазывали, чтобы она исцелила Стайна поцелуем истинной любви, да?

— Послушайте, лейтенант...

— Это ты меня послушай, мальчик-девочка, — выговорил он веско. — Я вижу факты. А когда есть факты, хрена с два я стану забивать себе мозги мифологией.

Иногда самый очевидный ответ и будет правильным, как написала Марина Аллен.

— Вашим мозгам не хватает гибкости, — заявила Аманда. — Вот и отмечаете заранее все, что кажется вам невозможным. Потому и не нашли своего убийцу, даже след не распознали, потому что он не похож на отпечатки стандартных заклинаний и отсутствует в вашей базе. А Вэл только вчера сделала замеры, по остаточному фону,

между прочим, и...

— Менталист.

Маскирующаяся под парня девица застыла с приоткрытым ртом.

— Менталист, — повторил Кен. — Ты же к этому так долго вела? Как со сцены, блин... Вас в разведшколе готовили или в театральном училище? И расширенная картотека региональным управлениям, кстати, не положена, так что вся база у меня тут, — он постучал пальцем по виску, — в моих негибких мозгах. И отпечатков ментальных чар там нет, да. Но я умею работать с фактами. А факты говорят, что у нас тут ведьма-зельевар — раз, одурманенный лорд — два, его жена — три, убийца-менталист, который вытягивает из жертв силу, — четыре, и он перестал таиться именно в то время, как Мартина вышла из тюрьмы, — четыре с половиной... Хотя первый труп нашли почти сразу после того, как объявили о приближении магического шторма...

— Четыре и три четверти? — подсказала Валери.

Аманда недовольно цокнула языком, но, кажется, признала подход Фаулера верным.

— Считайте дальше, — сказала, направившись к дверям. — Вэл, я принесу твой чемодан, и выдвигаемся. В лечебницу. Факты говорят, — слово «факты» она жирно подчеркнула желчью, — что поиск нужно начинать оттуда.

Вышла она так быстро, что Кен не успел ничего ни сказать, ни спросить.

И считать дальше не стал. Вслух. Про себя перебирал известные ему события, но стройной картинке все еще не получалось.

— Ты бы не рычал на Мэнди, пушистик, — вторгся в мысли голос Валери. — Ее иногда заносит, и подход к делу слишком, хм, творческий... Но и ты почти угадал, не было никакой разведшколы. А вот театральная кружка была, тоже, знаешь ли, пригодилась. У Мэнди так вообще талант... Но сейчас она не в лучшей форме.

— Угу, заметно. — Фаулер непроизвольно помассировал запястье.

— Это серьезно, — хмуро продолжила женщина. — Она не чувствует Адама. Впервые на моей памяти. И если не сможет добраться до него в ближайшие двадцать часов... или даже меньше...

— Останется навсегда в его теле?

— Не останется. В том и проблема. Время обмена ограничено. Первые тридцать часов — самые легкие. Потом приходится прилагать усилия, чтобы контролировать чужое тело, и чем дальше, тем сложнее это дается. Чтобы вернуться в себя, им нужен физический контакт, а без этого сознание просто вытолкнет в никуда... Наверное. Мы не доводили такие эксперименты до конца. Причины, думаю, понятны. Так что сейчас Мэнди проявляет чудеса выдержки, когда пытается что-то с тобой обсуждать. Я на ее месте уже мчалась бы в лечебницу.

— Просто она понимает, что Адама там, скорее всего, уже нет. Им ведь охранка лечебницы раньше не мешала?

— Нет.

— Может, из-за шторма?

— Думаешь, это первый наш шторм? Мы проверяли их связь в лаборатории, специально выставляли заслоны, врубали магические излучатели на полную мощность... Единственный барьер, с которым они столкнулись, — ваша башня. Магия, использованная при ее постройке, слишком древняя, и кровь императоров ее не пересиливает, но даже при этом башня только создавала помехи, а не обрывала связь полностью. Так что у меня никаких догадок, пушистик. Но можешь задействовать свои выдающиеся мозги.

— Они у меня негибкие, а не выдающиеся, — поправил Кен. Выдающиеся у Джо, но она,

как и Адам, сейчас неизвестно где. — И мне не нравится, когда меня называют пушистиком.

— Ты просто не привык.

— И не собираюсь, — буркнул он.

Развернул в который уже раз письмо Мартины, пробежался глазами по строчкам. После заглянул — тоже не впервые — в сумочку Джо. Из интересного тут был лишь пузырек с кровью. Кен даже не подумал спросить, что Джо сделала с ней после неудавшегося поиска, но можно было догадаться, что не выбросила.

А поиск... Действительно ли ему помешал шторм? Или Джо не смогла пробиться к Джессике по тем же причинам, по которым Аманда не может пробиться к брату? Если так, то, возможно, и девочку и Адама удерживают в одном месте — в месте, неподвластном ведьмовским чарам, структурной магии и лордам императорской крови...

Вскоре Аманда (Аманда в теле Адама, но Кен подумал, что, если близнецы не станут притворяться кем-то третьим, он без труда различит их и так) принесла обещанный чемодан. Вспомнилось, как пришлось попытеть Раннеру, помогая миз Мэлоун поднять багаж в номер: чемодан был большим и тяжелым. И неудивительно, учитывая, что лежало там отнюдь не дамское белье.

— Собирались захватить остров? — поинтересовался лейтенант.

Багаж Валери тянул на тюремное заключение сроком до пяти лет и солидный денежный штраф. Первое — за хранение и перевозку оружия (если только у красавицы нет на это разрешения), второе — за использование нелегальных артефактов.

— Это — прототипы, — с невинной улыбкой сообщила мастер. — Лицензия в процессе оформления. Но испытания пройдены успешно, — радушно обвела рукой распахнутый чемодан и предложила: — Угощайся, пушистик.

Отказываться Кен не стал. Взял автоматический пистолет на семнадцать патронов и две запасные обоймы. Хватить должно было с лихвой, так как на перестрелку Фаулер даже не надеялся: слишком просто вышло бы, решишь все оружием и грубой силой.

Из замагиченных побрякушек прихватил пару тонких, но крепких цепочек, удлиняющихся по мере растягивания до пяти ярдов. Остальные игрушки ему скорее помешали бы, ведь делали их для магов или вообще не обладающих даром людей, а не для оборотней.

— Валери сказала, башня создавала помехи вашей с братом связи, — заговорил он с Амандой. — Когда сегодня ты перестала его чувствовать, это случилось резко, внезапно или сначала были такие же помехи?

Она ответила не сразу. Сначала сунула в подмышечную кобуру пистолет и застегнула на запястье браслет-иглострел.

— Помехи? — переспросила задумчиво. — Да, было что-то. А такие же или нет?.. Мне не с чем сравнивать, кроме башни. Возможно, экранирование ощущается одинаково, независимо от источника.

— То есть помехи ощущались так же, словно Адам вошел в башню?

— Но мы-то знаем, что он не входил в башню. Вы же не думаете?..

Он-то как раз думал. За всю жизнь так усиленно и напряженно не думал, как в эти несколько минут. Развернул снова письмо Мартины.

— «Девочку собирались отвезти в какой-то дом», — зачитал вслух. — Что, если «дом» — это не просто дом, а дом? В смысле дом, построенный лордом? Это могло отрезать тебя от брата?

— На острове есть дома помимо башни?

— Был один. Мы с Джо решили, что он давно разрушен, но...

— Книга? — догадалась Аманда. — Та самая, которую вытащила со скрытых этажей Мартина? Это и правда была книга рода? Там написано о доме?

— Стоп! — Кен выставил вперед ладонь, пресекая поток вопросов. — Сначала ответь, если Адам в том доме, это помешает тебе его чувствовать?

— Это помешает всему, — мрачно ответила она после недолгих раздумий. — Башней пользовались долгие годы. Даже века. Вложенная в нее сила лорда растрачивалась на открытие переходов и сохранение документов, на освещение, на охрану... А сила дома, если он хотя бы частично уцелел, была законсервирована. Маги не успели подстроить ее под себя и сделать универсальной, это по-прежнему сила лорда. Если Адама заперли там, сам он не выберется. Тем более в моем теле.

— Значит, нужно его вытаскивать, — решил Фаулер.

— Книга еще в башне? Там есть карта?

— Есть. Но без Джо мы в башню не попадем.

— Но...

— Нам и не нужно, — успокоил пес. — Карта есть и у меня. Тут.

Он коснулся лба, и Валери, как раз закончившая рассказывать по карманам какие-то магические приспособления, присвистнула восхищенно-насмешливо:

— И база там, и карта! Береги голову, пушистик.

— Сберегу. Я не привык ее терять.

Лгал. Терял, и не раз, когда дело касалось Джо. Но сейчас сама Джо потерялась, так что голову нужно было сохранить. Работающей.

Пока вроде бы получалось. Причем получалось настолько легко, что Кен заподозрил неладное. Как говорил один знакомый бухгалтер, если баланс не сходится, в нем ошибка, а если сходится сразу же — то две. У Фаулера сошлось все так лихо, что он боялся представить, сколько раз мог ошибиться, но выдавать сомнения не стал: других идей и другого плана все равно не было, а в жизни, случается, просто везет. Отчего бы не ему и не сейчас?

— Тина...

— Да! — Марти вскочила так резко, что в голове взорвался фейерверк и разноцветные сполохи замелькали перед глазами, но все равно нашла силы подойти к разделявшей их решетке. Вцепилась в шершавые от ржавчины прутья, чтобы не упасть. — Я здесь. А ты...

— И я здесь. — Он дотронулся до ее пальцев и тут же отдернул руку. — Прости, что не отозвался. Мне нужно было понять... Понять, что происходит...

— Ты слушал? — Слово «подслушивал» даже не пришло на ум. Подслушивать — это что-то постыдное, а в желании Томми разобраться, во что превратили его жизнь, ничего постыдного нет.

— Да, прости. За все прости.

— Во всем ты не виноват, — проговорила она, стараясь уверить в этом то ли его, то ли себя: все же обида слишком долго жила в ее сердце и успела пустить корни.

— Виноват. Я обещал заботиться о тебе.

А еще — смешить ее не меньше трех раз в день, покупать мороженое только в вафельном рожке и никогда — в картонном стаканчике, не пытаться отращивать усы, готовить ей завтрак в выходные. Любить ее всегда и умереть с ней в один день.

Последнее обещание может исполниться и без желания Томми. Но Марти предпочла бы мороженое.

— Ты вспомнил... что-нибудь?

— Все, — ответил он с горечью.

— Приятно это слышать, лорд Стайн, — вклинился в разговор Адам. Его голос — голос Аманды — звучал воодушевленно. Слишком.

— А мне — нет, — хрипло отозвался Томми. — Неприятно.

— Я о том, что вы сможете объяснить, кто стоит за всем этим, и мы поймем, чего нам ждать и как действовать дальше.

Томми приблизился к решетке. Вплотную. Теперь Марти могла рассмотреть его исхудавшее лицо, могла коснуться колючей щеки... И продолжала держаться за прутья.

— Адам, да? — спросил он, вглядываясь в темноту за ее спиной. — Я помню вашу сестру. И вас, возможно. Возможно, видел, но не знал, как и многие, что вы — брат леди Аманды... У меня для вас плохая новость, Адам. Я понятия не имею, кто за этим стоит. Даже больше: понятия не имею, что такое «это», о котором вы говорите.

— Но то, что с вами случилось...

— Я могу только догадываться, что со мной случилось. Знаешь... — Он посмотрел на Марти. — Мне как будто снился сон, в котором я делал что-то, что-то говорил... не то, что хотелось самому... Словно наблюдал за собой со стороны и не мог ничего изменить. Несколько раз казалось, что вот-вот проснусь, но я лишь засыпал еще крепче. А в последний раз уснул слишком крепко. Вспоминал тебя перед этим, по-настоящему вспоминал, а после...

Он замолчал, и Марти пришлось закончить за него:

— Забыл совсем.

Томми — мысленно она снова звала его Томми, хоть он мало напоминал себя прежнего, — медленно кивнул.

— Совсем. Даже не представлял, как много ты для меня значила.

Его слова неприятно царапнули. Не представлял? Когда носил ей цветы, говорил, что любит, когда просидел два дня у ее кровати, — не представлял?

Или все из-за того, что он сказал «значила». В прошлом значила...

— Дело не во мне, — выговорила Марти, сглотнув вставшую комом в горле обиду. — Ты помнил ранение, но забыл, что тебя вылечили. Потому и... Я просто вернула все.

Но рад ли он этому? Быть может, предпочел бы и дальше спать.

— Но почему вы забыли? — снова вмешался Адам. — Вы сказали, что догадываетесь.

Томми ответил не ему — Марти.

— Моей матери следовало уехать тогда, — сказал, глядя ей в глаза. — Сразу. Я должен был сказать ей это, но мне казалось, что у меня получится изменить ее мнение, что она поймет. Не нужно было... Встретаться с ней, объяснять что-то, есть еду, которую она заказывала, пить чай... У него был странный вкус. Но у дорогих чаев с экзотическими добавками нередко бывает странный вкус, и чем страннее, тем они дороже...

— Ты думаешь, она что-то...

— Возможно, ее заставили, — не дал закончить Адам.

Томми усмехнулся. Если бы он действительно был мертвецом и восстал сейчас из могилы, усмехался бы точно так же: зловеще и холодно.

— Все еще верите, что случившееся со мной — продолжение истории заговора, в котором отметились мои родственники? — спросил он Адама.

— Вы же слышали, что я рассказывал Мартине. Мы с сестрой изучили факты, и все говорит о том, что так и есть.

— Это вы говорите. Только вы.

— Но...

— Кролик или утка?

— Что? — с недоумением переспросил Адам.

— Кролик или утка? — повторил Томми. Улыбка мертвеца так и застыла на его губах. — Это было в каком-то журнале. Простенький рисунок: голова утки. Шея, глаза, клюв. Но стоит взглянуть иначе, и клюв превратится в длинные кроличьи уши. Кажется, ерунда. Детская забава. Но знаете, в чем проблема? Тому, кто сразу увидел утку, сложно потом разглядеть кролика.

— Хотите сказать, мы с Амандой ошиблись?

— Вы слишком долго вели утиную охоту и теперь не замечаете торчащих отовсюду кроличьих ушей. Не все в нашей жизни связано с политикой, войнами и заговорами.

— Но зачем такое вашей матери? И как бы ей это удалось? Вы же лорд!

— Зачем? Чтобы я женился на вашей сестре. Или на другой леди, в них, как оказалось, нет недостатка, но я оценил то, что вы не стали рассказывать моей вдове, сколько предложений взаимовыгодного брака получал лорд Стайн от отцов, братьев и самих прекрасных леди.

Марти весть о предложениях не взволновала. А вот то, что Томми назвал ее своей вдовой...

— А как ей удалось... — продолжал он. — Легко. И не без помощи вашего кузена-императора... Любопытно, если бы я женился на леди Аманде, тоже мог бы звать его Алексом?

— На что вы намекаете?! — вспыхнул Адам.

— Полагаете, мне не разрешили бы? Что ж, я избавился от остатков сожалений по поводу невозможности этого брака. Право обращаться к его величеству по имени было для меня единственным плюсом данного союза, но раз нет...

Марти поморщилась. Томми и прежде нередко шутил, но его шутки не были злыми.

— Объяснитесь, Стайн! — потребовал Адам. Женский голос прозвучал пискляво и неубедительно.

Томми улыбался.

— Он имел в виду неосознанную помощь, — ответила вместо него Марти. — Думаю, после того как нескольких Стайнов уличили в причастности к заговору, император оборвал или ослабил связь всех членов рода с их островом. Поэтому зелье, которое леди Амалия дала Том... Томасу, подействовало сразу и, возможно, эффект был сильнее ожидаемого... Это же было зелье? Твоя мать — не маг, она не могла сама...

Улыбка Томми из злой превратилась в задумчивую.

— Я не буду спрашивать, откуда ты это знаешь, — проговорил он размеренно, точно взвешивал каждое слово. — Не о зелье — о силе императора.

— Я расскажу, — сказала ему Марти. — Потом. Если захочешь.

— Ты веришь, что будет «потом»?

Плохой вопрос. Страшный. Но Марти не пришлось на него отвечать.

— Я не знал, — глухо произнес за ее спиной Адам. — Не знал, что всех Стайнов... И вообще... Императоры давно уже не использовали свою власть над Архипелагом таким образом, и многие лорды забыли о ней. Если бы помнили, то и заговора никакого не было бы. И войны, возможно... Но вы уверены, Томас?

— Я перестал чувствовать Стайн за несколько дней до того, как мать сообщила о смерти дяди и кузенов. Решил, что это из-за перераспределения родовой силы. Только сегодня, услышав ваш рассказ, догадался, что это было, и все встало на свои места.

— А после? Когда вы переехали в столицу, император ведь благоволил вам. Разве связь с островом не восстановилась?

— Спустя некоторое время... Да, кажется.

«Но было уже поздно», — закончила Марти про себя. Томми терял связь с родовым островом дважды: в первый раз по воле императора, во второй — когда из-за зелий, которыми опаивала его мать, перестал контролировать дар, забыл, как им пользоваться, так же как потом забыл Марти.

Неужели леди Амалия действительно думала, что осчастливит сына, украв у него часть жизни?

— Она не думала о его счастье, — прозвучало прямо над ухом, и Марти вздрогнула от неожиданности, но хорошо хоть не вскрикнула. Даже оборачиваться не стала, и без того зная, кого увидит: мужчину с волосами цвета меди, укутанного в длинный багровый плащ. И увидит его только она... — Счастье леди Амалию заботило лишь собственное, — продолжал он. — Всегда. Она четко знала, чего хочет. Сначала выйти за лорда. Без зелий там, к слову, тоже не обошлось. Приворожить истиннокровного не просто, но будущая леди Стайн нашла сильную ведьму, тогда еще молодую, но весьма одаренную. Та организовала и пылкие чувства, и скорую беременность на случай, если чувства все же развеются. Так что твой Томми для матери — лишь пункт в продуманном плане. А поскольку брак не дал ей желаемого положения в обществе и не принес несметных богатств, Амалия решила получить их через сына и, когда он не оправдал надежд, взяла все в свои руки. Обратилась к уже проверенной ведьме, которая за годы стала еще сильнее и набралась опыта.

Томми еще что-то говорил, но, должно быть, это было не важно, иначе Марти дали бы послушать его. Но нет, ей рассказывали о леди Амалии и какой-то ведьме...

«Как ты можешь об этом знать? — мысленно спросила Марти, не сомневаясь, что будет услышана. — Это ведь происходило не... не на острове...»

Скажи она «не на тебе», это прозвучало бы странно.

— Что-то — как раз на острове. Об остальном немало говорилось. Тоже на острове.

Адам сказал, что леди Амалия переводила сюда деньги, а взамен получала какие-то посылки. Но это был не шантаж. Значит, ведьма живет здесь...

— Да, ведьма здесь. И тюрьма здесь. И лечебница. Кое для кого все сложилось наилучшим образом. Как ему кажется.

— Кому?

Забывшись, она задала вопрос вслух. Томми подался вперед, к решетке, и вжался в нее щекой.

— Кому — что? — спросил, пристально вглядываясь в лицо Марти.

— Кому все это нужно? Я думала об этом...

Он поверил. Но ведь и она не солгала: действительно думала.

— А кто запер нас тут? — вопросом на вопрос ответил Томми.

— Иногда самый очевидный ответ и есть правильный, — вторил ему другой голос. — Я ведь говорил тебе.

Говорил, но ей казалось, эти слова предназначались Фаулеру.

— Случается, один ответ подходит ко многим вопросам. А вы, люди, любите все усложнять и ищите скрытые смыслы там, где их нет.

— Значит, Эверет? — проговорила Марти задумчиво. — И убийства — тоже его рук дело? Убийства, сбор силы, как перед Ликардией, — пояснила она для Томми. — Но ведь один человек не устроит подобного? Выходит, у него другие цели. И для этого ему нужен... лорд?

Очевидно? Да. Но все еще слишком сложно. Больше трех лет прошло с суда, после которого ее отправили на Карго-Верде, Томми появился тут минувшей зимой, а к решительным действиям Эверет перешел совсем недавно.

— У него был план, — сказал остров. — Но его пришлось несколько раз менять. Из-за внезапного интереса императора к твоему мужу, из-за своеволия леди Амалии... В последний раз — из-за шторма. Он думает, что шторм ему поможет.

«Поможет в чем?» — вернулась к мысленному общению Марти.

— Ты поймешь.

«Твою ж!.. — Она раздраженно цыкнула, не закончив ругательство. Все равно не знала, есть ли у островов матери. — Тебе не кажется, что мне давно уже пора понять?!»

— Ты поймешь, — повторил он.

— Ты права, — негромко сказал Томми. — Ему нужен лорд. Но не ты. Поэтому, если получится, если появится хоть малейшая возможность, беги отсюда. Я постараюсь помочь.

— Но...

— Беги, Тина, — все так же тихо, но резко приказал он. Его пальцы сомкнулись на ее запястье с одной лишь целью — нащупать выпуклый контур печати и надавить почти до боли. — Ты ничего не сможешь, понимаешь? Только сбежать, если повезет.

— А ты?

— Не важно. Тебя не должно это беспокоить.

Она хохотнула нервно и коротко: не должно? Просто сбежать и забыть о нем? Видимо, он до сих пор плохо ее помнит, если считает, что такое возможно.

— Не нужно, Тина. — Томми отпустил ее руку и отступил от решетки, снова спрятавшись в темноте. — Я уже не тот человек, которого ты любила. Даже если думать, что я действительно спал все это время, поверь: сны тоже меняют людей. Особенно — кошмары.

Она не собиралась с этим спорить, однако и молчать не стала бы, но откуда-то донеслись звуки приближающихся шагов и неразборчивые пока голоса.

Кто-то шел сюда, и, если это Эверет, он был не один.

Марти затаилась. Томми и Адам в своих камерах — тоже.

Гости (или правильнее сказать — хозяева?) не торопились, разговор их стих, лишь гул шагов нарастал. Создавалось впечатление, что там огромная толпа, человек двадцать, не меньше. Однако, когда внезапно, очевидно подчиняясь вложенному в них заклинанию, зажглись под потолком старинные масляные лампы и осветили примыкавший к камерам полукруглый зал, Марти увидела всего троих: незнакомого мужчину лет сорока в форменном костюме медработника, доктора Эверета, по-прежнему пребывавшего в образе элегантного и доброжелательного джентльмена, и Беллу.

Хозяйке гостиницы Марти почти не удивилась, быстро сопоставив в уме ее присутствие и наличие во всей этой истории ведьмы, а вот появление еще одной женщины, вошедшей в зал спустя несколько секунд, стало сюрпризом. Неприятным. Увидеть ее в компании убийцы Марти никак не ожидала. Разве что в роли пленницы, быть может, но пленницей она однозначно не являлась. Белла, казалось, чувствовала себя не в своей тарелке в этом мрачном месте, а та, другая, явно была тут не впервые. Она обогнула остановившегося в центре зала Эверета и подошла к камерам. На Адама-Вивиен даже не взглянула. На Томми — мельком, видимо решив оставить его на потом. А Марти уделила внимание.

— Дурочка, — усмехнулась косо и обидно. — Мы ведь уже решили, что обойдемся без тебя, но нет, нужно было именно сегодня приехать в лечебницу. Что же ты такая невезучая, Марти?

— Только друзья зовут меня Марти.

— На этом острове у тебя нет друзей... леди Стайн.

Марти могла поверить в это. Могла бы. Но не тогда, когда сам остров стоит за ее спиной.

ГЛАВА 26

Шторм подкрадывался к острову долго, почти неделю собирал над морем тучи, ветра и грозовые молнии, чтобы в один далеко не прекрасный день явиться на Карго-Верде во всеоружии. Погода портилась стремительно, заставив Фаулера усомниться в своих прогнозах. Вряд ли буря станет дожидаться ночи, чтобы разыгаться в полную силу, а значит, нужно постараться добраться до места, пока срывающиеся с неба тяжелые крупные капли не обернулись ливнем и незамощенные проселочные дороги не превратились в траншеи с грязью, однако, когда машина выехала за город, Кен сбросил скорость, опасаясь пролететь нужный поворот. Если придется возвращаться, времени потеряют больше.

— Странно, что эта часть острова до сих пор не обжита, — сказала сидевшая рядом с Кеном Аманда, рассматривая карту. — И странно, что за столько времени никто не обратил внимания на подобную странность.

— Там неподходящая почва для застройки и посевов, — объяснил он. — Овраги. И просто щели в земле. Участок зарос деревьями, но их корни не держат, постоянно появляются новые трещины.

— Это тоже никого не заинтересовало?

Пес пожал плечами: остров большой, места хватает, и о паре акров негодной земли можно просто забыть.

— Скорее всего, дом действительно там, — проговорила Аманда рассеянно. — Уцелевшая подземная часть. Перекрытия медленно разрушаются, и почва сверху проседает... Он огромный, если так...

К концу фразы взгляд ее стал совершенно отсутствующим, а лицо — лицо Адама — неестественно побледнело.

Фаулер обернулся через плечо, перехватил встревоженный взгляд расположившейся на заднем сиденье Валери и покачал головой.

— Дату похорон уже назначили? — хрипло рассмеялась Аманда, заметив эти переглядывания.

Ради мрачной шутки ей пришлось собраться с силами и стряхнуть оцепенение, все чаще овладевавшее заемным телом. Еще одна причина поторопиться и еще один довод в пользу версии, что Адам сейчас в доме. Кен не обсуждал это ни с Валери, ни с самой Амандой, но и собственных познаний хватало, чтобы понять: та самая сила, сила древнего лорда, которая мешает близнецам чувствовать друг друга, разрывает также все их связи, и происходит это намного быстрее, чем обычно бывало у них при обмене телами. Сейчас рядом с Кеном был совсем не тот «парень», что так ловко скрутил его после освобождений из тайника Беллы и легко использовал магию истиннокровных. Аманда слабела с каждой минутой, и единственная причина везти ее с собой — ускорить их с братом встречу, ибо на помощь близнецов при столкновении с неведомым противником Кен уже не рассчитывал.

Впрочем, с неведомым ли? Чем больше Фаулер думал об этом, тем сильнее злился. На себя. Он ведь действительно был близок к разгадке, умудрился всполошить менталиста визитами и расспросами, но даже не понял этого, и Крис погибла, потому что убийца счел лейтенанта Фаулера умнее и проникательнее, чем тот был на самом деле. Уже после ее смерти, поняв, что в деле замешан менталист, можно было пораскинуть мозгами и сделать выводы, но Кен дошел до этого только теперь, на пустынной загородной дороге, в едущей сквозь ураганный ветер и дождь машине.

Будь он менталистом, где бы прятался от всевидящей имперской безопасности, как не на острове, мало кому известном и интересном, в лечебнице, где охранные заклинания не только защищают периметр и блокируют способности одаренных пациентов, но и надежно маскируют опасный дар работающего там доктора? И дару этому при таком раскладе есть в чем себя проявить, нельзя ведь просто забыть о нем, он не позволит, но можно понемногу использовать в работе с пациентами. Даже во благо. Им. И себе тоже. Себе — обязательно. Эверет лично ездил на материк в поисках обеспеченных клиентов,

и их родственники легко соглашались на перевод в лечебницу Карго-Верде. Платили соответственно: доктору хватало на дорогие костюмы и новенький автомобиль, но основная сумма ложилась на накопительный счет или пряталась в сейф, и Кен даже гадать не пытался, сколько в этой сумме нулей.

Однако Эверет хотел большего, чего-то несоизмеримо большего, раз уж решился на убийства. Собирал через кровь чужую силу, но вряд ли сама сила была целью. Скорее средством достижения... Чего? К сожалению, у Кена и на этот счет имелась догадка. Он вдруг стал удивительно догадлив именно тогда, когда подобная прозорливость ничего уже не решала. Поздно сложились в единую картину разрозненные фрагменты мозаики: кровавый ритуал из арсенала лордов, дом лорда, лишившийся то ли рассудка, то ли памяти лорд в лечебнице...

В лечебницу Аманда звонила. Хотела поговорить с Ллойдом, но услышала только телефонистку: «В настоящее время номер недоступен. Вероятно, из-за плохих погодных условий». Маловероятно. Штормит в этих широтах нередко, и телефонные кабели давным-давно упрятали под землю, чтобы избежать обрывов. А Френки Паркс, которого Фаулер все-таки изловил до отъезда из гостиницы, сказал, что его матушка называла какому-то доктору, прежде чем сорвалась «по делам». Видимо, Белла была последней, кому удалось связаться с лечебницей, а после этого пропала и связь, и Белла, и Адам с телом сестры. И Джо.

Кен стиснул зубы и нажал на педаль тормоза. Машину тряхнуло, Валери ойкнула, ударившись о спинку переднего сиденья, а Аманду пес успел придержать за плечо и спасти смазливую физиономию ее братишки от встречи с лобовым стеклом.

— Простите, — сухо извинился за резкую остановку. — Дальше лучше пойти пешком, тут недалеко.

Дождь хлестал по лицу, холодные струи затекали за воротник, и к растянувшейся вдоль дороги рощице шли быстро, почти бежали, однако раскачивающиеся и трещащие под порывами ветра деревья оказались не лучшим укрытием. Скорее наоборот: одно дело — вода, другое — прилетевшая в голову ветка.

Но идти действительно предстояло недалеко и недолго. Если догадки верны, и Эверет, и Белла, и другие их сообщники, а Кен не сомневался, что таковые имеются, сейчас в доме. Не пешком же они сюда пришли? Значит, где-то стоит автомобиль — и, быть может, не один, — а поблизости будет вход...

Автомобилей не наблюдалось, как и свежих колея в дорожной грязи, и это сбивало с толку, ведь согласно карте других подъездов к распоротой оврагами низине не было. Или карта врал, или им повезло и в доме только пленники. Или же попросту нет никакого тут дома, но верить в это Кен не хотел.

— Куда теперь, пушистик? — прямо в ухо ему проорала Валери, стремясь перекричать шум непогоды.

Он поморщился. От заливавших глаза потеков, от дурацкого прозвища, от голоса слишком громкого — оборотню-то шторм не мешал, слух был по-прежнему остер. Жаль, про нюх нельзя сказать того же. Запахи смазались, перепутались, растворились в воде и смешались с размокшей землей, но Фаулер все-таки достал из кармана найденный в сумочке Джо пузырек и, прикрыв его от дождя ладонью, вытащил пробку.

Восстановленная кровь не свернулась и пахла совсем как живая, едва вытекшая из раны, сладко и тревожно. Пес вдыхал этот запах, стараясь запомнить его и отрешиться от всех прочих, но их, прочих, было слишком много. Все вокруг пропиталось грозой и морской солью, мокрой листвой, размякшей древесной корой, а Джессикику привезли сюда еще позавчера, и, даже если бы не шторм, след ее уже затерся бы и истончился.

Хватило пары минут, чтобы Кен понял бессмысленность своей затеи. Нужно искать не девочку, а дверь в дом или то, что от него осталось. Значит, надо найти место, в котором чувствуется присутствие людей. Любых. Или просто обрыскать все кусты и овраги в поисках входа. Участок не настолько велик...

— Что это? — заинтересовалась пузырьком Аманда.

— Кровь. Джессики.

В другое время и в другом месте ответ прозвучал бы как минимум странно. После манипуляций Джо крови получилось немало, словно ее специально брали в лаборатории, и Аманда могла бы поинтересоваться, откуда столько. Сейчас же она услышала только то, что нужно: это — кровь похищенной девочки, находящейся в данный момент в доме, куда им тоже нужно попасть.

— Можно мне?

Кен не успел ответить, как Аманда, выхватив пузырек, потрянула его, и россыпь алых капель на мгновение зависла между замедлившимися дождевыми. Сверкнувшая над головами молния вряд ли была запланирована, но в ту же секунду, как лиловый сполох расцвел небо, не успевшие упасть на землю капельки крови обернулись стайкой серебристых стрекоз...

— Смотрите, — тяжело выдохнула Аманда. Ее шатнуло — показалось, резким порывом ветра, — и Фаулер сгреб ее в охапку, чтобы не упала. Ее. И плевать, что со стороны выглядело, будто он обнимает парня. Глазеть некому, а сам Кен видел обессиленную девушку. — Смотрите внимательно, — повторила она, лбом уткнувшись в его плечо.

Стрекозы разлетелись в разные стороны. Мелькали то тут, то там крошечные искорки, и уследить за всеми казалось нереальным. Если, конечно, ты не оборотень. Однако и псу с его реакцией пришлось непросто. В какой-то миг показалось, что он упустил из вида все до единой вспышки, но в следующий обнаружилось, что магические стрекозы снова сбились вместе и зависли в одной точке. Кен успел запомнить, где именно, и мысленно проложить туда дорогу, прежде чем созданное Амандой заклинание развеялось.

— Мэнди Стрекоза, — усмехнулся он, пятерней зачесав назад вымокшие волосы. — Так вот почему.

— Мне так удобнее.

Некоторые чары нуждались в визуализации. Заклинание поиска, например. У Джо в таких случаях получались линии-дорожки или светящиеся круги — что-то простое и универсальное, четкое и понятное — птички и бабочки не в ее характере...

— Идти сможешь? — Фаулер встряхнул Аманду за плечи.

Не сможет — придется нести, и речи не было оставить ее снаружи, когда нужно во что бы то ни стало поскорее найти Адама и вернуть каждого из близнецов в свое тело. Неизвестно, сколько еще они продержатся.

— Смогу. Заметили — куда?

Кен махнул рукой, показывая направление.

Шли не таясь, хоть по сторонам он на всякий случай поглядывал: никого. Только ливень, ветер, хлюпающая под ногами грязь и вспышки молний на темном небе. Лицо Аманды-Адама отливало синевой в электрических сполохах, но держалась она пока неплохо.

А люди тут все-таки были. Фаулер почувствовал их, оказавшись в десятке шагов от отмеченного стрекозами места. Но попали они в скрытый дом каким-то другим путем, потому что поросшая травой дыра в отвесном склоне оврага, на дно которого пришлось спуститься, на дверь не тянула, а появилась, видимо, вследствие оползня, ссыпавшего землю с частично обнажившейся полуразрушенной стены.

Дыру заливал дождь, но вода просачивалась сквозь щели в перекрытиях ниже, оставляя сухим узкий извилистый ход. Судя по грязи и паутине, им не пользовались. Кен надеялся, что даже не знали о нем и не ждут гостей с этой стороны. Однако войти незамеченными не удалось.

Ход вывел к еще одной дыре в стене, теперь внутренней. Через широкий пролом просачивался желтый свет керосиновых ламп, тянуло сигаретным дымом и слышались приглушенные голоса.

— Охрана, — шепотом сообщил Кен спутницам.

Валери вопросительно приподняла бровь, но было не время для долгих объяснений, и пес просто кивнул уверенно, подтверждая уже сказанное. Охрана. Охранники из лечебницы. Бывшие полицейские. Фаулер знал каждого из находившихся в смежном помещении мужчин, с одним из них на днях выпивал в баре, расспрашивая о подозрительных пациентах.

— Подвиньтесь, — одними губами прошептала Аманда, выразительно подняв руку с браслетом-иглострелом.

Кен и губами не пошевелил. «Совсем дура?» — спросил возмущенным взглядом. Возможно, эти люди под воздействием ментальных чар, но, если и нет, сейчас не война, чтобы стрелять без разбора.

«Сам идиот!» — Аманда закатила глаза. Отвернула кожаный чехол, закрывающий ряд плотно вставленных в браслет узких ампул, увенчанных полудюймовыми иглами, напоказ смежила веки и сонно засопела.

Транквилизатор — совсем другое дело, а иглострел — оружие быстрое и бесшумное. То, что нужно, если бы не одно «но»: управлялись подобные игрушки магией, и Аманде, которую еще после стрекоз пошатывало, несколько выстрелов могли стоить остатков сил.

Тем не менее мысль усыпить охрану Кену понравилась.

Он кивнул на браслет и протянул открытую ладонь. Аманда не поняла.

«Браслет», — Фаулер указал на него пальцем. «Мне», — тем же пальцем ткнул себя в грудь.

Она нахмурилась: в руках немага иглострел бесполезен.

Но Кену и не нужен был иглострел. Через минуту переглядываний, получив-таки браслет, он вынул из него несколько ампул и рассмотрел в скудном свете. Ожидания оправдались: заряды должны были сработать независимо от того, выпущены они из артефакта или поразили мишень иным способом, так как введение препарата обеспечивалось не магией, а давлением на иглу в момент ее попадания в цель.

— Ждите, — коротко велел Кен, возвращая браслет Аманде.

Принюхался. Прислушался к доносившимся из-за стены голосам и к своим ощущениям. Охранников действительно было трое, и расположились они не у самого пролома, а значительно дальше. К тому же там, где они сидели, горели лампы, и если выйти бесшумно, заметят его появление не сразу...

Обветшалый пол с планом Фаулера не согласился. Едва пес протиснулся через дыру в стене и сделал несколько шагов в направлении компании, устроившейся под объединявшей комнату и коридор широкой аркой, под ногой с громким треском проломилась доска.

Охранники обернулись — неспешно, без страха и настороженности. Видимо, рушащийся дом регулярно радовал подобными звуками и к ним уже привыкли. Это дало Кену несколько секунд, чтобы высвободить по щиколотку провалившуюся в дыру ногу и совершить частичный оборот.

— Кто...

Направленный псу в лицо луч электрического фонарика дрогнул. А ведь он даже клыки не оскалил. Не тратя времени на показуху, ринулся вперед, на людей, уже потянувшихся за оружием. Стрельба ему не нужна. И вообще любой шум. Так что действовать надо быстро и по возможности тихо.

Первую ампулу метнул как дротик. Игла вошла в незащищенную шею, и человек, не успев даже охнуть, повалился на пол. Мощное, однако же, средство.

Второго охранника, неожиданно резвого, пришлось сначала скрутить. Кен справился с этим в два счета. Прижал спиной к своей груди, закрыл ладонью рот, воткнул ампулу в плечо. И отпустил, чувствуя, как обмяк миг назад отчаянно сопротивлявшийся парень.

А третьего... Сам виноват. Наверняка ведь узнал и должен был понять, что не стоит кидаться с кулаками на оборотня. Но понадеялся на что-то, и Кен совершенно рефлекторно отмахнулся. Тоже кулаком. Выдохнул, огляделся бегло, убеждаясь, что недолгая потасовка не привлекла новых участников, и посмотрел на лежащее у ног тело. Сотрясение — точно. И еще что-то — травма шеи или перелом челюсти: пес отчетливо слышал хруст в тот момент, когда его кулак врезался в подбородок смельчака. Но с этим позже доктора разберутся, у Фаулера были иные приоритеты, и недолго думая он воспользовался одной из оставшихся ампул. Транквилизатор не даст охраннику прийти в себя слишком рано. И обезболит заодно.

— Молодец, пушистик, — безрадостно похвалила выбравшаяся из-за стены Валери. — Лихо ты их. Но одного стоило оставить. Для разговора.

— Некогда разговаривать, — буркнул он в ответ. Посмотрел на появившуюся вслед за подругой Аманду. — Нужно идти.

— Куда? — отозвалась она осипшим голосом брата. — Вы...

— Знаю.

Он тоже чувствовал силу этого дома. Не так, как Аманда, которую магия другого лорда окончательно отрезала от всех доступных источников, но все же чувствовал. Ощущения были не болезненными, но неприятными, однако начисто способностей не лишали, оставив исконно оборотничьи: острый слух, нюх, зрение. Кен мог не заметить растянутое в проходе охранное заклинание, но ясно слышал отдаленный шум дождя и ветра и ощущал запах грозы. Усыпленные охранники дежурили у входа — у того входа, которым пользовались менталист с сообщниками, — и пес безошибочно определил, в какую сторону нужно свернуть в длинном коридоре, чтобы выбраться на поверхность. Поэтому повел своих спутниц в противоположную, надеясь, что на следующей развилке чутье снова даст подсказку.

Однако развилок тут было множество. Аманда не ошиблась, предположив, что дом огромен. Когда-то, рассуждая от скуки о пространственных искажениях, Кен и Джо пришли к выводу, что, если скрывающее тайные этажи заклинание засбоит, башня вырастет до небес, а с домом получилось наоборот — его тайные помещения ушли под землю. Не без посторонней помощи, судя по следам огня, обглодавшего некоторые комнаты до окалины на каменных стенах. Но в других отделка и интерьер частично сохранились. Слабого света, непонятно откуда проникавшего в развалины, хватало оборотню не только на то, чтобы видеть уходящий все дальше и дальше коридор и избегать дыр в полу, но и осматриваться, ища признаки недавнего присутствия людей, но ближайšie к выходу помещения по каким-то причинам оказались непригодными даже для временного пребывания.

Эверет далеко забрался. Или же Кен с компанией свернули не туда на первом же повороте.

Он остановился и принялся.

— Заблудился, пушистик?

— Тсс! — отмахнулся пес, учуяв знакомый запах.

Тот был сильнее оставляемого людьми, специфичнее. И источник его приближался.

Фаулер невольно улыбнулся, и Валери, внимательно вглядывавшаяся в его лицо, озадаченно нахмурилась.

— Что...

Он снова махнул рукой, призывая помолчать, но даже в полной тишине не расслышал звука легких шагов. Молодец малыш, быстро научился осторожности.

Только выбежав в коридор, щенок позволил себе негромкий приветственный взвизг.

— Ну, здравствуй, тезка. — Опустившись на корточки, Кен почесал малыша за ухом. — Здравствуй, смельчак. Спасибо, что не оставил Джесси. С ней ведь все в порядке? Покажешь, где ее прячут?

— Он вас понимает? — с сомнением проговорила Аманда.

— Лучше, чем некоторые люди. Идемте, Кенни проводит по тайному пути, люди там не ходят.

— Кенни? — Валери насмешливо хмыкнула.

— Хорошее имя для пса. А вот если заведу птицу-балаболку, возьму твое.

— А Адам? — серьезно спросила Аманда, интересуясь явно не тем, для какого питомца подходит имя ее брата. — Ваш щенок его видел?

— Это щенок Джессики.

— Значит — нет? — поняла она и помрачнела еще больше, хоть Кен и считал, что это уже невозможно.

— Мы найдем и его, — пообещал он. — Всех найдем.

Малыш не подвел. Нос подсказывал, что по выбранному щенком маршруту люди действительно не ходят. И неудивительно: пол в этой части дома был в плачевном состоянии, доски сгнили, а каменные перекрытия обвалились, и то тут, то там зияли глубокие темные провалы, из которых тянуло затхлой сыростью. Щенок ловко обходил их, показывая следующим за ним людям, где можно идти безбоязненно, а где стоит сбавить шаг и внимательно глядеть под ноги.

На одном из безопасных островков Фаулер оставил Аманду и Валери и дальше пошел сам. Малыш Кенни, увы, не сумел бы предупредить о возможных ловушках, и его тезка-лейтенант не хотел рисковать.

Миновав анфиладу разрушенных комнат, щенок вывел старшего собрата в уцелевший и на диво чистый коридор. Двери по обе его стороны выглядели так, словно за ними обретались жильцы. Не исключено, что комнаты и готовились для чьего-то проживания, но на данный момент обитаемой была лишь одна из них.

Маленький проводник остановился у нужной двери и твякнул на случай, если Фаулер не сориентировался по запаху. Затем влез под стоявший у стены шкафчик, и недоуменно наблюдавший за ним оборотень не сразу понял, что малыш нашел лазейку, которой пользовался, чтобы входить и выходить из комнаты.

— Вернулся! — послышался радостный возглас. — Сколько тебе говорить, чтобы не сбегал? Я же волновалась!

Кен вздохнул с облегчением: девочка жива, а голос ее звучал довольно бодро. Он оглядел дверь, оценил замок, вспомнил, что с утра успел уже вскрыть два, и с этим решил не церемониться.

Но прежде постучал.

Комната ответила настороженной тишиной.

— Джесси, не бойся. Это... лейтенант Фаулер...

Послышались осторожные шаги. Девочка приблизилась к двери.

— Фаулер? — спросила шепотом. — Честно?

— Увидишь и сама убедишься. Но сначала отойди от двери.

Кен по-прежнему старался избегать лишнего шума и был настолько аккуратен, что даже не сорвал дверь с петель — только выбил недавно врезанный замок. Вошел, но не успел

осмотреться в освещенной магическими светильниками комнате, как на него накинута ураган по имени Джессика. Мысль, что девочка может подумать, будто он заодно с похитителями, заоздала на несколько минут, и Кен на всякий случай приготовился терпеть удары маленьких кулачков, однако Джессика не собиралась его бить. Разве что придушить — так крепко обняла за шею.

— Живой, — всхлинула, ткнувшись ему в щеку мокрым, как у щенка, носом. — Я боялась, что они тебя... как маму... Она так сказала...

— Сказала?

— Да. Я слышала, как она говорила, что этот пес опять что-то вынюхивает, и нужно его тоже... как Крис... Малахольную Крис — она сказала...

— Джесси. — Фаулер с усилием отлепил ее от себя, отметил синяк на скуле и припухшую губу, пообещав поквитаться с Эверетом и за это, и посмотрел в блестящие от слез глаза. — Кто — она? О ком ты?

Девочка отвела взгляд.

— Я была у Моники, — проговорила глухо. — Ее мать сюсюкала со мной, пыталась развеселить тупыми шуточками... Мне это надоело, и я ушла домой. А она... Она не знала, что я вернусь так рано. Думала, что одна в доме, и говорила с кем-то по телефону. Очень громко, даже в прихожей было слышно. Мне надо было тихо выйти и бежать в полицию, а я побежала в ее комнату. Накричала на нее, а она... — Джессика коснулась щеки. — Ударила меня. Потом скрутила, она это умеет — научилась в своей тюрьме... Потом сделала мне какой-то укол, и я очнулась уже тут...

— Эдна? — нахмурившись, уточнил Кен, хоть нужды в этом не было. Рассказ Джессики невозможно было понять иначе.

— Эдна, — кивнула она.

Кажется, слово «бабушка» навсегда исчезло из ее лексикона.

ГЛАВА 27

Марти не отвела взгляда, излишне прямого, почти вызывающего, и говорившую с ней женщину это рассердило: она привыкла видеть покорность в глазах тех, на кого смотрела через решетку.

— До тебя еще не дошло, во что ты вляпалась, Ти-ина? — протянула она издевательски.

— А так ее называю только я, — спокойно, словно между прочим, предупредил со стороны Томми. — Дорогая, не представишь мне свою знакомую?

Светский тон и это выпретенное «дорогая», никогда прежде не звучавшее в ее адрес, были до того неуместны здесь и сейчас, что Марти просто не могла не подыграть.

— Конечно, милый. Это — Эдна Кроули. Она... Да, пожалуй, никто.

Томми удовлетворенно хмыкнул, словно и не ожидал иного представления.

Лицо директора Кроули перекосило от злости.

А ведь она и правда злая. Злобная. Странно, что Марти не замечала этого в тюрьме. Директор казалась ей женщиной строгой, но справедливой, и тот их разговор, когда Эдна будто раскрылась, рассказав о погибшем сыне, надолго засел в памяти. Но теперь она тут, в компании Эверета и Беллы, и грозит Марти пистолетом, который непонятно когда и откуда успела достать...

— Я — никто? — прошипела, целясь ей в лоб. — А кем ты будешь, если вышибить тебе мозги?

Видимо, Марти должна была испугаться, но страха не было, только любопытство: когда же Эверет, без сомнений бывший здесь главным, прекратит это представление.

Однако доктор не вмешивался, продолжая отстраненно наблюдать за странным диалогом. Первой не выдержала Белла.

— Хватит, Эдна, — попросила она несмело. — Не нужно...

«Не играй с едой», — мысленно закончила Марти.

— Что тебе не нравится? — с недоброй усмешкой поинтересовалась директор Кроули. — Жалко ее? Бродяг ты не жалела.

— Я никого не жалею, — словно оправдываясь, ответила хозяйка «Островка». — Просто не мешаю дело с сомнительными развлечениями.

— С этой деловой дамой ты тоже знакома? — громко, чтобы Белла наверняка его услышала, спросил Томми.

— Немного, — кивнула Марти. — Это — та самая ведьма, которой ты обязан своим недавним состоянием.

Белла вздрогнула, взгляд ее в панике заметался будто бы в поисках выхода, а на холеном лице Эверета проступила заинтересованность.

— Вижу, вы успели пообщаться, — проговорил он с непонятым Марти удовлетворением. — И даже сделать какие-то выводы. Я полагал, вам, лорд Томас, понадобится больше времени, чтобы взять под контроль память и сознание, однако сила истинной крови... — При последнем слове на губах доктора промелькнула хищная улыбка. — Сила истинной крови впечатляет.

— Настолько, что вы решили ее заполучить? — спросил Томми. — Полагаете, получится? Лордом нужно родиться. Даже в легендах не говорится об иных способах. Впрочем, если верить этим легендам, можно стать леди. Провести обряд согласно древним традициям, обменяться кровью... Да вы, никак, замуж за меня собрались?!

— Остроумно. — Эверет оскорбленно фыркнул.

— Подобное решение отлично вписывается в придуманную вами схему, — невозмутимо продолжил Томми. — Зачем бы еще вам понадобилось разрушать мой брак, как не для того, чтобы освободить себе место? Однако разочарую вас, в империи подобные союзы незаконны.

— Продолжайте, лорд Томас, продолжайте, — высокомерно позволил доктор, хоть и видно было, как злят его скабрезные шуточки. — Развлекитесь напоследок. И супругу, бывшую, позабавьте. Видите, улыбается? Что ей еще остается? Сама, как заметила моя дорогая Эдна, виновата. Зачем было приезжать в лечебницу? Она ведь свою роль отыграла. Да и какая роль? Так — эпизод.

Марти очень хотелось вставить что-то возмущенное, но она держалась. Эверет любил поговорить, порассуждать, как и многие люди его профессии, и, чтобы разобраться, какую все-таки роль отвели ей в происходящем, перебивать его не стоило.

— Ваш брак, лорд Томас, все равно распался бы, — продолжал он. — И не по моей вине. Насколько я успел узнать леди Амалию, женщина она целеустремленная и настойчивая, умеет добиваться своего. Отца же вашего добилась? И от неугодной невестки избавилась бы так или иначе. Я лишь совместил наши стремления. Ей не нужна была Мартина, а мне нужен был лорд на острове. Знаете, как долго я пытался заманить сюда кого-то из истиннокровных? Набивался в приятели, привлекал в качестве меценатов... Но их пугал Карго-Верде. Его спящая сила, его история. Вам ведь неизвестна его история, лорд Томас? Или известна? Она похожа на историю других островов, чьих лордов уничтожили предки нынешних лордов Архипелага, в том числе — ваши. Теперь Карго-Верде жаждет отмщения, и те, в ком течет кровь убийц, это чувствуют. Быть может, только император отважился бы ступить на эту землю, но император — это как-то чересчур, да? И вдруг, после стольких бесплодных попыток, моя дорогая Белла делится чудесной новостью: ее давней клиентке понадобилась помощь в одном щекотливом вопросе...

А самой Белле требовалась помощь в изготовлении зелья, ведь приготовить нужно было нечто более сложное, нежели приворот. Нетрудно внушить иллюзию страсти тому, чье сердце свободно, но крайне нелегко заставить разочароваться в своих чувствах того, кто искренне любит. Марти сказал это остров, и ему она поверила: Томми действительно любил ее тогда, и если бы не Белла... И Эверет. Остров рассказал и об этом. Они давно друг друга знали и помогали друг другу. Доктор несколько раз спасал ведьму от прибывавших с материка проверяющих. У него были способности... Опасный, запретный дар, о котором Марти догадывалась и до этого разговора. Эверет использовал его, чтобы прикрывать свои грешки и скрывать преступления подруг. А те помогали ему в другом. Белла Паркс заманивала бродяг, Эдна Кроули сообщала о вышедших из тюрьмы женщинах, у которых не было близких и чье исчезновение оставалось впоследствии незамеченным. Таких было много, особенно после войны.

В тот раз, когда леди Амалия заказала отворот, Эверет забрал силу одной такой женщины и отдал Белле. В тумане наведенных воспоминаний перед Марти промелькнуло бледное лицо, искаженное болью, ручейки крови на каменном полу и полукруглый зал, тот самый, который она видела сейчас через решетку. Значит, все происходило здесь...

— К чему эти разговоры о прошлом? — нервно уточнила Белла. «Игры с едой» ей определенно не нравились.

— А что тебя не устраивает? — вместо Эверета отозвалась Эдна Кроули. — Время у нас есть, можно и поговорить. Какая-то ты дерганая сегодня.

— Это из-за шторма. — Ведьма поежилась и отвела глаза, случайно встретившись взглядом с наблюдавшей за ней из камеры Марти. — Мне немного не по себе. Предчувствие как будто. Я... Мне лучше вернуться к мальчикам...

— Белла, Белла, — доктор укоризненно покачал головой, — ну куда ты поедешь в такую погоду? И мы ведь договаривались, что будем вместе в этот день, помнишь? Все это делается и ради твоих сыновей тоже.

— Им-то как раз без разницы, — брезгливо отмахнулась Эдна. — Будет лорд у острова, не будет лорда, мозгов у бедняжек не прибавится.

Белла вспыхнула. Буквально. Покраснела до корней рыжих волос и, казалось, бросится на насмешницу с кулаками. Но у той был пистолет.

— Я слышала, такое бывает, — продолжила глумиться директор Кроули, — когда рожают после сорока и непонятно от кого. Да и с омолаживающими зельями ты, милочка, переборщила. Себе мордашку разгладила, детишкам — извилины. Дурачки же оба, но хоть безобидные.

— И живые, — мрачно добавила Белла. — В отличие от твоего умника.

Теперь уже Эдне кровь бросилась в лицо. И пистолет она по-прежнему держала в руке — сжимала так, что Марти невольно зажмурилась, ожидая выстрела.

Но обошлось.

Эверет, которого перебранка женщин, очевидно, развлекала, не вмешивался какое-то время, но в решающий миг встал между спорщицами.

— Не нужно ссориться. Особенно теперь, когда мы близки к тому, чего так долго ждали. Очень долго... Понимаете, лорд Томас? — Он опять обращался к Томми. — Вы же знаете, острову нельзя оставаться без лорда. Это чревато проблемами для его обитателей. Для одаренных... — Взгляд на Беллу. — И всех остальных. — Улыбка Эдне. — Я мечтал исправить это и не рассчитывал, что воплощение моего плана в жизнь растянется на годы. Поначалу все складывалось удачно. Чаяния вашей матери оправдались, вы согласились обратиться в суд, а мне удалось устроить так, чтобы вашу бывшую супругу отправили именно на Карго-Верде. Далее действие зелья должно было закончиться, и вы примчались бы за ней. Если не от большой любви, так затем, чтобы сохранить в секрете обстоятельства вашего брака, а особенно — того, как он был аннулирован. Но возникли непредвиденные препятствия. Сначала леди Амалия что-то заподозрила и, когда снадобье Беллы перестало действовать, подыскала другую ведьму. После император заинтересовался вами, а я уже говорил, что пока не считаю себя готовым противостоять его величеству. Вот и пришлось нам с Мартиной подождать вас...

Потому-то ей и отказали в досрочном освобождении в прошлом году. Не из-за тюремного лазарета — из-за того, что она еще нужна была в качестве приманки.

— Но от судьбы не уйдешь, да? — Доктор самодовольно потер руки. — Вы все равно оказались на острове, Томас. Я ведь могу называть вас Томасом? И не просто на острове, а в лечебнице. Полностью в моей власти.

— Но до сих пор жив, — заметил Томми. — И нет, не можете.

Эверет ответил гадкой ухмылкой.

— Попробуйте мне запретить. Томас. А живы вы — пока! — по двум причинам. Первая: я поначалу сомневался, можно ли использовать в качестве жертвы лорда, который не помнит, что он лорд. Потому и не торопился. Надеялся, вы хоть немного восстановитесь. Вторая — шторм. Предупреждения начали поступать еще в начале весны, и я подумал, что было бы замечательно провести ритуал на пике концентрации силы — моей и моего острова. А тут и Мартина так вовремя помогла разобраться с вопросом вашей пригодности. — Доктор обернулся к ней. — Отличное решение — смоделировать ситуацию, лежавшую в основе парамнезии. Но свою судьбу вы этим тоже решили.

— У вас ничего не получится, — покачал головой Томми. — Даже будь на моем месте сам император. Я говорил: лордом нужно родиться.

— Я и родился, — пожал плечами Эверет. — Лордом без острова, что в данном случае только кстати, ведь для того, чтобы привязать к себе остров, нужно быть свободным от других привязок. Оттого истиннокровные следят за тем, чтобы их наследники появлялись на свет именно на родовых островах, или привозят их туда в раннем детстве, чтобы закрепить связь... Так ведь? Мне говорили, что так. Но я никогда не бывал на Архипелаге. Не приглашали, знаете ли. Правду сказать, я даже не догадываюсь, кто из лордов и в каком поколении отметился в моем роду. Своих родителей я помню и не сомневаюсь, что и отец и мать были мне родными, а вот насчет их родителей не уверен. Обе мои бабушки были красавицами, судя по семейным портретам, любая могла иметь

интрижку с кем-нибудь из лордов. Не мне их судить. Долгое время я и не подозревал, что за кровь во мне течет. А вот дар... Уникальный дар, который мог стоить мне жизни, осознал рано. Прятал его, как мог, оттого и приехал однажды сюда. И тут-то, на Карго-Верде, все и открылось. Остров позвал меня. Или призвал? Избрал своим лордом. Оставалась самая малость — провести ритуал привязки. Но мне не хватало опыта и знаний. Не на Архипелаге же было просить о помощи? Нет, на подобное я не отважился. Но нашел других людей, не лордов, но приближенных к ним, осведомленных в некоторых вопросах. Воспользовался своими способностями, чтобы получить интересовавшую меня информацию, но, видимо, мне рассказали не все, так как жертвоприношения не способствовали привязке к острову, а лишь увеличивали мою собственную силу и позволяли этой силой делиться. — Он посмотрел на Беллу. Наверное, ожидал кивка или благодарной улыбки, но ведьма, по-прежнему мрачная и чем-то напуганная, все так же недобро поглядывала на Эдну Кроули. — Тогда я понял, что для полноценного ритуала мне нужен лорд, — скомканно закончил Эверет, не дождавшись поддержки.

— Вам нужен доктор, — покачал головой Томми. — Не пробовали обратиться к кому-нибудь из коллег?

— Не верите в мой рассказ?

— А должен?

— Зачем вообще ему что-то рассказывать? — пробормотала Белла. — Зачем было приходить сюда раньше времени?

— У кого-то нервишки шалят, — прокомментировала ее недовольство директор Кроули.

«Им всем тут нужен доктор», — подумала Марти.

Белла близка к истерике. У Эдны чешутся язык и руки — так хочется сделать кому-нибудь больно. Эверет во что бы то ни стало стремится рассказать о своей избранности.

Это не шторм, нет.

Шторм лишь усиливает то, что годами формировалось в душе.

У Беллы — страх, что ее темные делишки выплывут наружу, от запрещенных зелий и контрабанды до соучастия в убийствах. Предстоящее ей не нравится. С безликими и безымянными жертвами было проще, и совесть, остатки которой ведьма еще хранила, почти не мучила.

У Эдны Кроули — жестокость. Она не позволяет себе этого в тюрьме. Прямо не позволяет. Не ходит по камерам с дубинкой, не поливает арестанток из шланга, не заставляет часами стоять во дворе под палящим солнцем с кружкой воды на голове. Это делали другие, в то время как Эдна демонстрировала сдержанность и суровую справедливость. И наблюдала со стороны. Как и за жертвоприношениями, от которых, не будучи магом, не получала ничего, кроме извращенного удовольствия от созерцания чужих страданий. Но если бы ей позволили...

— Значит, не верите, Томас? — повторно спросил Эверет, до которого Марти не добралась в своих рассуждениях. — И не чувствуете ничего? Например, силу этого места, которая не дает вам дотянуться до вашего острова? Вижу, что чувствуете. Знаю. Иначе вы давно уже попытались бы что-то предпринять. Но понимаете ведь, что у вас ничего не выйдет. Сказать почему? Потому что мы находимся в доме лорда Карго-Верде. В моем доме.

Белла снова пробубнила что-то, но Марти не расслышала слов. Она думала об Адаме, затихшем в своей камере и не издавшем ни звука с тех пор, как явился доктор с сообщницами. Если Эверет не солгал про дом, надеждам Адама вернуть себе силу и свободу не суждено сбыться. А сам Эверет, хоть и не затыкался ни на минуту, об Адаме-Вивиен и слова не сказал. Зачем с виду безобидную девушку привезли сюда? Тоже узнали ее по фотографиям и к лорду на жертвенном алтаре решили добавить еще и леди?

— Нет, — отозвался на ее опасения остров. — Никто его-ее не узнал. Просто прихватили с собой путающуюся под ногами девицу. Она ведь могла рассказать кому-нибудь, что

видела и слышала в лечебнице.

Теперь, значит, не расскажет?

— Эверет — менталист. Он ничего не предпринял сразу, так как бережет силы для ритуала. А став лордом, рассчитывает приумножить способности, чтобы перекраивать память и чувства людей по своему желанию.

«Он это может? Стать лордом?»

Остров не ответил.

— Ясно, — услышала она вместо него голос Томми. — Вы, выходит, здешний лорд. А дамы с вами, я так полагаю, ваши леди? Обе?

— Это все, что вас интересует? — уточнил Эверет. Невозмутимый и неизменно желчный тон лорда Стайна начинал его нервировать.

— А вы собирались рассказать, как собираетесь пустить мне кровь? Нет уж, о женщинах говорить приятнее, пусть даже одна из них — дерганая ведьма, а вторая — психопатка с тягой к насилию. Но, если вы и правда хотите стать лордом, признанным империей, придется выбирать. Двоеженство даже в Дарнии уже упразднили.

— Все! — взвилась Белла. — Мне надоело это слушать.

Она развернулась к выходу, но и двух шагов не сделала, как раздался выстрел.

Ведьма плашмя рухнула на пол.

— Мне тоже надоело, — сказала Эдна Кроули, опуская пистолет. — Вопрос относительно выбора отпал, лорд Томас?

— Эдна... — Эверет покачал головой. С укором — и только. — Зачем же так?

— Ты сам сказал, что она превратилась в обузу. И эти ее истерики... Да и детишкам пора понять, что мы тут не в игры играем. — Она подошла к решетке и остановилась так, чтобы видеть сразу и Марти и Томми. — Время заткнуться, Стайн, если не хочешь, чтобы следующую пулю поймала твоя женушка.

— Сейчас или потом — какая разница? — пожала плечами Марти. — Вы сами сказали: моя судьба решена.

Произошедшее на ее глазах убийство не ужаснуло, на войне она видела смерти куда более жуткие, но вызвало чувство странного недоумения. В спектакле, где Эверет отвел себе главную роль, чтобы читать с упоением длинные монологи, эта сцена выглядела неуместной и бессмысленной интермедией. Эдна хотела показать, что они с доктором настроены серьезно? Но разве Марти или Томми сомневались в этом? Ничуть. Оттого и спокойны оба: осознание неизбежности избавляет от страха.

— Разница в том, как умереть, — ласково проговорил Эверет. — От пули? Или, быть может, от проклятия? Я был бы не прочь изучить его действие, понаблюдать... Печати ведь снять несложно.

«Валяйте», — хотела сказать Марти. Если они в самом деле находятся в доме лорда, сила этого места убьет ее в считанные минуты.

Но, невзирая ни на что, в глубине души до сих пор жила надежда, что все еще обойдется, что они выживут и выберутся отсюда. Остров ведь по-прежнему говорит с ней.

Хотя и с Эверетом он говорил...

Грохот, эхом прокатившийся по подземелью, прервал ее размышления. Стены вздрогнули, но устояли.

— Что это? — Эдна растерянно посмотрела на доктора, но тот и сам пребывал в замешательстве.

— Ваш дом? — Томми неожиданно рассмеялся. — Утверждаете, что это — ваш дом, и понятия не имеете, что в нем происходит?

Эверет напрягся. Даже вены вздулись на висках...

— Я больше не могу его прятать, — прошелестел над ухом Марти бесплотный голос. — Остальных попробую, но его — уже нет...

— Кого? — спросила она вслух, снова забывшись.

На счастье, ее не услышали.

— У нас посетитель, — с кровожадными нотками сообщил Эверет Эдне. — Нужно встретить. — Обернулся к мужчине в форме санитара, все это время стоявшему в стороне так тихо, что Марти успела забыть о его существовании. — Уберись тут, — доктор кивнул на тело Беллы, — и присоединяйся к нам. Возьми с собой мою гостью, ей будет интересно.

Во всем виноват выстрел.

Фаулер остановился, пытаясь определить, откуда послышался звук, но мешало гулявшее по развалинам эхо. Пес тщетно прислушивался и принимался, оглядывался, забыв, как ненадежен пол под ногами, и в конце концов оступился. Успел отшагнуть назад, но образовавшаяся в сгнившем паркете трещина с треском и скрежетом поползла вперед, стремительно расширяясь.

Малыш Кенни сориентировался первым — рванул за поворот, туда, где их ждали Аманда и Валери. Кен-большой замешкался на секунду, потом подхватил на руки Джессику и побежал за щенком.

Трещина трещала, обломки падали вниз...

«Успеем», — уверял себя оборотень. И вдруг остановился как вкопанный.

В ту же секунду несколько ярдов коридора перед ним с грохотом провалились в темноту, оставив лишь облако пыли.

Вот и не верь после такого в песье чутье. Есть оно. Есть!

А коридора впереди нет. И позади до сих пор трещит и ломается. Видимо, им с Джессикой повезло остановиться в том месте, где пол имел надежную опору, но особой радости это не внушало. Живы — да, но надолго ли, если застрянут тут без возможности выбраться?

— Эй, пушистик! — выглянула из-за угла Валери, когда осела поднятая обвалом пыль. — Ты цел?

— Мы целы, — поправил он.

— Перебраться сумеете?

Расстояние, разделявшее их, было не так велико. Кен рискнул бы прыгнуть, даже с Джессикой, вцепившейся в него мертвой хваткой. Но сложность состояла в том, что прыгать пришлось бы на маленький выступ, оставшийся после обрушения. Валери едва наступала на него, опасно придерживаясь за стену, а если здоровенный оборотень рухнет со всего маху... Нет, это — все равно что сразу вниз сигануть, а там, насколько различают глаза, дыра в несколько этажей, не в лепешку, но расшибешься точно. И по стенам Фаулер ползать не умел, он же пес, а не паук.

— Сейчас что-нибудь придумаем, — пообещал он Джессике. — Только отпусти меня. Ненадолго.

Она боязливо сползла на пол, но продолжала цепляться за его пиджак. Рыться в карманах ему это не мешало. Почти не мешало.

— Зар-раза! — рыкнул он, напугав девочку.

Хотя не исключено, что она испугалась стука — пистолет выпал, ударился о пол у ног и отскочил напрямик в дыру. Запасные обоймы можно смело бросать следом.

Но Кен искал не оружие.

Все-таки оборотничье чутье — отличная штука. Работает, правда, через раз, но уж когда работает, то на все сто.

Фаулер осторожно, чтобы и их не уронить, достал замагиченные цепочки. Связал вместе, и узелок тут же разгладился, превратившись в аккуратно сплетенные звенья. Значит, силы своей в доме лорда артефакт не утратил.

Убедившись в этом, Кен принялся растягивать цепочку, наматывая, как лассо, на локоть. Когда длина была уже достаточной, бережно отстранил Джессику и выбросил тонкую цепь вверх — так, чтобы один ее конец остался у него в руках, а второй захлестнулся вокруг потолочной балки, на вид достаточно крепкой, но Кен не доверял одним только глазам, а потому несколько раз дернул за цепочку, проверяя, не распутается ли она и выдержит ли балка.

Выдержит.

— Отлично придумал, лейтенант, — оценила Валери, от волнения забыв обозвать его пушистиком.

— Поймаешь? — Он взглядом указал на Джессику.

— Да.

— Н-не хочу! — испуганно отстукивала зубами девочка, пока он пытался оторвать от себя ее руки. — Не надо...

— Надо, Джесси. Ты же хочешь выбраться? Значит, надо.

— Я боюсь.

— На мол от матери сбегать не боялась?

Неизвестно, что подействовало, строгий тон или напоминание о Крис, но Джессика перестала скулить и с силой ухватилась за цепочку.

— Она прочная, не волнуйся, — уверил Кен, для надежности обернув цепочкой запястье девочки и пропустив один виток под мышками. Крепление-артефакт мягко фиксировало и так же легко отпускало, но перебарщивать с узлами не стоило. — Закрой глаза, если все еще страшно.

Когда Джессика зажмурилась, подхватил ее и с силой толкнул в сторону приготовившейся ловить Валери. За несколько мгновений, пока девочка летела над провалом, в груди похолодело, но «птица-балаболка» не оплошала: поймала Джесси еще в воздухе, мягко опустила на хрупкий выступ и тут же втянула за угол, в коридор, в котором, как помнил Кен, пол был почти целым и внешне вполне надежным.

Спустя минуту Валери выглянула опять.

— Лови! — В сторону Фаулера полетел привязанный к цепочке ботинок. — Не упusti, или придется нести меня на руках!

— Размечталась.

Ботинок он поймал, но на этом везение закончилось.

Кен намотал цепочку на запястье, прикинул, как перелетит через дыру, зацепится за стену... И на всякий случай дернул еще раз, проверяя прочность балки. Даже не сказать что сильно дернул, но...

Что-то хрустнуло, скрипнуло, и здоровенный обломок сорвался с потолка и улетел вниз,

чудом не утянув Фаулера за собой. Только смотавшаяся с руки цепочка оцарапала до крови, и пыль опять попала в глаза...

— Твою ж!..

...и в рот.

А когда он отплевался и проморгался, увидел, что новый обвал прихватил тот самый выступ, на который недавно выходила Валери, и часть стены, за которую она держалась.

Но испугаться Кен не успел.

— Ты там как, пушистик? — послышался встревоженный голос.

— В порядке. Что у вас?

— Да вроде нормально. Погоди минутку...

Минутки не прошло, как он заметил высунувшееся из-за обсыпавшегося угла зеркальце.

— М-да, — сдержанно прокомментировала увиденное в отражении Валери.

Кен сказал бы больше, не будь поблизости Джессики. Он оказался заперт на крошечном «риффе», и надежность опор уже не внушала уверенности. Пес и шевельнуться лишний раз опасался.

— Выберусь, — заявил он, снабдив самоуверенное обещание беспечной улыбкой. — Вы только не высовывайтесь. Лучше перебирайтесь потихоньку в уцелевшую часть дома.

— Мы бы с радостью, но... Мэнди плохо. Без тебя я ее не вытащу.

Гадство! А ведь начиналось все неплохо.

— Лейтенант, ты...

— Тсс! — Что-то они расслабились. Болтают, словно в общественном парке, а не в логове убийцы. — Помолчи. Джесси, и ты тоже. Я придумаю что-нибудь.

Должен придумать. Добраться сначала до Вэл и Джессики. Потом забрать Аманду. Разыскать ее брата, пока не стало поздно...

И Джо. Кто найдет Джо, если не он?

Кен медленно и осторожно обернулся, чтобы оценить, насколько поврежден коридор, по которому он сюда добрался. Быть может, удастся вернуться по нему же и поискать обходной путь.

Увы, дорога вниз и та выглядела надежнее.

Фаулер подумал, что это тоже вариант. Не обязательно ведь сворачивать себе шею. Если зацепиться вон за тот выступ, а после пройти по той доске... если она выдержит его вес, конечно... А там уже прыгнуть, вряд ли темный провал тянется вглубь до бесконечности...

Он увлекся составлением плана, небеспригрешного, но и небесперспективного, однако шаги вдалеке расслышал. Пока еще вдалеке.

— Вэл, — позвал тихо. — Ни звука.

Если повезет, их не заметят, даже не станут сворачивать в обвалившийся коридор. Зачем? Понятно, что грохот не могли не услышать, но этот дом постоянно рушится, что же теперь — проверять всякий раз, как где-то упадет очередная стена?

Шаги тем не менее приближались. Люди — двое, кажется, — четко знали, куда направляются. А направлялись они именно сюда.

Точно — двое.

Вскоре к звукам добавились запахи, и, опознав их, пес ощерился.

Эдна. Она всегда пахла тюрьмой, и не важно, сколько раз за день успевала выкупаться и сменить одежду: запах казенного белья, кирпичных стен, металлических дверей и залитых хлоркой сортиров въелся в ее кожу, а может, и в душу.

Второй — Эверет, разумеется. Он пах дорогим одеколоном, крепким кофе, сыростью отчего-то. Автомобилем. И улицей, похожей на ту, где несколько дней назад встречался с Мартиной Аллен. Кен не сумел тогда понять, кому принадлежит кажущийся знакомым запах, а Мартина не помнила о той встрече.

Следом за Эверетом и Эдной тянулся еще один запах — кисло-горький душок недавней смерти: страх и боль, кровь и порох. Значит, предшествовавший обвалу выстрел унес чью-то жизнь. Чью? Лучше не думать об этом. Да и некогда: шаги слышались уже совсем близко.

— Кеннет! — Эверет появился из-за поворота первым и остановился на границе обвалов. — Можете не верить, но я безумно рад вас видеть.

— Безумно — это как раз про вас, — сквозь зубы процедил Фаулер.

— Ох нет, — вздохнул доктор притворно. — Неужели еще один остряк? Избавьте меня от этого, лейтенант.

Эдна слов на приветствие не тратила, отсалютовала державшей пистолет рукой и встала рядом с Эверетом.

— Видишь, дорогая, — обратился к ней тот, — никому нельзя верить. — И тут же к Фаулеру: — Неужели жизнь невинного ребенка ничего для вас не значит? Вас ведь по-хорошему просили... Впрочем, не стану лгать, девочке ничего не угрожает. Уже утром она вернется домой.

— И забудет события последних дней? — мрачно уточнил пес. О том, что Джессики уже нет в комнате, в которой ее заперли, он сообщать не собирался, а Эверет и Эдна, очевидно, решили, что он только направлялся к девочке, когда провалившийся пол превратил коридор в ловушку. Только бы Валери не вздумала снова выставить зеркало, его блеск легко заметить. — Убийство матери тоже сотрете из ее памяти?

Менталист, с которым Кена разделяло не менее десяти ярдов темных дыр и гнилых досок, заинтересованно прищурился.

— Поразительная догадливость. Давно у вас обнаружилось это качество?

— В тот день, когда вы убили Крис и пытались подставить меня. — Фаулер перевел взгляд на Эдну. — Почему? Из-за того, что она хотела уехать с Эриком? Джим давно мертв, а Крис заслуживала счастья...

— Заткнись, — угрожающе оборвала Эдна. — Даже имя его произносить не смей. Это он заслуживал счастья. Он, а не твоя шлюха. Терпеть ее не могла... Вас обоих!

— И придумала, как избавиться от нас одним махом, да?

Сказать, что он чувствовал себя идиотом, — ничего не сказать. Сколько лет длилась эта ложь и эта неприязнь, а он ничего не заподозрил. Эдна демонстрировала симпатию, почти дружелюбие, угощала чаем и делилась проблемами, а к невестке относилась с добродушной снисходительностью, как к не слишком разумному, но в целом милому ребенку... Госпожа Кроули — отличная актриса. Одна ее истерика после «похищения» внучки чего стоит! А Кен и тут прокололся. «Самый очевидный ответ», — написала Мартина. А в доме Эдны не было посторонних запахов, только ее и Джессики. Конверт и вовсе пах только Эдной. Разве не очевидно было?..

— Зря вы так плохо о нас думаете, Кеннет, — укорил Эверет. — Никто не планировал избавляться от вас. Вы лишь оказались бы, скажем так, в затруднительной ситуации, из которой я с радостью помог бы вам выпутаться. Мне действительно хотелось, чтобы между нами установились добрые отношения.

— Ты просто хотел, как и Джесси, завести собаку, — осклабилась Эдна.

Фаулеру плевать было, что они там хотели. У него все еще оставался план, от обдумывания которого его отвлекли. Прыгнуть вниз, на выпирающий обломок стены, оттуда — перебежать по доске...

Но он не прыгнул. Услышал снова шаги в коридорах. Снова двое, снова мужчина и женщина. Мужчину Кен не опознал, а женщина пахла знакомо. До боли под ребрами знакомо...

— Я отказался от этой затеи, — продолжал между тем Эверет. — Вы слишком непредсказуемы, Кеннет. И догадливы, как выяснилось. Это и есть ваше знаменитое песье чутье? Лишь раз столкнулись с моим мертвецом, как что-то заподозрили, а сегодня уже и доказательства раскопали. Надеюсь, немногие на острове видели ту газету? Ради их же блага надеюсь...

Кен сжал кулаки. И правда идиот! Сам ведь ткнул Белле в лицо статью с фотографией, а она быстро сориентировалась и заманила его в подвал. Еще одна непризнанная актриса, чтоб ее!..

Впрочем, о Белле и собственной глупости он вспомнил постольку-поскольку, слух и обоняние не оставили мыслям шансов.

— Завести морского пса, — с деланой мечтательностью протянул доктор-менталист. — Это было заманчиво. Однако есть цели более интересные. Вот, например, много лет назад, когда я только приехал на остров, хорошая знакомая... ныне покойная, хм... рассказала мне об одной девушке. Весьма необычной девушке, чрезвычайно одаренной, обладающей поистине неординарными способностями. И что странно, моя знакомая ту девушку жалела, считала неполноценной из-за того, что дар в ней затмил чувства, а я, напротив, считал это одним из главнейших ее талантов. Только представьте, на что способен маг, лишенный ограничений в виде сентиментальных привязанностей. Никаких искажающих восприятие эмоций — чистая логика, здравая оценка ситуации, абсолютная объективность суждений... Но, увы, все это лишь в теории. Привязанность у той девушки, как оказалось, имелась, давняя, крепкая и болезненная, а все мои попытки как-то повлиять на ситуацию оканчивались крахом. Потому что существует лишь одно решение...

И лишь одна девушка, вернее — уже женщина, подходит под данное Эверетом описание. Наверное, доктор полагал, что ее появление сразу же после его слов станет для Кена сюрпризом, но пес предсказал его с точностью до секунды: унюхал, высчитал по приближающемуся стуку каблуков...

— Джоан, дорогая, а мы тебя заждались.

Кен тяжело выдохнул. Взгляд скользнул по невзрачному лицу остановившегося за спиной Эверета человека в униформе лечебницы, но, не в силах сконцентрироваться на нем, вернулся к Джо.

Жива. Это — главное. С остальным они разберутся.

Хотелось верить, что обязательно разберутся, но...

Джо походила на тень самой себя. Что бы ни говорил Эверет, что бы сама она ни говорила о своей неспособности на глубокие чувства, столь бесчувственной она никогда прежде не выглядела.

— Увы, пока это — мой максимум, — с искренним сожалением сообщил доктор. — Почти пятнадцать лет мне понадобилось на то, чтобы пробиться через естественную ментальную защиту вашей подруги. Еще три года я потратил, пытаюсь наладить наше с ней взаимодействие, но оно возможно только тогда, когда Джоан погружена в частичный транс. Все же ведьмовское начало в ней тоже сильно, а мне это мешает. Зато и встречи наши миз Гарнет благополучно забывала, возвращаясь в нормальное состояние. Хотя они все забывают, как вот наша общая знакомая — миз Аллен. С ней работать было на удивление легко, запечатанный маг совершенно беззащитен. Несколько встреч в тюрьме, и я уже мог позвать ее из любой части острова. Нужды в

этом не было, исключительно исследовательский интерес... Но и с Джоан мне удалось кое-чего добиться. К примеру, устойчивой реакции на определенное сочетание слов, независимо от того, кем они будут сказаны. Белла сомневалась, что это сработает, но, как видите...

Видел. Смотрел, не отрывая глаз. Думал, но мысли текли неспешно и вяло...

Белла? Ну конечно же Белла. Она говорила, что пыталась дозвониться до Джо. Наверное, разыскивала ее по поручению Эверета, а потом так кстати обнаружила рядом со своей гостиницей. Произнесла то самое сочетание слов, и Джо стала такой... Никакой...

— Что мне по-настоящему мешает, это вы, Кеннет. Правда, Джоан? — спросил Эверет у Джо, и она медленно кивнула в ответ. — Помнишь, мы говорили о твоих страхах? О самом большом твоём страхе? Повторишь для лейтенанта, чего ты боишься больше всего?

— Боюсь... навредить ему... — Голос ее звучал подобно голосу механической куклы. — Боюсь, что... с ним что-то случится из-за меня...

— Теперь понимаете, Кеннет? Страхи — это то, что мешает нам жить и развиваться, ограничивает нас в выборе, лишает истинной свободы...

— По-вашему, сейчас она свободна? — не выдержал Кен.

— Еще нет, — согласился Эверет. — Но скоро будет. Эдна, дорогая, отдай Джоан пистолет.

— Ты уверен? — Эдна покосилась на Джо с сомнением и опаской.

— Конечно, — беспечно отозвался доктор. — Если страх нельзя победить, его нужно пережить. Иного способа справиться с ним нет. Так ведь, Джоан? — Он сам вложил оружие в ее безвольно опущенную руку и ободряюще похлопал по плечу. — Ты знаешь, что надо делать.

Все-таки нужно было прыгать. Но Кен стоял, словно врос в оставшийся посреди разрушенного коридора островок-осколок. Наблюдал отстраненно, как неспешно поднимается, чтобы уставиться ему в грудь, дуло пистолета, затем перевел взгляд на отсутствующее, но даже под этой маской красивое лицо Джо.

— Прости, — сказал негромко, но эхо отнесло ей его слова. — Прости, что не могу оторвать тебе голову. Даже если бы дотянулся, не смог бы...

Звук выстрела показался далеким и нереальным, но острая жгучая боль, вонзившаяся в грудь слева, была настоящей. Оборвала на полуслове, на полувдохе, выбила опору из-под ног, и Кен полетел назад, спиной вниз, в темный провал... Удара о камни он уже не почувствовал.

ГЛАВА 28

Едва Эверет и Эдна Кроули ушли, Марти опустила на пол и закрыла лицо руками. Сквозь пальцы смотрела, как молчаливый помощник доктора взял Беллу за ноги и поволок прочь из зала. Куда? Да кому это интересно? Уж точно не Марти. И не Белле...

— Тина.

Она подняла голову, встретилась взглядом с Томми и покачала головой: что бы он ни собирался сказать — потом.

Подползла к решетке, с другой стороны которой сидел, спиной привалившись к толстым прутьям Адам-Аманда и коснулась его-ее руки.

— С вами все хорошо?

— Конечно, — уверил негромкий девичий голос. — Только голова разболелась от болтовни нашего дорогого доктора. Работа с психами дурно на нем отразилась.

Отвечая, Адам и не попытался обернуться, даже не шевелился, словно сил у него осталось лишь на разговор.

— Так и есть, — подтвердил остров. — Он слишком долго находится в этом доме и в этом теле.

«Как ему помочь?» — спросила Марти.

— Выведи отсюда. Если сможешь.

«Все еще играешь в игры? — разозлилась она. — Кажется, я уже должна была что-то понять, да? Ты сказал, что я пойму. И? Где же это, мать его, понимание? Только ложь. Твоя ложь, между прочим!»

— Я ни в чем тебя не обманывал.

«Да неужели? Не ты ли говорил, что до меня тебя долгие годы никто не слышал? А как же Эверет? Ты же говорил с ним. Показал этот дом. Точнее, подарил дом, да? Пообещал, что сделаешь его своим лордом...»

Она многое могла еще припомнить, но какой в этом смысл, если остров никак не реагирует на обвинения?

Марти нервно рассмеялась. Мысленно, конечно, чтобы не напугать Томми и Адама. Опять задумалась, не сошла ли она с ума. Возможно, у них с Эверетом один диагноз — новый, прежде неизвестный в психиатрии синдром, который потом назовут их именами. Синдром Эверета — Аллен — звучит, не правда ли? Основные симптомы: большие считают, что говорят с островами, а в особо тяжелых случаях уверены, что скоро станут лордами.

— Я ошибся, — тихо сказал Карго-Верде. В голосе его слышалась... вина? — Ошибся в нем. Я действительно долго ни с кем не говорил и, наверное, разучился разбираться в людях. Мне казалось, стоит только найти кого-то, кто способен слышать...

Он слишком долго ждал того, с кем сможет разделить свою силу, и не подумал, что стоило подождать еще немного, чтобы получше присмотреться к недавно прибывшему на Карго-Верде доктору, понаблюдать за ним, понять, что представляет собой этот человек.

Нет, он присматривался, конечно, и понял, казалось...

Лоуренс Эверет был менталистом и скрывал свой дар, но у него имелись на то причины. Менталистов не любили в империи. А остров не любил империю. Империя жестока со всеми, кто не вписывается в придуманные ею правила, кто бросает вызов ее нормам и законам, цель которых — укрепить власть лордов Архипелага и их предводителя. Империя раздавила бы Эверета, как и многих до него, а ведь он не делал ничего дурного. Напротив — свой дар, который приспешники императора мнили злом, он использовал

исключительно на благие цели. Он влезал людям в головы лишь затем, чтобы навести в этих головах порядок, вычищал оттуда грязь, находил искорки разума и заставлял их разгораться ярче. Он был менталистом, да, но еще он был целителем. Целитель — это прекрасно.

После инициации пробудившаяся в лорде истинная кровь многократно усиливает способности, которыми он обладал изначально, и Карго-Верде радовался тому, что у него будет лорд-целитель, который сможет излечивать не только тела, но и души.

Иногда Эверет использовал дар и в личных целях, но это тоже можно было понять, он ведь чужой тут и пытается как-то обустроиться на новом месте. Естественно, ему нужны деньги, чтобы купить дом, где он будет жить, и, быть может, не один; машину, на которой добираться до лечебницы намного удобнее, чем на автобусе; одежду... Еду, в конце концов. Люди — не острова, они не могут питаться чистой энергией, им нужно есть. И Эверет ведь не бедняков обирал — он брал немного и лишь у тех, кто точно не обеднеет, лишившись нескольких сотен. А когда он станет лордом, думал остров, необходимость прибегать к подобным уловкам отпадет сама собой.

И он заговорил с ним, да. Рассказал, как долго ждал его, как устал от молчания и накопившейся за века силы, которую не с кем было разделить. Показал этот дом и спрятанные в нем сокровища, сотой доли которых хватило бы доктору, чтобы забыть о нужде навсегда...

«Сокровища? — переспросила Марти. — Разве дом не разграбили люди императора?»

— Они взяли многое, — ответил остров. — Но не все. Показать тебе?

«Лучше покажи мне выход».

Карго-Верде проигнорировал эту просьбу, и на Марти снова обрушился поток образов-воспоминаний.

Сокровища ей все-таки показали: просторную комнату с сундуками, набитыми золотом и драгоценностями... Сейчас вход в нее был завален камнями, и понадобится сила лорда, чтобы убрать их, не вызвав новых обвалов.

Для Эверета это — одна из причин. Возможно, главная. Он мечтает заполучить силу, чтобы завладеть богатствами, которые и так были бы его, не оказись он эгоистичным мерзавцем.

— Я ошибся в нем, — повторил остров. — И слишком поздно понял свою ошибку. Он слышал меня — да, но не понимал услышанного. А я не сумел объяснить. Теперь же он слышит только себя, свои желания и домыслы, но продолжает думать, что разговаривает со мной. Так бывает даже с теми лордами, что уже связаны с островами: когда в их душах начинают говорить алчность и гордыня, они перестают различать наши голоса. Потому мне и нужна твоя помощь. Останови его.

«Как? Предлагаешь мне его убить?»

— Это приемлемое решение.

Сказано это было так просто, что Марти опешила на несколько секунд. Но ведь решение действительно... решение. Если не принимать во внимание тот факт, что возможно оно лишь в теории и нет ни единого шанса реализовать его на практике.

— Тина! Тина, что с тобой?

Она встряхнулась, выныривая из нереальности, куда затянул ее разговор с островом.

— Все... — взглянула через решетку в обеспокоенные зеленые глаза, — ...нормально. Задумалась, прости.

— Нужно уходить.

— Что? — Ей показалось, что она ослышалась.

— Нужно уходить, пока они не вернулись.

— Как?

— Действительно, как? — полюбопытствовал Карго-Верде, проявляясь рядом с Марти в образе своего последнего лорда. — Сила дома не позволит ему дотянуться до родового острова, а без этого не справиться. Эверет перестраховался, и замки заперты магией.

Марти хотела спросить, может ли он сам открыть камеры, ведь сила дома — это и его сила, но промолчала: если бы он собирался помочь, уже сделал бы, а выслушивать ответ в духе «да, могу, но нужно играть по правилам» не было никакого желания. Как и продолжать эти странные игры.

— Замки заперты магией, — повторил Томми слова острова. — Я не смог разобраться с плетением. Поэтому — так.

Он взялся за дверь и медленно, с усилием открыл ее. Со стороны петель.

Пока Марти недоумевала, каким образом ему это удалось, он проделал тот же фокус с дверью ее камеры, а после выпустил и Адама.

— Невероятно!

Марти подумала, что она, возможно, единственная, кому довелось лицезреть удивленный остров.

— У него получилось! Стайн его услышал. Он... Он и правда только наследник? Не глава рода?

— Боюсь, это все, на что меня хватит, — хрипло проговорил Томми, вытерев выступившую на лбу испарину. — К сожалению, психодоктор не солгал, и мы действительно в доме. Поэтому чем скорее уберемся отсюда, тем лучше.

Марти согласно закивала и, покинув камеру, вздохнула с облегчением, хоть и понимала, что это — лишь маленький шагок на пути к свободе.

Адаму этот шагок дался с трудом. Тело сестры словно перестало его слушаться, и сдвинуть с места ногу было не легче, чем сдвинуть гору.

— Обопритесь об меня, — предложил Томми, хоть его и самого пошатывало. — Думаю, Тина не станет ревновать.

— Уж надеюсь. — Адам вымучил улыбку и вцепился в предложенную руку.

Им не мешало бы разжиться оружием, и Марти огляделась в поисках чего-нибудь пригодного на эту роль. Подобрала с пола длинную суковатую палку — больше ничего не нашлось, — но до поры отдала ее Адаму вместо клюки, а пока озиралась, обнаружила, что «призрак» лорда Карго-Верде снова исчез.

Но это не значило, что остров уже не видит их и не слышит.

«Помоги нам! — взмолилась она мысленно. — Подскажи, как выбраться».

Просьба осталась без ответа, как и волновавший Марти вопрос, зачем она здесь и чего хочет от нее остров. Будь у них в запасе хотя бы час, она рассказала бы Томми, какие свела знакомства, и, быть может, он подсказал бы, что делать и как себя вести, все же у него есть опыт общения с островами.

Но времени на разговоры не осталось, нужно было во что бы то ни стало выбраться из дома и не столкнуться при этом с Эверетом или с кем-то из его людей.

На счастье, приспешников у доктора было немного. Марти догадалась об этом по тому, что зал, который она в уме называла ритуальным, никто не охранял. В длинном, слабо освещенном коридоре беглецам тоже никто не встретился, и главной их проблемой оставалось то, что ни один из них не знал, как добраться до выхода.

«Помоги же нам!» — продолжала звать к острову Марти, но, видимо, он не хотел,

чтобы они ушли, не разобравшись с Эверетом, и бесполезно было обещать, что они вернуться с подмогой, с полицией, с императорской гвардией, если понадобится, — Карго-Верде не верил в подобные обещания. Или же знал, что они не сумеют их выполнить. Эверет — менталист, и кто знает, на что он отважится, оказавшись загнанным в угол. Последняя известная охота на менталиста обернулась общегосударственным трауром...

Коридор привел в большую комнату с полуразрушенной стеной, когда-то наружной, судя по засыпанному сейчас землей оконным проемам. В один из них вползали внутрь толстые корни какого-то дерева.

Далее следовал еще один коридор, а за ним, наверное, еще и еще. Марти подумала, что они могут блуждать по дому до бесконечности, когда где-то — казалось, в соседней комнате, — грянул выстрел.

— Нашли, — вырвалось само по себе.

Она не знала, кого именно нашли, но отчего-то не сомневалась, что выстрел был сделан из того же оружия, что оборвало жизнь Беллы, и горько было думать, что только что погиб еще кто-то.

Томми сжал губы и ускорил шаг, практически волоча на себе едва перебиравшего ногами Адама-Аманду. Женское тело сейчас смотрелось каким-то особенно хрупким, и невольно думалось: урони его, и тоненькая, будто стеклянная фигурка разобьется на тысячи осколков.

— Тина... — Пройдя в быстром темпе с десятков ярдов, Томми выбился из сил и вынужден был остановиться, чтобы перевести дух. — Ты помнишь, что я тебе сказал?

— Когда? — уточнила она, хоть сразу поняла, о чем он говорит.

— Тогда, — усмехнулся он, разгадав ее ложь. — Беги. Без нас у тебя больше шансов.

О том, чтобы бросить Адама, он и не подумал, а она не смогла бы предложить ему такое. Капитан Томас Стайн ни за что не согласился бы с подобным предложением, и, даже если он прав и кошмарные сны меняют людей, кое-что все-таки остается неизменным.

Но и Марти не так уж сильно изменилась.

— Нет, — ответила она, постаравшись вложить в короткое слово все свои мысли и чувства.

— Тина...

— Идите вдвоем, — прошептал Адам и попытался оттолкнуть поддерживающую его руку.

Томми сердито цыкнул и крепче перехватил вырывающуюся «девицу».

Марти закатила глаза: как же тяжело с этими мужчинами! И что их так тянет геройствовать?

— Идемте, — скомандовала она.

Остров по-прежнему молчал.

Миновав еще один длинный коридор, они попали в комнату, где помимо двери, приведшей их сюда, имелось еще три, и главная проблема заключалась не в том, что они не знали, какую из них выбрать, а в том, что за одной из них слышались знакомые голоса: Эверет и Эдна возвращались.

Марти прислушалась. Эхо норовило сбить с толку, но, кажется, ей удалось определить, откуда идет звук.

— Сюда. — Подбежав к двери, за которой разлилась спасительная тишина, Марти распахнула ее и буквально втокнула внутрь подошедших Томми и Адама.

Собиралась войти следом, но...

— Тина, это тупик.

Темнота помешала увидеть это сразу: коридор за дверью был завален, свободным оставалось лишь небольшое пространство у порога.

— Сидите тихо! — шикнула Марти.

Аккуратно прикрыла дверь и на цыпочках — голоса убийц слышались уже совсем близко, — пошла к противоположной стене.

Спрячется за другой дверью. Дождется, когда доктор с сообщницей пройдут мимо. Выйдет. Закроет им ход обратно, опрокинув вон ту грудку дерева, когда-то, видимо, бывшую шкафом... Она справится, стоит лишь поднапрячься. А после можно будет продолжать путь...

Это был прекрасный план, лучший из всего, что могло прийти в голову в такой короткий отрезок времени.

За выбранной дверью завалов не обнаружилось — напротив, небольшая комнатка была гораздо чище и светлее тех, через которые они пробирались до этого. Даже мебель сохранилась — несколько стульев и массивный деревянный стол в углу, только окна, как и везде в доме, засыпало землей. Марти отметила все эти детали мимоходом и тут же прижалась ухом к двери.

Несколько секунд она не слышала ничего, кроме стука собственного сердца и своего же громкого прерывистого дыхания. Затем — треск дерева, уверенные шаги и недовольный голос Эдны:

— Нужно проверить охрану. Как-то же этот пес пробрался внутрь.

— Не вижу смысла, — невозмутимо отозвался Эверет. — Если люди мертвы или обездвижены, заменить их все равно нечем. А скоро охрана нам не понадобится. Мы можем начать немедленно.

— Ты говорил...

— Шторм уже вошел в полную силу. Не будем дожидаться идеального момента, назначим его сами.

Сколько пафоса! Хотела бы Марти посмотреть на физиономию доктора, когда он увидит, что жертвоприношение не состоится ввиду отсутствия жертвы.

Впрочем, нет, не хотела бы. Видеть Эверета она теперь желала исключительно на скамье подсудимых или сразу в гробу.

— Что там? — настороженно спросил доктор.

«Где?» — забеспокоилась Марти. Неужели Томми и Адам чем-то себя выдали?

— Там кто-то есть? — Вопрос Эверета прозвучал эхом тревожных мыслей.

Прислушиваясь, Марти прильнула к двери и чуть не упала, полетев вперед, когда та неожиданно распахнулась. В лоб уткнулось холодное дуло.

Но испугало не оружие, а то, чья рука его держала.

— Джо? — сипло выдавила Марти.

После всего, что случилось сегодня, она не верила, что сможет еще чему-нибудь удивиться, но сейчас... Хотя удивление — совсем не то, что она чувствовала, глядя в немигающие глаза хранительницы башни.

— Джо, что с тобой?

— Ну надо же! — воскликнул Эверет. — Мартина? Как вы тут оказались?

Марти на него не смотрела.

— Джо, ты меня слышишь? Ты меня понимаешь?

Если бы не пистолет, по-прежнему нацеленный ей в голову, Марти уже встряхнула бы стоявшую перед ней женщину за плечи, а может, и пощечину ей влепила бы, поскольку Джо явно была не в себе.

— Она вас слышит, — ответил вместо нее Эверет. — А вы меня? Как вы выбрались из камеры? Отвечайте! Вам кто-то помог? Где остальные?

Остальные?

Фраза Эдны об охране и пробравшемся в дом псе. Выстрел. Оружие в руках Джоан Гарнет...

— Джо, где лейтенант Фаулер?

Эверет брезгливо скривился. Эдна за его спиной фыркнула, громко и насмешливо.

— Джо...

— Мартина, вы не в том положении, чтобы...

Она снова проигнорировала доктора-убийцу.

— Джо. — Сосредоточилась на ее глазах, где в черном омуте зрачков мелькали крошечные искорки — проблески сознания, увязшие в липкой патоке навязанной воли. — Джо, где лейтенант Фаулер? Кеннет Фаулер... Вспомни, мать твою!

— Зря стараетесь, — холодно улыбнулся Эверет. — Теперь это — моя ведьма. Вы же знаете, что у острова должна быть ведьма? Белла, увы, не справилась.

— Довольно болтовни, — перебила его Эдна Кроули. — Ты сказал, пора начинать. Так что...

— Кен... — Рука, удерживавшая пистолет у головы Марти, дрогнула. — Кен, он... — Джо моргнула. На длинных ресницах повисла слезинка. — Я...

Она резко развернулась, и дуло пистолета оказалось направленным на Эдну. Затем на Эверета. И снова на Эдну, медленно попятившуюся при этом назад.

Но это не значило, что Джоан пришла в себя. Скорее запуталась еще больше. Что бы ни случилось с лейтенантом Фаулером — Марти даже гадать боялась, что там произошло, — Джо не могла этого вспомнить. Возможно, тоже боялась...

— Кен... — Она снова обернулась к Марти. Взгляд беспомощный, слезы текут по щекам. — Я не... он...

Слова забулькали у нее в горле. Джо вдруг затряслась всем телом, уронила на пол пистолет и с хрипом рухнула следом. Вздрыгнула-всхлипнула еще пару раз и затихла.

Марти тяжело сглотнула и перевела взгляд на оставшегося стоять перед ней Эверета. В руке он держал незнакомый прибор: черный брусок пластика венчали две металлические пластины, между которыми с треском пробегали молнии коротких разрядов.

— Замечательное приспособление, — похвалился доктор. — Его разрабатывали для тюрем и психиатрических лечебниц, а после признали недостаточно гуманным. Мне с трудом удалось раздобыть несколько штук через Беллу. Но применять его к Джоан я не планировал. Если бы не вы. Нужно было дать ей немного времени свыкнуться, не напоминать...

— Как она пристрелила Фаулера, — с мрачной улыбкой закончила Эдна Кроули, и у Марти похолодело в груди. — Завязывай с разговорами, так и шторм закончится. — Эдна подобрала оброненный Джо пистолет и направила на Марти. Все повторялось, словно навязчивый кошмар. — Где твой муженек?

— Там... Остался там. Не смог открыть дверь.

— Тогда нужно скорее возвращаться, — решил Эверет. — Он же, наверное, скучает. Джек! — На окрик из тени выступил молчаливый санитар. — Проводи миз Аллен, чтобы она не вздумала заблудиться.

Марти сдержала вздох облегчения. Поверил. Теперь нужно скорее уйти отсюда, а в ведущих к ритуальному залу коридорах постараться потянуть время, чтобы Томми и Адам успели выбраться. Быть может, они догадаются завалить дверь и заберут с собой Джо. Она ведь очнется? Очнется и вспомнит все... Но она поймет, что не виновата. И кто на самом деле виноват — тоже поймет...

— Постой! — Эдна остановила направившегося к двери Эверета. — Чего-то эта тихоня недоговаривает. — Она подступила к Марти вплотную. — Говоришь, ты одна тут?

— Да.

— А давай проверим? — Дуло пистолета больно ткнулось Марти под ребра справа. — Ты же хирург, знаешь, что будет, если я сейчас выстрелю? Знаешь?

— Да.

— И?

— Пуля пробьет печень, и я умру от кровопотери. Быстро.

Не самый плохой исход.

— А если так? — Пистолет переместился влево, и дуло едва цепляло бок над застёжкой юбки.

— Так пуля пройдет навывлет, не задев внутренние органы и крупные сосуды.

— Надеюсь, ты понимаешь, как я добра, — улыбнулась Эдна, прежде чем нажать на спусковой крючок.

Выстрел и крик Марти раздались почти одновременно. В боку горячо запульсировала боль.

— Это было предупреждение, Стайн! — проорала Эдна Кроули, задрав голову к потолку. — Первое, но не последнее. Я могу расстрелять всю обойму в твою дорогую Тину. Кисти рук. Стопы. Колени...

Томми не ждал, пока она перечислит все. Вышел.

«Прости», — мысленно прошептала Марти, глядя на него сквозь заставшие глаза слезы.

«Ты ни в чем не виновата», — прочла в его ответном взгляде.

Дверь он за собой прикрыл, но тщетно: повинувшись приказу Эверета, безмолвный Джек заглянул в обрушенный коридор и выволок оттуда Адама-Аманду. Чужое тело совсем уже не слушалось парня и, едва санитар отпустил его, обессиленно завалилось на пол.

— Посмотрите, до чего вы довели бедную миз Вивиен, — фальшиво ужаснулся Эверет. — Ее-то зачем было тащить с собой?

— Она и нам не нужна, верно? — Эдна переглянулась с доктором.

Тот покачал головой.

— Оставь. Нам и без того многое придется объяснять после шторма. А из Вивиен выйдет неплохой свидетель. После того, как я с ней поработаю, конечно.

— Но...

— Оставь, — повторил он. — Ей все равно не сбежать.

— Ты прав, — покладисто согласилась женщина. — Но страховка не помешает.

Марти не успела понять, что она имеет в виду, как Эдна навела на лежащую без движения девушку пистолет и выстрелила. У Адама сил не осталось даже на крик. Или, потеряв контроль над телом сестры, он лишился возможности чувствовать испытываемую этим телом боль. Ведь простреленная нога — это очень больно...

— А с ней что? — Эдна указала пистолетом на Джо. — Может...

— Не вздумай! Ты знаешь, сколько сил я вложил в этот проект. И острову все еще нужна ведьма. Джек! — Эверет подозвал санитаров и вручил им устройство, высекающее искусственные молнии. — Проследи, чтобы миз Гарнет не пришла в себя прежде времени. Только не используй это слишком часто и на одном месте, могут остаться ожоги.

В голосе доктора слышалась такая неподдельная забота о «проекте», что Марти замутило от омерзения.

— Ты оставишь Джека тут? — возмутилась Эдна. — Но мы...

— Мы обойдемся без его помощи. Томас больше не доставит нам проблем.

— Конечно, — с недоброй усмешкой подтвердил Томми. — Сам лягу на жертвенник и рукава засучу, чтобы вам было удобно.

Эверет хмыкнул.

— Именно так вы и сделаете. Полагаю, жизнь Мартины будет достаточной наградой за вашу... хм... посильную помощь в реализации моего плана... Да?

— Не слушай его! — выкрикнула Марти. Хотела, чтобы это прозвучало гордо, но вышло плаксиво: рана болела и кровоточила намного сильнее, чем можно было ожидать, а перевязать ее было некогда и нечем. — Меня все равно не выпустят!

— Отчего же? — пожал плечами Эверет. — Выпустим. Даже до города подвезем. Вылечим вашу рану и избавим от всех неприятных воспоминаний. Зачем помнить плохое?

— Вы...

— Я это могу, Мартина. Даже сейчас смог бы при должном старании. А после... После и стараться не придется, ведь привязка к острову многократно усиливает изначальные способности лорда. Спросите Томаса, он подтвердит. А если вы опасаетесь, что я обману вас, готов поклясться жизнью и магией...

— Я согласен, — уверенно произнес Томми, даже не дослушав.

— Нет... — Марти с неверием затрясла головой.

— Согласен, — повторил он. — Клянись.

Эверет не ожидал такого поспешного ответа и растерялся.

— Клянись, — поторопил его Томми, — что, если я не буду сопротивляться и позволю пустить себе кровь, вы не причините вреда Тине и защитите ее от своей бешеной подружки.

— Томми, не смей!

— Клянусь...

С торжествующей усмешкой Эверет повторил предложенную формулировку обета и протянул Томми ладонь. Тот пожал ее, крепко — чтобы ликование на лице доктора сменилось болезненной гримасой, — и демонстративно отер руку о полосатые пижамные штаны.

— Я могу сказать несколько слов жене?

Марти всхлипнула. В этот раз не от боли. Не от той боли. Впервые с тех пор, как он все

вспомнил, Томми назвал ее женой. Хотя определение «вдова» именно сейчас стало по-настоящему уместно.

— Зачем? — тихо спросила она, когда он подошел. — Ты...

— Выполняю обещание. Я же обещал защищать тебя, помнишь?

А как же завтраки? А мороженое в вафельных рожках? Если выполнять обещания — то все сразу, а не какое-то одно!

— Тина... — Томми обнял ее и бережно привлек к себе. — Я уже расшиб бы себе лоб о стену, если бы думал, что у него что-то получится, — прошептал ей в самое ухо, и Марти вздрогнула, осознав смысл этих слов. Все смыслы. — Лордами так не становятся. Но он дал клятву.

— Ты...

— Он дал клятву, — повторил он громче, словно специально для Эверета. — И ему придется ее сдержать.

«А расплата все равно его настигнет», — додумала Марти то, что Томми не мог произнести вслух.

Возвращение в ритуальный зал для нее прошло как в тумане. Наверное, разум пытался так защитить себя от нападков безумия: краски, и без того тусклые, стерлись, сделав все вокруг серым, звуки стали глуше, боль в боку притупилась.

Двери в камерах были сломаны, и поэтому Марти не заперли снова, а лишь защелкнули на запястье наручник, вторым пристегнув ее к решетке. Ярких эмоций это тоже не вызвало.

Даже слез не было.

Она просто стояла, держалась за раненый бок и смотрела, как спокойно Томми расстегивает рубашку и укладывается на пол. Как поднимается, берет рубашку и стелет себе под спину.

— Холодно, — объясняет с виноватой улыбкой Эверету.

— Не волнуйтесь, — успокаивает тот едко, фиксируя руки и ноги будущей жертвы веревками. — Простудиться не успеете.

Нужно было что-то делать... Но что она могла?

«Что я могу?» — спрашивала она у острова, но он продолжал хранить молчание.

«Я же что-то могу? — не сдавалась она. — Зачем-то же ты заговорил со мной? Значит, верил, что я сумею справиться с Эверетом. Значит, я должна справиться. Только скажи как!»

Ответа не было.

А Эверет уже достал нож.

Непосвященные иначе представляют себе ритуальные убийства. В их фантазиях данное действие окружено ореолом мрачной тайны и осияно мерцающим пламенем свечей. В реальности все обыденно: просто нужно знать, где резать...

— Нет! — вскрикнула Марти, когда Эверет уверенно, с отяжкой провел ножом по внутренней стороне плеча Томми. — Не нужно... пожалуйста...

— Эдна, заткни ее, — нервно приказал доктор. От его манеры говорить долго и витиевато не осталось и следа.

Эдна Кроули нехотя оторвалась от созерцания медленного убийства и направилась к Марти.

Что она собиралась сделать? Ударила бы? В прямом смысле заткнула бы ей чем-то рот?

Марти решила, что не расстроится, если никогда этого не узнает. В тот миг, когда она увидела испачканный в крови Томми нож, она нашла ответ на вопрос «что она может?». По сути, это был единственный ответ. И не исключено, что неверный.

Отняв окровавленную ладонь от раны, она коснулась заключенного в стальной браслет запястья. Обломанный ноготь — она и не помнила, когда умудрилась его сломать, — оказался на диво острым.

Печать на втором запястье прокусила зубами.

Осталась последняя, сзади на шее, и тут снова выручил сломанный ноготь...

Разлившаяся по телу боль была стократ сильнее той, что недавно поселилась в боку. Но кричала не Марти. Кричала Эдна Кроули, когда ее отшвырнуло в сторону и приложило о ближайшую стену.

Марти тяжело выдохнула и почувствовала себя драконом: воздух, с присвистом вырывавшийся из ее рта, был сухим и горячим.

Но ей не так много осталось сделать, она успеет до того, как бушующий внутри огонь спалит ее дотла.

ГЛАВА 29

...Фаулер спал.

Развалился на кровати, натянул одеяло почти на нос и блаженно посапывал, чувствуя невероятную легкость в теле и умиротворение в душе. В щель между шторами пробивалось солнце, негромко играло радио, с кухни пахло блинчиками и кофе, но даже этот волшебный аромат не заставил бы пса покинуть уютную постель...

— Кенни, просыпайся! — Крис ласково потормошила его за плечо. — Пора вставать, соня! — Наклонившись, быстро поцеловала его в губы и тут же отстранилась. Распущенные светлые волосы мазнули по лицу. — Опоздаешь, и Раннер на месяц отправит тебя патрулировать улицы.

Она подошла к окну и раздвинула шторы. В квадрате яркого света ее тонкая фигурка казалась почти прозрачной.

— Так ты встаешь?

— Угу...

Он поднялся. Медленно, с неохотой. Не потому, что так сильно хотел спать или имел что-то против того, чтобы его будили поцелуями. И уж точно не потому, что мечтал месяц провести в патруле.

Последнее точно не случится. Раннер отправит? Как бы не так. В те времена, когда Кристин носила фамилию Фаулера и готовила ему по утрам кофе и блинчики, Стив Раннер еще не был шефом полиции Карго-Верде, всем заправлял старик Грант.

— Верно. — Крис улыбнулась. — Дэвид Грант. Умер за два года до войны.

— А я? — Кен приблизился к ней. Хотел дотронуться, но... не решился.

— Что — ты?

— Я умер?

— С чего ты взял?

— Грант ведь мертв. — Он все-таки коснулся ее руки, медленно поднялся пальцами от запястья к тому месту, где нож убийцы рассек артерию. — И ты тоже.

— У меня были причины. — Склонив голову к плечу, она посмотрела на свой рукав, по которому расползлось под пальцами Фаулера пятно крови. — А у тебя?

— Джо в меня стреляла.

— Эта Джо?

Она кивнула на окно.

Выглянув, Кен увидел сидящую на земле под деревом девочку. Солнце золотило каштановые кудряшки, из-под задравшегося платья выглядывали острые ободранные коленки... Не хватало только мальчишки рядом, глупого взъерошенного щенка, с которым в тот день они ели черешню. Но сама черешня была — полная миска. Девочка по одной доставала тугие сочные ягоды и, подбросив вверх, ловила ртом. Обсасывала косточку и, зажав ее между пальцами, выстреливала в центр нарисованной на заборе мишени.

— Разве ты забыл? — Крис приподнялась на цыпочки и прошептала, почти касаясь губами его уха: — Джо никогда не промахивается...

— Фаулер! Фаулер... — тихонько подвывали над ухом. — Ну пожалуйста!..

Крис? Нет, Джессика. Они действительно очень похожи.

Кен на пробу шевельнул рукой и попытался подняться, но помешала бросившаяся ему на грудь девчонка.

— Ты живой! — завизжала она ему в ухо.

— Конечно, живой, — простонал пес. — Но буду еще живее, если ты с меня слезешь.

Со второй попытки получилось сесть и оценить, насколько он все-таки жив. Оказалось — вполне. Шишка на затылке, и, кажется, ребро сломано, но это — мелочи. О простреленном пиджаке и вспоминать не стоит.

— Ты везунчик, пушистик, — выдавила улыбку присевшая рядом Валери. И вздохнула, выставив вперед ногу в полосатом носке. — А ботинок все-таки потерял.

— Везение тут ни при чем. — Кен ощупал дырявую ткань на груди, запустил руку под лацкан и отцепил от рубашки нагрудный знак. Пуля сплюсненной горошиной застряла в «деревянном» покрытии. Внутренний, металлический, слой остался невредим. — Просто Джо никогда не промахивается.

Валери ошеломленно присвистнула. Выхватила у него артефакт, повертела в руках, выцарапала ногтем пулю... Разве что на зуб значок не попробовала.

— Это... Да это же... — От восхищения у нее перехватило дыхание. — Такие делали только для избранных, структурники в них столько сил вбухивали, что даже генералам этих амулетов не хватало. Откуда?..

— От Джо.

После слов профессионального артефактора он смотрел на подарок уже иначе. Вряд ли Джо позволили бы забрать амулет, изготовленный по заказу армейского командования. Значит, этот она делала сама, возможно, тайно. И возможно, не для себя. Просто не успела передать сразу, а потом и война закончилась...

— То есть она знала, что он на тебе? — Валери начинала понимать причины его «везения». — А когда стреляла... Нет, ерунда. Если на ней ментальная сеть, она не смогла бы...

— Джо смогла бы, — с непоколебимой уверенностью сказал Кен, и на сердце потеплело... Хотя тепло — это, скорее всего, гематома в том месте, где значок от прямого попадания пули впечатался в грудь.

— Смогла бы, — подтвердила Джессика. — Потому что она его любит.

— Джо называет это иначе, — хмыкнул пес.

— Какая разница, как она это называет, если она тебя любит? — проворчала девочка с видом «вечно эти взрослые все усложняют».

И была абсолютно права.

— Постойте-ка... — Кен тряхнул головой, заставляя себя отвлечься от приятных, но сейчас неуместных мыслей. — А вы как сюда попали?

Он посмотрел вверх и с удивлением увидел знакомую дыру в потолке. Когда-то в этом месте была толстая балка... Но она рухнула глубоко вниз. И Фаулер должен был. А выяснилось, что упал он с высоты не больше трех ярдов...

— Не знаю, как это вышло, — ответила на вопрос в его взгляде Валери. — Доски, камни... Они буквально поднялись откуда-то снизу и тут же склеились, чтобы тебя поймать. Похоже на магию истиннокровных, но... У острова ведь нет лорда, а тип, который метит на это место, не стал бы помогать.

— И не смог бы, — задумчиво закончил Кен.

— Наверное, Мэнди поняла бы, что тут случилось, но она... — Не договорив, Валери

закусила губу.

— Тогда нужно торопиться.

Аманда была совсем плоха, дышала судорожно и прерывисто, но глаза держала широко распахнутыми, точно боялась, что, закрыв, уже не сможет их открыть, и от этого по бледным щекам непрерывными потоками лились слезы.

Понятно было, что сама она не сделает и шагу, придется нести на руках. Кен прикинул вес будущей ноши: будь Аманда в своем теле, вышло бы полегче. Но будь она в своем теле, ее и не пришлось бы никуда нести.

— Джесси, тебе лучше подождать здесь.

Комнатка, в которой Валери устроила подругу, выглядела надежной и рушиться в ближайшее время вроде бы не собиралась.

— Нет. — Девочка замотала головой. — Я пойду с вами.

— Там будет опасно.

— Знаю. Но я не могу... Не могу оставаться одна, понимаешь?

Прорезавшиеся в звонком голосе истеричные нотки заставили Фаулера поморщиться. Но он понимал, да.

— Держись за мной, — сказал со вздохом.

Хотелось верить, что чудеса на их долю еще остались.

— Хорошо. — Джессика серьезно кивнула. — И я... — Она опустила глаза. — Я хотела сказать... Помнишь, ты обещал, что убьешь того, кто... маму?..

— Помню.

— Не надо, — тихо попросила она. — Это не из-за Эдны. Не хочу, чтобы ты стал как они.

— Я был на войне, Джесси, и убил уже немало людей.

— Это другое. Если получится как на войне, то... А если нет, то не надо. Пожалуйста.

— Я постараюсь. — Поддавшись секундному порыву, он наклонился и поцеловал ее в лоб. — Ты очень похожа на маму. Больше, чем я думал.

— Это плохо?

— Это замечательно.

Кен подумал, что, если они выберутся... Нет, когда они выберутся, он обязательно сходит с Джесси на кладбище. Она ведь не попала на похороны и не смогла попрощаться с Крис...

А сейчас им нужно было в другое место, и Фаулер знал, куда именно: теперь у него был след, который он точно не потеряет. Никогда.

Но значок-амулет на всякий случай прицепил обратно.

Огонь разгорался внутри, в самом сердце, кипящая кровь разливалась по венам, а на коже проступал, расползаясь все шире, рисунок проклятия. Поначалу он был темным, почти черным, а потом вдруг наполнился ярким бирюзовым светом, словно что-то сияющее рвалось наружу из кокона по имени Марти, и она вот-вот лопнет по обозначившимся свечением трещинкам...

Наверное, это было красиво.

А еще больно. Безумно больно.

Но эта боль была силой, той самой, потерянной и, казалось, забытой... И другой силой — огромной, невероятной, неповторимой, — такой, которую Марти прежде в себе не чувствовала, а сейчас, ощутив ее, подумала, что ради подобного готова была бы терпеть эту боль вечно.

Только вечность в ее случае будет слишком коротка, и не стоило тратить ее впустую.

Когда Эдна закричала, Эверет обернулся, но вряд ли успел понять, что произошло. Марти не дала ему времени разобраться, ударила его так же, как его сообщницу — то ли взглядом, то ли мыслью. Просто захотела и ударила так, что доктор выронил нож и отлетел на несколько ярдов от жертвы.

Избавиться от наручников оказалось еще легче. Бушевавшее внутри нее пламя расплавало металл, сделав его мягким и податливым, и Марти оставалось только вытащить руку.

Освободившись, бросилась к Томми.

Ноги подкосились уже на последнем шаге, и она упала на колени именно там, где и так собиралась опуститься на пол.

— Тина, ты...

— Я знаю, — прошептала она пересохшими от жара губами. Поймала в его глазах свое светящееся отражение и улыбнулась. — Знаю. Помолчи.

Ей нужно было сосредоточиться. Унять хотя бы на миг захвативший ее огонь и призвать ту свою прежнюю силу, что позволяла одним касанием останавливать кровотечения и залечивать раны.

Марти прикрыла глаза и накрыла ладонью разрез на плече мужа. Ее руки все еще пылали, и кровь Томми показалась холодной, как вода в горном ручье... Истинная кровь...

— Тина... Тина, хватит...

Она слышала его голос, но не понимала, что он имеет в виду, прося ее остановиться...

— Хватит! — Он дернулся в связывавших его путах. — Оставь себе хоть немного!

Оставить? Себе?

А, он о силе, которой она с ним поделилась. Но силы у нее много. Слишком много для человека, у которого почти не осталось времени, чтобы этой силой воспользоваться.

Была в этом какая-то обидная несправедливость...

Марти позволила огню в груди разгореться снова и выплеснула часть его наружу, сжигая державшие Томми веревки. Затем медленно, чтобы он не заметил, с каким трудом дается ей каждое движение, поднялась на ноги.

— Нужно уходить.

— Ты...

— Я знаю, — повторила она. — Это не важно. Пойдем отсюда.

Ей хотелось успеть выйти из этого дома-подземелья на поверхность, туда, где в полную мощь разгулялся шторм, где ветер и дождь остудят кожу, а слезы не будут высыхать еще до того, как пролились из глаз...

— Пойдем, — согласился Томми.

Почти у самой двери на полу валялся пистолет Эдны Кроули. Томми поднял его, взвесил в руке... Марти пожала плечами: зачем? У них не осталось врагов за пределами этого зала, они все здесь...

Здесь. И не следовало об этом забывать.

— Еще ничего не кончено, — услышала она голос острова и успела обернуться прежде, чем брошенное им в спину заклинание достигло цели.

Вскинула руку, и плетение, в которое Эверет вложил собранную из чужой крови энергию, сторело в сорвавшемся с ладони огненном смерче.

— Ты... — Доктор смотрел на нее не отрываясь и не верил увиденному. — Ты не можешь...

Марти подумала, что это неправильно. До последнего Эверет обращался к ней исключительно на «вы», а теперь, когда, казалось бы, нужно проявить особое почтение, начал пренебрежительно тыкать.

— Я могу, — заверила она, отразив еще один его удар.

Целителей не учили подобным заклинаниям. Не должны были учить. Но Эверет знал их откуда-то.

Следующее было направлено на Томми, и, прежде чем разрушить враждебные чары, Марти подняла воздушную волну и вытолкнула мужа за дверь.

Но Эверет словно именно этого и ждал. Вместо того чтобы сплести очередную смертоносную дрянь, он взмахнул руками, и массивные деревянные створки с шумом захлопнулись. Лязгнул металлический засов...

И еще одно заклинание, в этот раз ловчая сеть. Марти сожгла и ее.

А огонь продолжал сжигать Марти.

Сколько еще она продержится?

— Зачем держаться? — спросил остров, появляясь рядом в образе медноволосого лорда. — Пусть все будет... как будет...

«А как будет?» — хотела спросить Марти, но не смогла разомкнуть спекшихся губ.

Но остров все равно услышал вопрос. И дал ответ:

— Как нужно.

Новая сеть, брошенная Эверетом, прошла через призрачного лорда, не причинив ему вреда, и сбила Марти с ног. Стянулась, лишив возможности двигаться и использовать магию...

— Ты все-таки обманул меня...

— Только самую малость, — без раскаяния признал остров, растворяясь в воздухе.

Его место занял раздраемый злобой и удивлением доктор.

— Ты... — Тяжело дыша, он склонился к лицу Марти, точно желал не только рассмотреть ее, но и обнюхать. — Как ты можешь быть...

— Леди? — хрипло выговорила она слово, которое Эверет никак не мог произнести. — Томми ведь рассказал вам, как это делается. Обмен кровью, древний обряд...

...Госпиталь. Белый потолок. Боль. Онемевшая уже до локтя рука...

— Тина! Не смей сдаваться! Никогда. Слышишь? Все будет хорошо, только не сдавайся!

Голоса доносятся словно через толстый слой ваты...

— Мы не можем нейтрализовать проклятие. К тому же она потеряла много крови. Не знаю, есть ли смысл делать переливание...

— Есть.

— Поймите, капитан, кровь нужна сейчас многим, а доктор Аллен... Ее случай практически безнадежен, неосмотрительно расходовать запасы...

— В задницу ваши запасы! Делайте прямое переливание, моя кровь подойдет.

— Но, капитан Стайн, вы не можете знать наверняка...

— Лорд Стайн. Моя. Кровь. Подойдет.

Истинная кровь. Она подойдет любому. Но лорды нечасто готовы ею поделиться. Настолько нечасто, что на этого конкретного лорда глядят как на поднявшегося из глубин бога... Или как на сумасшедшего...

Но не спорят с ним больше. Готовят все для переливания.

Марти к тому времени уже не чувствует руку... Но вошедшую в вену иглу чувствует. Еще как чувствует!

И огонь, что разливается по ее телу с кровью Томми...

Он надеялся, что сила истинной крови выжжет проклятие, но то лишь окрепло, впитав в себя магию лордов. Печати наложили в последний момент...

А свадьба была потом, спустя целый месяц. И ни Марти, ни Томми до сегодняшнего дня не подозревали, что умудрились случайно провести тот самый древний обряд...

Но Эверету не нужно все это знать.

— Леди. — Он сощурился, став похожим на пригревшегося на солнышке кота. — Это хорошо. Хорошо... Плохо, что я не знал этого раньше! У меня под боком была настоящая леди...

Марти улыбнулась. Пересохшие губы растрескались до крови, но это того стоило. Бедный-бедный убийца, знал бы он, сколько лордов и леди было у него под боком! Даже члены императорской семьи имелись!

То-то Эверет удивится, когда узнает.

— Леди, — повторил он довольно.

Затем в нарушение всех норм этикета схватил леди за ноги и потащил к импровизированному алтарю.

«Юбка задралась, — думала при этом Марти. — Так неприлично...»

Говорить вслух ей было тяжело, но и молчать она не смогла.

— У вас ничего не выйдет, — прошептала, сделав над собой усилие. — Не успеете. Проклятие убьет меня раньше... И в любом случае не сможете. Нужен целитель. Следить за оттоком крови, контролировать проявления травматического шока...

— Я и есть целитель, — сквозь зубы процедил Эверет. — Я все смогу.

Он не стал ни привязывать ее, ни раздевать: помнил о проклятии, а потому торопился. Но разрезы даже через плотную ткань жакета сделал прямо-таки с хирургической точностью.

Марти не кричала. Не дергалась. Держись — будет только больнее, а так получилось даже неплохо. Не зря же в старину все болезни лечили кровопусканием. Жар понемногу спадал, перестало гореть лицо, во рту наконец-то начала собираться слюна...

Овладевшая телом и разумом слабость граничила с блаженством.

«Хорошо-то как!» — успела подумать Марти за мгновение до того, как ее сердце остановилось.

И...

Она видела остров. Как тогда, из башни. Весь сразу и каждую его часть в отдельности.

Видела накрытый грозовыми тучами город. Залитые пляжи. Едва пробивающийся сквозь мглу и туман свет маяка...

Видела дорогу, по которой ее везли в заброшенный, спрятавшийся под землей дом. Вошла в него тем же путем, по которому пронесли ее неподвижное тело. Зависла ненадолго в воздухе, глядя на лежащих на полу людей. Они спали крепко и, казалось, безмятежно, действие транквилизатора еще не окончилось...

Марти эти люди были неинтересны. Не сейчас, во всяком случае.

Она пожелала узнать, как дела у Джо и Адама, и тут же оказалась в той комнате, где видела их в последний раз.

Они до сих пор были там. Рядом с Джо сидел молчаливый Джек, сжимал в руке отданный ему Эверетом прибор и ждал момента, когда нужно будет снова его использовать. Пару раз он уже пускал его в дело и, если придется, будет продолжать, пока не кончится заряд...

Но за другой женщиной Джеку следить не приказывали, и он даже не подозревал, что она в сознании. И что на самом деле это — никакая не женщина, а запертый в чужом теле мужчина. И что неподалеку от того мужчины лежит толстая суковатая палка. Не ахти какое оружие, как думала, найдя ее, Марти, но не для того, кто прошел отличную школу выживания во вражеском тылу.

Адаму нужно лишь собраться с силами, наскрести их в себе по крупице... Что он и делал. Ведь он умел ждать. И умел выбирать момент. А выбрав, приподнялся на локте, бесшумно раскрутил над головой палку, и та полетела, словно бита в игре в городки, и с первой попытки сбила нужную фигуру.

Джек теперь тоже спал...

А Джо уже скоро придет в себя. Совсем скоро.

Но не раньше, чем тут появится лейтенант Фаулер.

Марти радовалась, что он жив, но отнюдь не это вызвало ее улыбку. Позабавила собранная псом команда: впереди бежал белый щенок, за ним, держа на изготовку пистолет, шла коротко стриженная блондинка в одном ботинке, следом сам Фаулер — нес на руках тело Адама, занятое сейчас Амандой. Проще было бы перебросить его через плечо, но лейтенант не мог обойтись подобным образом с дамой.

Замыкала шествие светловолосая девочка-подросток. Она была испугана, но старательно не подавала вида, и, стоит признать, ей это отлично удавалось...

Марти всматривалась в лицо девочки, запоминая каждую черточку, вплоть до одинокой веснушки на щеке, а когда запомнила, позволила времени ускориться, чтобы увидеть лейтенанта и его друзей уже входящими в комнату, где находились Адам и Джо.

Когда Фаулер заметил свою ведьму, показалось, кинется сразу к ней, отбросив как ненужную вещь Аманду-Адама, но все же ему достало выдержки уложить близнецов рядом, соединив их ослабевшие руки... А вот дожидаться, чем закончится, терпения не хватило.

Но закончилось все хорошо.

Почти хорошо.

— Твою ж мать, Адам! — вскрикнула Аманда, морщась от боли.

— У нас одна мать, — флегматично напомнил парень и счастливо потянулся в собственном теле, словно после долгого сна разминая суставы.

— Меня же подстрелили! Подстрелили! Опять! В третий раз, Адам! Я — твоя сестра, ты можешь хоть как-то меня беречь?!

Она возмущалась, и голос ее срывался на визг от непритворной боли, но все же она была счастлива, ведь они оба выжили и снова вместе. А рана? Заживет, как и в предыдущие разы...

«Они такие милые», — подумала Марти.

Все они. И стриженная блондинка, украдкой стиравшая со щек слезы. И девочка, не стеснявшаяся открыто хлюпать носом. О Джо и Фаулере и говорить нечего.

Марти даже смотреть в их сторону было неловко, хоть ничего такого там не происходило. Просто он, усевшись на пол, баюкал ее на руках, а она будто бы не специально терлась носом о его заросшую колючей щетиной щеку...

— Кен, я... Я даже не знаю, что сказать...

— Ничего. Что тут скажешь? У меня тоже денек не задался. Сначала меня нокаутировал мальчишка. А потом оказалось, что все еще хуже: меня нокаутировала девчонка...

Жаль, что им пришлось прерваться.

— Где Эверет? — спросил лейтенант Адама.

— Ушел, — ответил парень, поднимаясь на ноги. — Я покажу куда. Нужно поспешить: у него Мартина и Томас Стайн.

В спешке уже не было смысла, но они все равно торопились.

Джессикику оставили с Аmandой, и бедный щенок буквально разрывался между желанием быть рядом с хозяйкой и бежать туда, где большой пес предвидел схватку с врагом.

Малыш выбрал хозяйку. И правильно.

Блондинку, приглянувшуюся шефу Раннеру, тоже стоило оставить. Ей неудобно было идти без потерянного ботинка...

А схватка их не ждала — только Томми, сидевший привалившись спиной к закрытой двери ритуального зала.

— Томас? — Адам удивленно замер. — А где?..

— Тина? Или психованный доктор? Они там. — Томми указал себе за спину. Пистолетом.

— Нужно же...

— Ничего не нужно. Только подождать, пока все закончится.

— Что — все? — сурово спросил Фаулер.

— Ритуал.

Они не поняли конечно же. Попытались прорваться.

Попытались бы. Но у Томми был пистолет. И сила родового острова, до которого ему непостижимым образом опять удалось дотянуться...

— Она сломала печати, — сказал он людям, бестолково тычущимся в выставленный им заслон.

Но его не слушали.

— Это — единственный шанс, — объяснил он, как мог.

— Шанс на что? — оскалил клыки Фаулер. — Эверет убивает ее! Прямо сейчас!

— Если он ее убьет, я убью его, — ровно пообещал Томми. — А вы убьете меня.

«Кажется, он все еще согласен умереть с тобой в один день», — пробрался в ее мысли голос Карго-Верде.

«Но не сегодня», — ответила Марти.

«Не сегодня», — согласился ее остров.

Ее, да.

Помнится, Джо задавалась вопросом: «Что такое истинная кровь?» Когда она спросит об этом в следующий раз — а она спросит обязательно, — Марти сумеет дать ответ. Очевидный ответ, а потому — единственный правильный.

Лорды ведь никогда и никого не обманывали, лишь недоговаривали самую малость. Полностью нужно говорить так: истинная кровь острова. Кровь, в которой смешались силы человека и принявшей его земли. Кровь, отданная вся, без остатка, отданная добровольно и добровольно же возвращенная, став зарокотом взаимного доверия и нерушимой связи.

Этому не было объяснения с точки зрения всех известных наук и общепризнанных основ магии, и Марти, будучи и медиком и магом, еще с утра сказала бы, что подобное невозможно. Но точно так же как несколько минут назад она чувствовала, как кровь вытекает из ее тела, сейчас она чувствовала, как та вновь наполняет сосуды и не сердце гонит ее, а, наоборот, кровь, вобравшая в себя силу острова, мощными толчками заново запускает замершее сердце.

Это тоже было невозможно.

Но это было.

А верить в невозможное Марти научилась уже давно.

«И все же ты обманул меня», — укорила она свой остров.

«Я предупреждал, что тебе придется довериться мне», — отозвался он.

«Но не объяснил, в чем именно».

«Я дал тебе книгу и показал рисунок».

«Считаешь, этого было достаточно?»

Действительно? Книга на забытом языке и иллюстрация, на которой непонятно что изображено?

Например, Джо и лейтенант Фаулер решили, что это — ритуальное убийство, сродни тем, в которых так поднаторел Эверет. Как они могли догадаться, что человек в черном — не лорд, вытягивающий силу у истекающей кровью жертвы, а целитель, который следит за тем, чтобы обряд слияния прошел как положено, а лорд — это тот, кто лежит на окровавленной земле?

Конечно, далеко не каждый лорд проходит через подобное. Обычно хватало той связи, что устанавливал основатель рода, а его потомкам доставалась кровь, уже несущая в себе частички острова. Иногда эта связь нуждалась в укреплении, и тогда через несколько поколений какой-нибудь смельчак повторял ритуал. Иногда род угасал, и остров избирал себе другого лорда, которому предстояло пройти привязку кровью.

Об этом не пишут и не рассказывают. Не потому, что опасаются, что кто-то захочет захватить таким образом власть над островами, а скорее затем, чтобы избежать ненужных смертей среди тех, кто до этой власти охоч. Отдать кровь — последнее условие. Первое и главное — взаимное доверие, отсутствие корыстных мотивов, принятие силы ради самой силы, как величайший дар жизни, а не для удовлетворения собственных амбиций и стремлений. И если Джо спросит еще и про насос, то Марти

скажет, что вот это все — он и есть и размеры острова совершенно не важны.

С первым условием Эверет не справился. Потому и не понял, что именно хотел сказать ему остров, показывая тот самый рисунок. Книга вернулась в башню, а доктор запутался в своих же неверных домыслах и перестал слышать голос Карго-Верде, а там и голос разума, и голос совести...

Марти открыла глаза и улыбнулась, наткнувшись на обескураженный взгляд доктора-убийцы.

— У вас что-то на щеке, — сказала она, пока Эверет судорожно глотал ртом воздух. — Прямо вот тут. — Коснулась своего лица, показывая, где именно. — И это не смывается.

По перекошенной физиономии Эверета расплзлась мелкая паутинка проклятия, почти четыре года спавшего на плече Марти...

Кто-то сошел с ума.

По всему, умалишенным был недавний «мертвец», перегородивший подход к двери, за которой убивали его жену — то ли бывшую, то ли до сих пор настоящую, но Кеннет Фаулер чувствовал именно себя сумасшедшим. Возможно, потому, что этому странному лорду в полосатой пижаме он в глубине души верил, хоть не понимал и сотой доли того, что говорил Стайн.

Печати, последний шанс... Разве не безумие?

А Кен привык быть разумным... почти во всем... Оттого и продолжал попытки пробиться... Пока что-то не случилось.

Пес снова ничего не понял, просто знал: случилось.

И Стайн знал.

И Джо тоже.

Адам? И он, пожалуй.

Только Валери, кажется, ничего не знала и не чувствовала, потому что не была ни магом, ни ведьмой, ни оборотнем, ни императорской кузиной...

Затем сама по себе отворилась дверь, и в тот же момент упал выставленный Стайном заслон. Но Кен уже и не думал кидаться на лорда в пижаме. Наоборот, успокоился как-то, замедлил шаг...

Но все равно вошел вслед за «мертвецом» в ярко освещенный зал, в центре которого стояла на залитых кровью камнях Мартина Аллен, живая, невредимая и... еще какая-то — Кен не смог подобрать нужного слова.

Думал, Стайн бросится к жене, обнимет... Но тот остановился в трех шагах и низко склонил голову. И Адам повторил этот жест. И... Джо?..

— Ну ты хоть кивни своей леди, что ли, — шепнул кто-то невидимый на ухо.

«Она — не моя леди», — мысленно огрызнулся пес. Не то чтобы он был против леди в целом или против Мартины в частности, но его всегда нервировало, когда что-то шло совершенно не так, как он рассчитывал, пусть в итоге это было и к лучшему.

— Она — моя леди, — сказал невидимка. — Значит, и твоя тоже. И для тебя будет особое задание, я же не просто так тебя пригрел.

Угу. Пригрел он его, конечно...

Мартина перехватила недовольный взгляд Фаулера и улыбнулась. Показалось — с сочувствием.

— Вы привыкнете, лейтенант, — сказала она. — Я уже привыкла... почти... Это долгая история, расскажу как-нибудь потом.

Потом так потом.

Быть может, он к тому времени и правда привыкнет. А сейчас пора было вспомнить, что он — полицейский, и что-то решать и с Эдной, жмущейся к стене, и с сидящим на полу позади Мартины Эверетом.

Особенно с Эверетом. Выглядел доктор, мягко говоря, хреново.

— Это не я, — покачала головой новоявленная леди. — Это — клятва, я думаю. Он ведь поклялся не причинять мне вреда. Правда, не убил и, наверное, потому до сих пор жив. Если наложить печати, проживет еще долго. До суда — точно до...

Грянувший как гром среди ясного неба выстрел перебил ее на полуслове.

— Не доживет. — Томас Стайн разжал пальцы, и пистолет с глухим стуком упал на каменный пол.

Все-таки он псих.

Но стреляет почти так же хорошо, как Джо: Эверет даже не вскрикнул.

Только Эдна заскулила в углу...

— Наверное... — Валери посмотрела на дверь, за которой, ни слова больше не сказав, скрылся Стайн, и зябко повела плечами, — ...у него было право на месть.

Мартина покачала головой:

— Это не месть.

— Не месть, — подтвердил Адам.

Джо кивнула.

«Я точно рехнусь, если и дальше так пойдет», — подумал Фаулер.

Но да, это была не месть. Просто Мартина леди всего пять минут, а ее мужа с младенчества воспитывали как лорда, причем как правильного лорда: привычка отвечать за свои решения и просчитывать их последствия у него в крови.

Эверет не должен был дожить ни до суда, ни просто до того дня, как о нем узнали бы безопасники. Менталист, ограниченный печатями, — просто подарок для спецслужб, и можно не сомневаться, что нашлись бы люди, которые придумали бы, как его использовать даже с реагирующим на магию проклятием, ведь любое проклятие можно если не снять, то значительно ослабить. А то, что способности Эверета использовались бы во благо... Нет, на хрен такое благо. Им вот еще на острове всех облагодетельствованных искать. Охранников, которых Кен вырубил, проверить. Санитара того. Если они по собственной воле и за приличное вознаграждение — нет вопросов. А если сами сейчас не вспомнят, что и зачем делали?..

— Кстати, да, — кивнула Мартина. — У нас полно дел.

Прозвучало это так уныло и обреченно, что Кен обязательно ей посочувствовал бы, если бы только не понимал, что, говоря «у нас», она подразумевала и его тоже. Поэтому он посочувствовал себе.

И как позже выяснилось, не зря.

ЭПИЛОГ

Хотел бы Фаулер сказать, что две недели пролетели незаметно, но подобное бывает только в романах, в одном из которых он похожую фразу и вычитал.

Его две недели не летели, они тянулись медленно и мучительно, с каждым часом, а то и минутой подбрасывая новые сложности. Но он справлялся. Они справлялись. Сначала пересказывали подкорректированную версию случившегося — такую, в которой ни разу не прозвучало слово «менталист». Был просто доктор Лоуренс Эверет, владеющий основами гипноза и имевший неограниченный доступ к психотропным средствам. Был лорд Томас Стайн — хороший парень с потрепанными войной нервами, которого упомянутый доктор обманом заманил на остров и пичкал дурманящими снадобьями, чтобы вымогать деньги у его родных. Были бродяги, над которыми доктор ставил эксперименты, испытывая различные способы воздействия, а потом убивал. Была Эдна Кроули, состоявшая с Эверетом в давней и, возможно, интимной связи. А что? Они ведь были ровесниками, обоим немного за шестьдесят — еще не тот возраст, что может стать помехой чувствам. Когда Эдне понадобилось избавиться от невестки, они с Эверетом представили это очередным нападением маньяка...

По словам Мартины, которая знала все от острова, в случае с Крис дело так и обстояло. Первый обнаруженный в заброшенном порту труп был случайностью. Доктор искал новые места силы вне дома и не вывез оттуда тело лишь потому, что не ожидал, что его там вообще найдут. Когда расследование поручили Фаулеру, у Эверета и Эдны сложился новый план. Кристина к тому времени уже познакомилась с бывшей свекровью с женихом, рассказав, что планирует уехать с ним на материк, и именно это, а не развернутая Кеном бурная деятельность стала причиной. Слабое утешение, но...

Второго бродягу убили там же специально. Выждали несколько дней, попутно подсунув материал для статьи Вэнди, растружившей, что на острове объявился серийный убийца, и уже тогда разделались с Крис.

Роль Беллы в этой истории была более-менее понятна. Ведьма продавала Эверету зелья и нелегальные артефакты, контрабандой доставляемые на остров. Ссора с Эдной у нее разгорелась из-за того, что Белла была недовольна условиями последних сделок, плюс примешалась ревность... В общем, грешить против правды почти не пришлось. Единственное, Мартина настояла, чтобы имя покойной ведьмы не упоминалось в связи с убийствами бездомных. Во-первых, если не рассказывать, что то были ритуальные убийства с целью получения силы, участие Беллы в них иначе чем извращенными наклонностями не объяснить. Во-вторых, леди Карго-Верде не хотела, чтобы за преступления матери пришлось расплачиваться сыновьям. Френки и его младшему брату некуда было уехать с острова, где у них осталась приносящая стабильную прибыль гостиница, и не нужно, чтобы «Островок» обрастал совсем уж дурной славой. Мальчишки ведь ни в чем не виноваты, в свои дела Белла намеренно их не посвящала. А вот с ее братцами Кен планировал в будущем плотно пообщаться.

Что до Эдны, прикрывать ту ни у кого желания не возникло, а родственников у нее на острове не осталось. Кроме Джессики, которая в данном случае была не внучкой убийцы, а дочерью жертвы, а повернись у кого язык ляпнуть что-нибудь про девочку, Фаулер лично этот язык укоротит.

С тех пор как Эдну арестовали, Джессика жила у подруги. Родни со стороны Крис у нее тоже не осталось, и хорошо, что мать Моника была не против приютить одноклассницу дочери. На время, конечно. И время это уже подходило к концу.

Потому-то, когда после двух недель допросов, расспросов, заполнения протоколов, проведения экспертиз и прочей нервотрепки у Кена наконец-то появилось несколько свободных часов, он первым делом вспомнил о своем обещании съездить с Джесси на кладбище.

— Ты веришь в загробную жизнь? — спросила она, глядя не на него, а на установленную на могиле Крис гранитную плиту с выбитыми на ней датами рождения и смерти. — В то, что есть другой мир, куда попадают все умершие?

— Конечно, — ответил он серьезно.

— И мама сейчас там, с отцом?

— Думаю, да. Говорят, люди, которые любили друг друга при жизни, обязательно встречаются там.

— А как же Эрик? Он умрет однажды, попадет туда, а мама уже... ну, ты понимаешь...

— Эрик проживет еще долго, — улыбнулся этим рассуждениям Фаулер. — Уверен, он успеет встретить другую женщину, и в загробном мире у него не будет претензий к твоей маме.

— Хорошо бы, — кивнула Джессика, рассеянно поглаживая уместившегося у нее на коленях щенка, ставшего невольным напоминанием о несостоявшемся счастье Кристин. — А... Эдна? — Девочка нахмурилась. — Когда она умрет...

— Не волнуйся. Таких, как она, в тот мир не пускают.

Он действительно верил в существование этого мира — мира без зла, мира, где любимые всегда рядом. Но пока не стремился туда.

— А я все-таки поеду на материк, — с наигранной радостью сообщила Джессика. — Из городского совета опять приходили. Сказали, что меня оставят на острове до суда, потому что пока Эдну не признали виновной, она — моя опекунша. А когда признают...

Признают, в этом никто не сомневался, и Джессика официально лишится семьи.

— Знаешь, Джесси, я как раз об этом хотел поговорить. Тебе не обязательно уезжать. Тут у тебя школа, друзья... В общем, что бы ты сказала, если бы я стал твоим опекуном?

Это было не самое простое решение в его жизни, однако, хорошо все обдумав, Кен понял, что не простит себе, если дочь Кристин окажется в приюте.

Девочка подняла на него засветившийся радостью взгляд, но тут же сникла.

— Было бы здорово, — проговорила она со вздохом. — Правда. Но мама Моники — помощник адвоката, и она говорит, что никто не даст права опеки одинокому мужчине, даже такому классному.

Выходит, Джессика тоже обдумывала этот вариант.

— Серьезно? — улыбнулся Фаулер. — Мама Моники считает меня классным?

— Ага. — Девочка снова оживилась. — Она в разводе, кстати.

— Э-э... нет. У меня есть другая кандидатура.

— Джо? Думаешь, она согласится? Говорят, ты ей уже раз сто предложение делал.

— Кто говорит? — насупился пес. Он считал те «раз сто» их с Джо тайной, и то, что кто-то что-то об этом говорит, стало для него неприятным откровением.

— Люди, — потупилась Джессика. — Разные.

— Разные, значит... Ну и пусть говорят! — Кен махнул рукой. — А Джо уже согласилась, между прочим.

Он обсудил с ней все заранее, иначе сегодня не начал бы этот разговор. И да, Джо согласилась. Исключительно потому, что знала законы не хуже, чем мама Моники, и понимала, что иначе комитет по опеке отправит Джессику на материк. Так что, можно сказать, Фаулер использовал девочку, чтобы наконец-то добиться ответа, которого ждал двадцать лет.

— Так что ты все-таки скажешь? Останешься?

— И? Что она сказала?

Марти посмотрела на Джо, нервно притопывавшую в ожидании ответа, и не сдержала улыбки.

— Согласилась, разумеется. А ты ждала, что откажется?

Для себя Марти сразу решила, что не станет использовать силу острова, чтобы подглядывать за людьми, разве что случай окажется исключительный, и этот был как раз из таких.

— Не знаю, чего я ждала, — пробормотала главная ведьма Карго-Верде. — Все это как-то... Не для меня, понимаешь? Я всегда знала, что у меня не будет детей. Я с этим смирилась. Потом начала видеть плюсы бездетной жизни. Много плюсов. Реально, очень много плюсов. И вдруг у меня появится практически взрослая дочь. Как ты себе это представляешь?

— Никак, — пожала плечами Марти. — У тебя не будет дочери, это всего лишь опека до совершеннолетия. К тому же Джесси действительно уже взрослая, поэтому хорошо помнит свою мать и не собирается искать ей замену. А вот отцу... Она ведь почти его не знала, и других мужчин в их с Кристин доме не было. Кроме Фаулера. Он же нередко к ним навещался? А после, рискуя жизнью, спас девочку из подземелья. Так что, думаю, уже очень скоро она станет в нем видеть именно отца, а не просто опекуна. Только тогда получится, что у лейтенанта будет дочь от другой женщины... Ты из-за этого так нервничаешь?

— Хм... — Джо дернула себя за выбившуюся из пучка прядку, а затем медленно заправила ее за ухо. — То, что ты сейчас сказала, — это несусветная, выворачивающая мозг хрень. Даже гадать не буду, как ты пришла к таким выводам.

— Ну, я просто пытаюсь разобраться...

— Спасибо. Но, может, лучше со своей личной жизнью разберешься?

— Как раз этим я сейчас и занимаюсь. Прямо сейчас.

У них у всех выдался относительно свободный день, и, в то время как лейтенант Фаулер отправился с Джессикой на кладбище, Марти попросила Джо отвезти ее к дому. Восстановление жилища древних лордов потребовало бы слишком много сил и времени, поэтому новая леди острова решила, что обзаведется другим. Но ей не хотелось, чтобы магия рушащегося строения ушла под землю вместе с ним, и «прямо сейчас» Марти занималась тем, что собирала энергию этого места в гладко обтесанный камень, которому суждено было лечь в основу фундамента ее будущего дома.

Джо непонимающе тряхнула головой и указала пальцем на камень:

— Как этот булыжник связан с твоей личной жизнью?

— Прямо. Мне ведь нужен дом? А для того, чтобы его построить, нужен лорд, обладающий специфическими способностями и знаниями. Томми — архитектор, и...

— Ты придешь к нему, покажешь эту каменюку и скажешь: «Построй мне дом»?

— Не так сразу, но... Да...

Все запуталось. Тогда, в доме, перед лицом общей опасности, не было времени выяснять, во что превратились за прошедшие годы их отношения. В какие-то мгновения казалось, что и не было этих лет. Они действовали заодно, снова безоговорочно доверяли друг другу, каждый готов был пожертвовать собой ради другого...

Но когда опасность отступила, этого оказалось недостаточно. И годы те — годы заключения для нее и искусственного безумия для него — все-таки не прошли бесследно.

Они продолжали общаться, да, но только в рамках открытого следствия, и виделись не слишком часто. Марти перебралась в башню, а Томми приютил Фаулер, точнее, дал ему ключи от своей квартиры, так как сам лейтенант тоже осел в архиве. А так как у Марти и мысли не было, чтобы пользоваться статусом леди, выселить оттуда Джо и лишиться не

только «своей» ведьмы, но и единственной подруги, ей действительно нужен был дом...

— Нет. — Джо сморщила нос. — Поверь, «Построй мне дом» — не лучший повод для возобновления отношений. Просто наберись смелости и предложи ему попробовать начать все с начала.

— С начала? Он — на операционном столе, я — со скальпелем?

— Э-э... С того места, где вы остановились?

— Мы остановились в зале суда, когда мне зачитывали приговор. Джо, скажи, ты эти фразочки в любовных романах вычитала?

— Вроде того, — хмыкнула ведьма. — Ладно, признаю, я в этом ни хрена не понимаю. Идеальный вариант — когда все происходит само собой. Наверное, вам просто нужно больше времени.

— Наверное, — согласилась Марти. Прислушалась к своим ощущениям и голосу острова... — Сукин сын!

— Томас? — непонимающе уточнила Джо.

— Да при чем тут он? Ты не слышишь?

Ведьма сосредоточилась и спустя секунду выдала экспрессивную тираду, в которой из приличных слов были только союзы и предлоги.

— Именно, — мрачно подтвердила Марти. — Адам же сказал: через неделю! Мы не готовы!

Паника? Нет, скорее злость. Паниковать было некогда.

— Лейтенант, — проговорила она, вызвав перед мысленным взором образ пса. — У нас гость. Встречаемся в Восточной бухте.

Напитанный силой камень положила на заднее сиденье голубого «жучка», сама заняла место рядом с водительским. Бросила мимолетный взгляд в зеркало, пригладила волосы... Впрочем, при том, что на ней майка и узкие бриджи, прическа особой роли не играла, вид в любом случае выходил неподобающий...

Джо тоже на участие в официальных мероприятиях не рассчитывала: рубашка с коротким рукавом, брюки, спортивные туфли, волосы собраны в неизменный пучок. Из них троих только Фаулер, приехавший к месту встречи первым, выглядел более-менее пристойно, так как для визита на кладбище выбрал строгий черный костюм.

Но наряды — меньшая их проблема.

— Я с Джесси. — Пес указал на оставшуюся в его автомобиле девочку. — Не успел завезти ее в город.

— Ничего, — как можно спокойнее постаралась ответить Марти. — Подождет нас тут. Думаю, разговор не затянется.

— А он...

— Эскадру с собой не прихватил. Идет на прогулочном моторном катере, экипаж — человек десять...

— Нас все равно меньше, — заметила Джо.

— У нас целый остров, — напомнила Марти. — Непокоренный остров.

И катер у них был, хоть значительно меньше и проще, чем у гостя. Зато шел сам, без команды, направляемый силой Карго-Верде.

У границы, за которой магия острова действовала уже в разы слабее, катер остановился и развернулся, позволив судну гостей подойти борт в борт. Борт чужаков был гораздо

выше, но остров исправил и это, приподняв катерок своей леди на волнах, так что обе палубы оказались на одном уровне.

Что ж, по крайней мере, переживать из-за неподходящей одежды действительно не стоило. Гость церемониальным нарядом тоже не озаботился. Марти видела перед собой подтянутого темноволосого мужчину лет сорока с небольшим, одетого в яркую «пляжную» рубашку и белые парусиновые брюки, точно он и впрямь был на морской прогулке. Стоявшие за его спиной люди, двое мужчин и женщина, выглядели так же непретенциозно. Компания друзей на отдыхе... Если не чувствовать исходившей от всех четверых силы. Но не чувствовать ее не получалось.

— Леди Мартина? — заговорил гость первым.

— Ваше величество. — Марти поклонилась. Почтительно, но без раболепства. Последнего остров ей не простил бы, хотя от императора веяло такой мощью, что желание упасть перед ним на колени казалось вполне естественным.

— Мне пришлось перенести время нашей встречи, — сказал он, видимо посчитав официальное представление состоявшимся. — Ситуация изменилась, в ближайшие недели вырваться из столицы не получится, а откладывать наш разговор на еще более поздний срок не хотелось бы. Надеюсь, я не слишком нарушил ваши планы?

— Врасплох вы нас не застали, — невесть с чего ляпнула Марти.

Вернее, не ляпнула — слова прозвучали вполне вежливо. Но их смысл!

«Не вмешивайся! — приказала она острову. — Или хочешь снова остаться без лорда?»

Впрочем, ее дерзость императора не впечатлила.

— Вижу, — ответил он. Взгляд его сместился с лица Марти ей за спину. — Успели даже собрать свиту. В наше время немногие лорды соблюдают эту традицию.

— Мой остров старомоден.

— Вижу, — повторил его величество. — Страж, ведьма... Вам не хватает только мага.

Марти позволила себе лукавую улыбку:

— У меня есть маг.

— Да? — Император вприщур поглядел влево, на Джо, и тоже улыбнулся. — Действительно есть. Надо же, как у вас тут... интересно...

Сам он, к слову, древних традиций придерживался, и трое позади него как раз и были ведьмой, магом и стражем. Марти опасалась рассматривать их слишком пристально, но все же заметила, что императорский страж, грузный бородач, — тоже оборотень, только не морской пес, а бер — медведь; маг — светловолосый молодой человек, немного похожий на Адама, — скорее всего, стихийник-воздушник; а у ведьмы, симпатичной пухленькой брюнетки, под платьем надет купальник. Видимо, Александр и его друзья решили совместить деловой визит с настоящей морской прогулкой, и, осознав это, Марти заметно успокоилась.

— Я ожидал, что при нашей встрече будут присутствовать леди Дешон с братом, — сказал император.

— Это планировалось, — кивнула Марти, — но вы прибыли, когда мы находились за городом и просто не успели их позвать.

— Ясно.

В лице собеседника промелькнуло что-то, что заставило ее насторожиться.

— Вы же не думаете, что я удерживаю ваших родственников в заложниках?

Прежде чем император ответил, за его спиной громко фыркнула ведьма.

— Нет. — Похоже, его величество очень старался не засмеяться. — Для подобных домыслов я слишком хорошо их знаю. Просто предположил, что они меня избегают, так как боятся наказания за свое... хм, свою самостоятельность... Нет?

Вполне возможно. Адам и Аманда общались с кузеном по телефону, но их разговор ограничился сдержанным отчетом со стороны близнецов и обещанием наведаться на остров от их венценосного кузена. Как прошла бы личная встреча — неизвестно.

— А лорд Томас? — задал император новый вопрос, не дождавшись ответа на предыдущий. — Его тоже не успели позвать?

Марти кивнула.

— Что ж. — Александр пожал плечами. — Полагаю, вы перескажете и ему, и моим дорогим кузенам подробности нашей встречи. Она будет недолгой, не вижу смысла в лишних разговорах. — Он поднял руку, но не для того, чтобы испепелить суденышко Марги метко брошенным заклинанием, а чтобы поймать пухлую кожаную папку, приплывшую к нему по воздуху от мага. — Я изучил переданные мне материалы, озадачил своих аналитиков и юристов, и сегодня утром мне представили восемь возможных сценариев, по одному из которых мы и будем действовать дальше. По какому — решать вам. — Папка перелетела к Марти. Сценарии оказались нелегкими, и хотелось бы верить, что только по весу, а не в смысле их реализации. — Мои люди постарались учесть все обстоятельства. Ваше прошлое, военные заслуги, сфабрикованное обвинение — вам нужно определиться, что вы хотите сохранить в тайне, а что считаете допустимым раскрыть. Также надо решить, останется ли ваш брак с лордом Томасом действительным или все-таки будет аннулирован. Последнее возможно, мы только изменим официальную причину. Если же пожелаете сохранить брак, придется определиться со статусом относительно ваших островов. Стать леди Стайн вы не сможете, я же пока не вижу более достойного претендента на роль главы рода, нежели Томас. Но решение конечно же есть, и думаю, вы сумеете договориться со своими островами и обеспечить каждому из них наследника...

На словах о наследниках Марти очнулась.

Император говорил без спешки, но все же довольно быстро, и, кажется, она не все поняла. Не о наследниках — тут все ясно, теорию она знает, практика — дело несложное. Но...

— Да, — ответил Александр на незаданный вслух вопрос. — Каждый из предложенных сценариев предполагает признание Карго-Верде разумным магическим островом и вас в качестве его единственной леди.

Марти подумала, что сейчас она, как это говорится, уронила лицо, потому что лицо это неприличным образом вытянулось, глаза округлились, а рот приоткрылся. Ведь этого не может быть! Не может оказаться все настолько просто!

— Привязку кровью никто не оспорит, — сказал император. — Считайте, что Карго-Верде уже официально приравнен к островам Архипелага.

Все равно ей понадобилось несколько секунд, чтобы поверить, что это заявление — не розыгрыш. Тот, кто правит огромной империей, не может позволить себе шутить подобными вещами.

— Остров... — наконец-то отмерла Марти. — Мой остров настаивает на магической независимости и отказывается принять вашу кровь...

Это было единственным условием, которое выдвинул сам Карго-Верде, и она не могла его не озвучить. Но как же сложно было произнести эти несколько слов, глядя в глаза прямому потомку того, кто когда-то почти стер остров с карты. Захотелось зажмуриться и закрыть голову руками, хоть это вряд ли помогло бы.

— Понимаю, — невозмутимо ответил император. — И не стану настаивать. Сейчас в этом нет такой необходимости, как на заре становления империи. Карго-Верде все равно останется ее неотъемлемой частью, вам самой невыгодна его политическая и экономическая независимость, и население вас в этом не поддержит. А сдерживающие

факторы уже не ограничиваются магической привязкой. Вы же были на фронте, можете себе представить последствия... к примеру, ковровой бомбардировки. Магия при этом вообще не используется. Думаете, силы острова хватит, чтобы выдержать массированный авианалет? — Тон Александра оставался по-светски вежливым, в ровном голосе не слышалось угрозы, но Марти чувствовала ее каждой клеточкой впавшего в холодное оцепенение тела. — Нет, привязка совсем необязательна. Ограничимся соблюдением действующих законов. Да и для империи независимые острова уже не представляют серьезной опасности.

— Опасности?

— А зачем, по-вашему, изначально нужна была привязка? Свободные лорды в свое время были серьезной проблемой. Или вы верите, что они жили рыбной ловлей и торговлей с соседями? Тогда разочарую вас, леди Мартина. Жили они преимущественно пиратством, стабильно грабили более слабые острова и частенько собирались для набегов на материк. Те богатства, что вы обнаружили в разрушенном доме, — думаете, их скопили, продавая соленую сельдь?

Марти сердито нахмурилась: кое-кто, читая ей лекции по истории, явно не случайно упустил некоторые моменты. Но она и сама хороша, могла бы поинтересоваться, откуда у прошлых лордов взялись такие сокровища?

Хотя массовых убийств это не оправдывает...

— Кстати, о найденном вами кладе, — сменил император неприятную и для него тему. — Вы ведь не откажетесь принять на острове экспертную комиссию? Ценности необходимо описать и переправить в государственную сокровищницу. Вам, естественно, определят положенный по закону процент.

— Клад? — Марти, словно какая-то дурочка, захлопала ресницами. — Не знаю, о чем вы. Но комиссию конечно же приму. Нужно произвести оценку наследства, которое я получила как преемница лордов Карго-Верде, чтобы рассчитать сумму налога, который мне нужно уплатить в государственную казну.

Император переглянулся со своей ведьмой. Та развела руками.

— Наследство, значит, — протянул он. — И вы знаете, как оформить его должным образом?

— Да, Адам уже подготовил все необходимые документы, не хватало только подтверждения моего статуса леди. — Марти прижала к груди кожаную папку, словно опасалась, что теперь, когда дело коснулось денег, император может передумать.

— Адам, значит, — насупился тот. — Я и забыл, что он юрист по образованию. Радует, что он решил вернуться к мирной профессии, но в данном вопросе ему следовало бы заботиться об интересах семьи.

— Наверное, вы что-то путаете, — осмелела Марти. — У Адама нет семьи, он — сирота.

— Вот как? Не думал, что он до сих пор хранит обиду.

— Ну что вы, обиду он давно перерос. Просто я пообещала ему хороший процент.

Императорская ведьма все-таки не выдержала и рассмеялась. Наверное, ей, так же как Джо и лейтенанту Фаулеру, на которых Марти старалась не оглядываться, уже надоел этот разговор. Главные вопросы решены, остальное можно обсудить в переписке или по телефону, а у ведьмы — купальник под платьем...

Но беседа продолжилась. Правда, теперь стала менее официальной.

Император поинтересовался, чем занимаются его кузен и кузина, когда не наносят убытки казне. Порадовался, что ранение Аманды осталось без последствий, и Стрекоза снова летает — в основном в башню, куда остров, познакомившись с леди Дешон поближе, позволил ей приходить и даже пускал на тайные этажи. Аманда, как выяснилось, до войны училась на историка, и архив был ей интереснее любых сокровищ.

— Думаю, они с Адамом задержатся у нас на какое-то время, — сказала Марти. — Не навсегда, конечно, на острове им будет тесно, но Карго-Верде отличное место для тех, кто хотел бы отдохнуть и собраться с мыслями перед тем, как начать новую жизнь.

Близнецам давно пора было это сделать и оставить войну в прошлом.

Но говорили не только о них.

Вспомнили леди Амалию. Пришлось. Нужно было сообщить императору, что о бумагах, которыми Эверет шантажировал старшего лорда Стайна, можно не беспокоиться. Их нашли в тайнике доктора — остров подсказал — и уже уничтожили. Ни Томми, ни другие члены его семьи, непричастные к заговору, ни прочие лорды Архипелага не должны были пострадать по вине уже получивших свое предателей. И леди Амалия, которая, находясь под ментальным воздействием, выкрала документы у старика, тоже наказана: Эверет переусердствовал, пытаясь стереть ей память, и спровоцировал кровоизлияние в мозг. Теперь и не узнаешь, как матери Томми удалось втереться в доверие к главе рода, который прежде ее не жаловал, но Марти и не желала этого знать. И Томми, кажется, тоже. Он слышал от Адама, что леди Амалию поместили в хорошую клинику, где она получает надлежащее лечение и уход, но даже вскользь не обмолвился, что хотел бы ее навестить. Впрочем, он вообще не делился своими планами.

И императору леди Амалия была неинтересна.

У Марти имелось еще несколько вопросов, и разобрались с ними, на счастье, быстро.

— Только у меня от нашего величества шерсть дыбом? — спросил лейтенант Фаулер, когда они наконец-то вернулись на остров.

— Только у тебя шерсть, — поправила Джо. — Но да, «кузен Алекс» — тот еще император. Такой... настоящий. Жутко восхитительный. Поэтому мне срочно нужно к Милли, такие впечатления можно перебить только креветками.

— Я обещал Джессике мороженое, — несмело возразил пес.

Джо было нахмурилась, но тут же махнула рукой.

— Так и быть, поедем вместе. Джессике — мороженое, мне — креветки. Леди Мартина, ты с нами?

— Нет, извини, у меня еще есть дела. Одолжишь мне свою машину?

— Ты же не умеешь водить.

— Я и катером управлять не умею, — согласилась Марти.

— Точно, — вспомнила Джо. — Ты же у нас всемогущая владычица острова.

Насчет владычества можно было поспорить. Во всех известных источниках говорилось, что первые лорды открыли в себе недоступную другим магам грань силы и подчинили острова, но после случившегося с ней Марти подозревала, что это острова нашли людей с подходящими способностями и взяли их в рабство, связав с собой кровью. Однако в пределах Карго-Верде она действительно была практически всемогуща, только, к удовольствию острова, быстро поняла, что всемогущество — это ужасно скучно.

— Так уж и в рабство, — проворчал он, когда она села за руль «жучка». — У нас добровольный взаимовыгодный союз.

— Добровольный, угу.

— Злопамятность тебя не красит, моя леди. Может, все-таки поедешь к Милли? Или сразу к своему Томми?

— К Томми. Но не сразу.

Через час «жучок» притормозил у крыльца полицейского управления. Здесь, в одной из камер предварительного заключения, ждала суда Эдна Кроули. Но сначала Марти зашла в отдел экспертизы. С тех пор как шеф Раннер узнал, кто такая на самом деле Валери

Мэлоун, его романтический интерес к эффектной блондинке сам собой перерос в интерес профессиональный, и теперь вместо ресторанов заслуженный островной сердцеед зазывал Вэл в управление, чтобы она помогла настроить недавно присланные полицейские артефакты. На материке подобные устройства использовались давно, а на Карго-Верде были в новинку, но инструкции к половине из них приложить забыли.

Марти коротко сообщила Валери о встрече с императором и попросила передать близнецам, что расскажет им все завтра. Завтра, и ни в коем случае не сегодня, а то с них станется разыскать ее где бы то ни было, и остров не поможет. А у нее другие планы.

Только вот к Эдне заглянет.

— Позлорадствовать пришла? — злобно выплюнула та, увидев посетительницу.

— Поговорить.

— О чем же?

— О вас, госпожа Кроули. Только о вас.

— Ну давай. Говори.

— Прокуратура готова передать дело в суд.

— Быстро, — равнодушно заметила Эдна.

— Быстро, — согласилась Марти. — Суд тоже будет недолгим. Вас признают виновной и отправят в тюрьму. В тюрьму Карго-Верде...

Эдна заметно занервничала.

— Я знаю, что для бывших полицейских и работников исправительных учреждений существуют специальные места заключения, но для вас об этом правиле забудут.

— Решила отомстить по полной, да, леди?

— Дело не в мести. — Марти покачала головой. — Все, что случилось на острове, должно остаться на острове. Я не могу позволить, чтобы вы изменили показания и кто-либо узнал, какими способностями обладал доктор Эверет, и заподозрил тот же талант у его внучки. Так что считайте, что я защищаю ее интересы.

— Ты... — Во взгляде Эдны не осталось ни злости, ни ненависти — только суеверный ужас.

— Знаю, да. Остров знает — значит, и я тоже.

Включенное в официальную версию предположение, что между заведовавшим лечебницей доктором и директором тюрьмы существовала не только деловая, но и любовная связь, недалеко ушло от истины. И связь эта длилась очень много лет.

Они познакомились на материке, когда оба были еще студентами, понравились друг другу с первого взгляда, а через неделю уже снимали одну комнату на двоих. Но замуж Эдна вышла за другого. Кроули был старше, успел скопить небольшой капитал и недавно получил назначение на ее родной остров, на очень солидную должность в городском совете. Не могла же она отказаться от внезапно свалившегося на нее счастья? А Эверета убедила, что делает это исключительно ради будущего их ребенка, ведь на тот момент она уже знала, что беременна. Эверет не спорил. То ли действительно счел, что Эдне и их сыну так будет лучше, то ли просто не готов был сам жениться на ней и взять на себя ответственность за семью. Но так или иначе он помог замедлить течение беременности, чтобы Кроули ничего не заподозрил.

Мальчик родился уже на острове, и Эверет не видел его, пока сам не перебрался на Карго-Верде, но с Эдной, которая нередко бывала на материке, связь поддерживал. И когда понял, что скрывать способности менталиста становится все труднее, решил затаиться именно там, где жила она.

Быть может, это все-таки была любовь, ведь он и свой дар не применял к ней ни разу...

Ни разу — она по собственному желанию помогала ему. Сначала — все так же ради сына. Потом — ради внучки. В мечтах Эдна видела Джессику леди и, чтобы эти мечты осуществились, готова была на все: обманывать, убивать, предавать, сделать обожаемую внучку сиротой...

Это — тоже любовь?

Марти не знала. И не хотела знать.

— Джессика — хорошая девочка, — сказала она Эдне. — Джо говорит, что у нее сложный характер, но мне кажется, это — обычные подростковые бзики. Ей просто нужно немного понимания и заботы... И снять блоки, которые Эверет на нее навесил. Он был неважным доктором, если не знал, что дар нельзя сдерживать насильно, но, к счастью, еще не поздно все исправить. И, тоже к счастью, способностей к ментальному воздействию у Джесики нет. Это — крайне редкий дар и совершенно ненужный. А у девочки явная предрасположенность к стихийной магии. Земля, мне кажется, но точно будем знать, когда снимем блоки. Сейчас как раз удобный момент: дар нередко проявляется после сильных потрясений, и ни у кого не возникнет ненужных подозрений.

— Замечательно, — проговорила Эдна после паузы. — Значит, ты пришла, чтобы сказать, что у моей внучки все будет хорошо?

— Нет. Я пришла сказать, что она больше не ваша внучка. Скоро Джессика переберется в башню. Уверена, ей там понравится, она даже будет помогать Джо разбирать документы и однажды наткнется на свидетельство об усыновлении... Джесси никому не рассказывает об этом, но ее тяготит тот факт, что она — внучка убийцы и из-за дурной наследственности однажды превратится в чудовище вроде вас. Когда она узнает, что Джим был вам неродным сыном, эти страхи уйдут.

— Нет! — Эдна затрясла головой. — Ты этого не сделаешь! Не посмеешь!

— Почему? — Марти улыбнулась. — Вы недолго раздумывали, когда решили перекроить мою жизнь по своему усмотрению. Что мне мешает поступить так же?

— Нет...

— Да. И знаете, еще я думаю, что Джессика не захочет, чтобы при знакомстве у нее спрашивали, кем она приходится той самой Эдне Кроули, так что она возьмет девичью фамилию матери. Или... Может, через несколько лет опекун ее все-таки удочерит? Как вам — Джессика Фаулер? По-моему, отлично звучит.

В спину ей долго еще неслись проклятия, но, даже имея они реальную силу, все равно не смогли бы причинить Марти вреда.

— А ты знаешь, куда бить, моя леди, — заметил остров, когда она вернулась в машину.

— Конечно, знаю. Я же хирург.

Правда, без диплома, но за этим дело не станет. Было бы желание.

Но она подумает об этом позже. Об этом и о многом другом.

На сегодня у нее было запланировано еще одно дело. Возможно, самое сложное.

Когда «жучок» остановился у небольшого двухэтажного особнячка, Марти еще несколько минут неподвижно сидела, сложив на руле руки, прежде чем отважилась выйти из машины. Прошла через тихий дворик, вошла в дом, поднялась по скрипучей лесенке на второй этаж...

Дверь была незаперта.

В гостиной Марти положила полученную от императора папку на маленький чайный столик и присела в кресло рядом.

— Тина? — удивился выглянувший из комнаты Томми. — Ты не говорила, что зайдешь.

— Прости, я...

— Что-то случилось?

— Много всего. — Она покосилась на папку. — Даже не знаю, с чего начать. Я была в доме, потом встречалась с императором, потом мстила.

— Насыщенный день, — посочувствовал Томми. — Заварить тебе чаю?

— Нет, не нужно. Просто... поговори со мной...

— О чем? — спросил он, присев рядом.

— Не знаю. О чем-ни...

— Томми! — послышался откуда-то снизу визгливый старушечий голос. — Кенни знает, что ты водишь в его квартиру девушек?

Лорд Томас Стайн, будущий глава рода, стушевался, как школьник.

— Я никого не вожу! — прокричал он в ответ.

— Неправда! Я видела, что к тебе приехала девушка!

— Так она же сама приехала! И мы не делаем ничего дурного, просто держимся за руки.

В подтверждение своих слов он взял Марти за руку, крепко сплетая их пальцы.

— Это — миз Кук, — сообщил шепотом. — Совершенно очаровательная дама, но я вряд ли продержусь тут еще две недели. Поэтому подумал... Давай я построю тебе дом? Я уже набросал несколько проектов...

— Дом? — опешила Марти, вспомнив об оставшемся на заднем сиденье «жучка» камне. — Ты предлагаешь построить мне дом?

— Вообще-то — нам, если ты не против.

— Потому что ты не хочешь жить по соседству с миз Кук?

— Потому что я хочу жить с тобой. Если, конечно, ты согласишься снова быть моей женой.

— Я...

«Хочу креветок!» — чуть было не ляпнула Марти. Похоже, привычка Джо заедать волнения оказалась заразной. И Джо сейчас как раз этим и занимается, а значит, идти в «Рыбку» не стоит, иначе встречи с ведьмой и ее псом и разговоров о делах не избежать. А там и близнецы подтянутся, им тоже нравится тот ресторанчик...

И вообще, при чем тут креветки?

Марти посмотрела на мужа, теперь уже совершенно точно не бывшего, и, собравшись с духом, четко выговорила:

— Я хочу пирогов.